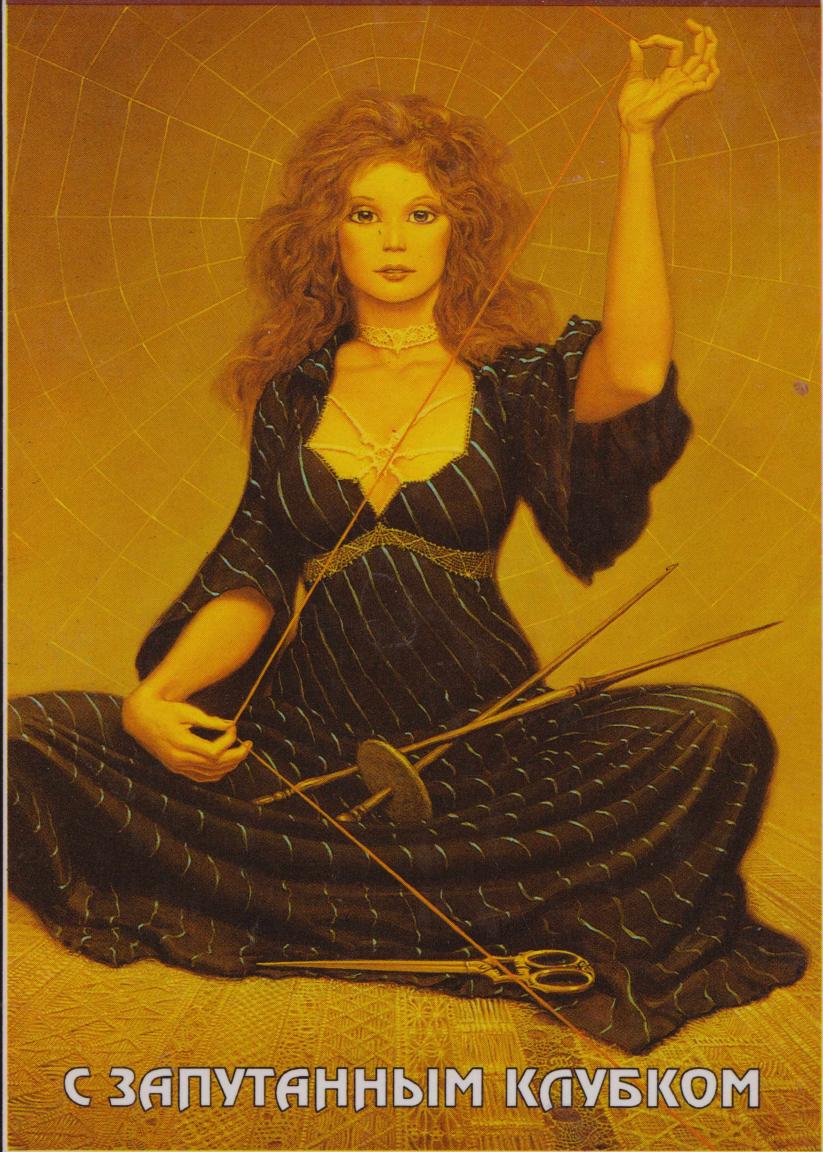

Андер

0-64

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ с запутанным клубком

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ

ПИРС ЭНТОНИ

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ

**ВОПЛОЩЕНИЯ
БЕССМЕРТИЯ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

С ЗАПУТАННЫМ КЛУБКОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

*Издание подготовлено
совместно с АО «Титул»*

Миры Пирса Энтони. С запутанным клубком /
Пер. с англ. — Полярис, 1997. — 383 с.

Эту книгу составил третий роман фантастической эпопеи о Воплощениях Бессмертия, в котором речь пойдет о судьбе обычной женщины, которая принимает на себя нелегкий труд — определять людские судьбы, противодействуя коварным прискам Сатаны.

Произведение, опубликованное в данном издании, охраняется законом об авторском праве. Перепечатка романа и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Иллюстрации на обложку и форзац печатаются с разрешения художника Michael Whelan и его агентов: Glassonion Ltd. (США) и Александра Корженевского (Россия).

ISBN 5-88132-337-8

With a Tangled Skein
Copyright © 1984 by Piers Anthony Jakob
С запутанным клубком
© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997
© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1997

От издательства

В очередной том «Миров Пирса Энтони» вошел третий роман о Воглощении Бессмертия — «С запутанным клубком».

И в очередной раз мы возвращаемся во вселенную, где на Земле властствуют воплощения мировых сил — пять инкарнаций, пять противников, вынужденных сражаться с самим Сатаной.

А главной героиней «Клубка» становится ирландка Ниоба Кафтан — женщина, у которой есть личные счеты с Князем Лжи. Ее брак был счастлив, и ничто не предвещало близящейся катастрофы. Но козни Сатаны погубили ее мужа Седрика, занявшего место любимой в царстве смерти, и Ниоба поклялась отомстить Врагу человеческого рода, чтобы гибель мужа не стала напрасной. А сделать это она может, лишь заняв место одной из ипостасей Судьбы.

Из всех воплощений Судьба занимает особое место. Ее символы и атрибуты — клубок нитей и паук, вечный прядильщик. Она едина в трех лицах — Клото, прядущая нити судеб, Лахесис, сплетающая их в прихотливый узор, и Атропос, отмеряющая длину нити — срок жизни человека — и безжалостно обрезающая ее, когда приходит срок. Вместе они создают великий Гобелен, в котором заключены жизни всех людей на Земле. Но даже в его узоре порой попадаются тугие узлы нитей, которые никак не удается

распутать — приходится резать и плести ткань судеб заново. И тогда всем понятно, чья это работа...

Ниоба Кафтан проходит на протяжении романа длинный путь, и не всегда он был ровным. Ей не один раз, а дважды пришлось заняться великим Гобеленом. Но в конце концов хитрость Сатаны ставит ее в ситуацию, из которой нет выхода — если только не встать с самим Повелителем Ада лицом к лицу, один на один. И даже другие ипостаси Судьбы не смогут прийти на помощь матери, спустившейся в Ад за своим сыном...

**С ЗАПУТАННЫМ
КЛУБКОМ**

Глава 1

Хорошенький мальчик

Иио́бы, самой красивой женщины своего поколения, были волосы цвета гречишного меда, глаза словно небо туманного летнего утра и фигура, которую легче представить, чем описать. Однако и у нее имелись незначительные недостатки, например властная натура, воспитанная умением использовать свою красоту для того, чтобы всегда добиваться желаемого.

— Но, отец! — мягко запротестовала Ниоба. — Седрику Кафтану шестнадцать лет, а мне двадцать один! Я никак не могу стать его женой!

Старый Шон успокаивающе поднял руку:

— Некоторые реки труднее перейти, чем другие, иные лодки кажутся совсем маленькими. Для Ирландии и всего мира наступили нелегкие времена, дочь моя. Седрик из прекрасной семьи фермеров и ученых, а они заботятся о своих отпрысках. Его возраст не имеет значения.

— Не имеет значения! — фыркнула Ниоба. — Да он же еще ребенок! Отец, ты неправильно поступаешь со мной, заставляя выйти замуж за мальчишку!

Шон сжал зубы. Для него была характерна властность патриарха, однако отец Ниобы предпочитал жить со всеми в гармонии.

— Дочь моя, я не сделал тебе ничего плохого. Седрик действительно молод, но он растет. Когда меня не станет, он будет достоин тебя.

— Пусть он будет достоин какого-нибудь маленьского ничтожества одного с ним возраста! Я отказываюсь смириться с таким неуважением!

Глаза девушки засверкали от гнева, их свет стал таким интенсивным, точно небосвод в полдень.

Шон печально покачал головой, не равнодушный к обаянию дочери:

— Ниоба, ты самая красивая девушка в графстве, великолепно умеешь ткать, но, наверное, самая упрямая! Дважды ты уже отклоняла прекрасные предложения, и я проявил слабость, соглашаясь с тобой. Ты становишься неприлично старой для девушки.

Это потрясло Ниобу, однако она не сдавалась.

— Ну да! Толстый старый денежный мешок и уродливый аристократ! И ты называешь их хорошей партией?

— Над богатством не следует смеяться, как и над высоким происхождением. Ты вела бы очень приятную жизнь или благородную. Таких женихов не просто найти.

— Почему я не могу выйти за красивого, зрелого мужчина примерно двадцати пяти лет? — резко спросила Ниоба. — Зачем навязывать мне ребенка, который наверняка не способен отличить собственного носа от...

Взгляд Шона остановил Ниобу прежде, чем она успела зайти слишком далеко. Девушка могла противиться отцу лишь до определенного предела, как бы мягко он с ней ни разговаривал.

— Война отняла у нас всех достойных мужчин. Я не отдам тебя замуж за крестьянина! Ты не станешь женой человека, имеющего низкое социальное положение. Седрик из хорошей семьи и достаточно богат, благодаря полученному наследству, и...

— И он растет, — с возмущением закончила Ниоба. — А во мне начинает расти отвращение к одной только мысли о браке с ним! Я не стану выходить замуж за ребенка, и делу конец.

Но дело на этом, само собой, не закончилось. Шон твердо стоял на своем. Ниоба ярилась, умоляла и плакала — все напрасно. Она прекрасно умела плакать, потому что ее имя означает «слезы», но отец оставался глух к ее мольбам. Он решил, что брак должен быть заключен.

Так оно и случилось. Состоялась помолвка, потом свадьба — в начале лета, когда у жениха закончились занятия в школе. Все в соответствии с законом, однако Ниоба

ничего не замечала: она была слишком раздосадована тем, что ей пришлось выйти замуж за такого молодого человека. Она даже не смотрела на жениха. Когда церемония завершилась, у него хватило ума даже не пытаться ее поцеловать.

В конце концов они оказались в коттедже, который достался Седрику по наследству. Дом стоял на большой поляне, недалеко от болота — довольно приятное место днем для тех, кто любит дикую природу, но жутковатое по ночам. Видимо, выбор пал на этот коттедж не случайно: предполагалось, что после наступления темноты новобрачным ничего не останется, как проводить время вместе. Прекрасная основа для возникновения романтического настроения.

Однако Ниоба легко противостояла подобным настроениям. Она заворачивала свое прелестное тело в роскошное стеганое одеяло — свадебный подарок — и отправлялась спать. Юный Седрик устраивался подле камина, откуда тянуло теплом догорающих дров. И по мере того как холод ночи становился все сильнее, каждый из них застывал в неподвижности на своем месте.

Так они провели первую брачную ночь, женщина и мальчик, в молчаливой изоляции. Утром Седрик встал, повершил золу в камине и вышел облегчиться и принести дров. Ниоба проснулась от ударов топора — ее муж колол дрова. Эти звуки обрадовали ее, поскольку утренний воздух был достаточно холодным; теперь в комнате станет тепло.

А станет ли на самом деле? Ниоба вспомнила, что вчера камин так по-настоящему и не нагрел воздух в доме. Хорошая печка дает в шесть раз больше тепла при сжигании такого же количества дров. Здесь есть печка; Ниоба решила, что займется ею. Возможно, она и не гений, но Ниоба умела быть практичной, когда ей того хотелось. Кроме того, у нее должны быть теплые руки, чтобы успешно управлять ткацким станком.

Девушка надела жакет поверх ночной рубашки и направилась в туалет во дворе. Рядом с деревянным сиденьем она нашла старый, наполовину использованный каталог и ведро с золой. Прежде чем использовать очередную стражничку, ее можно прочитать или просто посмотреть картички. Тело очищается, а разум не остается без работы. Золу насыпают сверху, чтобы отбить неприятный запах —

в камине всегда найдется новая порция. А потом получится отличный компост, который можно использовать в саду. Старомодная система, но хорошая: ничто не пропадает зря. И все же Ниоба предпочла бы современный городской туалет.

Через некоторое время, дрожа от холода, она вышла на воздух и остановилась посмотреть, как работает Седрик. Ему совсем не было холодно: работая, юноша согрелся, и Ниобе пришлось признать, что у него здорово получается; он ставил каждое полено на подставку и одним четким ударом топора раскалывал его на две части. Седрик был мальчиком — но уже большим мальчиком, и когда он взмахивал топором, Ниоба видела, что тело у него мускулистое и сильное. С каждым новым ударом светлые волосы, словно ореолом, окружали голову. Ниоба заметила, как сжимаются его челюсти. Действительно, хорошеный мальчик!

Седрик увидел Ниобу и остановился.

— Вы замерзли, мисс Ниоба, — сказал он с сильным провинциальным акцентом, который, как и формы Ниобы, легче вообразить, чем описать. — Вот, возьмите мою куртку, пока я буду переносить дрова в дом. Мне все равно жарко.

— Не называй меня мисс, — запротестовала она. — В конце концов, я твоя жена.

Ей совсем не хотелось это признавать, но отрицать сей факт не было никакой возможности. Замужество есть замужество.

Седрик удивился и немного помолчал.

— Конечно. Вы правы. Но знаете, мадам, мне совсем не хотелось так жениться; я ведь еще даже школу не закончил.

Могла бы и сама догадаться!

— Знаешь, это тоже не я придумала, — сказала Ниоба. — Во всяком случае, не...

— Не за невежественного ребенка! — заключил за неё Седрик с грустной усмешкой. — А теперь возьмите куртку, а то вы совсем замерзнете, мисс... о, мадам. — Он подошел к ней, протягивая куртку.

— Одну минутку, — промолвила Ниоба, полная решимости отстоять свою независимость даже в этом вопросе. — Такое впечатление, что ты чувствуешь себя гораздо лучше, чем я. Дай мне топор.

— Это никак не женская есть работа, мадам! Я буду рубить дрова.

— Просто: это не женская работа, — поправила Ниоба, раздраженная неправильным построением речи.

— Но я именно так и сказал! — Тут Седрик, смущившись, замолчал. — Ах, вы имеете в виду, что я неправильно говорю... Извините. Я всего лишь мальчишка из провинции, мадам. Сожалею, что вам пришлось связаться с...

— Что сделано, то сделано, Седрик, — твердо заявила Ниоба и отобрала у него топор, прекрасно понимая, что юноша не станет ей перечить — ведь она взрослая.

Ниоба поставила полено, взмахнула топором — и попала в самый край. Лезвие отскочило и вонзилось в землю рядом с ее правой ногой.

— О, мадам, пожалуйста... — встревоженно сказал Седрик.

— Нет, я могу! — упрямко возразила Ниоба и неуверенно размахнулась снова.

Седрик подскочил к ней:

— Не обижайтесь, мадам, разрешите вам помочь.

— Ты боишься, что я сломаю топор! — обвинила его Ниоба.

— Нет, мадам! Я боюсь, что вы отрубите себе палец, а мне бы совсем не хотелось, чтобы что-нибудь случилось с такой изящной ножкой.

Ниоба расслабилась. Его неуклюжая похвала оказалась эффективной.

— Уж точно! Мне ведь почти удалось, не так ли? Я только изучала деревья, мне никогда не приходилось раскалывать дров...

— Колоть дрова, мадам, — быстро поправил ее Седрик.

Ниоба рассмеялась:

— Конечно. Я говорю совсем не так, как следовало бы!

— О нет, вы говорите просто замечательно, мадам. Вот посмотрите, нужно взяться за рукоять и... — Седрик подошел к ней сзади и положил свои ладони сверху ее рук; они оказались мозолистыми и сильными, слишком большими для его тела.

«Интересно, — подумала она, — у мальчиков, как у щенков, слишком большие лапы. Если так, то Седрик должен вырасти в настоящего великана».

— Почему у тебя такие грубые руки, ведь твоя семья занимается наукой? — не подумав, выпалила Ниоба.

Седрик сразу отдернул руки.

— Ну, знаете, это из-за драк, — смущенно ответил он.

Драки. Понятно, мальчишка всегда остается мальчишкой.

— Здесь у нас вряд ли возникнет подходящий повод, — мягко заметила она.

— Да, конечно, да, — пробормотал он, шаркнув ногой.

— Ты показывал мне, как следует рубить дрова, — напомнила Ниоба, пожалев юношу.

Седрик поправил положение ее рук, показал, куда следует смотреть, и проделал вместе с ней все необходимые движения. Ниоба почувствовала немалую силу его рук и тела, когда он прикоснулся к ней; это ее удивило — ведь Седрик еще так молод.

На этот раз лезвие топора попало точно по центру полена, и оно раскололось на две равные части, которые даже не отстали в сторону, поскольку удар не был слишком сильным.

Ниоба взялась за следующее полено самостоятельно, следя указаниям Седрика. Ее удар пришелся почти в самый центр. В некотором роде она одержала победу. Скорее всего помогла координация, которая у нее появилась благодаря работе на ткацком станке; ей почти всегда удавалось поместить предмет туда, куда она хотела — если не приходилось иметь дело с чем-то слишком тяжелым.

Однако топор застрял в дереве. Ниоба попыталась вытащить его, но у нее ничего не вышло.

— Ничего страшного, нужно просто перевернуть его и ударить противоположной стороной, мадам, — посоветовал Седрик.

Она так и сделала, с трудом приподняв тяжелое полено, которое в конце концов раскололось на две половинки.

— Ой, получилось! — довольная, воскликнула Ниоба.

— Конечно, мадам, — согласился Седрик. — У вас талант.

— Не талант, а... — Тут Ниоба сообразила, что не хочет исправлять его речь; хорошей жене не следует так себя вести. — Вовсе нет! Я настоящая недотепа. Но это было так здорово!

Ниоба еще несколько минут рубила дрова и вскоре смогла скинуть жакет.

— Если бы я знала, как это приятно, — задыхаясь, проговорила она, — я бы давно научилась.

— Должен сказать, что вы отлично выглядите, когда это делаете, — заметил Седрик.

— Вот уж нет! — запротестовала довольная Ниоба.

— Да, я говорю правду. Вы очень красивая женщина.

— А ты хорошенький мальчик. Знаешь, я устала; пошли завтракать.

— Нет, я правда так думаю, мадам. Вы самая красивая женщина из всех, кого мне приходилось видеть, особенно когда вы так двигаетесь.

Ниоба посмотрела на себя. Она вся раскраснелась, немного задыхалась, а ночная рубашка прилипла к груди. Ее представления о женской красоте не слишком соответствовали такому виду, но все равно ей было приятно.

— А я считаю тебя настоящим красавчиком, Седрик. Молодой Адонис. Когда ты немного вырастешь, все девушки будут в тебя влюбляться. — Она замолчала, сообразив, что сказала глупость.

«Все девушки будут в тебя влюбляться». Он ведь уже женат — на ней. Ниоба почувствовала, как густо краснеет.

Седрик ничего не ответил. Он наклонился, взял большую охапку дров и понес ее в дом. Но Ниоба догадалась, что он смутился не меньше, чем она. Для совсем еще молодого и неискушенного человека ситуация, в которой они оказались, была такой же тяжелой, как и для нее.

— Седрик, я...

Но что тут скажешь? Лучше уж промолчать.

В доме она объяснила ему про плиту.

— Конечно, мадам, — охотно согласился он. — Мы пользуемся печкой зимой.

Оказалось, что Седрик прекрасно умеет с ней управляться — он позаботился о том, чтобы пепел не забил вентиляционных отверстий, передвинул дымовую заслонку в трубе, а потом аккуратно засунул в топку бумагу и дрова.

— Холодную печку нужно растапливать понемногу, чтобы она не треснула.

Уже довольно скоро печь нагрелась, и Ниоба начала делать блины.

— Вы умеете готовить, мадам! — воскликнул Седрик, уплетая свою порцию. Как и всякий юноша его возраста, он отличался отменным аппетитом.

— Я женщина, — сухо ответила Ниоба.

— Да, конечно! — радостно согласился Седрик.

Ниоба решила сменить тему разговора.

— Насколько я поняла, ты не хотел... жениться?

— О, мадам, я еще не готов! — кивнул он. — Я ничего не знаю о женщинах. И мечтал закончить школу, чтобы стать... ну, кем-нибудь. Но что я мог сделать, когда семья приняла решение.

— Понимаю, — согласилась Ниоба. — Наверное, для тебя не секрет, что я возражала — мы даже не были знакомы, Седрик, мне просто сообщили твое имя и возраст и что ты из хорошей семьи. Тут нет ничего личного...

— Да, у нас хорошая семья. Как и ваша — именно поэтому... вы знаете. — Он пожал плечами. — Просто я не совсем готов.

Ниоба поняла, что ей нравится этот честный, скромный мальчик. Тут у нее возникла идея.

— Послушай, Седрик, почему бы тебе не вернуться в школу? Мы можем себе это позволить, и если ты действительно хочешь получить образование...

Его лицо прояснилось.

— Вы и в самом деле так считаете, мадам? Вы разрешили мне?

— Я буду всячески тебя поддерживать.

— Но вы останетесь здесь в одиночестве, мадам, и...

— Со мной все будет в порядке. Насколько мне известно, в здешних лесах нет драконов. — Ниоба улыбнулась.

Седрик молчал; казалось, он несколько ошеломлен. Ниоба знала, какое впечатление производит на мужчин.

Потом он нахмурился.

— Однако здесь есть волшебство, — мрачно заметил Седрик. — Деревья могут творить заклинания...

— Только не против тех, кто их понимает, — возразила Ниоба. — Я изучала волшебство лесов, расположенных на болотистых землях. Деревья и растения хотят только одного — чтобы им дали спокойно существовать. Но когда ты приходишь к ним с топором...

Юноша с удивлением посмотрел на Ниобу:

— Надо же, мне такое даже в голову не приходило! Если бы я был дерево, мне бы никак не понравилось! — Он немного помолчал. — Скажите, я знаю... я неправильно говорю. Мадам, вы не могли бы...

— Если бы я была деревом, мне бы тоже не понравилось, — осторожно произнесла Ниоба. — Нужно исключить двойное отрицание.

— В каком месте?

— Сослагательное наклонение используется тогда, когда ты хочешь высказать предположение. Я не дерево и никогда не смогу им быть, однако я пытаюсь поставить себя на его место, поэтому говорю: «Если бы я была деревом».

— Конечно, так оно и есть! Теперь, когда вы объяснили, мадам, все встало на свои места.

— Седрик, ты действительно не должен называть меня «мадам», — мягко сказала Ниоба.

— Ну, так я обращаюсь к старшим... — Он остановился, не закончив предложения.

Ниоба снова улыбнулась:

— Теперь мы в расчете, Седрик. Я неудачно выразилась, когда мы были на улице, а ты сделал то же самое минуту назад. Мы оказались в сложной ситуации, но должны выйти из нее с наименьшими потерями. Со временем мы перестанем замечать пятилетнюю разницу в возрасте; это и в самом деле немного. Если бы все было наоборот...

— Да, мужчины считают, что шестнадцать — самый лучший возраст для девушки, — согласился он. — Забавно, правда!

— Может быть, и так — если человек не заинтересован в получении настоящего образования.

Седрик снова стал серьезным.

— Знаете, в моей семье все хорошо разбирались в... вы и в самом деле не возражаете, чтобы я вернулся в школу?

— Да, если ты этого хочешь, Седрик.

— Конечно, хочу! Я хочу стать умным.

— Тут нужна удача, — пробормотала Ниоба.

Юноша ей подмигнул, и она поняла, что он оценил иронию. Ниоба неожиданно сильно покраснела; Седрик оказался достаточно сообразителен, чтобы понять, что она о нем думает.

— Я опять допустила бес tactность, — смущенно заявила она. — Теперь ты у меня в долгу.

— Нет, мы в расчете — вы же рассказали мне о сослагательном наклонении. Вот!

Ниоба расхохоталась, Седрик присоединился к ней. Оба прекрасно понимали, что ничего смешного в его словах нет, но атмосфера заметно разрядилась. Завтрак они закончили в молчании.

В доме потеплело. Ниоба оделась, помыла посуду и сделала уборку в доме — она верила в значение порядка. Седрик принес еще дров, чтобы на следующее утро не нужно

было все начинать сначала. Потом им снова стало не по себе: они не представляли, чем еще можно заняться. Ниоба знала, что обычно у молодоженов не возникает подобных проблем, потому и не позаботилась заранее о том, как будет проводить свободное от домашней работы время.

— Я могу установить свой ткацкий станок, — сказала она. Однако эта мысль показалась ей не самой лучшей — ведь щел первый день их брака.

— А я поишу тропу, где заниматься бегом, — предложил Седрик.

Верно; он упоминал о том, что интересуется бегом. Если Седрик вернется в школу, у него появится возможность серьезно тренироваться. Однако довольно быстро на лице юноши появилось сомнение — он тоже понимал, что медовый месяц должен протекать совсем не так.

— Разреши мне помочь, — предложила Ниоба. — Мы можем погулять по лесу, осмотреть его. Мне не терпится увидеть местное волшебство.

Седрик улыбнулся. Отправиться вместе на прогулку... Вполне подходящее занятие!

— И не будем брать с собой топор.

— Чтобы не пугать деревья, — согласилась Ниоба.

Они пошли гулять. Лес оказался необыкновенно красивым. Листва еще не успела поникнуть под летним жаром, а яркий солнечный свет заставил комаров попрятаться. Вдоль тропинки, ведущей в сторону болот, стволы деревьев густо поросли мхом. Теперь у Ниобы появилась возможность продемонстрировать свои познания в диком волшебстве. Она показала Седрику, как огромные болотные дубы особыми заклинаниями защищают маленьких рыбок, живущих между их корней и удобряющих почву своим пометом, и как можно увидеть гамадриаду, древесную нимфу — надо проявить терпение и некоторое время постоять неподвижно.

— Она умирает, если умирает ее дерево, — объяснила Ниоба. — Именно поэтому нимфы так болезненно относятся к... — девушка немного помолчала, а потом произнесла по буквам: — Т-О-П-О-Р-А-М.

— Она действительно очень красивая, — согласился Седрик. — Почти такая же красивая, как вы. С этих пор я ни... не буду рубить живые деревья.

Ниоба почувствовала, как на нее наклонула теплая волна удовольствия. Она знала, что это глупо, но ей нравилось,

когда ей напоминали, что она красива, а нимфы всегда считались стандартом, с которым сравнивали смертных. Нимфы были вечно молодыми и гибкими — до тех пор, пока их деревья оставались здоровыми. Настоящему специалисту было достаточно взглянуть на нимфу, чтобы определить, в каком состоянии находится дерево.

Они или все дальше, теперь их ноги временами проваливались по щиколотку во влажную землю.

— Может быть, следует осушить болото — почва здесь наверняка плодородная, — заметил Седрик.

— Осушить болото! — повторила потрясенная Ниоба. — Но оно жизненно важно для леса! Здесь находятся резервы влаги, концентрируются излишки дождевой воды, которые так необходимы растениям в случае засухи. Без болотистых земель лес потеряет свои лучшие деревья, не говоря уже о тех, которые просто не вырастут. Под землей вода распространяется далеко от болот, и ее находят корни деревьев; кроме того, болота поддерживают влажность на определенном уровне.

Энтузиазм настолько переполнял Ниобу, что она запела:

Я хочу танцевать на болоте,
На трясине, на топи и жиже,
Да, хочу танцевать на болоте,
Чтобы к тамошним тварям поближе.

Седрик, разинув рот, слушал, пока Ниоба не закончила:

Я хочу танцевать на болоте, где правит природа,
Я... заплачу... заплачу, как только засохнут болота
Да... заплачу... заплачу, как только засохнут болота*.

Ниоба так растрогалась, что слезы покатились по ее щекам.

Седрик с благоговением посмотрел на девушку:

— Ниоба, я не хочу, чтобы вы плакали! Я никогда не стану осушать болота. Никогда!

Она улыбнулась, а потом взяла у него носовой платок, чтобы вытереть слезы.

— Это всего лишь песня, Седрик.

— Да, всего лишь песня, — согласился он, — но вы... вы особая.

— Благодарю тебя, — растроганно сказала Ниоба.

* Здесь и далее стихи в переводе Семена Злотина.

Она знала, что поет не очень хорошо. Вдохновение посетило ее так неожиданно, что Ниоба даже ожидала, что юноша будет смеяться. Однако ее пение, похоже, произвело на Седрика впечатление, и она осталась довольна.

Они завершили осмотр окрестностей и вернулись домой. Тут только Ниоба сообразила, что Седрик впервые произнес вслух ее имя. Она не знала, как к этому относиться, но была недовольна, когда он говорил «мисс» или «мадам»; он имел полное право называть ее по имени. Ведь Седрик был ее мужем — по закону.

— Я буду изучать болота! — неожиданно заявил он.

О, нетерпение юности!

— Да, они того стоят, — осторожно согласилась Ниоба. — Хотя тебе, безусловно, не следует ограничивать свои интересы.

Седрик только посмотрел на Ниобу — она замечала такие взгляды у домашнего пса, когда его хвалили и гладили. Потребуется время, чтобы привыкнуть к дикой ситуации, в которой они оказались.

Тем не менее теперь они чувствовали себя не так скованно, как раньше. Ниоба готовила еду, пользуясь запасами из кладовой, а когда запасы подошли к концу, Седрик отправился в город и принес огромное количество продуктов в рюкзаке. Ему нравились дальние прогулки; его переполняла юношеская энергия, он любил движение.

Молодые частенько играли в разные игры, в том числе любили отгадывать загадки и решать головоломки. Ниоба быстро выяснила, что Седрик обладает гибким и быстрым умом и может легко ее победить. Она предложила ему любимую в их семье загадку: о шести людях, которым при определенных условиях нужно переправиться на другой берег в двухместной лодке. Седрик мгновенно ее решил, словно в ней не было ничего сложного. Кроме того, он очень быстро учился правильно говорить, и вскоре его речь стала безупречной. Ниоба поняла, почему в семье Седрика так много ученых.

А он, в свою очередь, учил ее практическим вещам: как складывать дрова на зиму, чтобы они не сгнили, как чистить туалет. Однако Ниоба по-прежнему спала на кровати, а Седрик — возле камина; между ними не было физической близости.

Через две недели Ниоба успела хорошо узнать Седрика, хотя он продолжал удивлять ее своими замечательными

способностями. Он оказался сильным, дружелюбным и умным юношой, с прекрасным потенциалом — но слишком молодым. И он был ее мужем. Ниоба знала: может так случиться, что Седрик отправится в колледж, а их брак так и не станет настоящим. Ну и как следует действовать? У нее не было никакого опыта, и она не испытывала особых желания. Одно не вызывало сомнений — Седрик инициативу проявлять не станет; он относился к ней с уважением, граничащим с обожанием. Поэтому все зависело от Ниобы.

— Седрик, — сказала она однажды приятным летним днем.

Он встретил ее взгляд, потом смущился и отвел глаза.

— О, Ниоба, неужели пришла пора? — Иногда он читал ее мысли.

— Когда наш медовый месяц закончится, моя мать спросит у меня, а твой отец — у тебя.

— Так оно и будет, — Седрик вздохнул. — Но я не настолько наивен, чтобы навязывать себя женщине, которая меня не любит.

Он прекрасно понимал суть происходящего и сумел все очень четко изложить.

— Да? А тебя раньше кто-нибудь любил?

Седрик смущенно покачал головой:

— Никогда. У меня нет опыта.

— У меня тоже, — призналась Ниоба.

— Но ведь так оно и предполагалось!

Ниоба не выдержала и рассмеялась:

— Седрик, я уверена, что, если бы тебе разрешили подождать с женитьбой и ты достиг бы моего возраста, у тебя наверняка появился бы опыт. Я не могу упрекать тебя за его отсутствие. Ты пришел ко мне чистым.

— Мне всего лишь шестнадцать, — оправдываясь, напомнил ей Седрик. — Да, среди мальчишек идут всякие там разговоры, но могу спорить, что не я один никогда... — Он пожал плечами.

— Конечно, — быстро согласилась Ниоба. — Двойной стандарт — это ханжество. Лучше всего, когда мужчина и женщина... — Она заколебалась. — Учатся вместе.

— Трудно... — Седрик тоже сомневался. — Если бы вы любили меня так, как люблю вас я, не было бы...

Он запнулся, когда заметил ее реакцию, и покраснел.

— Что ты сказал, Седрик?

— Так, сорвалось из языка. — Он еще сильнее покраснел, когда понял, что снова заговорил неправильно. — Прощу прощения.

— Ты просиши прощения... за то, что любишь свою жену?

— Вы же знаете, — с тоской произнес юноша. — Она не настоящая!

— Женитьба или твоя любовь?

Седрик шаркнул ногой:

— Ну, вы понимаете... Вы такая замечательная, такая прелестная... У меня кружится голова, когда я на вас смотрю! И вы так много знаете, так уверены в себе, вы заслуживаете лучшего, и вы возражали против нашего брака. Я не хочу, чтобы вам было еще хуже. Я же совсем мальчишка.

Ниоба, сердце которой учащенно билось, сосредоточилась на одном вопросе:

— Когда? Когда ты понял, что любишь меня?

Он пожал плечами, словно ответ был очевиден:

— В самый первый день — когда вы запели на болоте. Когда вы заплакали из-за топей. Я никогда не слышал ничего подобного... — Он развел руки в стороны, будто не мог найти подходящего слова.

— Но я не так уж и хорошо пою!

— Вы верите! Вы действительно любите топи! И я теперь тоже — благодаря вам. То, что любите вы, люблю и я.

— Седрик, ты никогда не говорил...

— Чтобы выставить себя дураком? — с горечью спросил он. — И вызвать ваше раздражение? Чтобы надоедать глупыми приставаниями вздорного мальчишки? Я не такой болван.

— Седрик, ты совсем не болван! Ты замечательный юноша — замечательный мужчина! Я уверена, что...

— Пожалуйста, давайте забудем о моих словах, ладно?

— Как же можно! Седрик, я не утверждаю, что люблю тебя — у женщин этот процесс занимает гораздо больше времени, и...

— И на моем месте должен быть мужчина.

— Седрик!

Он взглянул на нее и отвернулся. Ниоба поняла, что не стоит отрицать правду: она и в самом деле видит в нем мальчика, а не мужчину.

Обычно Ниоба получала все, что хотела. Но на этот раз ее красота обратилась против нее. Пришло время взросльть, поняла Ниоба. Она должна сделать все как следует.

— Седрик, мы уже множество раз обсуждали то, что с нами произошло. Мы пытаемся воевать с химерами. На самом деле все это не имеет значения. Любовь не имеет значения. Мы женаты.

— Любовь не имеет значения?

— Я имела в виду другое. Конечно, любовь важна! Я хочу сказать, что готова исполнить свой долг, не дожидаясь того... что может никогда... я имела в виду, еще...

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — мрачно сказал Седрик.

— Я уважаю тебя, Седрик, я твоя жена. Множество женщин, вышедших замуж за взрослых мужчин, делают то, что требуется, какими бы ни были их чувства. Пришло время сделать наш брак настоящим.

— Нет! Только не с той, которая меня не любит. Это неправильно!

Ниоба была согласна с ним, однако ей пришлось вступить в спор.

— Почему ты так думаешь?

— Это будет на... — Он не смог произнести слово.

Ниоба покраснела:

— Насилие?

Седрик кивнул.

Девушка почувствовала себя так, словно попала в яму, и чем больше пытается выбраться из нее, тем глубже она становится. Куда подевались эвфемизмы, хитрые доводы, которые покрывают глазурью малопривлекательную реальность? Седрик не станет лгать, да и она тоже — именно на этом с самого начала был основан их брак. Можно ли все исправить? Они оба пытались принять правильное решение, оба понимали, что это ложный шаг — о ирония судьбы! — однако им следовало его сделать. Конечно, необходима взаимная любовь!

А ее не было. Ниоба могла отдать ему свое тело, подарить хорошее отношение, но не любовь. Пока нет. Она почувствовала, что щеки стали мокрыми от слез.

— Пожалуйста, не надо! — взмолился Седрик. — Я не могу видеть, как вы страдаете.

— Седрик, это не твоя вина. Ты прав. Тебе необходима женщина, которая тебя любит, и я бы так хотела... — Слезы покатились еще сильнее, и Ниоба замолчала.

— О, мисс... — начал он.

— Миссис, — поправила его Ниоба, с трудом улыбнувшись.

— Я сделаю все, чтобы вы были счастливы! Но я не знаю как!

— Тогда займись со мной любовью! — вспыхнула Ниоба.

Оба осознали, что она секунду назад сказала, и наступило молчание.

Седрик в недоумении покачал головой:

— Как, Ниоба?..

— Точно так же, как это делают другие мужчины. Начни с ухаживания!

Он искоса посмотрел на нее:

— А вы будете сидеть неподвижно?

— Седрик, ты думаешь, я чудовище? Если ты любишь меня, докажи!

— Я так и сделаю! — воскликнул он. — Пойдем к черному дубу, где вы мне пели, и я спою для вас.

— Да! — обрадовалась Ниоба, словно им удалось сделать огромный шаг вперед.

И, в некотором роде, так оно и было. Когда девушка поняла, что Седрик ее любит, она почувствовала приятное возбуждение; до сих пор никто не испытывал к ней таких чувств.

Они направились к черному дубу, и Ниоба уселась на одном из выступающих из воды корней, а спиной прислонилась к могучему стволу. Гамадриада с тревогой поглядывала из-за высокой листвы вниз, не понимая, зачем пришли люди.

Седрик опустился перед девушкой на колено и принял драматическую позу. Ниоба сохраняла серьезное выражение лица, чтобы все не испортить. Он сделал вдох и запел:

Стань жить со мной, любовью стань.

Мы всех блаженств воспримем дань,

Что нам несут холмы, поля и долы, и равнины.

У Седрика был неумелый, но сильный голос, однако он обладал широким диапазоном и пел с большим чувством. Песня произвела на Ниобу впечатление, мелодия пробуждала чувства.

На скалы мы с тобою сядем,
На пастухов и стадо глядя...

Он потянулся к Ниобе и взял ее за руку.

Что в пойме рек, а в водах их
Певучих птиц струится стих.

Что-то случилось, когда Седрик прикоснулся к ней. Несколько раз родилась музыка, словно заиграл огромный оркестр, наполнивший лес своим звучанием. Голос Седрика усилился, стал мощным, красивым и пробуждающим чувства. Ниоба сидела ошеломленная, зачарованная его голосом и поразительной музыкой; только когда песня закончилась, она пришла в себя.

Коль ты пленишься красотой,
Любовью стань, живи со мной.

Когда Седрик перестал петь, великолепная музыка тоже затихла.

— Что это было? — восхищенно спросила Ниоба, продолжая держать его за руку.

Юноша казался обеспокоенным.

— Что-нибудь не так?

— Эта... эта музыка! Откуда она взялась?

— А, вот вы о чем. Я думал, вы знаете. Мой дар, волшебство. Оно передается в нашей семье по наследству. Сожалею, если я...

— Сожалею!.. — воскликнула Ниоба. — Ты пел так красиво! Как ты это делаешь?

Седрик пожал плечами, отпустив ее руку:

— Так происходит всякий раз, когда я пою, прикасаясь к чему-то. Смотрите. — Он положил руку на ствол дерева и запел:

Стань жить со мной, любовью стань.

Ниоба не услышала ничего необычного — но дерево вздрогнуло, словно завибрировало от какого-то могучего звука, дриада чуть не упала со своей ветки. Ниоба прижалась к коре дуба, и оркестр вернулся.

Мы всех блаженств воспримем дань.

— Седрик, это великолепно! Какое удивительное переживание! — Ниоба не могла больше говорить.

— Оно просто существует, и все. — Казалось, реакция Ниобы привела юношу в замешательство.

— Спой мне еще, — попросила Ниоба.

— Но песня закончилась. Далее следует ответ девушки. Ниоба взяла его за руку:

— Тогда спой мне ответ девушки, Седрик!

Он запел, и оркестр сопровождал его, поддерживая прежнее великолепие — не просто пение и не просто музыку; казалось, звук имеет больше трех измерений, словно чувства перемешались с мелодией. «Может ли любовь, — спросила себя Ниоба, — быть чем-то большим?»

Вот будь пастух правдив и честен,
И молод мир с любовью вместе,
Я бы, пленившись красотой,
Пришла любить и жить с тобой.

В этих словах содержалось отрицание, отказ, но это не имело значения; волшебная сила осталась. Ниоба поняла: что бы ни нел Седрик, эффект будет такой же. Она погрузилась в магическое очарование его музыки, пока он не пропел последний куплет:

Но ведь ничто не длится вечно,
Любовь и радость быстротечны,
А то, пленившись красотой,
могла б любить и жить с тобой.

Песня закончилась, а вместе с ней и волшебство. Но теперь Ниоба смотрела на Седрика совсем иначе. Он обладал магией, и любовь была возможна.

— Отведи меня домой, — попросила она.

Однако к тому моменту когда они добрались до дома, Ниоба успела прийти в себя. В конце концов, это всего лишь волшебство; Седрик остался таким же, и их положение практически не изменилось. Нет никакого смысла совершать поступки, о которых впоследствии можно пожалеть. Поэтому Ниоба решила не форсировать события, Седрик тоже не стал ничего предпринимать, и их брак так и остался незавершенным.

Прошла еще неделя, и Ниоба поняла, что время уходит. Они на целый месяц были предоставлены самим себе; скоро их начнут навещать родственники. Девушка поняла это, когда собиралась ложиться спать.

— Они узнают, — сказала она, садясь на постели.

— Да, — согласился Седрик со своего места у камина.

— Седрик, иди сюда, — повелительно сказала Ниоба. — Мы должны. Иначе не сможем посмотреть им в глаза.

Он подошел к ней и устроился в ногах кровати. Казалось, он боится Ниобы.

— Седрик, это совсем не так уж сложно. Нам обоим рассказывали о птичках и пчелках, и мы видели животных.

— Вы не животное! — с ужасом в голосе воскликнул Седрик.

Ниоба задумалась. Какая неловкая ситуация! Если бы он набросился на нее, как бык в загоне для спаривания, она пришла бы в смятение, но сумела бы вытерпеть; мать предупреждала ее, что мужчины так устроены. По крайней мере, лед, как принято говорить, был бы сломан.

Ниобе стало не по себе от этой метафоры, однако она явно подходила. Так или иначе, они попали в трудное положение.

— Забудь о животных! Иди ко мне в постель. Просто смешно спать отдельно.

Седрик подвинулся и робко вытянулся рядом с девушкой.

— Но кто же спит в одежде! — воскликнула она.

— О, мадам, я не могу...

Ниоба потянулась и взяла Седрика за руку. Она была холодной.

— Седрик, ты меня боишься?

— О нет, мадам! — запротестовал он, продолжая дрожать.

— Значит, страшишься того, что мы должны сделать?

— Я в ужасе.

— Седрик, это же смешно. Ты знаешь, что нравишься мне, и если ты споешь...

— Но это будет волшебство, а не я.

Он хотел, чтобы Ниоба любила его самого, а не магию, которой он обладал. Тут трудно было что-то возразить. Однако Ниоба подозревала, что это всего лишь предлог для того, чтобы оправдать свой страх.

— Седрик, я знаю, что ты не трус. Что тебя тревожит на самом деле?

— Я не могу — не могу этого сделать с вами, мадам.

И снова «мадам»! Она пытается сблизиться с ним, а в результате они только отдаляются друг от друга.

— Но почему?

— Потому что вы такая... такая красивая и замечательная и...

Он пожал плечами, не в силах выразить свои мысли более внятно.

— Седрик, я же твоя жена!

— Не по собственному выбору!

Знакомые мотивы; нужно немедленно уйти в сторону.

— Но и не по твоему, Седрик. Мы — двое людей, которых обстоятельства свели вместе, обстоятельства и воля родителей, они старались сделать для нас все, что в их силах, а теперь мы...

— Женщина и мальчик, — сказал он.

Вот оно, опять. Седрик чувствовал свою неадекватность — и Ниоба не могла убедить его в обратном. И все же она понимала, что должна как-то переломить ситуацию.

— Но ты растешь!

— Не думаю, что когда-нибудь вырасту настолько, что буду вам соответствовать.

— Седрик, это неправда! — запротестовала Ниоба, вдруг почувствовав, что стала похожа на мать, утешающую своего ребенка. Их диалог ни к чему не приведет. Как и все предыдущие.

Ниоба лежала в неловком молчании и размышляла. Наконец она промолвила:

— Седрик, может быть, мы слишком торопимся. Давай действовать постепенно. Сними одежду, ложись рядом со мной под одеяло. Мы просто будем вместе спать. И ничего больше.

— Вы обещаете?

Ниоба засмеялась:

— Обещаю, Седрик. Ну что я могу с тобой сделать?

Он тоже рассмеялся, но его смех был каким-то вымученным.

— А если станет холодно?

— Тогда мы придвинемся друг к другу, чтобы согреться. Ведь люди спят вместе именно для этого, не так ли?

— Но вы... на вас почти ничего не надето!

Ниоба села и расстегнула ночную рубашку, довольная собственной смелостью.

— Я останусь совсем без одежды.

Седрик откатился в сторону и с громким стуком упал с кровати на пол. Ниоба с тревогой соскочила с постели и склонилась над ним, чтобы помочь подняться.

— Седрик, извини меня! Ты не ушибся?

— Пожалуйста, мадам, ваша рубашка... — Он отвернулся.

Ниоба посмотрела на себя и в тусклом свете гаснущего огня увидела, что ночная рубашка распахнулась, обнажив часть груди.

— Ради Бога, Седрик, ты можешь посмотреть на меня! Я твоя жена!

— Это неправильно, — заявил он, не поворачиваясь.

— Седрик, посмотри на меня! — приказала Ниоба.

Но он ее не послушался.

Гнев запылал в ее обнаженной груди. Она встала, обошла кровать и снова улеглась со своей стороны. Ну что ты будешь делать с упрямым мальчишкой?

И тут, сквозь пелену медленно отступающей ярости, Ниоба услышала какой-то звук.

Седрик сидел, прижав лицо к постели, и плакал, отчаянно стараясь, чтобы она ни о чем не поняла.

Ее чувства разом переменились.

— О, Седрик! — выдохнула девушка и придвинулась к нему, чтобы утешить, затем сообразила, что это худшее из всего, что она могла бы сделать.

Она не мать, а он не ребенок — этой роли ей следовало избегать, как чумы. Раньше Ниоба думала только о своих горестях, каково это — быть замужем за мальчиком; теперь же поняла, что Седрику гораздо тяжелее. Нужно найти выход, заставить его по-другому воспринимать происходящее, чтобы она оставалась женщиной, а он стал мужчиной.

На следующий день Ниоба предприняла новую попытку.

— Седрик, давай напьемся.

Он удивился:

— Я и в рот не бсу алкоголь, мадам.

— Ниоба, — твердо поправила она. — Называй меня по имени.

— Ниоба, — неохотно повторил он. — Я не пью, Ниоба.

— Я тоже. Но на полке стоит бутылка белого вина.

— Даже не знаю... Некоторые становятся дикими после того, как выпьют.

— Да, именно так!

Седрик улыбнулся. Казалось, он пришел в себя после огорчений прошлой ночи, и Ниоба поняла, что поступила правильно, оставив его в покое. Сегодня он окажется в ее постели!

После ужина они открыли бутылку, уселись рядышком на склоне холма, возле коттеджа, и принялись наблюдать за закатом солнца. Каждый держал в руке маленький бокал с золотистой жидкостью.

— О, как оно обжигает! — восхликала Ниоба.

— Точно, — согласился Седрик. — Мне нравится.

И он снова наполнил свой бокал. Ниоба последовала его примеру, хотя выпила не так быстро, как Седрик, обнаружив, что ей вовсе и не нравится обжигающий напиток. К тому же она не собиралась напиваться.

Прошло совсем немного времени, и вино разошлось по жилам.

— Ой, у меня такая легкость в голове! — радостно восхликал Седрик.

— И у меня, — кивнула Ниоба. — Может, не стоит торопиться?

— Не стоит? Почему? Как весело! — Седрик снова наполнил бокал, не замечая, что Ниоба еще не выпила свое вино, и залпом осушил его.

Ниоба забеспокоилась: алкоголь начал сильно действовать на Седрика, и девушка не знала, к чему это может привести.

— Седрик, давай споем! — предложила она, взяв его за руку, чтобы он не смог налить себе следующий бокал.

— Конечно, Ниоба, — с радостью согласился юноша. И сразу же запел:

Пей за меня лицъ глазами одними,
Я тебе просто отвечу своими.

Вступил оркестр — ведь Ниоба касалась руки Седрика — и сразу добавил очарования простой песне. И снова Ниобу заворожили звуки. Испытав на себе волшебство Седрика в первый раз, Ниоба поняла, что ее хорошенекий мальчик совсем не так прост, как ей показалось вначале. Сейчас же она ощущала к нему влечение. Пройдет время, и она его полюбит. В это было так легко поверить, когда звучала музыка!

Потом Седрик спел застольную песню «Три веселых кучера», в которой сообщалось, как весело провела время троица, сожалеющая лишь о том, что назавтра они будут трезвыми и совсем не такими счастливыми. Их веселый приятель пил крепкий эль — вот молодец! С важным видом они стали говорить, указывая на человека, который пил легкое пиво:

Он упадет, как желтый лист осенний!

Сопровождающая музыка стала неровной — сознание Седрика обволакивали винные пары, создавалось впечатление, что оркестранты тоже навеселе. Ниобе это показалось ужасно забавным.

Выяснилось, что она знает эту песню и даже может пропеть пару строк:

За ту, что первый поцелуй тотчас же маме описала,
Но не получит больше их, чтоб глупостей не совершила!

Повеселивший Седрик кивнул и рассмеялся.

Тогда Ниоба наклонилась к нему и поцеловала в губы. Юноша вздрогнул, огляделся по сторонам, наклонился вперед, и его вырвало на землю.

О нет! Седрик перепил, и ему стало плохо. Он был не слишком огорчен, но Ниоба знала, что сегодняшний вечер опять испорчен.

Она помогла ему вернуться в дом и помыться, а потом уложила в постель. На этот раз она сама спала у камина.

На следующий день Седрик, страдая от похмелья, взял в руки бутылку с остатками вина.

— Оно напоминает мочу! — сердито заявил он и вышел за дверь, чтобы вышвырнуть бутылку.

Нет, он совсем не похож на веселого кучера.

Вечером Ниоба предприняла еще одну попытку. Она усадила Седрика на постель рядом с собой, взяла за руку и попросила спеть. Она пела вместе с ним, и волшебство окружало их — все было так похоже на любовь. Но когда пришло время закрепить чувство физическим действием, Седрик не смог. Он спасовал перед трудностью стоящей перед ним задачи. Он был раздосадован, однако Ниоба в глубине души почувствовала облегчение: она сделала все, что могла, но ее постигла неудача. Видимо, время еще не пришло.

— Седрик, — сказала она. — С этих пор ты будешь спать в одной со мной постели без одежды, как и я.

Он с отчаянием посмотрел на нее:

— А...

— Чтобы мы могли честно сказать, что спим вместе, — объяснила Ниоба. — Ведь тогда нам поверят, что все идет как положено, верно?

На лице у Седрика появилась понимающая улыбка, он с облегчением вздохнул и, раздевшись, улегся рядом с ней. Дешевый компромисс, но ничего другого им не оставалось.

Г л а в а 2

Колледж

Осенью Седрик отправился в местный колледж. Он находился не слишком далеко, но ходить туда пешком каждый день было бы слишком затруднительно, а с лошадью возникли сложности. Идеально решил бы проблему волшебный ковер, однако хороший стоил так дорого, что покупать его не имело смысла. Самым разумным было снять комнату рядом с колледжем — романтические соображения во внимание не принимались.

Ниоба поцеловала мужа на прощание и уронила слезу, наблюдая за тем, как уходит от нее Седрик с рюкзаком на плечах, полным одежды. Он купит в колледже книги и заплатит за обучение и содержание; они все посчитали — выяснилось, что это им вполне по карману.

Когда Седрик ушел, Ниоба загрустила: она осталась одна, а их брак так и не закреплен. Седрик, безусловно, очень милый юноша, одаренный удивительным волшебством, и она прониклась к нему самыми теплыми чувствами. Конечно, никто не узнал о том, что их брак пока неудачен; во всяком случае, родственники держали свои сомнения при себе. Если повезет, все исправится, через год или два пребывания в колледже Седрик возмужает, и все будет в порядке. В самом крайнем случае она купит приворотное зелье и выпьет его; однако Седрик будет недоволен, а Ниобе совсем не хотелось его обманывать.

Между тем Ниоба чувствовала себя одинокой. Она могла бы на семестр поехать к родителям, но понимала, что в

этом случае мать обязательно выведает правду. Не стоит огорчать стариков. Нужно справиться со своими проблемами самостоятельно.

Вести хозяйство было совсем нетрудно, и у Ниобы оставалось много времени на чтение и работу за ткацким станком. Кроме того, она подружилась с дриадой с черного дуба на болоте. Пока подобное существование ее не тяготило.

Она все устроила в доме так, чтобы ей было удобно, много времени проводила во дворе, и вскоре там тоже стало очень хорошо. Когда Ниоба навела порядок в ближайшей к дому части болота, она решила, что пришло время навестить Седрика.

Она наняла повозку без лошади — заметно дешевле, чем ковер, зато и гораздо медленнее, к тому же колеса подскакивали на неровной дороге. Тем не менее после дня пути Ниоба благополучно добралась до колледжа, хотя ее строгое дорожное платье совсем запылилось.

Она заметила Седрика на дорожке, ведущей от студенческого общежития к зданию колледжа. Прошло всего два месяца, но Ниобе показалось, будто он сильно вырос. Седрик был самым высоким юношей среди других студентов, несмотря на то что учился на первом курсе; две студентки отчаянно с ним флиртовали, когда он направлялся на занятия.

Тут он заметил Ниобу и улыбнулся. Седрик стал еще красивее! Здесь он выглядел гораздо более уверенным в себе, чем дома, однако, оказавшись рядом с ней, отчаянно смущился. Их проблема так и осталась нерешенной.

Ниоба зашла в его комнату в общежитие и познакомилась с соседом — пухлым и весьма ученым на вид. Седрик показал ей свои проекты, связанные с изучением болотистых земель и естественного волшебства. Было видно, что он серьезно относится к обучению и уже многое узнал. Ниоба не сомневалась, что педагоги им довольны.

— Дай мне свою шапочку, — на прощание сказала она.

— Шапочку? — удивленно переспросил Седрик.

— Фуражку, которую ты носишь, чтобы показать, что ты студент колледжа. Я полагаю, ты сумеешь найти ее у себя на голове.

Седрик с недоумением снял фуражку и протянул Ниобе. Она привезла с собой нитку с иголкой и быстро пришила вокруг околыша яркую шелковую ленту.

— Чтобы девушки из колледжа знали, что ты женат, — решительно заявила Ниоба, возвращая мужу фуражку.

— Да, конечно. — Казалось, Седрик пришел в замешательство.

Ниоба поцеловала его в щеку и уселилась в свой экипаж.

Возвращаясь домой, она обнаружила, что охвачена противоречивыми чувствами. Прошло некоторое время, прежде чем ей удалось в них разобраться. В конечном счете Ниоба решила, что довольна успехами Седрика, ее приятно удивило, что он стал таким красивым и уверенным в себе; в то же время она ревновала его к девушкам-ровесницам, проявлявшим к нему такой живой интерес. Женатый человек не должен привлекать к себе столько внимания. Поэтому она и сделала то, что требовалось, но все равно ее мучило беспокойство. В конце концов, чего она добилась за целое лето, когда они были предоставлены самим себе? У Ниобы возникло подозрение, что она потерпела неудачу — или не сделала всего, что в ее силах. Удалось бы им закрепить брак, если бы она отнеслась к проблеме более серьезно? Если бы по-настоящему оценила чувства Седрика? Если бы не стала без конца исправлять его ошибки и вести себя, как безупречная леди, а обращалась с ним, как девушка из колледжа? Ничего удивительного нет в том, что он испытывает рядом с ней робость!

Разобравшись со своими мыслями, Ниоба вернулась к привычной жизни. Ей удалось создать несколько очень удачных gobelenov, изображающих лес и болота. На одном был изображен черный дуб с устроившейся на нижней ветке гамадриадой. Потребовалось много времени и терпения, чтобы подружиться с нимфой. Она далеко не сразу согласилась позировать для Ниобы, которая прекрасно знала, что лишь очень немногим людям так везло. Ниоба была довольна. Если бы только рядом с ней оказался Седрик!

Ближе к концу семестра она снова его навестила. Седрик регулярно присыпал ей письма, рассказывал о своих успехах в колледже; Ниоба замечала, что он пишет все лучше и лучше. Молодой человек развивался не только физически, но и в интеллектуальном и социальном планах; обучение в колледже пошло ему на пользу. Он выбрал в качестве основного предмета Волшебство Болотных Земель и уже знал многое из того, что не преподавалось, когда сама Ниоба училась в колледже. Он умел определять

специфическую магию каждого дерева, изучил все экологические циклы, а в следующем семестре собирался пройти курс о Фауне Болотистых Земель и ее связи с растительной жизнью. Седрик видел, как много еще ему предстоит изучить, и был полон решимости овладеть всеми необходимыми знаниями. Однако Ниобе хотелось убедиться в этом самой, выяснить, не преувеличивает ли Седрик своих успехов. Ведь всем известно: порывистая юность склонна неверно оценивать собственные достижения.

Седрик еще больше вырос и был удивительно красив, а его быстрая улыбка очаровала Ниобу. Ему оставалось посетить еще одну лекцию, после чего он мог посвятить ей все свое время.

— Прошу меня простить, — извинился юноша, но по его улыбке Ниоба поняла, что ему не терпится уйти. — Я не могу пропустить занятие: мне предстоит делать доклад. А потом я смогу побывать с вами. Кстати, вас хочет видеть мой учитель Водяной Магии, так что вам не придется скучать.

Как выросла его уверенность в себе! Ниоба даже немножко встревожилась, увидев, что ее муж прекрасно обходится без нее — впрочем, как и она без него.

Преподаватель ее уже ждал. Он был типичным представителем своей профессии: пожилой, сутулый, с копной седых волос и морщинистым лицом, с которого внимательно смотрели умные глаза.

— О, миссис Кафтан! — воскликнул он. — Вы и в самом деле удивительно красивы!

— Перестаньте, пожалуйста! — запротестовала польщенная Ниоба.

— Нет, это действительно так! — громогласно заявил он. Все учительские голоса устроены так, чтобы их слышал каждый ученик. — Я спросил у Седрика, как я вас узнаю, а он сказал, что, когда я увижу самую прекрасную смертную женщину нашего мира, это будете вы, Ниоба. Так оно и есть! Он восхищается вами, и мне совсем нетрудно его понять. Вы производите потрясающее впечатление!

— Достаточно, профессор! Я уже немолодая замужняя женщина! Почему вы хотели поговорить со мной? У Седрика проблемы с выбором предметов?

— Как раз наоборот, моя дорогая! — энергично запротестовал преподаватель. — За последние десять лет таких умных и добросовестных студентов, как Седрик, у меня

было немного. Он написал выдающуюся работу! Знаете, миссис Кафтан, такие умы редко попадают в застойные воды — если вы мне позволите подобное выражение, — которыми является колледж Экология Болот. Я хотел поблагодарить вас за то, что вы убедили его заняться нашей дисциплиной. Не сомневаюсь, что Седрик поднимет науку на новые высоты.

Ниоба удивилась. Похоже, профессор склонен к преувеличениям!

— Я всего лишь показала ему окрестности... я действительно интересовалась...

— Именно, миссис Кафтан! — согласился профессор. — Седрик говорил, что своим интересом к нашему предмету он обязан вам. Он сказал, что вы показали невежественному провинциальному болотистые земли с такой неожиданной стороны, что это изменило всю его жизнь. Миссис Кафтан, вы поразительная женщина, и я салютую вам!

Ниоба почувствовала, что энтузиазм профессора начинает захватывать и ее тоже.

— Значит, Седрик хорошо учится? — Слова показались Ниобе довольно глупыми, но ничего другого ей в голову не пришло.

— На отлично. А у нас совсем не просто учиться! Но оценки не соответствуют его потенциалу. Знаете, миссис Кафтан, позвольте быть с вами откровенным: сначала я удивлялся, почему такая прелестная женщина стала женой юного Седрика, ведь вы могли выйти за любого из тех, кого оставила нам война. Однако теперь, когда я узнал его получше, мне стало ясно, что вы действительно выбрали лучшего. В каждом поколении бывает только один такой юноша. Я уверен, вы никогда не пожалеете о своем решении!

— О да, — тихо проговорила Ниоба.

— Седрик боготворит землю, по которой вы ступаете, и мне кажется, что это не просто фигура речи. Если бы вы послали его в экономическую школу, он бы очень скоро стал миллионером. Какая была бы потеря для науки и ма-гии! Благодаря вам он обратился к болотистым землям... — Профессор покачал головой, потом импульсивно схватил руку Ниобы, поднес к губам и поцеловал. — Я вам чрезвычайно благодарен, миссис Кафтан. Если потребуется моя помощь, обращайтесь без малейших колебаний!

Ошеломленная Ниоба вышла на солнце. Ничего удивительного нет в том, что Седрик так успешно учится: профессор является превосходным катализатором. Может быть, он так ведет себя со всеми, заставляя каждого студента работать в полную силу. И все же у него не было причин так превозносить Седрика... если только его слова не соответствовали действительности. Ниоба знала, что Седрик умен; видимо, она недооценила его. Обстановка в колледже вызвала к жизни его лучшие стороны.

После окончания лекции Седрик нашел Ниобу. Он остался все тем же мальчишкой с буйной шевелюрой под фуражкой с лентой, но теперь Ниобе казалось, что по его лицу она видит, как он умен. Она вспомнила его музыкальное волшебство. Да, он совсем не обычный юноша!

Однако, оказавшись с ней наедине, Седрик вновь стал стеснительным и неловким.

— Я... так здорово снова видеть вас, Ниоба, — пролепетал он. — Чем бы вы хотели заняться?

— Мне кажется, следует обновить твой гардероб, — ответила она. — Твоя одежда поизносилась и нуждается в пристальном внимании.

На самом деле Ниобе хотелось сказать многое другое, но это подходило под категорию Вещей, Которые Никогда Не Следует Произносить Вслух, потому что обычно это говорят матери. Впрочем, Ниоба чувствовала некоторую растерянность и не знала, как себя вести. Слова профессора открыли перед ней новые перспективы, но она еще не успела привыкнуть к изменившейся ситуации. Ей нравилось поддерживать порядок, чтобы все было как полагается — совсем как в gobelenе, где каждая нить должна иметь свое собственное место. Ниоба терпеть не могла, когда какая-нибудь из них рвалась — непростой процесс связывания нитей требовал длительного времени и серьезного внимания.

— Ну, наверное, — запинаясь, согласился Седрик, — вы всегда так заботитесь обо мне.

Проклять! Ниоба рассердилась на себя. Она опять поставила его на место младшего. Он никогда не станет для нее настоящим мужем, если она будет постоянно совершать такие ошибки!

Ниоба вернулась домой расстроенная. Может быть, она и специалист по сложным gobelenам, но совершенно не разбирается в том, как быть хорошей женой. Она ожидала,

что ее мужем окажется наделенный опытом человек, и не ощущала себя способной научить всему, что требовалось, молоденького мальчика. Если бы только в колледже имелся соответствующий курс...

Ниоба тут же отбросила эту мысль. Нет, она определенно не хочет, чтобы Седрик занимался подобными вещами! Да еще с девушками! Брак — частное дело двух людей.

Зима оказалась довольно унылой, а когда на поверхности болот растаял лед, Ниоба снова отправилась в колледж. Все студенты высыпали на воздух, наслаждаясь первым по-настоящему теплым днем. Самые привлекательные девушки были одеты совсем легко, чтобы побыстрее загореть, а юноши носили шорты. Ниоба, не забывшая комплиментов, которые расточал ей профессор, решила одеться консервативно, чтобы никто не спутал ее со студенткой. На ней была длинная старомодная юбка, когда-то принадлежавшая ее матери, скрывающий фигуру жакет и высокие сапоги. Волосы Ниоба тую стянула в хвост на затылке и не стала краситься. Неожиданно она почувствовала, что одета ужасно безвкусно.

Ниоба зашла в комнату в общежитии Седрика, но его там не оказалось, а на какую лекцию он пошел, никто не знал. Она приехала слишком рано, Седрик ждал ее только через час. Поэтому Ниоба присела на скамейку возле общежития и стала ждать его возвращения — здесь, на солнышке, было так хорошо. Чтобы не терять времени попусту, она принялась за вязание — у нее это тоже прекрасно получалось; на самом деле Ниоба ловко управлялась с любой пряжей...

На дорожке появилось несколько студентов. Они явно успели немало выпить; более того, один из них в руках держал початую бутылку красного вина. Ниоба наморчила нос, потому что не переносила вино в любом виде с тех пор, как потерпела неудачу в отношениях с Седриком. Она была удивлена и недовольна, что студентам разрешается пить на территории кампуса. Подвержен ли Седрик дурному влиянию?

Когда компания проходила мимо скамейки, на которой сидела Ниоба, один из юношей замедлил шаг.

— Скажите, кто эта старая леди? — полууштыво спросил он, глядя на нее.

Она знала, что выглядит старше, чем девушки из колледжа — это входило в ее намерения, — но парень явно

преувеличивал. Именно он держал в руках бутылку и был самым пьяным из всей компании. Остановившись, наглец поднес бутылку к губам, рыгнул и сделал большой глоток. Ручеек бледно-красной жидкости побежал по его подбородку.

— Чья-то мамаша, — пошутил другой юноша.

Это больно ужалило Ниобу, но она никогда бы в этом не призналась.

— Ну, и чья же вы мамаша? — осведомился первый.

— Ничья, — строго ответила Ниоба. — Я жена Седрика.

— Жена! — воскликнул студент. — Выходит, он совершил налет на дом престарелых! А утверждает, что у него красивая баба!

Все четверо принялись хохотать.

Ниоба попыталась не обращать внимания на болтовню глупых юнцов, надеясь, что они уйдут, но вино придавало им храбрости. Они окружили Ниобу, дыша на нее винным перегаром.

— Пожалуйста, уйдите, — наконец не выдержала она.

— Но мы же только что пришли! — заявил обладатель бутылки. — И это наше общежитие. Пойдем, старушка, разве ты не хочешь повеселиться? — Он схватил Ниобу за обратную жакета и дернул так, что отлетела пуговица. — Могу спорить, что там спрятано кое-что интересное!

Ниоба отстранилась и ударила его по руке.

— Эй! — воскликнул он, а остальные рассмеялись. Потом его рот перекосила злая гримаса. — Ты меня ударила? Ну а как тебе это понравится? — И он начал лить ей на голову красное вино.

Ниоба вскрикнула и вскочила на ноги, пытаясь не попасть под отвратительную струю, но парень схватил ее за руку.

— Красивая женщина, чертовское вранье! — хрюплю прошипел он. — Ты просто проклятая потаскуха!

Ниоба лягнула его по голени и рванулась в сторону, понимая, что пытаться урезонить пьяного бессмысленно. Однако другой студент обхватил ее за плечи и приподнял над землей. Третий схватил за ноги.

— Давай посмотрим, из чего она сделана! — закричал он. — Сдери с нее юбку!

Ниоба отчаянно сопротивлялась, согнула ноги в коленях, а потом решительно ударила ими, но парни оказались слишком сильными. Они держали ее за плечи и ноги, а

владелец бутылки, отбросив в сторону свое сокровище, вцепился в юбку Ниобы, рванул вниз... Стало видно нижнее белье.

— Смотри-ка, она не такая старая! — заявил он, сжав левое бедро Ниобы.

Ниоба закричала. Это не помогло. Один из парней стянул юбку к щиколоткам, а тот, что держал девушку за ноги, выпустил одну, чтобы снять юбку. Ниоба попыталась ударить его, но он снова схватил ее за щиколотку и прижался раздвигать ей ноги.

— Вы только взгляните на эти ножки!

— Опустите ее на землю, — скомандовал вожак. — Держите крепко, и мы все позабавимся по очереди.

Он облизнул губы и начал расстегивать ремень.

— Что вы будете делать по очереди? — резко спросил другой голос.

Ниоба узнала его.

— Седрик! — закричала она.

Это действительно был он, высокий и сильный. Седрик отбросил в сторону куртку.

— Это моя жена, — произнес он. Казалось, на кампус спустилась туча, отчего его обычно солнечное лицо стало мрачным и бледным.

Отступать было некуда — дело зашло слишком далеко.

— Хватайте его! — закричал обладатель бутылки.

Юноши бросили Ниобу, все как один повернулись к Седрику и стали окружать его с четырех сторон — не такие уж они были пьяные, чтобы дать ему возможность драться честно.

— Нет! — закричала Ниоба, понимая, что Седрик не справится со всеми четырьмя.

Она попыталась встать, но запуталась в юбке, ей пришлось сначала снова ее натянуть. После этого она с тоской смотрела, как потерявшая над собой контроль четверка атакует ее мужа.

Двое схватили Седрика за руки, третий ударил кулаком в живот. Ниоба поморщилась, но Седрик только улыбнулся.

— Господи, я словно по камню ударил! — с удивлением воскликнул студент.

— Что ж, ты сделал первый удар, — заявил Седрик, — последний останется за мной.

Неожиданно он свел руки вместе, и парни, державшие его, словно куклы отлетели в разные стороны. В следующее мгновение руки Седрика были свободны.

Он сделал несколько шагов вперед, и его кулаки заработали, как два молота. Один попал в живот типа, который ударил его — этот живот больше походил на кашу, чем на камень. Парень наклонился вперед — как раз в тот момент, когда второй кулак Седрика угодил ему в голову. Волосы студента взметнулись, он зашатался и рухнул на землю, потеряв сознание.

Седрик развернулся и ударил в грудь парня с бутылкой. Тот сразу упал на колени. Однако оставшиеся двое успели подняться и снова бросились в бой. Седрик нырнул в сторону, подхватил одного из них за руку и за ногу, взвалил на плечи и швырнул во второго.

Драка, не успев начаться, закончилась. Седрик стоял, его грудь высоко вздымалась, перекатывались мускулы на руках и плечах; все четверо юнцов в унизительных позах валялись на лужайке.

Ниоба зачарованно смотрела на своего мужа. Ей вдруг показалось, что он стал гораздо выше.

Он подошел к ней и помог подняться.

— С вами все в порядке, Ниоба? Я услышал, как вы закричали, и выскочил из класса...

— Седрик, ты никогда не говорил мне, что умеешь так здорово драться!

Он пожал плечами:

— Вы сказали, что я должен с этим покончить.

Теперь Ниоба вспомнила. Ему нравилось драться. Тогда она подумала, что он шутит. Она оглядела распростертую на земле четверку. Ничего себе шутки!

— Возможно, я погорячилась. А чем именно ты занимался?

— Ну, я был в своем районе чемпионом по кулачному бою среди юниоров. Но вы правы, после женитьбы я должен оставить детские игры.

— Детские игры! — повторила Ниоба, покачав головой.

Она еще не забыла, как его ударили в живот. Как двое парней чуть не упали, когда он только пошевелил плечами, а потом рухнули на землю, будто тряпичные куклы. Теперь Ниоба чувствовала силу рук, которые ее поддерживали. Она могла бы догадаться по тому, как он колет дрова.

— И я называла тебя хорошеньким мальчиком!

Начала собираться толпа, и Ниоба увидела профессора, с которым говорила во время своего прошлого визита.

— Что здесь произошло? — спросил он.

Парень с бутылкой с трудом поднялся на ноги.

— Он набросился на нас! — завопил негодяй, указывая на Седрика. — Без всякой на то причины!

От такой наглой лжи Ниоба открыла рот. Однако тут же поняла, что никто не видел, что здесь произошло — только она и четверо юнцов. Ее слово против слова четырех парней.

— Давайте посмотрим? — совершенно спокойно предложил профессор. Он заметил бутылку, поднял и принял внимательно разглядывать. — Отлично — капелька осталась. Применим водяное заклинание.

Он принес небольшой плоский сосуд с тонким слоем пленки, осторожно поставил его на землю, наклонил бутылку. Тоненькая струйка вина вылилась в сосуд.

Все молчали. Потом над сосудом появилось красноватое сияние. Оно стало расти, превратилось в облачко, вино испарялось под воздействием мощных волшебных стимуляторов. Водяная магия, никаких сомнений. Ниоба была зачарована. Она слышала о подобном волшебстве, но никогда его не видела.

— Отойдите в сторону, — предупредил профессор. — Не следует мешать восстановлению событий.

Все сделали несколько шагов назад, даже юнцы, окончательно присмиревшие после появления профессора.

Облако заполнило всю лужайку и стабилизировалось, отbrasывая красноватые отблески. Потом внутри что-то забурлило, и глазам собравшихся предстала сидящая на скамейке женщина.

— Это десятиминутное заклинание, — пояснил профессор. — Его должно хватить.

— Но ведь вина тогда здесь не было, — вмешался Седрик. — Оно появилось вместе с ними.

— Именно поэтому изображение такое смазанное, — кивнул профессор. — Надеюсь, ты не думаешь, что магия даст нам невнятный ответ, мой мальчик? Вино еще далеко, но волшебство находится здесь; оно воссоздает неподвижное изображение, пока не возникнет возможность уточнить картину.

Прошло несколько минут. Никто не двигался. Всем хотелось увидеть в действии водянную магию.

Затем неожиданно изображение стало ярким и четким. Женщина превратилась в Ниобу, лишь красноватый оттенок вина придавал зрелищу немногого жутковатый оттенок. Появилась подвыпившая четверка — призрачные фигуры, но вполне узнаваемые. Перед глазами собравшихся прошла вся сцена безобразного поведения парней. Ниоба почувствовала, как вздрогнул Седрик, когда на голову ее изображения полилось вино; у него возникли такие же чувства, как и у нее.

— Значит, вот что означает ваше «без всякой причины», — пробормотал профессор, бросив взгляд на притихших дебоширов.

В тот момент когда юнцы напали на Ниобу, появился Седрик. Теперь Ниоба смотрела на него со стороны, и он произвел на нее еще более яркое впечатление. Седрик действительно вырос: стал на несколько дюймов выше, чем во время их свадьбы. Он был так красив в своем праведном гневе, что ей даже показалось, будто его окружает нимб. Или всего лишь алый ореол вина?

Теперь Ниоба поняла, что Седрик совершенно сознательно позволил парням схватить себя за руки и нанести первый удар. Она увидела, как затряс от боли правым кулаком студент. Потом Седрик начал драться, и через несколько мгновений все было кончено. Чемпион по кулачному бою? Кто же в этом усомнится!

Сцена закончилась, и красноватое облако исчезло. Однако улики были налицо.

— Освободите свои комнаты, — обратился профессор к четверке студентов. — Вы с позором исключены из колледжа; незаконно принесенное сюда вино вынесло вам приговор.

Парни быстро удалились.

Профессор повернулся к Седрику:

— Ты поступил очень разумно, предоставив им возможность напасть первыми; никто не скажет, что ты воспользовался своей силой без всяких на то оснований. Тебе известно, что люди, обладающие таким умением драться, с удовольствием его используют?

Седрик серьезно кивнул:

— Я знаю, что у меня была на то причина, но если бы я кого-нибудь убил...

— Причина была, и ты никого не убил, — согласился профессор. — Могу лишь похвалить тебя за осмотрительность. А сейчас отведи жену в домик для гостей; она нуждается в хорошей ванне и утешении.

Теперь, когда угроза миновала, Ниоба почувствовала, что наступила реакция. Ее чуть не изнасиловали, а Седрик был вынужден выступить против четырех пьяных типов, вивших в ярость!.. Девушка закрыла лицо руками и обнаружила, что оно залито слезами, покрасневшими от вина. Ниоба попыталась стереть их, но от этого стало еще хуже, и скоро она уже отчаянно рыдала.

Седрик взял ее на руки и понес в домик для гостей. Ей показалось, что руки у него из гибкой стали, а грудь и живот — железные. Ему исполнилось семнадцать, Седрик был в расцвете физических сил. И продолжал расти...

Ниоба привыкла иметь дело с мальчиком и не заметила появления мужчины.

Седрик осторожно опустил Ниобу на постель.

— Я позову медсестру, — с беспокойством сказал он. — Вы ранены.

Но она прижалась к нему:

— Седрик, ты мне очень нужен! Я тебя люблю!

Он немного помолчал.

— Вы расстроены, и не без причины. Сейчас вам нужно принять ванну и немного отдохнуть...

Ниоба привлекла его к себе:

— Я была такой дурой, и от меня разлит вином! Прости меня, Седрик!

— Мне нечего прощать, — мягко сказал он.

Однако не стал противиться и улегся рядом с ней на кровать.

— Вы всегда были само совершенство, Ниоба, — прошептал он ей на ухо.

Она повернулась и прижалась к нему. Мокрые от слез губы девушки нашли губы Седрика, и она поцеловала его с такой страстью, которая удивила ее. Грудь Ниобы переполняли чувства; она никак не могла насытиться. Он ответил на поцелуй, почувствовав в ней огонь страсти.

Неожиданно Ниоба рассмеялась. Седрик поднял голову и удивленно посмотрел на нее.

Ниоба села и расстегнула его рубашку.

— Вот! — воскликнула она, улыбаясь. — Я нанесла первый удар.

— Но это же не бой, — улыбнувшись, ответил он.

— Ты уверен? Мы пытались... почти целый год и всякий раз терпели поражение из-за собственной сдержанности. Седрик, ты дрался за меня, бесстрашно и умело, и ты меня завоевал. Возьми свой трофей!

— Трофей! — пробормотал он. — Вы женщина, которую я люблю.

— А ты мужчина, которого люблю я, — с радостью ответила Ниоба. — Я хочу быть твоей — до конца.

Он поцеловал ее. А потом раздел. Ее блузка была липкой от засохшего вина, волосы грязными, но Ниоба знала, что нельзя упускать момент. Пришло время решительных действий!

Седрик не отворачивался и смотрел на ее тело. Ниоба с улыбкой потянулась к нему, понимая, что ее поведение более важно, чем его, и что физическое слияние является лишь частью их эмоциональной близости. Впервые она по-настоящему желала его, а он только сейчас поверил, что заслужил ее любовь.

И все же он по-прежнему не имел опыта, как и она. Ниоба помогала ему, стараясь не смущать; когда он заколебался, она прижалась к нему и начала страстно целовать. В тот момент когда Седрик вошел в нее и обнаружил, что путь закрыт, он в смятении остановился, и тогда Ниоба сделала решительное движение и сама уничтожила преграду. Ей было больно — но боль пришла вместе с невыразимым наслаждением и близостью, которой она до тех пор не знала.

— Седрик... Седрик... — прошептала Ниоба и нежно укусила мужа за обнаженное плечо.

А в следующее мгновение оказалась на болоте, возле черного дуба, причем смотрела на него сразу с трех сторон. С одной стороны она видела свежесть юности и невинности, словно дерево впервые предстало перед ее глазами, с другой — смотрела на него циничными глазами опыта, понимая и принимая его природу. А с третьей — наблюдала за ним с высот возраста. Ниоба обладала чередой воспоминаний всех времен года, растянутых в бесконечную нить, будто с ручной прялки. Она знала всю его историю. И все же три разных взгляда присутствовали одновременно, не сливаясь и не разделяясь; все три создавали впечатление целого, как цветы или контрасты.

Но каким-то непостижимым образом был еще и четвертый, смутный вид, и Ниоба поняла, что не хочет его воспринимать, потому что он наводил ужас. Однако и он был частью целого, болезненный аспект в единстве приследомой реальности.

Потом момент прошел, и ее ощущения стали более привычными и не такими яркими.

Ниоба оставалась в объятиях Седрика, пока могучий прилив не отступил. Повинуясь импульсу, она снова поцеловала мужа.

— Теперь мной овладели, — прошептала она.

Слово имело три значения: собственность, сексуальный смысл и одержимость дьяволом. Видение черного дуба, казалось, разделило на части ее сознание, и теперь простое предстало перед ней во всем великолепии сложности.

Прошло некоторое время, и Седрик, желания которого исполнились, заснул. Теперь Ниоба почувствовала неудобство. Она встала, тщательно почистила одежду, вымыла волосы и наложила на тело целебную мазь. Ей не хотелось, чтобы Седрик думал, что причинил ей боль, которая изменила всю ее жизнь. Потом она осмотрела постель и заметила капли крови на простыне. Как же их скрыть? Конечно же, ей совсем не хотелось отправляться в прачечную коллежда, чтобы там узнали не только, что они занимались с Седриком любовью, но и что это произошло в первый раз. Ниоба нашла губку, намочила ее и терла пятнышки до тех пор, пока они почти совсем не исчезли. Только после этого она смогла наконец расслабиться.

Ниоба легла — и Седрик зашевелился. Она взяла его руку, поцеловала и прошептала несколько ласковых слов. Он снова погрузился в сон. Ниоба вздохнула с облегчением; она любила мужа, но сейчас ей хотелось поспать.

Утром она вернулась домой, оставив Седрика наедине с его новыми воспоминаниями. Ему нужно было продолжать занятия. Однако Ниоба не стала слишком долго ждать и довольно скоро снова его навестила. И дело вовсе не в том, что она вдруг начала придавать первостепенное значение сексуальной жизни — мать объяснила ей, что в этом отношении ни одна женщина не в состоянии сравниться аппетитами с мужчинами. Ниоба скучала по мужу и хотела проводить с ним как можно больше времени. Аккуратный дом, в котором она жила одна, больше ее не устраивал. Ей

хотелось, чтобы его оживило присутствие Седрика. Ниоба по-настоящему влюбилась.

Они снова занимались любовью в домике для гостей. Теперь у них получилось лучше, потому что появился какой-то опыт. А кроме того, подумала Ниоба, она перестала быть девственницей.

И снова она отдалась страсти почти с таким же нетерпением, как и Седрик, хотя мать предупреждала ее о необходимости сдержанности. И снова в критический момент у нее возникло видение.

На сей раз, когда Ниоба стояла перед черным дубом, она заметила паука, который взбирался по невидимой нити. «Я тоже так могу», — подумала она. Ниоба протянула руку, коснулась собственной невидимой нити и начала подниматься по ней. Теперь у нее было четыре ноги и четыре руки — она превратилась в паука, самого лучшего мастера ткацкого дела. Какую чудесную паутину она сможет сплести!.. Но тут наслаждение отхлынуло, и Ниоба вновь стала человеком и расслабилась в объятиях своего возлюбленного.

Ей хотелось спросить у Седрика, были ли и у него видения, но она не решилась — вдруг ему покажется, будто ей надоело заниматься с ним любовью? Это было совсем не так; скорее яркие картинки означали, что наслаждение слишком острое. Когда система перегружена, может произойти короткое замыкание или даже взрыв; наверное, именно поэтому видения показались ей такими странными, выходящими за границы ее опыта.

У Ниобы не нашлось достойного ответа на мучившие ее вопросы, однако она с удовольствием собиралась продолжить исследования. Ей нравилось заниматься любовью с Седриком, и нравились видения, даже несмотря на то, что связь между ними оставалась неясной.

— О, Седрик! — воскликнула она, снова обнимая его. — Я так рада, что мы наконец нашли друг друга!

— Ты по-прежнему идеальная женщина, — ответил он и погрузился в сон.

— Ах ты, глупый мужчина, — ласково пробормотала Ниоба, покусывая его за мочку уха.

Седрик закончил первый год обучения в колледже с выдающимися результатами и вернулся на лето домой. Теперь он знал о болотах больше, чем Ниоба, и она завороженно его слушала. Он садился на корточки рядом со сто-

ячим прудом, зачерпывал пригоршню густой массы и покрывал, как водоросли производят маленькие заклинания тошноты, чтобы воспрепятствовать вмешательству в их существование.

Это было правдой — когда Ниоба в первый раз приблизила к ним лицо, ее чуть не вырвало, но стоило поднять голову, как все прошло. Конечно, дело могло быть в запахе, однако, если она зажимала нос, это не помогало. И Ниоба поверила в волшебство. Седрик умел определять виды черных дубов, растущих рядом с их домом, знал, где прячется чудный лесной олень и чем он больше всего любит лакомиться.

— И все это благодаря тебе, Ниоба. Ты показала мне болота!

— Я заплачу, я заплачу, как только засохнут болота, — с улыбкой согласилась она.

Ниоба и представить себе не могла, что незамысловатая песенка окажет на него такое влияние!

И, конечно, они занялись любовью, первый раз дома, разгоняя призраки прежних неудач. И снова Ниоба погрузилась в видение — на этот раз жуткое. Она увидела мрачное мужское лицо: неизвестный, с перекощенным в злобной усмешке ртом, ей подмигнул. Она закричала, и видение исчезло, а Седрик застыл в неподвижности, испугавшись, что сделал ей больно.

— Нет-нет, — сразу успокоила его Ниоба. — Ты здесь ни при чем. Я просто увидела плохой сон.

— Ты заснула? — с удивлением спросил Седрик.

Ей пришлось рассказать ему о видениях, потому что возникшее непонимание было бы гораздо страшнее правды.

Седрик признался, что у него не бывает ничего подобного, но он слышал о похожих случаях.

— По большей части у женщин, — сказал он в заключение.

— Да? А откуда ты знаешь о женщинах? — лукаво освежомилась Ниоба.

— Прочитал в учебнике по биологии. Это один из обязательных предметов для первокурсников.

Значит, ее опыт не уникален.

— Но ужасное лицо... Почему я увидела его в тот момент, когда так наслаждалась близостью с тобой?

Седрик пожал плечами:

— Может быть, нам следует остановить эти видения.

— Седрик, я не хочу прекращать...

— Я сказал видения, а не любовь! — ответил он, рассмеявшись. Седрик больше не стеснялся, когда речь заходила о сексе. — В следующий раз я попробую спеть для тебя.

Его идея понравилась Ниобе. Восторг от прекрасной музыки, наложенной на любовную игру, — какое поразительное переживание!

Они попробовали, и все получилось. Седрику даже не требовалось петь вслух; если песня звучала в его сознании, оркестр играл для Ниобы, а видения больше не приходили, какими бы сильными ни были ее ощущения.

Потом лето закончилось. Пришло время снова отправляться в колледж, и Ниоба собирала вещи Седрика с искренним сожалением. Но после завершения обучения перед ним открывались прекрасные перспективы, и она не могла отказать ему в этом. Ниоба решила, что постарается почаше навещать мужа, хотя ей и придется скучать.

Однако Ниобе пришлось гораздо тяжелее, чем она ожидала. Она постоянно чувствовала себя не в своей тарелке, иногда ей даже казалась, что она заболела. Что с ней происходит?

И вдруг Ниоба поняла: она совсем не болына — просто у нее будет ребенок.

Глава 3

Стреляющий олень

Kонечно, нужно было сообщить новость Седрику. Так она и сделала во время своего следующего визита. Седрик удивился своим действиям и остался весьма доволен.

— Я стану отцом! — воскликнул он, словно это было чем-то сверхъестественным.

— Ну, нельзя сказать, что ты не старался! — напомнила ему Ниоба.

— Боюсь, теперь нам следует остановиться, — с огорчением сказал он.

— Нет, пока еще нет. Только нужно быть осторожными.

И они соблюдали осторожность. Прошла зима, ребенок родился. Когда пошел восьмой месяц, приехала мать Ниобы, чтобы помочь во время родов, если они начнутся раньше времени, поскольку рядом не было подходящей больницы. Седрик собирался расстаться с колледжем и вернуться домой, но Ниоба воспротивилась — он прошел слишком долгий путь, чтобы бросить все у самого финиша. Таким образом, перед тем как Седрику исполнилось восемнадцать лет, он стал отцом здорового сына и вернулся домой на лето, успешно завершив учебный год.

Он был счастлив — но понимал, что за это придется платить. Если раньше Ниоба могла обходиться одна, то теперь она нуждалась в его помощи. Седрик не возражал, однако Ниоба знала: ему жаль, что придется бросить

колледж и окончательно стать семейным человеком. Не вызывало сомнений, что если бы он продолжал занятия в колледже, то стал бы высококлассным специалистом, а может быть, даже профессором. У него и сейчас оставалась такая возможность — но кто знает, какой будет ситуация к тому моменту, когда через несколько лет он сможет вернуться к занятиям? Так что карьера Седрика оказалась под угрозой. Иногда Ниоба даже жалела, что ребенок родился у них так рано.

— Не огорчайся, — сказал как-то раз Седрик. — Наступает время, когда мужчина должен выполнять свой долг, а я хочу находиться рядом с тобой.

— Какой ты милый! — воскликнула Ниоба и наградила его поцелуем.

И все же она чувствовала себя виноватой.

— Профессор сказал мне, что если бы у него была такая же жена, как у меня, то ребенок у них родился бы еще быстрее, — добавил Седрик.

— Но ведь перед тобой открывались такие замечательные перспективы; ты должен вернуться в колледж как можно быстрее.

— Посмотрим, — только и ответил Седрик.

Но как только Ниоба начинала думать о ребенке, настроение у нее сразу менялось. Сын был источником такой несказанной радости!.. Ниоба не сомневалась, что он будет гением, как и его отец — и обязательно получит самое лучшее образование. О, какие планы она строила для своего сына!

Седрик сразу с головой окунулся в хозяйство и поддерживал дом в полном порядке, пока Ниоба окончательно не оправилась после родов. Потом, когда появилось свободное время, молодой человек стал проводить его на болотах. Седрик решил составить таблицу местной флоры и фауны: деревья, кустарники, животные, насекомые, водоросли, водопады и то, как они между собой взаимодействуют.

По лесам в поисках дичи рыскали охотники, часто нарушая законы охотничьих сезонов. Седрик находил их следы и ужасно сердился.

— Если бы олени могли стрелять, охотники вели бы себя не так нагло! — однажды воскликнул он. Потом немного подумал и заявил: — Возможно, я сумею сделать, чтобы олень мог выстрелить в ответ!

Ниоба рассмеялась, но он говорил серьезно. Седрик специализировался в колледже на болотистых землях, а не на магии, и все же достал толстую книгу заклинаний и начал ее изучать. Вот если бы волшебство заставило стрелу или пулью возвращаться к тому, кто ее послал — тогда получилось бы, что охотник стреляет сам в себя...

Однако волшебство, как и наука, — малоподходящий предмет для любителей. Требуются годы и суровая самодисциплина, чтобы овладеть основными понятиями — и все равно вы не гарантированы от неприятностей. Седрик был умен, но этого оказалось недостаточно.

— У меня просто нет времени! — грустно воскликнул он.

— Ты можешь искать нужное заклинание, сколько потребуется, дорогой, — сказала Ниоба.

Она кормила сына, и ей ужасно не нравилось, когда Седрик был не в духе. Его плохое настроение каким-то образом передавалось ей, у нее портилось молоко, и у сына начинались колики — а хуже недовольного мужа только колики у маленького сына.

Седрик помолчал, словно что-то взвешивая.

— Конечно, — согласился он и вышел из дома.

Неужели она его обидела? В последнее время муж стал нервным и раздражительным. Наверное, следует нанять девушку, чтобы она помогала по дому, тогда Седрик сможет вернуться в колледж. Ниоба знала, какую жертву ему пришлось принести, и ей хотелось, чтобы все было честно.

Но когда вечером того же дня она заговорила об этом с Седриком, он даже слушать ее не стал.

— Я покончил с колледжем! Моя судьба здесь.

— Профессор восхищался твоим удивительным потенциалом! Мне кажется, он мечтает о том, чтобы ты стал...

Седрик накрыл своей большой ладонью руку жены. Ниоба ощутила, как в нем зазвучала музыка — на этот раз какая-то диковинная, неблагозвучная и тревожная.

— Оно того не стоит, — произнес Седрик. — Профессор понимает.

Ниобу охватило неприятное предчувствие, но она не понимала его причин. Мерцающее изображение демонического лица предстало перед ее мысленным взором, а вместе с ним и один из черных дубов, три взгляда на который были позитивными, а четвертый — отвратительным. Какая цена? Разлука? Однако ранее Седрик легко ее переносил

и преуспел в своих занятиях. Почему он принял такое решение?

— Седрик, что-нибудь не так?

— Нет, конечно, — быстро ответил он.

Ниоба ему не поверила, хотя и поняла, что правды Седрик ей не скажет. Она встревожилась еще больше, даже перестала кормить сына. Ниоба не сомневалась, что Седрик ее по-прежнему любит; тут все было в порядке. Он стал отцом, настоящим мужчиной, однако даже и сейчас, работая за ткацким станком, Ниоба нередко ловила на себе полные обожания взгляды мужа. Нет, он любил ее и хотел быть рядом. И все же...

Она положила сына в колыбель.

— Седрик, мы можем переехать поближе к колледжу, и тогда ты...

Он обнял ее и поцеловал.

— Это наш дом. Я люблю тебя — и болотистые земли. Моя жизнь здесь.

Ниоба не пыталась с ним больше спорить, им действительно было хорошо вместе. Когда Ниоба окончательно оправилась от родов, они возобновили занятия любовью. Седрик был очень нежным и частенько пел для нее; в такие моменты казалось, что все остальное не имеет значения.

По мере того как Ниоба становилась сильнее, она начала отправляться с сыном на прогулки, ведь свежий воздух полезен для детей. Казалось, ребенку нравятся болота, и особенно огромный черный дуб. Ниоба обычно садилась у его подножия и пела, а сын внимательно слушал. Гамадриада привыкла к их посещениям, и ей полюбился мальчик. Она не очень доверяла Ниобе, потому что взрослые нередко скептически относятся к волшебству, но когда Ниоба оставляла коляску с ребенком возле дерева и немного отходила, дриада спускалась и играла с младенцем. Ниоба была удивлена и обрадована одновременно; очень немногие смертные могут приблизиться к диким существам, обычным или волшебным, и если кому-нибудь такое удавалось, это считалось знаком особого расположения. А вдруг ее сын вырастет и станет знаменитым естествоиспытателем! Ниоба не сомневалась, что от дриады не может исходить никакое зло; так сказал Седрик, а она ему верила. В присутствии дриады мальчик всегда казался веселым и довольным.

События в окружающем мире были не такими радужными. Какая-то компания купила большой кусок земли, на котором находились болота. И хотя Ниоба и Седрик считали его своим, в глазах закона дело обстояло иначе. Представители компании объявили, что они планируют осушить болота и построить множество одинаковых котеджей.

Седрик возмутился. Он обошел окрестных жителей и убедил их сделать все, чтобы сохранить болота; даже создали специальный комитет — писали письма в газеты и властям графства, а когда это не помогло остановить строительную компанию, начали устраивать ловушки для бульдозеров. Затем подали на компанию в суд, с тем чтобы запретить строительство. Когда адвокат компании попытался убедить судей, что болота представляют собой угрозу для здоровья людей — мол, там плодятся разносящие болезни蚊子, — Седрик уверенно доказал, что蚊子 не являются разносчиками болезней, а служат пищей для красивых птиц и даже не приблизятся к людям, защищенным специальной мазью или заклинанием. Потом он поведал о жизни болотистых земель: рыбах и земноводных, лисах и оленях, деревьях, которые не могут расти в других местах, и особой интерактивной магии, которую вырабатывали эти существа, чтобы выжить.

— Здесь нет плохой воды, — сказал Седрик в заключение и представил документы, подтверждающие его слова: изыскание произвел колледж. — Тут нет эрозии, не бывает наводнений. Болотистые земли очищают воду и сохраняют ее. Мы должны жить в мире с природой. Осталось совсем немного подобных уголков; еще один отвратительный город уничтожит его!

Он говорил так убедительно, что все находившиеся в зале суда встретили его речь аплодисментами. Мало кто интересовался болотами: теперь же все поняли, что это такое.

Однако закон оставался на стороне строительной компании, и судья с искренним сожалением был вынужден вынести решение в ее пользу. Бульдозеры получили разрешение войти в болота.

— Мне очень жаль, — сказала Ниоба, но Седрик только пожал плечами.

— Они будут остановлены, — мрачно заявил он.

Только не сказал как.

Одним туманным утром Седрик поцеловал Ниобу с особой нежностью и вытащил сына из колыбели.

— Я возьму его с собой к дубу.

Ниоба обрадовалась — и одновременно встревожилась. Что-то насторожило ее в тоне мужа. Черный дуб едва ли не самое безопасное место для ребенка; гамадриада превратилась в настоящую заботливую няньку. Более того, нимфа начала учить малыша дикой магии, что вообще случалось крайне редко. Мальчик был еще слишком маленьким, чтобы ходить или разговаривать, однако создавалось впечатление, что он все понимает и почти готов сотворить заклинание. Почему тогда она так нервничает? Ниоба понимала, что поступает глупо. Ей пришлось решительно напомнить себе, что их сыну не может угрожать никакая опасность.

Она работала за ткацким станком, на ковре уже вырисовывалось великолепное изображение дерева и дриады, руки двигались сами, и молодая женщина погрузилась в мечтания. Неожиданно образ дерева затуманился, и на его месте возникло злобное ухмыляющееся лицо.

— Сегодня я приду за тобой! — услышала Ниоба. — Мой посланник уже в пути, его невозможно остановить. Ты обречена, госпожа клубка!

Ниоба закричала. Образ исчез, перед ней снова возник незаконченный рисунок. Она дрожала от перенесенного ужаса — ведь именно это видение возникало перед ней, когда они с Седриком занимались любовью. Ее мужу удалось справиться с ним при помощи волшебной музыки, но теперь страшное лицо стало преследовать ее среди бела дня! Что это значит?

И тут раздался выстрел. От неожиданности Ниоба подскочила на месте. Кто-то выстрелил из ружья. Звук донесся со стороны болота — там был Седрик с сыном. Но он не брал с собой ружья!

В страшной тревоге Ниоба бросилась по тропинке к дубу и, приблизившись, услышала тоненький голосок дриады. Она висела на ветке и отчаянно кричала. Под ней лежала перевернутая коляска.

— Сынок! — воскликнула Ниоба в ужасе.

Она побежала к дереву и подхватила коляску.

В ней, как и полагается, лежал ее сын, только он весь перемазался грязью и жалобно плакал. Ниобе показалось,

что он не пострадал. Коляска перевернулась, и малыш испугался — вот и все.

Ниоба взглянула на дриаду. Нет, нимфа не могла причинить вред ребенку! Более того, она продолжала кричать, показывая маленькой ручкой куда-то в сторону от дерева, где над болотом сгущался мрак.

Ниоба посмотрела — и увидела в кустах распостертое тело Седрика. Предчувствие ее не обмануло, только беда случилась не с ребенком, а с мужем!

Седрик лежал лицом вниз, а из раны в животе текла кровь. В него стреляли! Молодой человек был без сознания, но сердце продолжало биться.

Ниоба подняла голову и увидела дриаду, которая — редчайший случай — спустилась с дерева.

— Что... кто?.. — спросила Ниоба, позабыв, что дриада не умеет разговаривать.

Нимфа взяла палку и приложила ее к плечу, точно ружье, потом тряхнула ею, чтобы показать выстрел. Но Ниоба уже и так поняла, что в Седрика кто-то стрелял.

— У тебя есть какое-нибудь волшебство для его раны? — резко спросила она.

Дриада быстро, как белка, взобралась вверх по дереву и скрылась в густой листве. Вскоре она вернулась с маленькой веточкой в руках.

Ниоба взяла ее и прикоснулась к ране. Кровотечение сразу прекратилось. Волшебство нимфы помогло!

— Спасибо тебе, — сказала Ниоба.

Но как отнести Седрика в дом? Он весил гораздо больше, чем сама Ниоба, она не в силах даже сдвинуть его с места, к тому же резкие движения могут и вовсе его убить! Кроме того, у нее на руках ребенок!

Дриада показала на дерево.

— Ты поможешь? — спросила Ниоба. — Он здесь будет в безопасности?

Нимфа кивнула.

Ниоба с трудом подтащила Седрика к дереву и посадила его так, чтобы он опирался спиной о животворный ствол.

— Я приведу помошь. — сказала она дриаде, подхватила сына и торопливо зашагала к дому.

Через несколько часов эта часть кошмара закончилась. Седрика забрали в больницу, где ему был обеспечен прекрасный уход; кроме того, Ниоба поставила в известность

его и свою семью. Родственники сразу приехали. Однако на этом хорошие новости заканчивались.

Седрик находился в критическом состоянии, и оно постепенно ухудшалось. Пуля повредила позвоночник и внесла неизвестную инфекцию, которая быстро распространялась по его ослабленному организму.

— Мы сможем поддерживать в нем жизнь около недели, — мрачно сообщил врач. — У него очень крепкий организм — в противном случае он уже был бы мертв. Даже если мы сумеем спасти его, он останется инвалидом — не будет владеть своим телом ниже пояса, кроме того, его будет преследовать постоянная боль. Должен с прискорбием сказать, что было бы милосерднее дать ему умереть.

— Нет! — воскликнула Ниоба. — Я люблю его!

— Мы все его любим, — ответил врач. — Он сделал очень много для нашей земли, но спасти Седрика мы не в силах.

— Мы за него отомстим, — заявил адвокат, защищавший болотистые земли. — Очевидно, покушение организовано строительной компанией, чтобы нам было не на кого опереться в борьбе с ней.

— Но компания одержала победу! — запротестовала Ниоба. — Зачем им убивать Седрика?

— Вероятно, они боялись, что он планирует следующие шаги.

Ниоба вспомнила, с какой уверенностью Седрик утверждал, что строительная компания будет остановлена. Видимо, он и в самом деле что-то придумал. Слабое утешение! Ей хотелось только одного — чтобы Седрик поправился.

— Как я могу спасти его? — спросила она, цепляясь за последнюю надежду.

Врач и адвокат переглянулись.

— Нужно обратиться к высшему суду, — ответил адвокат.

— Что вы имеете в виду?

— К воплощению Смерти, — ответил врач. — Если Танатос согласится пощадить Седрика, он будет жить.

Ниоба была готова ухватиться за любую соломинку.

— Значит, я встречусь со Смертью! Где искать это воплощение?

Мужчины развели руки в стороны. Они не знали.

— Мы не ищем Смерть, — сказал врач. — Смерть приходит к нам тогда, когда посчитает нужным.

Ниоба взяла сына и отправилась в колледж. Там она нашла профессора.

— Как мне отыскать Смерть?

Профессор с грустью посмотрел на нес:

— Прелестная женщина, вы ведь не хотите встречи со Смертью!

— Не нужно ничего говорить! — воскликнула она. — Я его люблю!

Профессор все прекрасно понял. Она любила Седрика, а не Смерть.

— Но вы ведь любите и своего ребенка?

Ниоба замерла.

— То есть... мне придется выбирать между ними?

— В некотором смысле. Возможно, вам удастся добраться до Танатоса — но ваш ребенок пока лишен свободы выбора. Он умрет. Если вы настаиваете на том, чтобы отправиться в это страшное путешествие, вы просто обязаны оставить сына.

Ниоба в тоске посмотрела на малыша:

— Смогу ли я вернуться к нему?

— Если вам будет сопутствовать успех. Но, миссис Кафтан, тут не может быть никаких гарантий. Вам предстоит искать не обычного человека; Танатос обладает невероятными способностями. Никто не ведает, чем закончится ваше путешествие.

— Предположим, я оставлю ребенка в хороших руках, — с трудом проговорила Ниоба. — Чтобы если я не... не вернусь... о нем позаботились?

— Другого пути нет. Естественно, вам придется прибегнуть к заклинанию, которое остановит образование молотка в вашей груди, организовать ребенку питание, пока...

— И тогда вы скажете мне, как найти Смерть?

— Да, тогда скажу, — неохотно проговорил профессор. — Ведь я же обещал вам помочь.

Ниоба, не теряя времени, отвезла сына на ферму к Пасиану, двенадцатилетнему кузену Седрика. Она знала, что его родители добрые люди, для которых благополучие семьи имеет существенное значение. Да, они согласны взять ее сына; ведь они близкие родственники. Пасиан, открытым лицом живо напоминавший Ниобе Седрика, приветствовал ребенка, как младшего братика.

Затем, уронив не одну слезу, Ниоба вернулась в колледж. Они взяли старую, ненадежную лодку и постарались

привести ее в порядок — замазали щели и подняли над маленьkim суденышком парус. Лодка могла плыть только прямо по ветру. Впрочем, в данном случае направление не имело значения; все определялось намерениями. На палубе сложили политый керосином хворост — от малейшей искры он мигом превратится в пылающий костер. На угольно-черном парусе нарисовали череп со скрещенными костями — не знак пиратства, а символ смерти.

Действительно, то была лодка смерти.

Ниоба вышла на пирс. Она надела свое самое элегантное черное вечернее платье, черные перчатки и туфли, а летящие золотые волосы перевязала черной лентой. Раздался восхищенный шепот собравшихся на берегу студентов, когда Ниоба появилась перед своим маленьким корабликом. Специальное заклинание остановило молоко, но грудь ее оставалась еще достаточно большой.

Смертельно бледный профессор, постаревший и согрившийся, стоял на пирсе рядом с лодкой.

— О прелестная женщина, на твоем лице ужас! — прошептал он. — Ты действительно уверена?..

— Если Седрик умрет, зачем мне жить? — задала Ниоба риторический вопрос. Потом, опираясь на руку профессора, взошла на палубу. Легкая лодочка сразу же закачалась, и Ниоба торопливо присела на скамью.

— Может быть, мы еще встретимся, — сказал профессор.

— Конечно, встретимся, — ответила Ниоба и послала ему воздушный поцелуй.

Она знала, что профессор сделал все, что мог, и верила в его волшебство. Однако уверенность на ее лице была всего лишь маской, скрывающей ужас. Подобный ужас охватил ее, когда она увидела то чудовищное лицо вместо черного дуба. Она чувствовала себя как олень, на которого наведено ружье охотника. В некотором смысле начался сезон охоты, а в роли охотника выступала сама Смерть.

— Помните, — повторил профессор, — вы можете выпрыгнуть в воду, и пловцы вытащат вас на берег.

Он показал на трех крепких парней, стоявших у самой воды.

— И навсегда утратить свою любовь? — с негодованием ответила Ниоба. — Я не будут прыгать.

— Да пребудет с тобой Господь, — сказал профессор, и на лице у него появилось восхищение.

Он сложил руки, словно собирался прочесть молитву, и обратил взор к небесам.

«Где был Господь, когда стреляли в Седрика?» — подумала Ниоба.

— Отдайте концы, — с улыбкой попросила девушка.

Профессор наклонился и отвязал канат. Ветер надул парус и суденышко поплыло в озеро. Если ничего не произойдет, через некоторое время оно ткнется в противоположный берег — однако у Ниобы были совсем другие планы.

Она повернулась и посмотрела на собравшихся на берегу людей. Потом открыла сумочку, достала большую деревянную спичку и чиркнула ею о шершавую поверхность палубы. Загорелся огонь.

Мгновение Ниоба подержала горящую спичку перед собой, а потом, прикусив нижнюю губу, закрыла глаза и бросила спичку в кучу хвороста. Если костер не загорится, хватит ли у нее мужества зажечь вторую спичку?

Но огонь сразу занялся, и в один момент сухой хворост затрещал. Вверх взметнулись пламя и дым. Прошло еще несколько секунд, прежде чем костер окончательно разгорелся и жар обдал тело Ниобы. Парус вспыхнул и превратился в пылающую колонну.

Теперь пришло самое время прыгать, пока огонь не окружил ее плотным кольцом... Эта мысль вдруг показалась Ниобе очень привлекательной. Потом она подумала о лежащем на больничной койке Седрике, и ее уверенность в правильности сделанного выбора упрочилась. Она затаила дыхание и шагнула прямо навстречу столбу огня.

«Седрик! Седрик! — прошептала она в тот момент, когда огонь поглотил ее. — Я люблю тебя!»

Загорелось платье, потом волосы, но Ниоба сделала еще один шаг вперед, готовясь к боли.

И она пришла. Весь мир превратился в алый, ослепительный жар. Ниоба сделала вдох, и пламя оказалось внутри ее, сжигая легкие и сердце. Агония была мучительной, но Ниоба выдержала, отказываясь упасть или даже закричать:

— Смерть, я иду к тебе!

Теперь уже вся лодка полыхала, точно огромный костер. Не выдержала жара замазка, и в следующий момент ноги Ниобы намокли. Но языки пламени продолжали свой

отчаянный танец — казалось, огонь сражается с водой за право получить добычу. Ниоба стояла и ждала Смерть.

И вот появилась призрачная фигура — огромный жеребец мчался, едва касаясь копытами поверхности воды, а на нем восседал человек в плаще с накинутым на голову капюшоном. Лошадь остановилась прямо на воде возле лодки. Человек спешился и взялся за косу. Один взмах — и огонь, как трава, отвалил в сторону и погас. Ниоба увидела прямо перед собой тропу. Смерть пришла.

Танатос постоял немного, потом протянул ей скелетообразную руку. Ниоба взяла ее, чувствуя, как холодны его пальцы.

Неожиданно боль и огонь исчезли. Танатос провел девушку по тропе к бледной лошади, подсадил в седло, а потом уселся сам так, что Ниоба оказалась перед ним. Конь прыгнул в столб дыма — и сквозь него вверх, прямо в небо.

Скоро жеребец уже скакал, легко ступая по тучам, а за спиной у них стались клочья тумана. Впереди, на зеленой лужайке под лучами теплого солнца высился особняк. Они подъехали к нему и соскочили с коня. Танатос и Ниоба вошли внутрь.

Немолодая служанка заторопилась им навстречу.

— Вы привезли смертную! — с удивлением и некоторым возмущением воскликнула она.

— Позаботься о ее выздоровлении, — резко приказал Танатос. — Она не принадлежит мне.

Служанка быстро принесла целебную мазь. Кожа Ниобы обуглилась, но там, куда попадала мазь, моментально появлялась здоровая плоть. Служанка натерла все тело Ниобы мазью и заставила ее вдохнуть пары бальзама — боль исчезла. Девушка стояла перед служанкой обнаженная и совершенно здоровая.

— Моя дорогая, как вы красивы! — воскликнула служанка, распыляя что-то над ее сгоревшими волосами, которые моментально отросли во всем своем золотом великолепии. — Почему такое изумительное существо попыталось покончить жизнь самоубийством?

— Я люблю его, — повторила Ниоба.

— О, любовь, — сразу все поняв, вздохнула служанка. Потом принесла Ниобе халат и новые туфли — похоже, бальзам не мог восстановить сгоревшую одежду. — Танатос вас ждет.

И с этими словами служанка отвела Ниобу в гостиную.

Смерть — Танатос — действительно ее ждал. По манерам он напоминал сурового отца, несмотря на череп и скелетообразные руки.

— Молодая женщина, ты совершила очень храбрый и глупый поступок, — с укором проговорил он. — Твое имя не значилось в моем списке. Мне пришлось срочно отправиться на твою лодку.

— У меня не было другой возможности привлечь ваше внимание, — ответила Ниоба, усаживаясь на указанный им стул. — Спасибо, что пришли.

Тут Танатос улыбнулся, не в силах проявить равнодушие к красоте.

— Я не мог поступить иначе, — сурово произнес он. — Когда происходит незапланированная смерть, запутываются нити судьбы.

То же самое говорил Ниобе и профессор. Во Вселенной царит некий порядок, а воплощения следят за его поддержанием.

— Я... где я нахожусь? В Раю?

Танатос презрительно фыркнул, хотя у него и не было носа.

— В Чистилище. В месте, где царит неопределенность — и где принимаются решения. Все воплощения живут здесь.

— Ах вот оно что. Мне не приходилось бывать в подобных местах. — Ниоба была немного напугана.

— Что привело тебя ко мне, очаровательная смертная девушка?

— О, я совсем не девушка! Я... мой муж Седрик... я пришла просить о его жизни. Я его люблю!

— Несомненно, — согласился Танатос. Затем щелкнул своими костяными пальцами, и к нему поспешил слуга с ящиком. Танатос открыл его и начал перебирать карточки. — Седрик Кафтан, восемнадцать лет, через пять дней должен отправиться в Рай. Хороший человек, мое личное вмешательство не требуется. — Казалось, пустые глазницы смотрят на карточку. — Очень хороший человек! Он действительно тебя любит.

— Да. Я должна его спасти. Вы должны...

Танатос взглянул на Ниобу темными провалами своих глаз, и вдруг на нее повеяло холодом, но не холодом смерти. Ей не приходило в голову, что воплощение может потребовать платы за услугу, о которой она просит... Но что Ниоба в состоянии ей дать?

Потом она снова подумала о лежащем в больнице Седрике и поняла, что нет такой цены, которую она не согласилась бы заплатить за то, чтобы он снова был здоров.

Но когда Танатос заговорил, его слова удивили Ниобу.

— Добрая и прелестная смертная, я не могу выполнить твою просьбу. Я не являюсь причиной смерти; я всего лишь слежу за тем, чтобы души тех, кому суждено умереть, не сбились с нужной тропы. У меня есть некоторая свобода действий; иногда я в силах отсрочить смерть какого-то человека. Однако твой муж ничего не выиграет: продлить его жизнь — значит обречь его на бесконечные страдания. Он никогда не будет ни ходить, ни говорить.

— Нет! — заплакала Ниоба. — Он так молод и красив! Я люблю его!

Даже Смерть смягчилась, слушая мольбы такой красивой женщины.

— Я бы помог тебе, но не могу, — заявил Танатос. — Быть воплощением не значит сохранять равнодушие к делам смертных. Просто то, о чём ты просишь, лежит вне сферы моей деятельности.

— Кто же тогда мне поможет? — в отчаянии спросила Ниоба.

— Полагаю, это под силу только Хроносу.

— Кому?

— Воплощению Времени. Хронос способен путешествовать во времени и изменять любые события в жизни смертных — действуя до того, как они произошли. Поэтому он...

— До того, как раздался выстрел! — воскликнула Ниоба. — Когда Седрик был еще даже не ранен!

Череп под капюшоном кивнул:

— Да, Хронос в состоянии это устроить.

Ниобе уже не казалось странным, что она разговаривает со Смертью. У неё снова появилась надежда спасти возлюбленного.

— Где... как мне поговорить с Хроносом?

— Ты можешь обыскать все Чистилище и не найти его, — ответил Танатос. — Хронос путешествует во времени. Но если он захочет встретиться с тобой — так оно и произойдет.

— Но я должна повидать его! У меня так мало времени...

Раздался странный гудящий звук, похожий на звон погребального колокола.

— А вот и Хронос, — сказал Танатос.

— Уже? Но как?..

— Он знает наше будущее. И просто реагирует на послание, которое я ему отправлю немного позже.

Слуга ввел в комнату высокого худого человека в белом плаще и с Песочными Часами в руках.

— О, Клото! — воскликнул он.

— Кто? — смущенно спросила Ниоба.

Хронос снова посмотрел на нее:

— Вот уже до чего дошло... Приношу свои извинения; все произошло раньше, чем я надеялся. В таком случае вы должны представиться.

Хронос явно ошибся, принял ее за другую.

— Я... я Ниоба Кафтан — смертная женщина.

— Ниоба, — повторил Хронос, словно старался запомнить имя. — Да, конечно. И вы пришли сюда, чтобы?..

— Чтобы спасти моего мужа, Седрика.

Он кивнул:

— И это тоже. Однако вы поступаете неразумно.

— Неразумно! — с негодованием воскликнула Ниоба. — Я люблю его!

Она словно ударила Хроноса своим криком. Он побледнел, но быстро пришел в себя.

— Любовь смертна, — печально произнес Хронос. — И со временем проходит.

— Не страшно, если она проходит естественным путем! Седрик умирает, а ему еще не исполнилось девятнадцати!

Хронос покачал головой:

— Я могу отправиться в то время, которое предшествовало несчастью, и изменить его судьбу — но сомневаюсь, что это следует делать. Последствия окажутся очень серьезными.

— Но я люблю его! — вскричала Ниоба. — Я должна спасти Седрика!

Хронос бросил взгляд на Танатоса, который в ответ лишь пожал плечами. Хотя они и были воплощениями, их поведение мало чем отличалось от поведения простых смертных, смущенных истерическими выкриками отчаявшейся женщины.

— Вы же понимаете, — серьезно сказал Хронос, — что изменение данного события приведет к совершенно не-предвиденным поворотам судьбы.

Ниоба заплакала. Она закрыла лицо руками, и слезы тихонько потекли сквозь переплетенные пальцы.

— Возможно, воплощение-женщина могла бы лучше справиться с такой ситуацией, — смущенно заметил Танатос.

Мужчины часто так говорят, оказавшись в подобном положении; они ничего не понимают в слезах. Ниобе и самой не нравилось, что она плачет, но она не могла ничего с собой поделать.

— Я отведу ее к Судьбе, — сразу согласился Хронос, подошел к Ниобе и робко коснулся ее руки: — Пожалуйста, следуйте за мной, мадам.

Услышав, что Хронос назвал ее «мадам» — так к ней обращался Седрик в начале их отношений, — Ниоба снова зарыдала. Она даже не заметила, как Хронос крепко взял ее левой рукой за локоть, а правой поднял сверкающие Песочные Часы. В следующее мгновение они, словно призрачные тени, промчались сквозь стены особняка. Ниоба так удивилась, что тут же перестала плакать.

Они пронеслись над незнакомым ландшафтом — ничего подобного Ниобе видеть не приходилось — и опустились на невероятно огромную паутину. Ниоба и представить себе не могла, что такое возможно — шелковые нити протянулись на сотни футов, образовав гигантскую сферу. В центре паутина становилась гуще, и там виднелась горизонтальная площадка, на которую они благополучно опустились, чтобы отдохнуть.

— Как... что? — растерянно и удивленно прошептала Ниоба.

— Песочные Часы выборочно аннулируют некоторые аспекты временного антизаклинания, — принялся объяснять Хронос. — И позволяют перемещаться... но вас, кажется, интересует паутина? Не волнуйтесь, это жилище Судьбы.

— Судьбы! — воскликнула Ниоба, сообразив, какое это может иметь для нее значение. — Выходит, Судьба определяет, что будет с Седриком...

— Так оно и есть, — согласился Хронос, когда они направились к огромному кокону, покоившемуся на эла-

стичном Основании. — Она в состоянии решить вашу проблему гораздо эффективнее, чем я.

— Но Это же гнездо гигантского паука! — с недоумением проговорила Ниоба.

Хронос улыбнулся:

— Уверяю вас, добрая и прелестная женщина, Судьба не похожа на страшное чудовище. Она очень похожа на вас.

Они подошли к самому входу. Хронос протянул руку, ухватился за свисающий шнур и потянул за него. Из-за переплетения шелковых нитей донесся мелодичный звон, и в следующий момент из отверстия в коконе выбралась женщина средних лет, весьма ловкая и активная для своего возраста.

— Что случилось, Хронос? — воскликнула она. — Как я рада тебя видеть, мой двигающийся в обратном направлении друг! — Ее взгляд обратился к Ниобе. — И смертная женщина, сияющая, как луна! — Она лукаво посмотрела на Хроноса. — Что ты замыслил?

— Лахесис, это Ниоба. Она просит о жизни своего недавно пострадавшего мужа. Я не в силах ей помочь.

Глаза Лахесис сузились, словно Хронос произнес нечто очень важное.

— Пойдем, дитя мое, — наконец проговорила она, внимательно осмотрев Ниобу. — Мы должны изучить твою нить. — Женщина снова бросила взгляд на Хроноса. — И ты тоже входи, мой почтенный соратник.

Они последовали за ней в отверстие в коконе и попали в идеально ровный туннель, который заканчивался удобной комнатой, где все было с удивительным искусством сделано из паутины — нет, из самого настоящего шелка, хотя вещи и предметы оказались достаточно прочными и реальными. Стены представляли собой gobelены с выткаными на них удивительными, красочными сценами, а на ровном и мягким полу можно было спать без матраса.

Ниоба присела на шикарном диване, Лахесис остановилась перед ней, сложив перед собой руки, а потом развернула их в стороны и посмотрела на нити, которые появились между пальцами.

— Ой, какой странный узор! — воскликнула она.

Ниоба наморщила лоб;

— Вы говорите про меня?

— Один момент, дорогая, — сказала Лахесис, занятая своими размышлениями. Потом взглянула на Хроноса: — Скажи мне, друг, это...

И вдруг ее фигура начала мерцать — и на ее месте возникла девушка лет двадцати, очень красивая, с копной роскошных черных волос, в желтой короткой юбке. Потом она снова превратилась в женщину средних лет, одетую в скромное коричневое платье.

Хронос утвердительно кивнул.

Ошеломленная Лахесис плюхнулась на другой диванчик.

— О, моя дорогая! — воскликнула она. — Какая путаница!

— Я не понимаю, — пробормотала Ниоба.

— Конечно, не понимаешь, — согласилась Лахесис. — Как и я сама. Но Хронос, естественно, все знает. — Она аккуратно промокнула лоб ярким шелковым платочком. — Что я должна ей сказать, сэр?

— Полагаю, правду — какая она есть в данный момент, — ответил Хронос.

Ниоба встревожилась еще сильнее.

— Конечно, правду!

Лахесис уселась с ней рядом на диване и взяла за руку:

— Моя дорогая, правда может оказаться сложным, запутанным клубком, и к тому же весьма горькой. Я взглянула на твою нить, и...

— Взглядите на нить моего мужа! — вскричала Ниоба. — Я должна его спасти!

Лахесис выпустила руку Ниобы и сложила ладони вместе. В следующий миг между ними возникла тонкая паутинка.

— Седрик Кафтан, — начала она, словно читала по книге. — Его нить... — она хлопнула в ладоши, и нить исчезла. — О, моя дорогая! Моя дорогая!

— Вы действительно судьба? Вы можете его спасти?

Лахесис покачала головой:

— Я Судьба — один из ее аспектов. Я определяю длину и место нитей, обозначающих человеческие жизни. От меня зависит то, что произойдет с каждым человеком в целом. Но тут у нас особый случай — совсем особый. Я не могу сделать то, о чем ты просишь.

Теперь скорбь Ниобы превратилась в гнев.

— Почему? — резко спросила девушка. — Вы организовали его смерть, не так ли?

— Да, я организовала его смерть; и не в моей власти ее отменить, — печально кивнула Лахесис. — Теперь я вспомнила. Мне не хотелось так поступать, но я была вынуждена. Теперь, благодаря Хроносу, я начинаю понимать почему.

— Тогда скажите мне! — крикнула Ниоба. — Я его люблю!

— И он тебя любит, — ответила Лахесис. — Гораздо больше, чем ты себе представляешь. Моя дорогая, дальнейшее знание принесет тебе излишние страдания. Иногда один олень должен погибнуть, чтобы все стадо процветало.

Олены! Ниоба ощутила новый приступ боли — ведь Седрик пытался защитить оленей.

— Так вы отказываетесь мне ответить?

Лахесис вздохнула:

— Я знаю, как трудно тебе сейчас меня понять, Ниоба. Ты смелая, замечательная женщина, твоя любовь велика, но ты смертна. Я бы помогла тебе, это просто не в моих силах. — Она подняла руку, чтобы остановить возражения Ниобы. — Для ребенка жизнь представляет собой целую систему бесконечных запретов; ребенок рвется к свободе, которой обладают взрослые. Но когда он становится взрослым, оказывается, что запреты никуда не исчезли; меняется их сущность, они становятся более сложными и хитроумными. Создается впечатление, что мы, воплощения, имеем куда большую свободу действий, чем смертные — но и для нас существуют запреты, сущность которых дано понять лишь немногим смертным. Могу лишь заверить тебя, что данная ситуация вышла из-под твоего и моего контроля — Седрик Кафтан должен умереть. Прими мои глубочайшие сожаления.

— Вы сожалеете! — вспыхнула Ниоба. — Какие причины заставили вас организовать смерть такого благородного человека, как Седрик?

— У меня их две, — ответила Лахесис. — Одну я сообщу тебе, другую — нет.

— Тогда отошлите меня к тому, кто скажет!

Лахесис пожала плечами:

— Может быть, Марс; он агрессивен...

— Я доставлю Ниобу к нему, — предложил Хронос.

Лахесис искоса посмотрела на него:

— У тебя здесь особый интерес, Хронос?

— Я кое-что должен... Клото, — ответил он.

Лахесис понимающе кинула:

— Мы имеем дело с запутанным клубком. Спасибо за то, что предупредил меня, Хронос.

Хронос кивнул и встал, они с Лахесис обнялись и поцеловались. Это удивило Ниобу, но она была слишком поглощена собственной болью, чтобы задумываться о происходящем.

Хронос снова подхватил ее за локоть, поднял Песочные Часы, встряхнул их — и они двинулись в путь, потеряв материальность.

Вскоре они прибыли к могучей каменной крепости со сторожевыми башнями, бойницами, бастионами и толстыми стенами. Крепость стояла на вершине горы в Чистилище и казалась неприступной, однако Хронос приземлился прямо перед главными воротами.

— Эй, Марс!

В стене распахнулось крохотное окошко.

— Он работает. — В окне показалась голова в шлеме. — Ему пришлось отправиться во Францию, вы же знаете.

— Ах да, война.

Хронос снова встряхнул Песочные Часы, и они с Ниобой помчались сквозь землю, тучи и облака. Бросив взгляд вниз, девушка увидела, как с невероятной скоростью проносятся под ногами земли и воды; у нее закружилась голова, и ей пришлось закрыть глаза. Возможно, Хронос и был человеком, но он обладал сверхъестественным могуществом!

Как и Танатос, подумала Ниоба. Он способен одним ударом косы погасить пламя; а его великолепный жеребец — тело, лишенное плоти, но обладающее голосом и силой. И Лахесис — ее нити и то, как она превратилась в другую женщину... Ни один смертный не наделен подобными талантами! Все они невероятные, удивительные существа... однако никто из них не в состоянии ей помочь. И даже не говорят, по какой причине.

Наконец они приземлились у края огромной траншеи — дальше шла бесконечная череда каких-то укреплений. Здесь проходил фронт. Ниоба знала, что война пожирает лучших молодых людей; именно поэтому ей пришлось выйти замуж за шестнадцатилетнего юношу. Раньше она проклинила войну; теперь же, самым извращенным образом, Ниоба ее благословляла: если бы не война, она бы не стала женой Седрика.

Человек в греческом или римском вооружении — Ниоба недостаточно интересовалась военной историей, чтобы разбираться в доспехах — стоял между траншеями. Очевидно, это был Марс.

— А, Хронос, — сказал Марс, приветственно взмахнув алым мечом. — Что привело тебя сюда, да еще с таким прелестным существом?

— Это Ниоба, смертная. Она пришла, чтобы встретиться с Танатосом и попросить его сохранить жизнь ее мужу, но вопрос оказался настолько сложным, что мы не только не сумели ей помочь, но даже и объяснить оказались не в силах.

— Естественно, — кивнул Марс, когда рядом разорвался снаряд.

Мимо пролетела шрапнель, но никто не пострадал. Ниоба сообразила, что от случайной опасности их защищает особое заклинание. Да, воплощения и в самом деле облашают невиданным могуществом.

— Смертные не в состоянии понять, — добавил Марс.

— Конечно, я не понимаю! — нетерпеливо воскликнула Ниоба. — Судьба потянула за нить, чтобы жизнь моего мужа подошла к концу, и Смерть придет, чтобы его забрать, а Время отказывается что-либо изменить! Не буду утверждать, что я жду помощи от вас!

Если она надеялась заставить Марса выступить на защиту Седрика, у нее ничего не вышло.

— Вот женщина, которая мне по вкусу. Боец! — с довольным видом проговорил Марс. — Ладно, Хронос, мне тоже интересно. Я могу уничтожить тысячи людей в одном сражении, их смерть часто бывает несправедливой, иногда в ней есть некая ирония, так что другие воплощения с осуждением смотрят на мою работу. Так почему же вы решили убить ее мужа? Какие на то есть причины? Обычно вы так не поступаете. Раз уж женщина нашла в себе мужество лично встретиться с Танатосом, она заслуживает, чтобы ее выслушали. Где ваше благородство?

Ниоба вдруг почувствовала симпатию к этому неприветливому человеку.

Хронос коснулся Песочных Часов — и мир замер. Теперь они с Марсом стояли в других позах, а солнце успело далеко переместиться по небу.

— Вы что-то сделали! — обвинила Ниоба Хроноса. — Вы изменили время! Почему?

— Я должен был объяснить Марсу, — ответил Хронос. — А вас я отправил вперед на полчаса, пока мы разговаривали.

— Почему же вы не можете объяснить мне?

— Не нужно его винить, — вмешался Марс. — У Хроноса есть на то весьма уважительные причины, как и у Лахесис. Мы действительно столкнулись с очень необычным случаем.

— Значит, вы мне тоже ничего не скажете, Марс? — разочарованно проговорила Ниоба. — Вы, воплощения, чувствуете себя настоящими великанами и смеетесь над смертными...

Слезы брызнули у нее из глаз, Ниоба была не в силах сдержать их поток.

— Вот видишь, как она поступает с нами, — смущенно пробормотал Хронос.

— Ну перестань, женщина, — сказал Марс. — Я принес такое же горе десяткам тысяч женщин, хотя ни одна из них не была столь красива. Из чего ты сделана?

Слепая ярость овладела Ниобой.

— Десять тысяч подобных страданий тебе, бесчувственному чурбану! — закричала она. — Надеюсь, ты подавишься своим мечом!

Марс улыбнулся.

— Прелестно! — Потом он вздохнул. — Я попытаюсь разъяснить тебе ситуацию в самых общих чертах. Видишь ли, Бог и Сатана ведут между собой войну, и порой сражениям предшествуют невероятно хитрые цепочки событий. Мы, воплощения, находимся на стороне Бога, который является воплощением добра. Временами нам приходится приносить скромные жертвы ради достижения окончательной победы. Похоже, с твоим мужем дело обстоит именно так. Поэтому по большому счету...

— Скромные жертвы? Седрик? — потребовала она ответа. — Я люблю его! — Ниоба так часто повторяла эти слова... и могла повторять их сколько угодно — если бы только они вернули ее мужа!

— И он тебя любит, — согласился Марс. — Он это доказал. Может быть, именно благодаря принесенной им жертве наша сторона одержит победу. Ты должна им гордиться.

Ниоба вдруг вспомнила, как Седрик себя вел перед тем, как в него стреляли. Словно что-то предчувствовал.

— Он... знал?

— Знал, — кивнул Марс. — И совершенно сознательно выбрал именно такой путь — вот почему его ждет великая слава. Я салютую ему!

Седрик знал, что скоро умрет! Ошеломленная Ниоба не понимала, что же ей делать дальше. Потом она немного успокоилась.

— Тогда я займу его место!

— Ты не можешь, — вместе ответили Хронос и Марс.

— Не могу? А вам-то какое дело?

Марс покачал головой.

— Пожалуй, следует отвести ее к Гее, — предложил он Хроносу. — Та придумает, как с ней быть.

Хронос взял Ниобу за локоть. Девушка вырвалась, но он поймал ее. И вскоре они уже снова летели над французскими окопами.

— Вы настоящая банда... — начала Ниоба, но так и не сумела придумать, как закончить.

Воплощения устроили заговор молчания! И все же девушку потрясли новые сведения о Седрике, подтвержденные ее собственными воспоминаниями. Он знал или подозревал... И все же почему он должен умереть? Ниоба никак не могла понять.

Вдруг она заметила, что они находятся в густой роще, прошли сквозь нее — их тела еще не обрели материальности — и оказались на прекрасной поляне.

Пышная женщина удобно устроилась на стуле, по форме напоминающем поганку. Нет, это была поганка, огромная и крепкая. Волосы женщины украшали цветы, тоже живые... Ниоба разглядела маленькие листики и даже корни. Зеленое платье женщины, казалось, состояло из множества листьев, а туфли были вылеплены из земли и каким-то необъяснимым образом держались на ногах. Да, они с Хроносом пришли в гости к воплощению самой Природы!

— Значит, ты наконец привел ее ко мне, нечестивый путешественник по времени, — сказала Природа Хроносу. — Убирайся вон, бессердечный мужчина; я сделаю то, на что ты не способен.

— Как пожелаешь, Гея, — с явным облегчением ответил Хронос. Встряхнул Песочные Часы и исчез.

— Вы... вы знали, что я приду к вам? — спросила Ниоба.

— Смертная женщина, ты устроила настоящий перевалох в Чистилище, — ответила Гея. — Я подозревала, что мужчины все испортят.

— Но Судьба — Лахесис...

— Лахесис не может сказать. И я тоже не скажу; верь, Зеленая Мать имеет достаточную свободу действий! Со временем ты поймешь. Но сейчас услышишь лишь то, что тебе необходимо узнать, и придется этим удовлетвориться.

— Гея, я хочу занять место моего мужа! — воскликнула Ниоба. — Пусть он поправится и будет жить, а я умру!

Зеленая Мать посмотрела на нее с пониманием:

— Да, конечно, сейчас ты воспринимаешь действительность именно так, Ниоба. Ты женщина, которая любит. Но то, о чем ты просишь, невозможно.

— Почему невозможно? Я готова на все, чтобы его спасти!

Гея покачала головой:

— Ниоба, ты не можешь — потому что он уже пожертвовал собой ради тебя.

— Что?

— Именно тебя Сатана выбрал в качестве своей мишени, Ниоба. Седрик спросил у профессора о твоих видениях; профессор, который, кстати, является прекрасным волшебником, провел расследование. Он готовил Седрика к академической карьере и хотел, чтобы у него в семье все было в порядке. Ему удалось обнаружить заговор. Седрик ни секунды не колебался; он занял твое место.

И снова Ниоба была потрясена. Она вспомнила свои ужасные видения.

— Занял мое место?

— Создается впечатление, что со временем ты доставишь Сатане множество неприятностей. Никто из нас не знает деталей, даже сам Сатана, но он решил с тобой покончить. Сатана обладает огромной властью и умеет действовать тонко и методично. Прежде чем мы успели вмешаться, все было кончено. Ад выпустил своего посланца — но Седрик принял на себя предназначенную тебе пулю.

— Как?..

— Убийца был охотником, в которого на время вселился демон. Демон получил приказ убить смертного, который поет, сидя с ребенком возле черного дуба. Сатана решил, что это будешь ты. А Седрик воспользовался лазейкой.

— Так бы и случилось! — кивнула Ниоба. — Если бы Седрик не...

— Он любит тебя, — сказала Гея. — И ему известно, что Сатана хочет твоей смерти. Так что он спас тебе жизнь и помешал Сатане осуществить свои планы. Не часто удается совершить такой благородный поступок.

— Но если я...

— Ты не можешь пренебречь благородным даром Седрика, — решительно проговорила Гея. — Ты должна принять его жертву и реализовать свой потенциал.

— Я... но я не знаю, что...

— А вот об этом мы не можем тебе рассказать; впрочем, нам и самим известно немного. Однако Сатана тебя боится, считая опасным врагом, в таких вещах он не ошибается. Живи — придет время, и ты узнаешь свое предназначение.

Ниоба поняла, что больше ей ничего не удастся добиться. Седрик уже совершил то, что она намеревалась сделать ради него. Ей придется смириться.

Спотыкаясь в густой траве, Ниоба побрела прочь с поляны — и оказалась рядом с черным дубом, неподалеку от своего дома. Гамадриада узнала ее и помахала рукой.

— О, Седрик! — воскликнула Ниоба. — Я была тем оленем, которого хотели застрелить! Как велика твоя любовь ко мне! А теперь я должна позволить тебе умереть!

Потом она подняла свое залитое слезами лицо к небу:

— Я отомщу за тебя, Седрик! И найду способ заставить Сатану заплатить за твою смерть!

Она опустилась на колени рядом с дубом, прижалась к его стволу и дала волю слезам, а гамадриада ломала руки.

О, Седрик!

Г л а в а 4

КЛОТО

Следующие дни оказались тяжелыми, несмотря на излечивающие от горя заклинания, к которым прибегала Ниоба. Они всего лишь притупляли остроту тоски, но не могли — и не должны были — заставить ее почувствовать себя счастливой. Внешне она жила, как и прежде, однако в черных глубинах сознания поселилась боль. Больше волшебство ничего не могло для нее сделать.

Ниоба отправилась к профессору — почему он не сказал ей о том, что сделал Седрик?

— Он мне запретил, — печально ответил тот. — Я надеялся... что, если вы попросите Смерть о снисхождении, вам, возможно, удастся...

— Убийство организовал Сатана, — проговорила Ниоба. — Я опоздала. Один из нас был обречен.

— Седрик настаивал на том, что вы должны жить, — сказал профессор. — Я из эгоистичных соображений хотел сохранить его для колледжа. Седрик обладал такими выдающимися способностями! Но он — и, очевидно, сам Сатана! — считал, что вы важнее. Я не мог спорить.

— Седрик и в самом деле был исключительно талантливым человеком, — согласилась Ниоба. — Он стоил двоих таких, как я. Не знаю, что я могу сделать, чтобы его жертва не оказалась напрасной. Но ради него я буду продолжать жить, вырашу нашего сына и обязательно расквитаюсь с Сатаной. Если Князь Тьмы ждет от меня серьезных не-

приятностей, пусть не сомневается, я приложу все силы, чтобы его опасения не оказались напрасными!

И снова Ниоба не смогла справиться с нахлынувшими слезами, она чувствовала себя такой одинокой! Брак с Седриком был до определенной степени ожиданием его зрелости. Ожиданием времени, когда они смогут жить, как двое взрослых людей. Они только чуть-чуть прикоснулись к этой радости — и вот все кончено.

Ниоба отправилась в городскую больницу, где доктора все еще пытались удержать жизнь в теле Седрика.

— Отпустите его, — сказала она. — Я не позволю, чтобы он и дальше страдал.

Ниоба поцеловала равнодушные губы мужа, на его лицо упали две слезинки, а потом она отвернулась.

— Надеюсь, ты будешь счастлив в Раю, мой хорошенчикский мальчик, — прошептала она. — Надеюсь, что встречусь там с тобой... когда покончу со своими делами здесь.

Потом она поехала на ферму родителей кузена Пасиана, где вот уже несколько дней оставался ее сын. Он увидел мать и расплакался. Ниоба взяла малыша на руки, прижала к себе и тоже не смогла сдержать слез.

— У него все в порядке! — воскликнул Пасиан. — Ему здесь было хорошо, честное слово!

— Конечно, — не стала возражать Ниоба. — Просто стоило ему меня увидеть, как он понял, что скучал. Это нормально.

А как наш сын поведет себя, когда узнает, что навсегда лишился отца?

И в самом деле, малыш быстро успокоился и принялся играть с Пейсом. Вне всякого сомнения, хотя их и разделяло двенадцать лет, мальчишки прекрасно ладили друг с другом. И вовсе не из-за родственных уз.

— Вы просо потрясающая семья, — сказала им всем Ниоба, когда прощалась. — Я никогда не смогу отблагодарить вас за все, что вы для меня сделали.

— Приезжайте поскорее снова, — попросил Пейс, пряча собственные слезы.

Ниоба отменила действие заклинания, останавливавшего выделение молока, и покормила сына — но вскоре у него начались колики, и он принялся отчаянно плакать. Ниоба поняла, что горе, которое она испытала, потеряв Седрика, проникло в ее кровь и молоко и отправляет малыша. Ей пришлось снова прибегнуть к заклинанию, а сына

перевести на искусственное питание. Ниоба чувствовала себя плохой матерью, когда сделала это, но была уверена, что поступила правильно. Вне всякого сомнения, она не имеет никакого права навязывать свою боль ребенку.

«Я... заплачу... — пропела она себе самой. — Я заплачу, как только засохнут болота».

Теперь в знакомых словах появился новый смысл; словно ее собственные страдания были сродни тем, что испытывают болота, когда в их жизнь вмешивается человек.

Ниоба приняла участие в бдениях у тела Седрика, как положено, улыбалась, но в душе у нее царил мрак. Дух Седрика парил над телом и никак не хотел его покидать до погребального обряда, несмотря на зажженные свечи и ритуальное преломление хлеба. Никто не мог заставить его удалиться, пока сама Ниоба не встала перед ним и, обливаясь слезами, не потребовала объяснить свое поведение. Тогда призрак подсыпал к ней поближе, притронулся к мокрым от слез щекам, покачал головой, поцеловал — словно ее коснулась легкая осенняя паутинка, или тихая музыка, — а потом исчез. Какая ирония, в данных обстоятельствах, что Седрик пытался ее подбодрить.

Теперь все кончилось, и впереди ждала печальная однокая жизнь.

— Стань жить со мной, любовью стань, — едва слышно пропела Ниоба, пытаясь вспомнить, что она чувствовала, когда Седрик был рядом.

Ниоба решила приложить все силы к тому, чтобы исполнилась мечта Седрика. Она снова переговорила с профессором: ее интересовало, можно ли составить такое заклинание, чтобы олени стреляли в охотника. Но тот ответил, что такая магия ему не под силу.

— Волшебник, который это сделает, будет настоящим мастером своего дела, — сказал он.

Смерть Седрика, как ни странно, имела и положительный аспект: подозрения, что в ней замешана строительная компания, оказались необоснованными, но теперь местные жители были так яростно настроены против проекта, что от него пришлось отказаться. Возможно, Седрик знал, что его жертва, среди прочего, даст и такой результат.

После Седрика остались кое-какие деньги, и Ниоба могла существовать вполне прилично, ни в чем не нуждаясь, однако она снова вернулась к своим коврам и стала ткать их на продажу. Ниоба старалась постоянно занимать свое

время, но, хотя она и прожила почти два года одна, когда Седрик учился в колледже, сейчас все было иначе. Тогда они расставались временно, теперь же — навсегда. Ниоба знала, что Седрик не вернется домой, и это причиняло ей боль. Словно она оказалась в туннеле, в конце которого нет даже проблеска света.

Ниоба все чаще и чаще вспоминала свое путешествие в Чистилище, где ей довелось встретиться с пятью воплощениями — а ведь раньше она не очень-то верила в их существование. Воплощения продемонстрировали ей кое-какие из своих способностей, и Ниоба не сомневалась, что они обладают огромным могуществом — несмотря на отказ выполнить ее просьбу. Интересно, чем они занимаются, когда не разговаривают с пришедшими в гости смертными?

Ниоба чувствовала, что здесь, на Земле, ей нечего делать. Ее сыну будет лучше с Пасианом и его родными; это Ниоба знала наверняка. Она любила малыша, но не имела никаких иллюзий насчет того, какая его ждет жизнь, если они останутся вдвоем.

Она отправилась к черному дубу, оставила там малыша поиграть с дриадой, а сама принялась изучать место, куда ее перенесла Гея из своего дома. Оказалось, что это самые обычные заросли кустарника; как Ниоба и ожидала, волшебство действовало с другой стороны. Значит, отсюда попасть в Чистилище невозможно.

Воспользоваться тем путем, который привел ее туда в первый раз, тоже нельзя. Когда была жива любовь, которую Ниоба хотела спасти, она не боялась сгореть в охваченной пламенем лодке; теперь ей нечего было спасать. Придется искать что-то другое.

Ну хорошо, представим, ей удалось добраться до Чистилища... что она станет там делать? Кататься верхом на бледном скакуне Смерти? Или промчится сквозь пространство и время вслед за волшебными Песочными Часами Хроноса? А главное: в Чистилище нет Седрика, там она будет чувствовать себя так же одиноко, как и здесь, на Земле.

Ниоба посмотрела на сына, убаюканного беззвучной колыбельной гамадриады. Конечно, на самом деле она не совсем одинока: у нее есть ребенок. В его жилах течет кровь Седрика, и эта мысль приносит ей несказанное утешение. Но... он ведь еще такой маленький.

Шли дни, и постепенно в душе Ниобы росло и крепло новое чувство — желание отомстить виновнику своего несчастья. Ей хотелось отыскать какой-нибудь хитроумный способ привести в исполнение клятву. Воплощение Зла пытался с ней разделаться, Сатана отнял у нее радость. Если бы умерла Ниоба, Седрик, невзирая на то что попасть в Ад совсем непросто, содрал бы с виновника шкуру. Но вместо этого он решил спасти ей жизнь. Неужели она не сделает для своего мужа того, что он, вне всякого сомнения, сделал бы для нее?

Только вот как сдержать слово? Разве самая обычная женщина, обожающая своего ребенка, в силах справиться с воплощением Зла? Ниоба не имела ни малейшего представления, как до него добраться, и прекрасно понимала, что вряд ли победит, даже если и сможет найти к нему дорогу. Нелепо рассчитывать на то, что ей удастся навредить Сатане — и тем не менее именно такую клятву она себе дала. Марс ее понял бы!

Ниоба не могла выбросить эти мысли из головы; по-видимому, страстное желание отомстить воплощению Зла вернуло смысл ее существованию. Вне всякого сомнения, Сатана не такой уж могущественный и всезнающий, раз ему не удалось выполнить то, что он задумал. Кроме того, наверняка она обладает какой-то силой, которой он опасается, иначе зачем предпринимать попытку с ней покончить?

Чего мог бояться Сатана? Не станет же он убивать человека просто так. Наверняка у него масса дел, ведь ему приходится следить за тем, чтобы в мире процветало зло, да еще вести войну с Богом и другими воплощениями. До того как произошли эти печальные события, Ниобе и в голову не приходило, что она может представлять опасность для Сатаны и захочет вмешаться в его дела. Она не обладала умом Седрика или магическими талантами профессора; природа не наделила ее сверхъестественной физической силой, лишь красотой и умением создавать великолепные ковры. Однако Сатана хотел ее устраниć — теперь Ниоба поняла, что видения были первым предупреждением. И, похоже, остальные воплощения считали, будто у Сатаны есть основания ее бояться.

Значит, она и в самом деле обладает чем-то... вот только бы понять, чем именно. Речь идет о чем-то настолько серьезном, что на нее обратил внимание сам Сатана! Что

же это такое? И почему воплощения отказались отвечать на вопросы? Ниоба знала, что они не заодно с Князем Зла! Бессмыслица какая-то!

А Седрик — почему он просто не спас ее от смерти? Зачем ему было умирать вместо нее! Он мог рассказать ей о заговоре, и они бы уехали куда-нибудь очень далеко, пока все не успокоится. Седрик обладал волей и любил жизнь, такие, как он, не ищут смерти.

Но в том, что произошло, должен быть смысл! Седрик был необыкновенно умным человеком и прекрасно понимал, что делает. Он поговорил с профессором и, вместо того чтобы поделиться с Ниобой, взял с профессора слово, что тот будет молчать.

Профессор! Он, конечно же, знает, в чем дело. Но Ниоба не сомневалась, что он ей ничего не скажет. Почему?

Целыми днями она размышляла, спорила с собой, пыталась разгадать поставленные перед ней загадки. Ниоба не сомневалась, что обязательно найдет решение, если только ей хватит терпения его искать. Все это напоминало головоломку с кодами, когда одни буквы в предложении заменены другими и получается полнейшая чепуха. Но внутренний рисунок неизменен, и потому постепенно удается расставить буквы по местам, а потом и прочитать предложение. Если бы только Ниоба сумела понять, что означают подсказки, которые у нее имелись.

Очень медленно, постепенно части головоломки встали на свои места. Сатана ее боится, значит, она больше, чем просто смертная женщина. Воплощения знают о ней, а Хронос знаком лично и даже назвал Клото. У нее это вылетело из головы, но сейчас, вспоминая свой визит в Чистилище, Ниоба словно еще раз услышала его слова. Кроме того, ей показалось, будто Хронос лично заинтересован в том, чтобы у нее все было хорошо; Лахесис что-то сказала по этому поводу, а он сам изо всех сил старался помочь. Да, Хронос знаком с Ниобой, а вот остальные — нет. Как такое возможно? Разве воплощения не взаимодействуют друг с другом? Ну, очевидно, каждое из них сосредоточено на выполнении своей работы. Хронос вполне может знать людей, с которыми остальные не знакомы. И тем не менее Лахесис вела себя так, будто происходящее имеет огромное значение. В какой-то момент она вдруг начала мерцать и превратилась в молодую красивую женщину, а потом

вернулась в свое прежнее состояние, а Хронос лишь кивнул ей, точно подтверждая догадку. Какую?

Кроме того, Лахесис обратилась к Хроносу «мой двигающийся в обратном направлении друг». Что же она имела в виду? Хронос ни в каком отношении — ни в физическом, ни в смысле своей волшебной силы — не был отсталым; он обладал огромным могуществом. Гея назвала его нечестивым путешественником по времени. Складывается впечатление, что Хронос знает будущее! Видимо, он встретил там Ниобу — и узнал ее здесь, в настоящем. Он был знаком с ней в роли Клото. А кто такая Клото?

Имя показалось Ниобе знакомым. Она сосредоточилась — и вспомнила. Воплощение Судьбы имеет три аспекта: Клото прядет нити жизни, Лахесис их отмеряет, а Атропос обрезает.

Ниоба замерла на месте, потрясенная значением своего открытия. Она — Ниоба — в роли Судьбы? Неужели такое возможно? Тогда многое становится понятным: странное поведение воплощений и попытки Сатаны с ней разделяться. Будучи Судьбой, она и вправду сможет вмешиваться в дела Сатаны! Ниоба не знала, каким образом, но не сомневалась, что это так. Ведь каждое воплощение обладает своими, присущими только ему способностями.

Однако почему они ничего не сказали?

Ниоба тут же сама ответила на свой вопрос: они ничего не знали, никто, кроме Хроноса, и не хотели, чтобы о чем-то пронюхал Сатана. Возможно, если бы они поведали ей правду, тогда все изменилось бы. Парадокс.

Но Сатана знал! Или нет? Открыто ли ему будущее? Он является воплощением Зла, а не Времени; следовательно, обладает достаточно ограниченным даром предвидения. Скорее всего он получил какой-то намек, указание на то, что она причинит ему неприятности или, по крайней мере, в состоянии это сделать. И потому он решил нанести удар. А профессор, натолкнувшись на тот же намек или расшифровавший соответствующим образом ее видения — которые неожиданно стали понятными Ниобе, — рассказал все Седрику, и тот поступил так, как посчитал нужным.

Но почему Седрик просто не предупредил ее, чтобы она могла избежать опасности? Почему он умер, а потом явился к ней в виде призрака и попытался подбодрить?

Ниоба ломала голову над этой загадкой, пока наконец не пришла к выводу: по всей видимости, Сатана приказал своему слуге отправиться на Землю и убить ее, заявив, что он должен предпринимать все новые и новые попытки, пока не добьется успеха. Разве может простой смертный вечно избегать встречи с демоническим духом? Расстояние для демона не помеха; он без проблем отправился бы за ними, реши они где-нибудь спрятаться, мог бы вселиться в тело какого-нибудь человека, постоянно преследовал бы их, пока не выполнил бы поручение Сатаны. И тогда их жизнь превратилась бы в ад, причем предсказать, каким был бы конец, совсем не трудно. Но, совершив убийство, демон справился со своей миссией и больше не представлял опасности. Слуги Сатаны заканчивают существование, как только сделают свое дело. Итак, Седрик спас Ниобе жизнь, заняв ее место. А не сказал он ей ничего, чтобы ни Сатана, ни его демон не узнали о подмене. Чтобы Ниоба не принялась плакать и возражать до бесконечности, пытаясь заставить его отказаться от этой жертвы. Теперь же, когда все осталось в прошлом, складывается впечатление, что Сатана не в состоянии снова организовать нападение на нее. Видимо, больше у него нет подходящего демона, которому он мог бы поручить исправить ошибку первого. А может быть, он просто не проверил и не знает, что Ниоба жива.

Казалось, все события укладываются в такое объяснение... Надо сказать, что в определенном, каком-то извращенном смысле Ниобе стало легче. Седрик постарался раз и навсегда защитить ее от опасности, чтобы она смогла исполнить свое предназначение — иными словами, стать одним из аспектов Судьбы.

Каким же образом? И снова Ниоба знала ответ на свой вопрос. Это сделает она, Судьба — когда наступит время. Вероятно, когда возникнет нужда в искусной ткачихе. Судьба — хозяйка нитей, самая главная создательница Гобелена жизни.

Ниобе оставалось только одно — ждать. Конечно, воплощения ничего ей не сказали: чем меньше народа посвящено в тайну, тем она надежнее будет сохранена.

Но теперь у Ниобы появилась надежда. Ей не вернуть Седрика, но она поквитается с Сатаной.

А как же сын? Не брать же его с собой в Чистилище! Придется с ним расстаться...

Возможно, во время поминок Седрик пытался ей сказать, что она должна согласиться стать аспектом Судьбы, что именно затем он и пожертвовал жизнью. О, Седрик!

Теперь, когда Ниоба разбралась в том, что произошло, она не смогла бы отказаться.

Жизнь ее пошла своим чередом, и постепенно боль стала притупляться. Ниоба каждый день приводила малыша к дубу поиграть с гамадриадой, потому что он явно радовался встречам с ней, а еще — хотя Ниоба и не была в этом до конца уверена — дриада, похоже, учила ее сына волшебству. Сама Ниоба много работала, торопясь закончить начатый ковер, чтобы он не остался незавершенным, если ей вдруг придется неожиданно оставить дом. Они частенько навещали кузена Пейса; Ниоба знала, что наступит день, когда ее сын переедет туда жить. Расставаться с малышом не хотелось, но она понимала, что другого выхода нет и будет лучше, если это произойдет как можно раньше, чтобы ребенок не так страдал. Стارаясь не привлекать особого внимания, она привела в порядок свои финансовые дела, устроила так, чтобы опекун мальчика получал определенные деньги и ее сын не стал бы ни для кого обузой.

Шли недели. Ниоба уже начала сомневаться в правильности своих догадок. А потом неожиданно получила толстое письмо. Внутри лежал билет в город, находящийся на другом континенте, на билете стояло имя незнакомой ей женщины. Дафна Морган.

Ниоба внимательно изучила конверт. Никакой ошибки, письмо пришло куда следует. Тогда Ниоба поисками обратный адрес — и не нашла его. Почтовый штемпель смазан. Видимо, в конверт по ошибке положили не тот билет.

Не тот билет? А почему ей вообще его прислали?

Кто такая Дафна Морган? Может быть, все верно и Ниоба получила то, что должна была получить? От кого? И почему?

Все каким-то странным образом перепуталось. Но ведь кто-то же подписал конверт и послал его.

Ниоба немного подумала, а затем приняла решение.

Она попрощалась с гамадриадой, объяснив той, что надолго уезжает и не сможет приводить малыша к дубу. Дриада ничего не ответила, но казалась такой грустной, что

Ниоба почувствовала себя просто ужасно. Впрочем, у нее не было выбора.

— Семья, где он будет жить... может, они станут привозить его сюда. Я их попрошу.

Дриада улыбнулась, и Ниобе немного полегчало.

Потом она отвезла сына к родственникам Седрика. Даже несмотря на то что Ниоба воспользовалась заклинанием, смягчающим боль, все равно ей было очень не по себе.

— Однажды, — проговорила она, — я уже оставляла вам ребенка, не зная, вернусь ли назад. И сейчас мне это неизвестно. Вы будете получать деньги, чтобы... — Она не договорила.

— Он наша родня, — серьезно заявил отец Пасиана, когда его жена взяла малыша на руки.

Что еще можно было сказать про этих добрых людей? Семейство Кафтан делало все, что возможно, для своих родственников, щедро и не требуя ничего взамен. По тому, как вел себя ее сын, Ниоба поняла, что его здесь любят и ему будет хорошо. Родители Ниобы и в самом деле поступили мудро, заставив ее выйти за Седрика.

Глаза ее вновь наполнились слезами. Она поцеловала малыша, кузена Пасиана, который был этим потрясен, и его милых родителей. Пейсу исполнилось двенадцать, и его еще ни разу в жизни не целовали красивые женщины.

— Возле нашего дома есть дерево, черный дуб, — сказала Ниоба, — если... ну, малыш подружился с гамадриадой, и...

— Мы будем ее навещать, — тут же заявил Пасиан, а его родители кивнули в подтверждение.

После этого Ниоба быстро отвернулась и поспешила в свой экипаж.

Она сразу отправилась на вокзал. Поезд тронулся в путь, а Ниоба тихонько заплакала, приложив платочек к глазам.

Вскоре она прибыла в портовый город Дублин. Показала билет, который получила по почте — тот, где стояло имя Дафны Морган, — и ее без возражений пропустили на борт корабля. Ей выделили каюту первого класса, причем питание тоже оказалось оплаченным. Став мисс Морган, Ниоба путешествовала по высшему разряду. Интересно, что произойдет, когда она прибудет к месту назначения?

Корабль вышел в море. Когда он оказался далеко от берега, капитан решил прибегнуть к необходимым заклинаниям, появился ветер и наполнил паруса. Кое-кто из

пассажиров потерял аппетит и слегка позеленел, но Ниоба благоразумно запаслась заклинанием против морской болезни и чувствовала себя прекрасно.

На борту было множество мужчин, причем самых разных возрастов, которые всячески демонстрировали Ниобе свой интерес; она вежливо, но решительно отвергала их ухаживания.

— У меня совсем недавно умер муж, — объясняла она — и быстро бежала к себе в каюту, потому что слезы снова начинали течь по щекам. О, Седрик!

Прошло пять дней, Ниоба так и не познакомилась ни с кем из попутчиков. Большую часть времени она проводила в одиночестве, много читала. Ей не хватало ткацкого станка, она скучала по сыну и безуспешно пыталась не думать о Седрике.

И вот как-то раз Ниоба подняла голову и увидела, что по тонкой паутинке к ней спускается паук. Он добрался до пола, затем принял мерцать и превратился в женщину.

— Лахесис! — воскликнула Ниоба.

— Ниоба, ты знаешь, о чем мы намерены тебя просить? — сразу задала вопрос Лахесис.

— Стать одной из вас, — ответила Ниоба. — Аспектом Судьбы. Я готова.

— Но мы должны быть уверены, что ты до конца все понимаешь, потому что это совсем не просто. Нас трое, однако у нас всего одно тело. Если ты согласишься к нам присоединиться, ты никогда не будешь одна.

— Я слишком долго жила одна! — заявила Ниоба.

— Потому что нас трое в одном теле, для нас не существует ни отдельной личности, ни своих, частных переживаний, — продолжала Лахесис. — Никаких собственных прав. Каждая должна делать то, что необходимо для всех троих, без исключения. Если, например, приходится развлекаться с мужчиной...

— Ты имеешь в виду... мое тело... возможно, я должна буду...

— Встречаться с мужчинами, — договорила за нее Лахесис. — Эта обязанность падает на самую молодую, в то время как я веду домашнее хозяйство, а старшая из нас выполняет функции, присущие пожилым женщинам.

Эти слова заставили Ниобу задуматься. Ей и в голову не приходило, что она ляжет в постель с кем-то, кроме Сед-

рика, она боялась даже подумать о таком повороте событий.

— А как насчет нитей жизни?

— Ты будешь их прядь, — ответила Лахесис. — Но здесь у тебя не возникнет никаких проблем. Мы тоже пользуемся прядкой, только часть операций являются более сложными, чем те, к которым ты привыкла. — И тут у нее в руке появилась сияющая прядка с нитью или пряжей. — Наша задача — содержать ее в порядке; самое сложное — социальный аспект.

Самое сложное — вот уж точно. Мысль о том, что ее тела будет касаться чужой мужчины, мужчины, принадлежащий другой женщине, приводила Ниобу в ужас. И тем не менее она понимала, что, поскольку в Чистилище не так много женщин, это одно из возможных решений проблемы.

— А если я откажусь?

— Дорогая, мы никого не заставляем! Возможно, когда речь идет о некоторых других воплощениях — мужчинах, дело обстоит иначе... хотя, конечно, нет никаких законов, всего лишь обычай, но мы, женщины, как правило, стараемся помогать своим коллегам. Если ты решишь остаться смертной, то вернешься к своей прежней жизни, а мы предложим занять место Клото другой женщине. Должна признать, что ты нам нравишься, и не только потому, что так невероятно красива; редко кто из смертных оказывается настолько храбрым, что обращается к Танатосу за помощью, как это сделала ты.

— Я совсем не храбрая! — запротестовала Ниоба. — Я должна была так поступить!

— Да? Почему?

— Чтобы спасти мужа, человека, которого я люблю!

— И ради любви ты готова была сгореть в пламени. Если это не называется храбростью, тогда что же? Ты обладаешь качествами, достойными уважения.

— И все оказалось напрасно!

— Да, какая ирония. Тогда мы не смогли дать тебе того, о чем ты просила, а теперь предлагаем то, что тебе совсем не нужно. И тем не менее в нашей жизни есть и положительные моменты.

Ниоба знала, что сейчас снова расплачется, если они продолжат разговаривать о том, чего же она хотела; она попыталась сосредоточиться на другом.

— Положительные моменты?

— Бессмертие — ровно столько времени, сколько ты пожелаешь. Могущество — ровно столько, сколько сможешь удержать в руках. Цель — потому что ты будешь прядь нити человеческих жизней. Мы являемся Судьбой.

Ниоба подумала о своем прежнем существовании — без Седрика.

А потом о бессмертии, могущество и цели — и возможности расквитаться с Сатаной. Если бы ей предложили выбирать, она бы скорее согласилась получить назад Седрика, но, по правде говоря, выбирать ей никто не предлагал. Ей следует принять предложение Лахесис.

— Что я должна делать, чтобы стать одной из вас?

— Возьми меня за руку, — ответила Лахесис.

Ниоба повиновалась. Возникло необычное чувство, ее словно подхватило и понесло течение — она что-то теряла и одновременно приобретала. Потом Лахесис превратилась в молодую хорошеньюкую девушку, ту, что она видела одно короткое мгновение в жилище Судьбы в Чистилище.

Они расцепили руки.

— Прощай, Дафна, — проговорила Лахесис. — Добро пожаловать, Ниоба.

Что? Ниоба посмотрела на себя и обнаружила, что выглядит как Лахесис.

— Да, ты теперь с нами, — без слов сказала ей Лахесис. — Твое тело перешло Дафне, бывшей Клото. Она свое отслужила.

Ниоба не произнесла ни звука. Она наблюдала, слушала и ощущала; Дафна повернулась, чтобы убедиться в том, что снова осталась одна, а потом взглянула на них.

— Прощайте, подружки, — проговорила девушка, в глазах у нее стояли слезы. — Благодарю тебя, Ниоба. Ты вернула мне мою жизнь.

Она раскрыла руки, и Лахесис обняла ее.

— Скажи ей за меня «пожалуйста», — подумала Ниоба, которую охватила легкая грусть. Ее тело — изменившееся — исчезло навсегда!

— Сама скажи, — ответила Лахесис, и Ниоба вернулась в свое тело. Только в ее сознании присутствовали еще две личности.

Она посмотрела в зеркало, висящее на стене каюты, и увидела себя, такую же, как прежде. Она стояла рядом с

Дафной. Один из аспектов Судьбы стал как две капли в одни похож на нее.

— Пожалуйста, Дафна, — сказала Ниоба.

И вдруг почувствовала, как по щекам, не подчиняясь ее воле, потекли слезы. Дафна протянула к ней руки, и обе, рыдая, обнялись.

Наконец они отодвинулись друг от друга, улыбнулись — две милые молодые женщины — и снова расплакались.

— Ради всех святых! — заворчал голос в сознании Ниобы, и она сообразила, что это Атропос, третий аспект Судьбы.

В конце концов слезы высохли, и Ниоба сказала:

— Я вижу, ты очень на меня похожа. Надеюсь, тебя ждет счастливая жизнь.

— Уж можешь не сомневаться, — ответила Дафна. — Судьба рассмотрела мою нить.

Они немного посмеялись над ее словами, а потом Ниоба вернула тело Лахесис, которая превратилась в паука; они ловко взобрались по нити на потолок, проникли сквозь него, покинули пароход, поднялись в небо и с невероятной скоростью пронеслись по канату, оплетавшему весь мир. И уже в Чистилище, в своем жилище, сотканном из паутины, снова вернулись в человеческое обличье.

— Тебе не придется самой узнавать, как у нас тут все устроено, — заявила Лахесис. — Мы будем помогать и направлять тебя, когда возникнет необходимость, а домашнее хозяйство является моей обязанностью. Но тебе надо прядь нити.

Сначала Лахесис представила Ниобу Атропос. Тело изменилось, и женщина подошла к зеркалу, чтобы Ниоба смогла ее увидеть. Ей было около шестидесяти: стального цвета волосы, глубокие морщины, слишком большой нос; она ужасно напоминала бабушку из детской книжки.

— Я вела самую обычную жизнь на ферме, мы выращивали коз. Помогала мужу доить, готовила еду, стирала, родила четверых детей — один из них умер от оспы, когда ему было восемь. Две дочери и сын выросли, завели свои семьи и разъехались. Я почувствовала себя никому не нужной, когда они стали жить самостоятельно; надо признать, мне нравилось возиться с ними. Поэтому я обратила все свое внимание на мужа и заставила его продать ферму — цены на козье молоко упали, поскольку появились фабрики, где разводили коров и производили молоко в огромных

количествоах, хотя коровье не идет ни в какое сравнение по качеству с тем, что продавали мы. Мы хотели вложить деньги в мебельную фабрику, но нас обманули; фабрика обанкротилась, и мы потеряли все сбережения. Муж заболел, сначала туберкулезом, потом воспалением легких и умер с разбитым сердцем. Я знала, что это моя вина; мне следовало все оставить, как оно было. Но я всегда обожала вмешиваться в чужую жизнь, и когда ко мне пришла Судьба и спросила, не хочу ли я получить настоящую возможность этим заняться... Вот уже пятнадцать лет я здесь и вполне довольна. И, полагаю, не прервала ни одной жизни зря.

— А разве не Смерть — не Танатос — прерывает людские жизни? — мысленно спросила Ниоба. Она не могла говорить вслух, когда тело принадлежало не ей.

— Танатос следит, чтобы души умерших отправились туда, куда им полагается, — в Рай, Ад или Чистилище. Он должен оценить соотношение добра и зла в каждой душе и лично занимается особо сложными случаями. Но я определяю, когда приходит конец каждой жизни; я обрезаю нити.

— Это ты обрезала нить жизни Седрика?

— Пришлось. Твой муж устроил все таким образом, что его нить заняла место той, которую я должна была перерезать первоначально. Он не оставил мне выбора. Я не обладаю полной автономией, в особенности когда в Гобелене возникают изменения. Мои действия — не результат своееволия или каприза. Я должна учитывать определенные условия, чтобы ни одна нить не протянулась дальше, чем ей положено, или не оборвалась слишком рано.

— Но почему речь вообще идет о нитях? — сердито спросила Ниоба. — Почему бы не позволить хорошим людям жить долго?

Атропос устало улыбнулась:

— Дитя, ты стала жертвой обычного заблуждения, бывшего среди смертных. Они считают Смерть врагом и думают, что все будет прекрасно, если жить вечно. Это неверно; старики должны уйти и дать место молодым. Никого из нас сейчас не было бы на свете, если бы наши предки не освободили нам место. Так вот, каждая нить жизни имеет свой срок — длиннее или короче, — и каждая начинается и заканчивается в соответствии с рисунком Гобелена. Я просто перерезаю нити, чтобы не пострада-

дала его целостность, и таким образом служу добру. Вечная жизнь была бы катастрофой!

— А как насчет воплощений? — Ниобу по-прежнему мучила совесть: ее ждет необычное будущее, в то время как Седрик, человек, обладавший выдающимися способностями, умер так рано.

— Воплощения бессмертны, но не вечны, — терпеливо объясняла Атропос. — Мы продолжаем жить, не старея, до тех пор, пока являемся воплощениями. Но сроки нашей службы различны. Твоя предшественница, Дафна, провела тут двадцать шесть лет, удвоив свою смертную жизнь — а потом возникла ситуация, которая оказалась для нее слишком соблазнительной, чтобы отказаться. Она нашла хорошего человека — а хорошего человека найти не так просто! — который мечтал познакомиться с благородной женщиной, но ему никак не удавалось. Теперь она будет стареть, как и все смертные, а потом мне или моей преемнице придется перерезать ее нить. После этого Дафна отправится на тот свет. Другие воплощения тоже сменяют друг друга на своем посту, только в каждом случае по-своему. Танатос умирает, когда забывает об осторожности и становится жертвой своего преемника; Хронос вступает в должность взрослым и живет вспять, вплоть до часа своего рождения или зачатия — никак не могу понять...

— Вспять? — Вот и подтверждение ее подозрений. — А каким же образом он общается с остальными?

— Если ты хочешь что-то сказать здесь, в жилище, просто возьми инициативу в свои руки, — посоветовала Атропос. — Когда мы находимся в обществе других, мы стараемся принимать ту или иную форму, но дома можно расслабиться. Что касается твоего вопроса: Хронос контролирует время. Он реверсирует себя, чтобы иметь возможность разговаривать с остальными, а иногда как бы разворачивает их во времени — только совсем не надолго. В любом случае нельзя рассматривать бессмертие как нечто идеальное. Порой воплощение устает, или ему становится скучно, и тогда оно покидает свой пост. Лишь смертный в состоянии по-настоящему оценить жизнь. Теоретически кто-то из нас может до бесконечности оставаться воплощением, но такого еще никогда не случалось.

Казалось, пожилая женщина знает ответы на все вопросы. И все в ее изложении звучало разумно и понятно,

однако Ниоба по-прежнему не могла примириться со смертью мужа, с тем, что в ней была необходимость.

— Неужели Гобелен пострадал бы так сильно, — спросила она, обнаружив, что и в самом деле может пользоваться ртом, когда тело контролирует Атропос, — останься Седрик в живых?

Атропос превратилась в Лахесис.

— А вот это уже моя вотчина, Ниоба, — проговорила она. — Я отмеряю жизненные нити, следовательно, я определяю их приблизительную длину и расположение. Строго говоря, я не создаю Гобелен — это слишком сложное дело, и никто в одиночку с ним справиться не может, но я распределяю нити в соответствии с рисунком и слежу за тем, чтобы они составляли единое целое. Очень досадно, что смертные частенько обвиняют Судьбу в своих неудачах и никогда не отдают ей должное в случае успеха. Впрочем, мои возможности весьма ограничены. Общая картина определяется действующим соглашением между Богом и Сатаной — балансом между Добром и Злом, — а мы, остальные воплощения, просто стараемся как следует выполнять свою работу. Конечно, не было бы никакого вреда в том, что твой любимый остался бы в живых; предполагалось, что у него впереди долгая жизнь. Но нам пришлось поменять местами ваши нити — а потом уничтожить и твою, поскольку ты больше не числишься среди смертных, хотя они и не знают о том, что ты их покинула. Давай я тебе покажу.

Лахесис взмахнула рукой, и зеркало затуманилось, а потом превратилось в жутковатую картину. Глазам Ниобы представил Гобелен, огромный, как мир, блестящие разноцветные нити, точно мириады звезд на ночном небе — в результате возникал рисунок такой сложный, что дух захватывало от его величия. Ниобе еще никогда не доводилась видеть такого великолепного произведения; она смотрела на него и не могла отвести глаз.

— Ваши с Седриком нити находятся примерно здесь, — проговорила Лахесис, воспользовавшись ручной прядкой вместо указки; район, которого она коснулась, тут же увеличился в размерах, чтобы было легче все разглядеть.

У Ниобы возникло ощущение, будто она спускается из Чистилища на Землю; прямо у нее на глазах росли континенты, постепенно теряя четкие очертания — только перед ней была не земля, а огромный Гобелен, охватыва-

ющий все до единой человеческие жизни. Цветная линия под указкой Лахесис превратилась в могучий поток, в который вливалось множество ручейков. Они продолжали увеличиваться, шириться, пока наконец отдельные нити не стали похожими на толстые канаты, причем каждый из них имел свое собственное место, свой собственный район.

— По эту сторону расположено будущее, а вот там — прошлое, — продолжала объяснять Лахесис. — Настоящее находится в самом центре картинки; как видишь, она движется.

И в самом деле, канаты медленно направлялись в сторону «прошлого», так что центральная часть текла в будущее, внешне оставаясь на месте. Гобелен напоминал реку. Ниобе пришлось несколько раз закрыть глаза, чтобы картина ее не загипнотизировала — бессмысленная попытка, потому что в данный момент тело, а значит, и глаза, принадлежали Лахесис.

Лахесис привлекла ее внимание к двум нитям в ближайшем прошлом. Они шли из разных частей Гобелена, потом соединились, переплелись друг с другом.

— Твоя свадьба с Седриком, — пояснила Лахесис.

Дальше нити разделялись лишь чуть-чуть, в тех местах, где Седрик уезжал в колледж, потом снова соединялись, когда Ниоба его навещала. В одном месте возникла искорка, и Ниоба покраснела, сообразив, что она обозначает мгновение, когда они впервые занимались любовью — очень важный момент в их отношениях. Потом через некоторое время возникла новая нить: зачатие сына или его рождение. Дальше две основные нити поменялись местами, и та, что принадлежала Седрику, оборвалась. Его смерть — вместо смерти Ниобы.

Затем нить Ниобы отделилась от нити ее сына и исчезла из виду. Она не была перерезана; просто стала практически незаметной, изменилось ее качество. Ниоба превратилась в Клото. Ее дух, а не смертное тело, покинул мир.

— Итак, видишь, теперь на Гобелене, в том месте, где было две нити, осталась одна, — сказала в заключение Лахесис. — И она не похожа на остальные. Мы связали ее таким образом, чтобы никто, кому придет в голову внимательно изучить этот район, не заподозрил, что внесены какие-то изменения. Но Гобелен остался таким, каким и был, его целостность не нарушена.

— А Седрик...

— Воплощения не определяют политику. По-видимому, Сатана предвидел, что ты станешь одним из аспектов Судьбы, и попытался принять меры. Он потерпел поражение — но обычно тому, кто вмешивается в дела Князя Тьмы, всегда приходится за это платить.

— Выходит, Сатана может сделать так, что какой-нибудь человек умрет раньше своего времени?

— Ниоба, у нас тут, на небесной тверди, не все идеально, — вздохнув, проговорила Лахесис. — Бог и Сатана давным-давно заключили соглашение, где объявили, что не станут вмешиваться в дела смертных. Главная идея заключается в том, что каждой душе, каждому человеку дается шанс сделать свою жизнь такой, какая ему нравится, а дальше он отправится туда, куда заслуживает — на Небеса или в Преисподнюю. Жизнь смертного — всего лишь основание для классификации его души и, кстати, одна из причин, по которой нельзя позволить человеку жить вечно: на нашем Гобелене не останется свободного места, и он не сможет функционировать, как полагается.

Лахесис отвернулась от зеркала и направилась на кухню, чтобы приготовить еду. Ниоба с ужасом подумала: «А вдруг в кладовке огромного жилища, сотканного из паутины, хранится запас громадных, сочных мух, из которых Лахесис готовит разные блюда?» Но пища оказалась самой обычной. У Судьбы, в отличие от остальных воплощений, не было слуг. Будучи женщиной — точнее, тремя женщинами сразу — Судьба предпочитала все делать сама. Ниобе это понравилось.

— Бог в качестве воплощения Добра, естественно, ведет себя по правилам; он уважает соглашение, — продолжала Лахесис, одновременно занимаясь готовкой. — Сатана же, воплощение Зла, разумеется, обманывает: постоянно вмешивается в дела смертных, иногда путает нити и доставляет нам массу хлопот. Его козням нет конца. Предполагается, что все остальные воплощения должны сохранять нейтралитет, но мы вынуждены выступать против Сатаны, чтобы он не стоял у нас на пути, когда мы выполняем свою работу. Итак, ответ на твой вопрос таков: Сатана не должен отнимать человеческие жизни раньше времени — но он это делает. Мы пытаемся ему помешать — твой собственный пример показывает, с какими трудностями нам приходится сталкиваться. Совсем не просто противиться целенаправленному злу, нам всем это известно по собст-

венному опыту. Мне очень жаль: мы спасли бы тебя и твоего мужа, но у Сатаны в административных офисах Чистилища есть свои агенты, а сам он совершенно беспринципен. Твой муж умер в результате ошибки — но так уж случилось, что она произошла.

Пришлось Ниобе неохотно согласиться с объяснениями Лахесис, однако она еще тверже решила, что Сатана заплатит за причиненное им с Седриком зло. Впрочем, Ниоба не знала, каким образом ей удастся заставить его это сделать.

Г л а в а 5

Пустота

Ниобе потребовалось несколько дней, чтобы привыкнуть к своей новой роли. Она научилась превращаться в паука и перемещаться по нитям, по ее желанию волшебным образом возникавшим в том месте Земли, куда она хотела попасть. Эти нити не имели ничего общего с нитями жизни, показывались тогда, когда в них возникала необходимость, и исчезали, если Ниоба больше в них не нуждалась. Она умела создавать нити, предназначенные только «для чтения», чтобы проверять отдельные жизни. Как и Судьба, Ниоба имела склонность к работе с пряжей, и ни один паук не стал бы протестовать, если бы она появилась на его паутине или охотничьей территории. Более того, паутина была очень удобным местом для остановки во время путешествий; Ниоба передвигалась в обличье насекомого гораздо быстрее, чем в человеческом теле.

Постепенно у нее прибавлялось уверенности в себе: иногда она производила впечатление слабого существа, но ее окружала невидимая сеть, делая неуязвимой для любого нападения смертных. Ниоба выяснила, где находится здание Администрации Чистилища и кто там занимает ключевые посты. То были не воплощения, а потерянные души — мужчины и женщины, в которых добра и зла оказалось поровну, из-за чего они не могли попасть ни в Рай, ни в Ад. Похожие на обычных людей, обладающих телом, на самом деле они являлись призраками, способными жить только в Чистилище.

А еще Ниоба научилась прядь души.

Но сначала нужно было обеспечить себя материалом. Выяснилось, что это вовсе не простая задача.

— Тебе придется отправиться в Пустоту, — объяснила Лахесис.

— В Пустоту?

— Вначале земля была «безвидна». Бог создал мир из Пустоты, после чего появилась нам знакомая реальность. Однако Пустота была использована не целиком. То, что осталось, находится на краю Чистилища, и никто не может проникнуть туда, кроме тебя.

→ Меня?

— В виде Клото. Даже мы — два других аспекта Судьбы. Пустота отвергает нас. Ты отправишься туда одна.

— Но я здесь совсем недавно! Я еще так мало знаю! И не могу...

— За тебя этого никто не сделает, — возразила Лахесис. — Не тревожься понапрасну: тебе ничто не угрожает. Просто путешествие в Пустоту — совершенно уникальное переживание.

У Ниобы не оставалось выбора, обязанности надо выполнять. Однако она боялась. Похоже, у ее кошмаров о том, что должно произойти у черного дуба, были серьезные основания; теперь она не хотела предпринимать опасное путешествие в одиночку.

Лахесис отвела ее к границе Чистилища. Все здесь выглядело самым обычным — но покидать его пределы было опасно.

— И вас с Атропос не будет рядом, даже в моем сознании? — неуверенно спросила Ниоба.

Она обнаружила, что ей нравится компания двух женщин; они помогали ей справиться с болью.

— Мы будем с тобой — только ты нас не услышишь, — мысленно ответила ей Лахесис, потому что они уже покинули жилище. — Наш разум не в состоянии переносить Пустоту. Но мы знаем, что твой на это способен, поскольку Дафна бывала там множество раз. Она говорила нам, что тяжело только вначале, потом становится легче.

— Первый раз всегда труднее всего, — робко согласилась Ниоба. — Я должна найти сердце Пустоты?

— Только там субстанция абсолютно чиста. И не забывай про клубок.

Иначе не найти дороги обратно. На этот раз Ниоба не сможет прибегнуть к временной, исчезающей нити, которой она пользовалась для других путешествий; ее будет вести Нить Жизни, о которой ни в коем случае нельзя забывать!

Ниоба зашагала по дороге. Если никто не в состоянии пересечь границу Чистилища, то для кого же ее проложили?

— Кое-кому дано пройти дальше, — едва слышно ответила Лахесис. — У всех разные возможности. Но ты идешь туда, куда никто не в состоянии попасть.

— Да? А кто еще пользуется дорогой?

— Некоторые другие воплощения. — Ниоба лишь с трудом различала ускользающую мысль. — Марс, Гея... — Больше Ниоба ничего не слышала.

Постепенно дорога превратилась в узкую тропинку, петляющую между деревьями. Видимо, растительное королевство не знало границ!

— Воплощение Войны, — пробормотала Ниоба. — И Природы. Интересно, что они здесь делают? — Однако никто ей не ответил.

Она осталась одна.

Лес потемнел, и тропинка стала совсем узкой, пока не превратилась в едва различимую ленту в сумрачном тумане. Пугающие большие деревья подступали со всех сторон, словно хотели выбраться на тропу и раздавить того, кто осмелился на нее ступить. Ниоба их не узнавала; со всех сторон ее окружала стена грубой коры, а над головой смыкался сплошной зеленый купол. Впрочем, скоро глаза Ниобы приспособились к полумраку, и она видела, куда идет. Ей было ужасно не по себе.

Ниоба нервно оглянулась. Нить светилась за спиной, отмечая дорогу, по которой она пришла. Мысль о том, что она не может заблудиться, утешила ее, и девушка пошла дальше, держа клубок так, чтобы он свободно разматывался. Нить была тонкой, и Ниоба беспокоилась, что та вот-вот порвется. Впрочем, она тут же вспомнила, что никто, кроме Атропос, не может оборвать Нить Жизни.

Неожиданно тропа исчезла. Ниоба в смущении застыла на месте, но вскоре заметила, что зловещее дерево, преградившее дорогу, можно обойти. Она протиснулась мимо него и обнаружила, что на пути встало другое. Ей вдруг показалось, что деревья, точно нахальные мужчины, со-

вершенно сознательно непускают ее вперед. Конечно же, это всего лишь игра воображения!

Она миновала второе дерево. Могучие кроны не позволяли им расти ствол к стволу. Тем не менее корни переплетались между собой, а нижние ветки свисали до самой земли. Однако Ниобе каждый раз удавалось отыскать проход. Деревья были не в силах остановить Судьбу. Вероятно, тропа так сильно петляла из-за того, что шла по кратчайшему пути, широкая ровно настолько, чтобы Клото могла протиснуться между ними.

Потом деревья начали терять сплоченность, стали изогнутыми, стволы скохлись, а листва...

Ниоба заморгала и замерла на месте, чтобы рассмотреть получше то, что ее окружало. С листвой было что-то не так! Из зеленой она превратилась в багряную, а отдельные листья приобрели форму звезд, квадратов или треугольников. Невозможно!

Но почему она не должна верить собственным глазам? Ниоба зашагала вперед. Лес отступил, а деревья стали еще более странными. Теперь повсюду виднелись разноцветные пятна, часть из них парила в воздухе. Законы реальности постепенно искаjались.

Тропа подошла к холму с довольно крутым склоном. Ниоба решила его обойти, но слева гора поднималась ввысь, и вершина терялась в ярких лучах солнца, а справа склон круто уходил вниз, в долину. Перепад был таким сильным, что у Ниобы закружилась голова. Она сделала еще несколько шагов, и стена стала почти вертикальной — впрочем, ей удавалось удерживаться на тропинке, которая шла по вырубленному вдоль склона углублению. И вот уже склон круто обрывается вниз, один неверный шаг — и упадешь в пропасть!

Ниоба никогда не боялась высоты, но здесь и она почувствовала себя неуверенно. Однако ничего не оставалось, как продолжать этот нелегкий путь. Лахесис и Атропос — ее лучшие две части — сказали, что в Пустоте ей не грозит никакая опасность, и не послали бы ее на гибель. Поэтому что и сами тогда подверглись бы риску.

А что им известно на самом деле? Видимо, Дафна никогда не рассказывала о том, с чем ей пришлось тут столкнуться. Может, она была не в состоянии передать свои ощущения — или не хотела понапрасну пугать подруг. «В конце концов, — сказала себе Ниоба, — ты должна

собрать материал, из которого создаются души — а в другом месте его не найти, у тебя нет выбора».

Она зашагала дальше. Идти становилось все труднее. Вскоре верхняя часть стены уже нависала над тропинкой, и Ниобе казалось, будто она продвигается вперед по пещере. Дна пропасти не было видно — внизу клубился туман.

Затем верхняя часть стены начала опускаться и вскоре оказалась ниже тропы, а нижняя — наоборот, поднялась. Ниоба будто шла по внутренней поверхности вертушки! Кто поверит, что такое возможно?

Наконец она выбралась наружу. Впереди виднелась река — нет, тропа, но...

Ниоба остановилась и посмотрела назад. За спиной у нее виднелось огромное колесо, стены которого по спирали разбегались от центра, расширяясь с каждым следующим витком, пока не скрывались с глаз. С боков оставалось открытое пространство, где мигали редкие звезды. Перед ней... Сначала это была тропинка, но постепенно она превратилась в ручей.

Пришло время идти дальше. Ниоба вновь зашагала вперед — и скоро уже шла по влажной земле. Она сняла желтый плащ — ей не полагалось носить одежду определенного цвета, но Клото, по традиции, предпочитала желтый, Лахесис коричневый, а Атропос серый — и постелила его на тропинку. Затем встала на плащ, стараясь не пачкать его. Как ни странно, никаких проблем не возникло: грязь совсем не приставала к туфлям. Земля походила на мягкий пластик, скользкий и гибкий, не липнувший к подошвам.

Ниоба уселась в одном нижнем белье, скрестив ноги и чувствуя себя беззащитной — хотя здесь никто и не мог ее увидеть, — положила прядьку на колени, вытянула руки в обе стороны и прикоснулась пальцами к странному веществу, потом слегка оттолкнулась... Плащ переместился вперед. Новый толчок помог продвинуться еще чуть-чуть. Ниоба быстро приспособилась и заскользила по ручью. Ее плащ приобрел форму блюдца; из него получалась немного неуклюжая, но вполне сносная лодка. Ниоба не понимала, каким образом ей удается удерживать равновесие, но тут, в Пустоте, все было не так, как снаружи. Ниоба крепко вцепилась в прядьку, с которой продолжала разматываться нить.

Вскоре ручей отнес девушку к плавающему на поверхности дереву, которое скорее походило на остров... и даль-

ше по звездному небу. Возможно, звезды лишь отражались в воде — если не считать того, что вода была только в ручье, которым стала тропинка.

Потом островки сменили большие клочья невзрачного материала, распадающиеся на более мелкие части, те, в свою очередь, делились и множились, пока Ниоба не оказалась посреди облака мелких камешков, превратившихся затем в пылинки и дым. Дым рассеялся, и она обнаружила, что дрейфует в пустоте.

Ниоба бросила взгляд на свою прялку и увидела, что нить уже почти кончилась. Однако ручей продолжал течь вперед; он нес ее куда-то, из чего следовало, что она еще не достигла цели своего путешествия. Ниоба не могла остановиться, но если она этого не сделает, то потеряет нить, а без нее никак не обойтись! Значит, нужно раздобыть где-то еще кусок!

Немного подумав, Ниоба опустила руку и зачерпнула немного вещества из ручья. Оно напоминало желе или густую воду. Растигнув вещество между ладонями, Ниоба убедилась в том, что оно легко превращается в тонкие волокна. Удастся ли спрятать из него нить? Почему бы и нет; возможно, оно не идеально чистое, но для ее целей подойдет.

Оказалось, что вручную справиться с этой задачей довольно трудно, сейчас Ниобе очень пригодилась бы самопрялка. Обычно пряжа скручивается в волоконце, причем для каждого материала требуется собственная техника. Необходимо получить подходящую нить, чтобы затем соткать нужную материю. Главное здесь вращение — волокна врачаются вместе, и в конце концов рождается нить. Конечно, можно обойтись и одними руками — Ниоба знала, как это делается. Не будем забывать, что она была женщиной.

Ниоба взяла с собой ручную прялку и веретено, хотя ей нечем было расчесать пряжу. Однако вещество из Пустоты не слишком напоминало волокна. Скорее походило на вязкую конфету. Наверное, удастся получить нужный диаметр и длину, после чего можно начать вращать веретено.

Ниоба попробовала. Растигнула на руках, а потом при помощи прялки придала веществу форму клубка. Когда получилось то, что нужно, Ниоба взялась за веретено — нужно распрямить, перекрутить, а потом сложить волокно таким образом, чтобы в результате возникла ровная, прочная и одновременно тонкая нить. С таким веществом

Ниобе иметь дело не приходилось, но на ее стороне были опыт и умелые руки. Если уж кто-нибудь в состоянии справиться с таким непростым делом, так это она.

Так и оказалось. Физически Ниоба ощущала себя также, как в своей земной жизни, однако теперь она стала Клото и обладала даром волшебства. Повинуясь ее воле, вещества из Пустоты постепенно превращалось в грубую нить, которую Ниоба прикрепила к концу той, что принесла с собой. Теперь она могла спокойно заниматься своим делом.

Наконец плащ проплыл несколько последних метров и остановился. По крайней мере, так решила Ниоба — ведь никаких внешних ориентиров у нее не было, просто ей больше не приходилось разматывать нить. По всей видимости, она прибыла в самое сердце Пустоты, здесь следовало взять месячный запас субстанции душ.

Ниобе некуда было сложить добычу, поэтому ей пришлось еще раз прибегнуть к своему мастерству. Она взяла пригоршню вещества, в котором дрейфовала, и поступила с ним так же, как и с тем, что нашла в реке. Вещество было почти неосязаемым, и у Ниобы возникло ощущение, будто она проделывает привычные движения в вакууме. Впрочем, она чувствовала легкое сопротивление, придающее ей некоторую уверенность в правильности своих действий. Вскоре на прялке образовалось некоторое количество грубой пряжи: ее собственный клубок душ. Ниоба не знала, сколько вещества ей необходимо собрать, но понимала, что может сюда вернуться, когда запас кончится. Все оказалось не так уж и страшно.

Пришла пора возвращаться. Теперь придется плыть против течения. Интересно, как это удастся?

Ниоба попробовала самое очевидное решение — и оно сработало. Она начала подтягиваться на Нити Жизни. Самодельная лодочка вместе со своей пассажиркой легко скользила вперед; казалось, она не встречает никакого сопротивления и не знает инерции. Очевидно, в Пустоте инерция такое же бессмысленное понятие, как и материя; здесь не существует законов, которым она подчиняется. Только нить соединяла Ниобу с материальным миром — если правильно так называть Чистилище; получалось, будто она направляется в сторону якоря, передвигаясь по Нити Жизни, которая нужна вовсе не затем, чтобы не заблудиться, а затем, чтобы вернуться назад.

Снова на воде появились клочья, и река стала больше похожа на реку; она текла из источника упорядоченной субстанции в сторону беспорядочной. Вскоре Ниобе пришлось выбраться из лодочки и идти дальше пешком. Она возвращалась в реальность.

— Привет, малышка.

Ниоба подпрыгнула на месте. Впереди на тропе кто-то стоял. Стоял там, где никого не могло быть!

— Я вижу, ты удивлена, красотка, — промолвил мужчина.

Его фигура имела смутные очертания, однако он показался Ниобе знакомым.

— Здесь никого не должно быть, — запинаясь, проговорила Ниоба, — кроме Марса, Геи или...

— Или Сатаны, — закончил за нее собеседник. — Туда, куда может попасть Бог, в состоянии добраться и его Немезида.

Все тело Ниобы напряглось. Она встретилась с Принцем Зла — совсем недавно приказавшим своему слуге ее убить!

— Я тебя ненавижу!

Сатана рассмеялся:

— Конечно, исключительно прелестное существо! Я воплощение Зла, и ненависть далеко не самое главное зло, присущее мне! Разве ты не знаешь, что выпущена марка в Мою честь? Там написано: «НЕНАВИСТЬ-НЕНАВИСТЬ-НЕНАВИСТЬ-НЕНАВИСТЬ-НЕНАВИСТЬ!» Ты уже попалась на Мою наживку!

Его слова заставили Ниобу задуматься. Сатана сказал правду; разрешив себе погрузиться в пучины ненависти, она стала ближе к нему, хотя именно его и ненавидела. В какую сложную ситуацию она попала! Ниоба не могла позволить себе ненавидеть Сатану.

С грустью ей пришлось констатировать, что с самого начала преимущество было на стороне Сатаны. Пока что инициатива в его руках.

— Что ты здесь делаешь?

— Мне нужно кое-что выяснить, милашка, ведь нам, несомненно, еще не раз придется работать вместе.

Ниоба не смогла сдержаться:

— Почему бы тебе не объяснить, зачем ты убил моего мужа?

— Именно за этим я сюда и пришел, спелая вишенка, — сказал Сатана. — Мне стало известно, что у тебя совершенно неправильные представления о том, что произошло, а между воплощениями не должно быть недоразумений.

— Тут нет никаких недоразумений! Ты вмешался в мою жизнь!

— Вовсе нет, прекрасная роза! Я специализируюсь на зле и понимаю его лучше, чем любое другое живое существо. В большей или меньшей степени зло заключено повсюду, за исключением, быть может, Бога, который, откровенно говоря, наивен в данном вопросе. Позволь мне показать тебе зло, присущее душам других воплощений.

Ниоба торопливо зашагала по тропе, размахивая перед собой прядкой, чтобы заставить Сатану уступить ей дорогу, и он, не двигая ногами, отлетел чуть назад. Казалось, Сатана каким-то образом связан с ней, словно мираж. Она не могла от него избавиться.

— Я... я не желаю тебя слушать! — воскликнула Ниоба. — Другие воплощения не несут в себе зла!

— Зло есть зло, моя прелесть, — заявил Сатана. — Твоя грязная нить наделяет злом совершенно всех.

— Грязная нить! — возмутилась Ниоба. — Я получила ее из самых чистых участков Пустоты!

— В Пустоте нет чистоты, прелестное создание, — возразил Сатана. — Только хаос. То, что ты добыла, — энтропия, настоящий бедlam. Когда ты прядешь, рождается порядок — такой, каким вы его понимаете, — из самого неизвестного хаоса, который тебе удается получить. Ты хочешь целиком и полностью сделать все по-своему, не пользуясь примесями из других источников. Однако, поскольку тебе приходится иметь дело с истинным хаосом, в нем присутствует все, даже элементы порядка. Так что ты вынуждена собирать грязный материал, о, желание моего сердца; более того, именно благодаря этому ты и в состоянии прядь души. В противном случае у тебя ничего бы не вышло. Субстанция Пустоты состоит из добра,нейтрального вещества и зла — и никому не ведомо, что возобладает в конце. Вот почему мы и устраиваем испытание, наделяя человека свободной волей.

Ниоба старалась не слушать, но у нее ничего не получалось. Голос зла звучал даже слишком убедительно.

— Я произвожу Нить Жизни!

— Совершенно верно, дорогая. Живая, свободная воля — иными словами, жизнь. К тому моменту когда каждая частица материала души свершит предначертанное, станет очевидным баланс между добром и злом, возникнет порядок. Придет время, и Пустота будет исчерпана, энтропия Вселенной станет равной нулю. Все добро окажется в Раю, а все зло — в Аду. Работа подойдет к концу, и система исчезнет.

Ниоба пришла в ужас:

— Вся жизнь — лишь лаборатория... в которой классифицируется субстанция Пустоты?

— Именно. Красиво, не так ли? Как и ты, куколка. И в день последнего суда мы увидим, кто победил: Бог или Сатана. Мы узнаем счет.

— Так что же тогда я здесь делаю? — резко спросила Ниоба, чувствуя, что у нее начинает кружиться голова.

— Ты обес печиваешь преемственность, моя сладкая, — ответил Сатана. — Ты зачерпнула Пустоты — полезное и добре е дело. Но зло содер жится в самой твоей нити; если бы было иначе, мы бы вовсе не нуждались в жизни.

— Но воплощени ям не присуще зло! — стойко заявила Ниоба. — Ты сам сказал, что я совершаю добре е дело.

— Да, добре е, не сомневайся, куколка. Однако воплощени я — люди, а значит, они несовершенны. У них есть амбиции, слабости и страсти.

— Страсти! — с негодованием вскричала Ниоба. — О чем ты говоришь?

— Я рад, что ты задала сей вопрос, моя бесценная. — Теперь они проходили через завихрения. Сатана скользил перед Ниобой, словно призрак, и она понимала, что ей от спутника не избавиться. Его очертания становились все более четкими и жутко знакомыми. — Да, воплощени я подвержены влиянию страстей! Периодически они вступают в отношения со смертными, но это совсем непросто. Видишь ли, неотразимая моя, воплощени я не стареют физически — в отличие от смертных. А следовательно, им трудно поддерживать интимную связь с людьми, подверженными данному процессу, особенно если их связывают романтические чувства. Вот почему нам гораздо легче общаться с себе подобными.

Ниобе не приходило в голову, что подобные отношения существуют в Чистилище. Однако Лахесис предупреждала ее о возможном использовании тела; может быть, речь

шла об исключительных случаях. Ниоба продолжала любить Седрика и ненавидеть Сатану за то, что он отнял у нее мужа. Из личного опыта она знала, что Сатана говорит правду: воплощения сохраняют человеческие страсти.

— К несчастью, великолепная, — безжалостно продолжал Сатана, — воплощений не так уж много, и большинство из них мужчины.

— Хронос, Танатос и Марс, — заметила Ниоба. — И ты.

— Ты назвала самых главных. Некоторые считают и Бога мужчиной, хотя это на самом деле не имеет значения. Его не интересуют людские страсти — кроме могущества.

— Главные воплощения? Разве существуют другие? — Ниоба старалась не обращать внимания на слова Сатаны, но он постоянно вызывал у нее любопытство.

— А ты не знала, моя сладкая булочка? Есть еще Гипнос, который отвечает за сон, и Эрос, который...

— Не имеет значения. Так что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, прелестное существо, что воплощением ужасно не хватает молодых и красивых женщин. Гея, естественно, может принимать любую форму и предстать в виде страстной красотки, но у нее отсутствует качество, которое так ценят в женщинах все мужчины.

Он помолчал, словно приглашая Ниобу задать вопрос — и она не смогла удержаться:

— О каком качестве ты говоришь?

— Невинность, — коротко ответил он.

Ниоба обдумала его слова. Она могла представить себе только одну сравнительно невинную женщину в Чистилище: новеньющую Себя.

— Ты, конечно, не имеешь...

— Подумай о Хроносе, красавица, — сказал Сатана. — Он живет в обратном направлении. Хронос помнит будущее и не знает прошлого. Связь со смертной женщиной — если ты извинишь мне такое выражение — будет для него сущим адом. Они просто не в силах понять.

— Но он может изменить время, чтобы оно совпало...

— Только на короткий период, неотразимая. Не всегда. Из чего следует, что, если Хронос хочет встречаться с кем-то раз в неделю без скандалов, он должен найти женщину, которая понимает его положение и готова пойти на подобные отношения. А на такое способно только воплощение. Гея или... — Снова он сделал искусную паузу.

— Ты намекаешь на то, что я?.. — с негодованием спросила Ниоба.

И снова она вспомнила, каким заботливым был Хронос и какими понимающими показались ей все остальные воплощения во время первого визита. И какими скрытными. Все это вызвало у нее очередной приступ тревоги.

— Хронос, конечно же, все помнит, — усмехнулся Сатана. — Наше будущее для него является прошлым.

Ниоба рассвирепела.

— Если ты утверждаешь, что он... я... мы... что я появилась здесь потому, что Хронос захотел...

— И все остальные мужчины-воплощения, — кивнул Сатана. — Все знают, что с Судьбой легко договориться. Естественно, мужчины предпочитают иметь дело с самым юным аспектом, как тебе уже, должно быть, объяснили Атропос и Лахесис.

Ниоба молчала. Да, ей говорили. Теперь их слова становились по-настоящему реальными.

— Вот видишь, горшочек с медом, — как ни в чем не бывало продолжал Сатана. — Нам, воплощениям, нужно поддерживать друг с другом хорошие отношения. Нас слишком мало, и наши обязанности часто пересекаются; если мы не будем сотрудничать, мир превратится в хаос и погибнет. Мы не враги; наша деятельность переплетена. Судьба не может обойтись без Времени — ей приходится стремиться к тому, чтобы Хронос был всем доволен, и для этого у нее есть все, что необходимо.

— Не может быть! — заплакала Ниоба, начиная верить в слова Сатаны.

— Легко убедиться, хорошенъкие ножки. Спроси у Хроноса. Он помнит.

— Нет! Я люблю Седрика! Я никогда...

Однако она уже дала согласие, когда решила стать Клото. В какое положение она себя поставила, не подумав?

— О да, Седрик. Твой принесший себя в жертву муж, удивительный мальчик. Разреши мне окончательно прояснить ситуацию.

— Нет! — воскликнула Ниоба, отворачиваясь.

И все же продолжала слушать.

— Воплощения — и не только Хронос — хотели заполучить новое лицо и невинное тело в Чистилище, — не унимался Сатана. — Я хочу сказать, что даже самая хорошенькая и сексуальная женщина — а Дафна, несомненно,

обладала всеми нужными качествами! — надоедает после нескольких лет или десятилетий, в особенности если учесть, что ее тело совсем не меняется, а разум становится слишком изощренным. Ее неплохо навестить — мне ли не знать! — но оставаться рядом надолго... Новизна исчезла, ее в Чистилище вообще всегда недостает. Поэтому, когда Клото увидела для себя подходящее место среди смертных, она сразу на него согласилась. Ей здесь жутко наскучило, как говорится в будущей пословице, и...

— Как ты можешь знать будущие пословицы?

— Хронос использует выражения, которые он запомнил из будущего, иные из них оказываются весьма подходящими. В любом случае, лучезарная, воплощения постоянно изучают смертных, а ты была самой красивой и невинной из всех, не говоря уже о твоих ловких ручках, так умело обращающихся с прялкой и ткацким станком. Превосходный, неиспорченный и кроткий объект сексуальных домогательств! Вот почему они сделали все, чтобы ты оказалась здесь. А для этого необходимо было покончить с твоим мужем.

Отвратительно! Ниоба понимала, что должна все отрицать — и не могла. Возможно, Сатана и являлся воплощением зла, но то, что он говорит, весьма разумно.

И все же она попыталась сопротивляться.

— Однако они... ты пытался убить меня, а не Седрика.

— Так тебе сказали, воздушное пирожное, тебя обманули, чтобы свалить вину на меня. В конечном счете, кто лучше подходит для роли злодея! И все только затем, чтобы ты добровольно согласилась стать одной из нас; ты обязана была считать, что хочешь этого. Им пришлось покончить с человеком, которого ты любила, чтобы тебя больше ничто не задерживало в мире смертных. Они убедили твоего хорошенького мальчика, что опасность грозит тебе, заставив его тем самым...

— Нет! — закричала Ниоба, как утопающий, хватающийся за соломинку.

— И все вышло просто идеально, как ты уже знаешь, чудесный трофей. Самая желанная и невинная молодая женщина Земли оказалась в Чистилище и стала воплощением. Наши мужчины начали соревноваться за обладание тобой. Я и сам не смог бы провернуть подобное дельце лучше; однако злое деяние, вроде этого, в любом случае

принадлежит мне, по определению. Я советую тебе расслабиться и получить удовольствие, милашка.

— Расслабиться, черт побери! — закричала Ниоба.

Сатана улыбнулся:

— Именно.

Она посмотрела на него более внимательно. По мере того как они шли дальше, облик Сатаны становился более четким, и теперь, на опушке леса, Ниоба смогла его узнать. Он превратился в Седрика.

— Ты полнейшая скотина! — завопила Ниоба, пытаясь толкнуть его на дерево. — У тебя нет никакого права...

Он схватил ее за руку.

— Поцеловать тебя, сладкие губки? — раздался голос Седрика. — Я тоже нахожу тебя желанной и могу заставить забыть...

Она ударила его прядкой, которую держала в руке. Сатана увернулся, но нить с прядки мгновенно опутала его, и ему пришлось принять свой обычный облик.

— Уходи прочь! Убирайся!

— Что ж, — со вздохом проговорил он, — может быть, в другой раз, когда ты окончательно разочаруешься...

Сатана исчез, оставив Ниобу с ворохом запутанных ниток.

Ниоба стояла и плакала от охвативших ее ярости и горя. Будь проклят Лукавый! Он превратил ее многообещающую жизнь в сплошные мучения.

Однако через некоторое время Ниоба призвала на помощь весь цинизм, накопившийся в ее душе. Она распутала нити, смотала их в клубок и направилась дальше. Она не желает быть игрушкой Судьбы; у нее имеется свобода воли, и она всегда может вернуться в мир смертных, если захочет. Это объясняли всем воплощениям, за исключением Хроноса, вначале получавшего испытательный срок, после чего он оставался на своем посту неограниченное время. Она просто объявит, что не подходит для данной работы и не будет служить им в том качестве, на которое они рассчитывали!

Ниоба двинулась дальше, обходя деревья. Постепенно слезы у нее на лице высохли. Жертвой какого чудовищного заговора она стала! Подумать только: Седрику пришлось умереть для того, чтобы...

Ниоба все еще кипела от ярости, когда лес заметно поредел и отступил, а тропинка превратилась в дорогу. Она

вновь оказалась в обычной реальности, но ее это совсем не обрадовало.

— Что случилось, Клото?

Они вернулись!

— Вы и сами должны знать, лицемерки! — вспыхнула Ниоба.

— Почему ты так говоришь? — Ниоба ощутила удивление.

И не стала ничего скрывать.

— Подожди! Подожди! Мы не можем так быстро уследить за твоими мыслями! Мы ощущаем твой гнев, но ты должна облечь его в слова, чтобы мы поняли.

— Седрик! — закричала Ниоба. — Вы устроили заговор и убили его, чтобы я... чтобы я... — Слезы вновь покатились по ее щекам; любовь, горе и гнев смешались, живо напомнив ей хаос Пустоты, в которой она только что побывала.

— Седрик? Мы же объяснили!

— Сатана привел более убедительные доводы! Я не останусь с вами! Вы не имеете права...

— Сатана! — ощущала Ниоба мысль Лахесис.

— Тогда все понятно! — согласилась Атропос.

— Да, Сатана! — повторила Ниоба. — Он прекрасно понимает зло! Он был там, в Пустоте, и он...

— И он опутал тебя хитрой ложью, — продолжала Лахесис.

— А ты ему поверила, — сказала в заключение Атропос.

— Да, я ему поверила! — воскликнула Ниоба. — И хочу снова стать смертной! Там, во всяком случае, у меня будет свое тело!

— Ты поверила Отцу Лжи, — подумала Атропос.

— Да, у тебя есть право, — перебила ее Лахесис. — Но сначала нам нужно во всем разобраться. Прежде чем что-либо предпринять, ты должна узнать всю правду, иначе Сатана приведет тебя к трагедии.

— А зачем ему это?

— Он не хочет, чтобы ты осталась с нами. Ему известно, что каким-то образом ты можешь причинить ему огромный вред. Именно поэтому он и пытался тебя убить до того, как ты стала Клото.

Ниобу охватили сомнения. Сатана говорил так убедительно... Однако воплощение Зла наверняка лжет для до-

стижения собственных целей. Она не должна ему верить, пока во всем не разберется.

— Но как я могу узнать, что правда, а что ложь?

— Может быть, Хронос знает.

— Хронос! — с возмущением воскликнула Ниоба. — Единственное, чего он хочет...

— Это только половина правды.

— Ты подтверждаешь, что тут Сатана сказал мне правду? — резко спросила Ниоба.

Лахесис мысленно вздохнула:

— Сатана отравил твой разум. Ты должна сама очистить его. Ступай к Хроносу, заставь его все рассказать. Мы будем молчать до тех пор, пока ты не обратишься к нам.

Да, конечно, так и следовало поступить. Хронос находится в самом сердце проблемы. Она не станет скрывать от него свои чувства!

Ниоба вернулась в жилище, положила на место добытую пряжу (позднее она спрядет из нее нити жизни новых смертных — если задержится здесь надолго) и направилась к особняку, в котором жил Хронос. Ниоба еще не научилась как следует обращаться с нитями-дорожками; получилось бы куда быстрее, если бы ей помогла Лахесис или Атропос, но она решила, что необходимо все делать самой, чтобы...

Зачем? Чтобы стать хорошей Клото? Когда она не собирается играть эту роль?

Наконец она добралась до особняка. Ниоба уже знала, что время меняет свое течение на обратное, когда ты входишь в обитель Хроноса, так что на самом деле она должна уйти до того, как появится здесь. Ей вдруг показалось это удивительно интригующим. Так происходило для того, чтобы с Хроносом можно было общаться; в противном случае разговор стал бы невозможен.

Она постучала в дверь, и ее немедленно впустили. Хронос встретил гостью в белоснежном одеянии; встал, улыбнулся, обнял и поцеловал.

Ниоба так удивилась, что застыла на месте. Потом, придя в себя, вскинула голову и ударила Хроноса по щеке.

— Откуда у тебя такое хладнокровие, как ты смеешь так со мной обращаться? — воскликнула девушка.

Хронос отпустил Ниобу, с удивлением на нее глядя:

— Клото, что случилось?

— Что случилось? — с яростью повторила она. — Ты только что схватил меня и поцеловал!

— И что тут удивительного! Я всегда так делаю, когда мы оказываемся здесь.

— Всегда делаю! Значит, все правда!

Только теперь в глазах Хроноса появилось понимание.

— Время... Для тебя цикл только начинается?

— Что?

— Ты недавно стала Клото?

— Да, конечно! Тебе же прекрасно известно! И если ты думаешь, что я...

— Но я не знал! — запротестовал Хронос. — Это случится в моем будущем, а ты никогда не называла точное время...

Только теперь Ниоба поняла. Ведь он живет в обратном направлении.

— Ты не мог участвовать в заговоре — потому что для тебя события, о которых идет речь, еще не произошли!

— Я бы никогда не стал устраивать заговор против тебя, Клото, — сказал Хронос. — Я люблю тебя.

Ниоба почувствовала, как дьявольская рука сдавила ее сердце. Она покачнулась и присела на диван. Значит, у нее действительно будет роман! С человеком, которого она не знает и не любит!

— О, Клото, — продолжал Хронос. — Я не понял. Ты не поступала так раньше. Ты не помнишь. Если бы я сообразил... Извини. Я должен был... Много лет назад ты сообщила мне дату своего появления. А я забыл. Прошу прощения...

— И что ты вспомнил? — с тоской спросила Ниоба.

Он занял место напротив Ниобы.

— Когда я только начинал — с твоей точки зрения тридцать пять лет назад, — меня смущало все. Я понятия не имел, что и как следует делать — даже Песочные Часы являлись для меня тайной. Но ты, во всех трех ипостасях, пришла ко мне, взяла за руку и вывела на правильный путь. Складывалось впечатление, что мы уже давно знакомы, хотя до того мы никогда не встречались. Ты так много для меня сделала, и я был ужасно тебе благодарен, а когда ты...

Он замолчал, закрыв лицо руками.

— О, Клото! Все так неожиданно закончилось! Я многим тебе обязан, и мне будет ужасно тебя не хватать!

Неожиданно он напомнил ей Седрика, каким тот был в начале их брака. Таким отчаявшимся и потерянным, не способным принять ту реальность, с которой он столкнулся. А она, в своей наивности и бесчувственности, лишь усугубляла его проблемы. Как Ниоба жалела об этом сейчас!

Ей стала очевидна вся чудовищность лжи Сатаны: Хронос не мог быть участником заговора против нее. Она начала их роман — за тридцать пять лет до нынешних событий! А сегодня обвинила во всем Хроносу!

Если бы она знала, что ее ждет в будущем, она вела бы себя с Седриком совсем иначе, с большим пониманием и осторожностью. Теперь возникла похожая ситуация. Ниоба не любила Хроноса — но и Седрика она поначалу не любила. Ей преподали хороший урок.

Хочет ли она снова стать смертной? Седрика там все равно нет. Если уж ей суждено жить без него, не лучше ли обладать властью Судьбы, чем быть простой смертной? Эта роль дает множество замечательных возможностей. Она будет занята — а уйти сможет в любой момент. Нет никакой необходимости принимать решение сейчас. И все же...

Сатана пытался уговорить ее все бросить. Он не стал бы беспокоиться, если бы не знал, что в ее власти причинить ему серьезные неприятности.

Хронос помнит тридцать с лишним лет их отношений. Это показывает, какое решение она приняла. Какой смысл бороться с неизбежным? Уж лучше взять себя в руки и сделать то, что необходимо. Седрик умер; он никогда больше к ней не вернется. Необходимо посмотреть в лицо реальности — и чем быстрее, тем лучше. Пришло время выполнить свои обязательства.

Ниобу не слишком радовали перспективы, но она решительно отбросила сомнения. Вытерла лицо, привела в порядок волосы и встала.

Хронос продолжал сидеть, закрыв лицо руками. Он не притворялся; это был благородный, уязвимый человек, и он скорбел об отношениях, которые теперь остались для него в прошлом. Ниоба прекрасно понимала его чувства.

Она подошла к Хроносу и положила руку ему на плечо:

— Хронос, я понимаю. Сегодня последний раз.

Он посмотрел на нее:

— Для меня. А для тебя — первый.

— Да, для меня. Я не люблю тебя, но... — Она пожала плечами. — Я плохо подумала о тебе, Хронос, и мне стыдно. Я приношу свои извинения. Для нас существует только настоящее. Такое, какое оно есть.

— Да, уж какое есть, — согласился он, протягивая к ней руку.

— В следующий раз все будет иначе. Я забуду о сегодняшней встрече.

— А я не стану тебе напоминать. — Хронос привлек ее к себе.

Ниоба попыталась скрыть охватившее ее отвращение — ведь к ней никогда не прикасался никто, кроме Седрика. Она чувствовала себя виноватой и нечистой — но одновременно понимала, что поступает правильно. Она больше не замужем, перестала быть смертной, у нее появились новые цели и задачи.

Оказалось, что долгое общение с ней придало Хроносу черты, благодаря которым Ниобе было легче иметь с ним дело. Когда все кончилось, она оделась и ушла, воспользовавшись выходом, который находился с противоположной стороны особняка, чтобы не встретиться с собой и не объяснять, что произошло, той Ниобе, которая еще только входила в дом Хроноса!

Ей не хотелось возвращаться в свое жилище, поэтому она решила провести следующий час где-нибудь в другом месте. Это поможет компенсировать те полчаса, которые она провела у Хроноса — в результате получится, что она переместилась на полчаса своего нормального времени.

Куда отправиться? Естественно, на Землю — какие тут могут быть вопросы? Ниоба скользнула вниз по нити — отличная тренировка! — к той ферме, где жил малыш. Подошла к двери и постучала.

Все были приятно удивлены ее неожиданным визитом, но не смогли скрыть некоторого беспокойства.

— Я пришла совсем ненадолго. Мои дела не закончены; и мне придется оставить у вас сына еще на некоторое время.

Ниоба увидела облегчение на лицах, и это ее порадовало. Эти милые люди и в самом деле не хотели расставаться с малышом, и дело тут было совсем не в тех деньгах, которые они получали. Да, здесь вполне подходящее место для ее сына.

Ниоба подняла мальчика на руки, поцеловала, а затем поставила на пол. Вскоре он уже играл со своим кузеном Пейсом.

— Черный дуб просто поразителен, — заметила мать Пейса. — Дриада спускается с него, чтобы повозиться с малышом, когда мы отходим в сторонку.

Они выполнили ее просьбу! Что ж, хотя бы дриада не лишена общения со своим любимцем.

— Она преподает ему волшебство, — сказала Ниоба и подмигнула.

— Если он сможет чему-нибудь научиться, то станет прекрасным волшебником! — сказал отец Пейса.

Да, Ниоба поняла, что поступила правильно. Потеря ребенка причинила боль, но она сумеет к ней привыкнуть, как и к отношениям с Хроносом. Теперь у нее новые проблемы и обязательства. Даже тело перестало быть ее собственностью, оно принадлежит Судьбе, как если бы родилось из субстанции Пустоты.

Однако она не существо из Пустоты! Ей предстоит прожить новую жизнь — хорошо бы, лучше прежней.

Г л а в а 6

Генеалогия

T

еперь, когда Ниоба немного успокоилась, ее жизнь вошла в свою колею. Они спали по очереди, по шесть или восемь часов, распределяя время таким образом, что одна доминировала — иными словами, обладала телом, — другая бодрствовала, составляя ей компанию, а третья отдыхала или спала. Сначала сон, потом бодрствование, а следом переход в доминирующее состояние, чтобы полностью контролировать ситуацию, когда приходит твоя очередь. Таким образом, Ниоба-Клото спала, далее составляла компанию Атропос, когда та владела телом, а потом становилась главной, с ней вместе бодрствовала Лахесис, а Атропос отдыхала. Иногда они менялись, порой срочные дела или какие-нибудь особые обстоятельства вынуждали всех троих действовать одновременно или, наоборот, вместе ложиться спать. Но, как правило, такое случалось нечасто.

Ниобе нравились Лахесис и Атропос. Они много разговаривали, сравнивали свои впечатления по поводу того, с чем им приходилось сталкиваться. Лахесис и Атропос подслушивали во время первого свидания Ниобы с Хроносом, но для них это переживание оказалось так же в новинку, как и для нее. Они не подталкивали Ниобу к принятию нужного решения; у них не было любовной связи с Хроносом. Очевидно, направляясь в сторону их прошлого, он не проявил никакого интереса к незнакомой ему новенькой Клото.

— Тело — это всего лишь тело, — философски заметила Лахесис, когда Ниоба принялась прядь Нити Жизни из вещества, которое она добыла в Пустоте. — Ты молода, тебе кажется, будто для каждой женщины есть только один мужчина, и наоборот, но в жизни всякое случается. Мы, аспекты Судьбы, вынуждены забыть о романтике и стать более прагматичными.

— Да, — грустно согласилась Ниоба, — Хронос хороший человек. Но я никогда не разлюблю Седрика.

— Первая любовь всегда самая сильная, — согласилась Лахесис. — Я помню...

И она рассказала о своей первой любви, которая была не такой непосредственной, как у Ниобы, однако отличалась остротой и глубиной переживаний; теперь Ниоба знала, что Лахесис все понимает. Мужчины склонны оценивать отношения с физической точки зрения, в то время как женщин больше занимает эмоциональный аспект; мужчины видят только тела и действия, а женщины — характеры и чувства. Все трое единодушно согласились с тем, что женский подход более разумен, но и в мужском есть свои преимущества, и оба могут вполне успешно взаимодействовать.

До некоторой степени они умели выполнять работу друг друга. Обычно — но не всегда — Ниоба спала, пока Лахесис работала, и бодрствовала, когда Атропос приступала к своим обязанностям. Не всякий раз нить обрезалась в конце земного существования человека; ведь имелась еще и отправная точка. Поэтому, после того как Лахесис анализировала, измеряла и помечала каждую потенциальную жизнь, Атропос брала кусок бесконечной нити, которую пряла Клото, а потом закрепляла ее на Гобелене. В начале нити было зачатие ребенка; ее привязывали к нитям родителей, а затем она устремлялась в свой собственный путь. Физические, умственные и эмоциональные качества определялись наследственностью и тем, насколько точно соединены нити, а на дальнейшее развитие существенно влияло окружение. Но за странные совпадения, случающиеся у всякого, отвечала Судьба. Отдельные, казалось бы, блестящие начавшиеся жизни были обречены на разочарование и неудачи, в то время как внешне слабые нити ждало великое будущее. Лахесис планировала их расположение, никогда не забывая о красоте общей картины. Порой ей приходилось вплетать в Гобелен совсем короткие нити —

ребенок умирал в детстве. Ее это огорчало, но она ничего не могла изменить, поскольку загруженность в одном районе приводила к тому, что страдал весь Гобелен в целом, и тогда гибли невинные люди, если в ключевом месте не исправлялась ошибка. Нелегко объяснить простому смертному, почему он должен переживать боль и испытывать мучения, поскольку проблемы, с которыми сталкивалась Судьба, не лежат на поверхности и устраниТЬ их можно несколькими разными способами. Лахесис надлежало выбрать правильное решение.

По правде говоря, Лахесис не имела никакого отношения к преждевременной смерти Седрика. Сатана умудрился растянуть ткань Гобелена таким образом, что, только перерезав определенную нить, удалось бы исправить зло — этой нитью являлась жизнь Ниобы, пока Седрик не пожертвовал ради нее собой. Лахесис все еще приводила в порядок пострадавший в результате Гобелен; поверхность кое-где топорщилась, и Атропос пришлось отсечь несколько дополнительных нитей, а вместо них ввести парочку новых.

Ниоба разглядывала рисунок и видела места, которые нуждались в ремонте. Теперь она понимала, какая трудная у Судьбы задача. Судьба не была всесильной или капризной; она всего лишь делала то, что не до конца понятно простому человеку. Все равно как если бы солдат вдруг вышел из строя и потребовал у генерала объяснений.

Постепенно размеренное и достаточно однообразное существование в роли аспекта Судьбы стало тяготить Ниобу, хотя ей нравилось общаться с другими воплощениями, включая Сатану. Ниоба не полюбила Хроноса, но он испытывал такую благодарность за определенные услуги, которые она ему оказывала, что Ниоба тоже начала получать от них удовольствие. Порой ей — точнее, Лахесис — приходилось с ним вместе работать, поскольку Хронос мог установить время возникновения ключевых событий в судьбе человека — узлы, появляющиеся на жизненных нитях. Нельзя было допустить, чтобы они слишком туго затянулись, или болтались чересчур свободно, или переплетались друг с другом там, где не следует. Атропос сообщала Хроносу, когда наступает конец каждой нити, так как он отвечал за часы Танатоса. Если Танатос не поспеет к последним минутам бренного существования души, в которой добро и зло находятся в равновесии, она вернется на-

зад в Пустоту, и получится, что все усилия были напрасны. Зря прожитая жизнь — что же тут хорошего?

Но вскоре и это ей наскучило. Аспекты Судьбы, когда у них появлялось свободное время, частенько навещали мир смертных. Они смешивались с толпой и делали вид, будто возвращаются домой с работы, едут отдохнуть или бегут куда-то по делам. Люди обычно их не замечали, так что никаких проблем не возникало. У каждой имелось свое любимое местечко... Что-то вроде отдыха в выходные дни.

Лахесис обожала посещать роскошные рестораны и получала удовольствие от изысканной еды. Среди прочих естественных функций воплощения нуждались в пище. Они не умерли бы с голода, однако чувствовали бы себя при этом неважно. Чистилище давало все необходимое, но в том, чтобы сходить в ресторан, который посещают самые обычные люди, было какое-то особое наслаждение. «Воплощения-мужчины, — озорно улыбаясь, поведала Лахесис, — порой утоляют кое-какие из своих аппетитов со смертными женщинами, хотя им приходится быть очень осторожными, чтобы не изменить рисунок Гобелена». Воплощение не может зачать ребенка, потому что остается в одном и том же возрасте — эмбрион не будет развиваться дальше маленькой клетки, — но это не единственный способ воздействовать на смертного.

Однажды у Марса возник роман с амazonкой — он питает слабость к osobam c bуйным нравом, — и ее нить поменяла свое направление. Из-за этой связи у амazonки не возникли отношения с мужчиной, от которого должны были родиться дети. Лахесис пришлось искать выход из сложившегося положения. Она изучила нить женщины, но не нашла места, где можно было бы прикрепить новую нить — жизнь ребенка, и довольно резко поговорила с Марсом, требуя, чтобы тот прервал свою интрижку. Естественный порядок вещей удалось восстановить — Лахесис привязала новую нить, чуть отступив от первоначальной точки. Клото пришлось утешать Марса, пока он не нашел другую смертную дамочку для своих развлечений. В Чистилище тогда разразился настоящий скандал.

Атропос предпочитала посещать сольные концерты, оперные и драматические театры. Поскольку Ниоба тоже присутствовала там, постепенно она стала получать от них удовольствие. Таким образом она расширяла свой кругозор и знакомилась с искусством и культурой. Однажды

служащий придрался к документам Атропос — заподозрил, что она изменила свой внешний вид, выдав себя за человека из высшего общества. Тогда Ниоба завладела телом, улыбнулась и спросила у служащего, что происходит. Тот заморгал — ведь теперь перед ним стояла молодая красивая женщина, а не скромная старушка, — извинился за причиненные неудобства и поспешно ретировался. Атропос снова вернулась в тело и спокойно дослушала оперу до конца.

Сама же Ниоба частенько навещала сына. Сначала она приходила, не изменяя внешнего вида, но вскоре поняла, что так не может долго продолжаться. Во-первых, она не старела. Теперь ей всегда было двадцать три года; пройдет совсем немного времени, и это начнет бросаться в глаза. Кроме того, она не хотела, чтобы сын привыкал к ней и ждал ее приезда; пусть забудет мать и станет членом своей новой семьи. Так ему будет легче — в конце концов. А еще Ниоба видела, что кузен Пасиан влюбился в нее до потери сознания. Такие вещи нередко случаются с подростками; это оборотная сторона медали под названием «красота». И потому Ниоба решила, что лучше ей вовсе у них не показываться.

Однако она хотела иметь возможность лично общаться с сыном. И попросила Атропос выступить в роли своей пожилой подруги, которая приехала повидать живущих недалеку родственников и просто обожает детей. Атропос, следуя советам и подсказкам Ниобы, подружилась с малышом, и со временем Пейс, словно грозный страж, охранявший своего маленького друга, тоже признал ее.

Шли годы, и сын Ниобы превратился в резвого мальчишку, а Пейс стал высоким и удивительно красивым юношем. Атропос водила их на легкие оперы и пьесы, интересные для любых возрастов. Она в этом прекрасно разбиралась и знала, какие нужно посмотреть. Ребятам нравилось ходить с ней в театр, а родители Пасиана с одобрением относились к их походам. Да и сама Атропос получала от них удовольствие, так что все были довольны.

Однако одно происшествие потрясло всех. Сыну Ниобы исполнилось шесть, Пасиану — восемнадцать. В тот день проходила ежегодная ярмарка, на которую отправилась вся семья. Но как-то так получилось, что в толпе взрослые и дети разделились. Атропос осталось с молодёжью; за Пейсом присматривать нужды не было, в отличие от сынишки

Ниобы, но они уже привыкли проводить время втроем и чувствовали себя прекрасно. Их дружная компания обошла ярмарку, они поиграли в разные игры, поели пирожных, покатались на маленьком прирученном сфинксе, по-глазели на магическое представление, посмотрели два танца «Нимфы против сатиров». И хотя в первый момент зрелище могло показаться весьма вызывающим, особого впечатления оно не производило; участники были самыми настоящими, но за десяток представлений, данных в течение дня, растеряли весь свой пыл. И тем не менее глаза малыша полезли из орбит, когда он все это увидел; ему не следовало здесь находиться; впрочем, никто специально не следил за подобными вещами, а он пообещал ничего не говорить родителям Пасиана. Сама Ниоба возражала, но Атропос только фырнула в ответ:

— Парнишка интересуется магией, а это один из ее аспектов. Можно подумать, он никогда в жизни не видел нимф!

Конечно же, она была совершенно права, ведь сын Ниобы продолжал дружить с гамадриадой, живущей на черном дубе.

И вот в какой-то момент они оказались возле палатки предсказательницы судьбы.

— Эй, скажи, что меня ждет! — крикнул малыш, потому что и в самом деле просто обожал волшебство, а тут его имелось сколько душе угодно.

— Да ну, наверняка они все врут, — возразил Пасиан.

— Я могу проверить, если хотите, — предложила Атропос.

— Ты чтотворишь? — возмутилась Ниоба. — Предсказательница наверняка тебя узнает.

— Отлично, давайте ее проверим, — согласился Пейс, поскольку любил выводить на чистую воду мошенников.

Самый младший член их компании радостно захлопал в ладоши. Они заплатили, женщина взглянула на Атропос, а затем протянула деньги назад.

— Ты хочешь меня одурачить, бессмертная? — потребовала она ответа. — Разве тебе не известно, что судьбы таких, как ты, мне не открываются!

— Предсказательница настоящая, — доложила Атропос и снова вложила деньги в руку женщине. — Займись мальчиками, они смертные.

— Ты бессмертная? — повернувшись к Атропос, спросил Пейс.

— Я стара и не буду жить вечно.

Ее объяснение его не удовлетворило, но он промолчал.

— Хорошо. Посмотри, что ждет меня и моего братишку. — Он поднял малыша и посадил повыше. — На ком мы женимся и станут ли наши дети знаменитыми?

Сын Ниобы захихикал, вопрос показался ему забавным. Он не верил, что настоящий порядок вещей когда-нибудь изменится.

Однако предсказательница отнеслась к нему серьезно. Она взяла правую руку малыша и левую руку Пейса, а потом закрыла глаза. В следующее мгновение они широко раскрылись.

— Вот это да! — воскликнула женщина так, словно выпустила струю пара. — Какие необычные молодые люди!

Ниоба заинтересовалась — что же увидела прорицательница?

— Каждый будет обладать самой красивой женщиной своего поколения, которые рожат им самых талантливых в своей области деятельности дочерей. — Предсказательница закрыла глаза и монотонным голосом произнесла: — Каждая из дочерей пойдет против спутанной пряжи; одна, возможно, выйдет за Смерть, а другая возьмет в мужья Зло. — Женщина отпустила руки мальчишкам; казалось, она потрясена увиденным. — Больше я не решаюсь сказать.

Пейс снова поставил малыша на землю, и они отошли от палатки.

— Это было правдивое предсказание? — в ужасе спросил он.

— Похоже на то, — ответила Атропос. — Конечно, многое зависит от интерпретации, а потому ее слова могут иметь и иное значение.

— Какое удивительное предсказание! — воскликнул Пасиан. — Самая красивая женщина?

— Спутанная пряжа? — переспросила Ниоба. — Это уже касается нас!

— Одна выйдет за Смерть, а другая возьмет в мужья Зло, — задумчиво повторила Атропос. — Не уверена, что мне это нравится.

Ниобу тоже охватили сомнения.

— Смерть — это Танатос, а Зло — Сатана. Их дочери станут женами воплощений?

— А что такое спутанная пряжа? — поинтересовался мальчиш.

— Неприятности! — ответила Атропос.

— Вот уж точно! — согласилась Ниоба.

Мальчишки и Атропос устроились под деревом, чтобы обсудить только что услышанное.

— Совсем не плохое предсказание, — сообщила Атропос мальчикам. — Нет ничего худого в том, что мужчина обладает красивой женщиной и имеет талантливых детей. А то, что они пойдут против спутанной пряжи, по всей видимости, значит, что они станут очень важными фигурами. Ну а насчет брака со Смертью и Злом... Помните, в предсказании говорилось «возможно». Любой человек может нарваться на неприятности, если будет вести себя необдуманно! Вы получили предупреждение; вам следует воспитать своих детей таким образом, чтобы они опасались Смерти и Зла, и у них не возникнет никаких проблем.

— Слушай, а ты права! — воскликнул Пасиан. — Мы и вправду получили предупреждение и теперь можем сделать так, чтобы все было хорошо.

Однако, как ни странно, маленький сын Ниобы погрузился в глубокие раздумья, а потом спросил:

— А предсказания не... не...

— Неизбежны, — закончила за него Атропос. — Да, настоящее предсказание обязательно сбудется, а то, что мы несколько минут назад услышали, показалось мне самым настоящим. Впрочем, кое-какие лазейки тоже имеются.

— Я хочу услышать другое, — решительно заявил шестилетний мальчиш. — Под... под...

— Подтверждение, — помог ему Пейс.

Атропос пожала плечами:

— Думаю, это не повредит.

— Хочет получить подтверждение? — подумала Ниоба. — А у меня, оказывается, умненький сын!

Итак, они отправились к другой предсказательнице. И снова Атропос предложила деньги, и снова женщина догадалась, кто она такая.

— Что здесь делает ваша жуткая троица?

— Это для мальчиков, — ответила Атропос, прекрасно понимая, что прорицательница имела в виду; еще одна настоящая специалистка своего дела! — Посмотри, что ждет их в будущем... и их детей.

Провидица взяла мальчиков за руки — и ее глаза точно так же, как у первой, раскрылись от удивления.

— Один будет защитником оленей, а его дитя спасет человечество; другой полюбит воплощение, а его ребенок станет одним из воплощений. Но пряжа запутана... Поразительно! — Женщина быстро выпустила руки мальчишек из своих. — Больше я не могу ничего сказать, для меня это слишком.

И в самом деле она вся дрожала.

Атропос и ее приятели отошли в сторонку и принялись обсуждать слова прорицательницы.

— Олени? — переспросил сын Ниобы.

— Его отец хотел найти способ научить оленей стрелять в охотников, когда те на них нападают, — пояснила Ниоба.

Атропос повторила ее слова, и мальчик воскликнул:

— Я это обязательно сделаю! Гама покажет мне как! Я научу оленей стрелять в ответ!

Однако Пейс с подозрением уставился на Атропос:

— А ты откуда знаешь? Мой кузен Седрик умер задолго до того, как ты с нами познакомилась.

— Я знаю его жену, мать малыша, — ответила Атропос. — Я же тебе говорила, что дружна с его семьей.

— Правда? А где она сейчас? Ниоба уже давно к нам не приезжала.

— Она работает над одним важным проектом, — проговорила Атропос. — И очень секретным. Именно по этой причине она не смогла забрать с собой сына.

— Ниоба — самая красивая женщина, которую я когда-либо видел, — мечтательно протянул Пасиан.

— А что такое воплощение? — спросил малыш.

— Воплощение — это человек, который воплощает в себе самые важные аспекты существования людей, — осторожно проговорила Атропос. — Любовь, Война, Время...

— Смерть, Зло, — вставил Пейс. — То, другое предсказание...

— Я думаю, — перебила его Атропос, — ваши дочери познакомятся с замечательными личностями, и одна из них станет...

— Воплощением, — догадался Пейс. — Неужели такое может быть?

— Смертные времена от времени действительно становятся воплощениями, — объяснила Атропос. — Хотя нечасто.

— А каким воплощением она станет? — поинтересовался малыш.

Атропос развел руки в стороны.

— Обе предсказательницы единодушно заявили, что пряжа запутана. Сомневаюсь, что мы сможем распутать ее до того, как все произойдет... Кроме того, мне кажется, и пытаться не стоит, только хуже будет.

— Да, лично я считаю, что с этого момента лучше держаться подальше от прорицательниц, — заявил Пейс, но у малыша на лице появилось сомнение.

Они посетили еще пару аттракционов, однако ребята вели себя тихо, о чем-то глубоко задумавшись. Как, впрочем, и Ниоба. Будучи аспектами Судьбы, они с Атропос могли проследить нити жизни, но не очень далеко, поскольку довольно быстро картинка затуманивалась. И вовсе не потому, что в действие вступала враждебная магия, просто сам Гобелен был сутью настолько сложной, что лишь прямое изучение района, относящегося к настоящему, давало четкое представление о нынешней реальности. Ниоба знала, что нити Пасиана и ее сына достаточно длинны; ни один из них не должен умереть молодым. Смерть Седрика научила ее многому — она первым делом просмотрела нити жизней своих близких. Но проверить все их связи, существующие в ткани Гобелена, не было возможности. Предсказания, казалось, подтверждают, что мальчики, которые уже и сейчас дружат с воплощением, будут и дальше с ними общаться. Что ж тут особенного? Но, вне всякого сомнения, их ждет весьма необычное будущее!

Время шло, и никто не обсуждал предсказаний, хотя Ниоба знала, что мальчики о них не забыли. С этого момента ее сын все больше и больше внимания уделял волшеству. Он приобрел чемоданчик чародея и стал тренироваться в выполнении простейших заклинаний и превращений. Надо заметить, получалось у него не очень ловко, но ни один другой ребенок его лет даже и не пытался заниматься настоящей магией; гораздо легче нанять профессионального волшебника или купить набор заклинаний. Похоже, мальчишка обладал настоящим талантом в обращении с камнями; видимо, его научила гамадриада. Он мог взять гальку с берега озера и заставить ее сиять или издавать звуки. Мало кто специализировался в данном виде магии, а способности, которые он демонстрировал в столь юном возрасте, просто поражали. Ниоба попросила

Атропос подарить ему на восьмой день рождения зеленый аквамарин. Малыш пришел в восторг — и в самом деле, драгоценный камень гораздо лучше реагировал на заклинания, чем простая галька. Он обработал камень таким образом, что тот показывал, в какой стороне находится дом, и теперь не боялся заблудиться.

— Мальчик станет очень сильным волшебником, вот помяни мое слово, — заявила Атропос.

У Пейса, кроме управления родительской фермой, появилось множество других интересов. Когда ему исполнилось двадцать три, он женился на Бланш, своей однокласснице, с волосами такими светлыми, что они казались белыми. Бланш была хорошей женщиной, милой и доброй, отличной хозяйкой, но вряд ли кто-нибудь назвал бы ее самой красивой женщиной поколения. Во время церемонии бракосочетания Пейс многозначительно взглянул на Атропос, показывая, что не забыл предсказания — и совершенно сознательно его избежал.

Ниоба испытала по этому поводу некоторое смущение. В предсказании говорилось, что он будет «обладать», а не «жениться»; если он не возьмет в жены самую красивую женщину, то какая же тогда между ними возникнет связь? Однако она никого не посвятила в свои сомнения.

На следующий год, когда малышу исполнилось одиннадцать, Бланш родила девочку. С самых первых дней своей жизни Бленда была ослепительно хороша, вне всякого сомнения, самый красивый ребенок в округе. Она росла и становилась все прекраснее. Складывалось впечатление, что, вместо того чтобы жениться на самой красивой женщине поколения, Пейс стал ей отцом, и в этом смысле ею «обладал». О Бленде говорили по всему графству.

Сын Ниобы остался единственным ребенком в доме, поскольку Пасиан и Бланш жили отдельно. Сначала ему было совсем непросто к этому привыкнуть, ведь именно Пасиан означал для него семью — малыш знал, что его отец умер, а мать куда-то уехала. Он замкнулся в себе и начал еще больше времени уделять магии. Ниоба страшно огорчалась из-за того, что юноша страдает от одиночества, но ничем не могла ему помочь; она ведь отказалась от сына... Впрочем, каждому человеку приходится пройти через похожие испытания.

Иногда Ниобе казалось, что Атропос сильнее переживает за малыша, чем она сама. Она полюбила их прогулки

втроем и скучала без мальчишек. И, возможно, совсем не случайно пришла к выводу, что пора ей уходить в отставку.

— Довольно с меня бессмертия, — заявила она.

Лахесис занялась изучением Гобелена и нашла недавно овдовевшую пожилую женщину, которая им подошла бы. Они навестили ее, приняв обличье Атропос.

Женщина внимательно и сосредоточенно выслушала ее.

— Но если все так, то я стану бессмертной, а вы умрете от старости! Какой вам интерес в подобной сделке?

— Да, в качестве смертной я долго не проживу, — согласилась Атропос. — Но я и так перебрала лишние пятнадцать лет и смерти не боюсь. Я знаю, что вела себя достойно и попаду в Рай.

Они показали женщине две свои другие формы, и та была потрясна.

— То есть я снова смогу быть молодой? Я никогда не видела такой красавицы!

Теперь тело принадлежало Ниобе.

— Вы разделите со мной тело, — объяснила она. — Но я буду главной, а вы останетесь лишь наблюдателем. Потом, когда мы поменяемся и главной станете вы, я уйду на второй план. Впрочем, через некоторое время как-то так получается, что мы словно сливаемся друг с другом, превращаемся в единое целое, имеющее три разные формы. В этом смысле, если вам захочется, вы станете мной.

— Я в растерянности, — покачав головой, проговорила женщина. — Дайте мне немного подумать.

Она обдумывала предложение около недели, а потом привела свои дела в порядок и согласилась. Поскольку Сатана не имел ничего против новой Атропос, им не пришлось мудрить во время передачи полномочий; Ниоба была особым случаем. Она наблюдала изнутри, как Лахесис взяла новую Атропос за руку, и ее суть вошла в них, а прежняя покинула Судьбу. В следующее мгновение она уже стояла перед ними — самостоятельная личность, выделенная из плоти смертной женщины.

И снова слезы лились рекой; несмотря на то что переход был делом добровольным, в нем всегда присутствовала грусть. Они расстались.

Им далеко не сразу удалось хорошо узнать новую Атропос и объяснить ей, что нужно делать. Только теперь Ниоба поняла, с какими трудностями столкнулись Лахесис и Атропос, когда она к ним присоединилась. Нельзя

сказать, что это было плохо или хорошо. Просто пришлось больше работать и приспосабливаться, потому что личностная сущность Судьбы изменилась. Увлечение оперой ушло вместе с прежней Атропос; его место заняли другие интересы. Лишь через несколько месяцев они снова стали чувствовать себя уютно все вместе.

Ниоба была так занята, что даже выпустила из поля зрения сына. В те дни она встречалась со смертными только по делу, на остальное у нее времени не оставалось.

Когда она все-таки нашла минутку, чтобы его навестить, ей пришлось отправиться к нему в своем собственном облике, потому что новая Атропос не особо стремилась встречаться с малышом. Лахесис могла бы ей помочь, но они решили оставить ее в резерве, на случай, если придется быстро изменить внешность. Итак, Ниоба надела парик и загримировалась, чтобы казаться старше.

Она узнала, что прежняя Атропос поселилась в Ирландии и, став смертной, частенько навещает малыша. Они по-прежнему с удовольствием ходили вместе в театр, и старушка обеспечивала его магическими материалами, которые он сам доставать не мог. А еще они регулярно ездили к гамадриаде, живущей на черном дубе.

Ниоба обдумала ситуацию и решила оставить все как есть. Атропос прекрасно относилась к мальчику и следила за тем, чтобы с ним все было в порядке.

— Будь благословенна, — прошептала она, а потом передумала и решила зайти к своей старой приятельнице в гости, когда та была одна, чтобы поблагодарить за сына.

— Знаешь, моя родня меня все равно уже не признает, — сказала Атропос. — Они думают, что я умерла пятнадцать лет назад. Я же бабушка, и мне нужно тренироваться, чтобы не забыть этого.

Конечно же, она была права. Ниоба поцеловала ее, и они распрощались.

Время шло. Сын Ниобы вырос. Он учился в том же колледже, что и Седрик, специализировался на магии, показывал такие же блестящие результаты. Он так быстро прогрессировал, что довольно скоро превзошел своих преподавателей. Для дипломной работы он создал заклинание, дававшее оленям возможность стрелять в ответ: любой снаряд, выпущенный из лука, ружья или брошенный рукой, разворачивался и летел в стрелка. Охота перестала быть удовольствием, и не только неподалеку от колледжа,

а почти по всему миру. Точно так же были остановлены строительные компании; бульдозеры не могли сдвинуться с места и застревали где-то на границах живых лесов. Сын Ниобы получил «отлично» за свой диплом, а представители строительной промышленности подали на учебное заведение в суд. В конце концов пришлось пойти на компромисс: магия, защищающая животных, будет действовать лишь в тех районах, которые считаются официальными парками. Однако ближние к колледжу леса объявили заповедной зоной в первую очередь. Сын претворил в жизнь мечту отца. Гамадриада так обрадовалась, что поцеловала его, а потом покраснела и на три дня спряталась в самых густых зарослях листвы.

Малыша теперь звали не иначе, как Маг Кафтан, и он был профессиональным заклинателем камней. Дело егоширилось; вскоре он уже получал заказы из разных уголков света. Он не стал знаменитостью, потому что старался не привлекать к себе излишнего внимания — история с судебным процессом против колледжа научила его осторожности. Для него зачарованные камни являлись средством добывать деньги на жизнь и иметь возможность проводить исследования в различных областях магии. Молодой человек быстро становился одним из самых сильных волшебников мира. Его занимала только магия, в особенности после того, как умерла бабушка Атропос. Он закрывался в своей лаборатории и мог не выходить оттуда по нескольку дней.

Ниоба начала беспокоиться за сына и решила его навестить, снова надев парик и наложив на лицо толстый слой косметики. Впрочем, сын сразу ее узнал.

— Здравствуй, мама! Как с тобой обращается Судьба?

Ниоба вздохнула. Ее сыну исполнилось тридцать четыре года, он был на одиннадцать лет ее старше — физически — и являлся гением в том деле, которым занимался. Возможно, этому не следовало удивляться; отца природа наделила блестящими способностями, а сын получил уникальное образование, начатое гамадриадой. Естественно, молодой человек разбрался в собственной родословной и сумел совершенно точно узнать, что произошло с его матерью.

— У меня все хорошо, — ответила она. — А вот ты, сын... мне бы хотелось, чтобы ты не отгораживался от остального мира. Это вредно.

Он улыбнулся, приготовившись пойти ей навстречу в таком простом вопросе.

— Что я должен сделать, мама?

— Проводи хотя бы немногого времени с людьми, по крайней мере со своими родственниками и друзьями! Когда в последний раз ты наведывался к черному дубу?

— Пять лет назад, — признался он.

— А сколько не видел Пасиана?

Маг принял считать на пальцах.

— Около десяти. После того как он женился, все изменилось.

— Отправляясь, повидай их, — потребовала Ниоба. — Ты многим обязан гамадриаде, а Пасиан хороший человек, и у него замечательная семья. — Она принялась внимательно разглядывать сына. — Кстати, а когда ты намерен жениться?

— Когда встречу самую красивую женщину своего поколения, — ответил он, улыбаясь. — В соответствии с предсказанием.

Было очевидно, что Маг Кафтан больше не относится всерьез к пророчествам. Может быть, он исследовал их тоже, прибегнув к высшей магии, но Ниоба сомневалась. Это не его тип волшебства, а изучать собственную судьбу очень сложно; быстро возникает парадокс.

— Ну хорошо, всему свое время. Пока что навести кузена, это-то ты можешь? — требовательно поинтересовалась она.

Маг кивнул, вспоминая детство:

— Верно. Ладно, мама, я съезжу к черному дубу и повидаю Пасиана.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— И не откладывай, — приказалла Ниоба, превратилась в паука и по тонкой паутинке заскользила назад, в Чистилище.

Ей больше не нужно было ничего от него скрывать.

Маг сдержал слово. На следующий день он позвонил Пейсу, и вскоре они встретились. В промежутке молодой человек поехал к черному дубу. Гамадриада страшно обрадовалась, увидев его, хотя прошедшие с последней встречи годы сделали ее еще более застенчивой.

— Мама говорит, что я должен жениться, — сказал Маг, и дриада согласно закивала. — Но где на Земле я смогу отыскать смертную женщину, которая была бы так же красива, как ты?

Нимфа пожала плечами и покраснела, простиив ему пять лет невнимания; даже бессмертные существа подвержены лести.

Приехав к Пасиану, Маг Кафтан познакомился с Блендой. Он видел ее совсем маленькой, а потом несколько лет спустя. Ей исполнилось двадцать три, совсем как Ниобе, и она была ослепительно хороша — когда девушка вошла в комнату, ему показалось, что стало светлее. Понадобился бы эксперт, чтобы решить, кто красивее — она или гамадриада, но ведь Бленда была смертной. Она смущенно улыбнулась Магу — и его коснулось волшебство, гораздо более сильное, чем то, с которым он до сих пор имел дело.

На следующий год они поженились. Ниоба, которую пригласил сын, присутствовала на свадьбе в своем собственном облике, поскольку теперь ее никто бы уже не узнал. В конце концов, ей ведь исполнилось пятьдесят восемь лет — теоретически; ну кто подумает, что она мать жениха?

Один лишь Пасиан, отец невесты, бросил на нее внимательный взгляд — а потом пожал плечами, не в силах поверить в дикое подозрение, возникшее у него в голове.

Свадьба получилась просто замечательной. Ниоба сидела одна в толпе, среди гостей, приглашенных со стороны жениха, и плакала. Когда молодые обменялись клятвами, она уже с трудом сдерживалась.

— Я теряю сына! — всхлипывала она.

Многие гости поворачивали к ней удивленные лица.

Между церемонией бракосочетания и праздничным ужином молодожены позировали для фотографий. Жених не мог предоставить для этого случая гордых родителей: семья, которую он считал своей, на самом деле принадлежала его кузену, отцу невесты.

— Извини, дорогая, — прошептал он Бленде и подозвал Ниобу, которая неуверенно приблизилась, пряча слезы. — Это моя родственница; она сфотографируется вместо моих родителей.

Итак, Ниоба встала рядом с Блендой и улыбнулась, Бленда тоже улыбалась — и среди собравшихся прокатился тихий ропот изумления.

— Посмотрите на них! — воскликнула какая-то женщина. — Они так красивы, что похожи на близнецов!

«Да, правда», — подумала Ниоба.

Говорили, что она самая красивая женщина своего поколения, и Бленда тоже. Волосы Ниобы были цвета темного янтаря или гречишного меда, а у Бленды — светлоянтарные, как мед из клевера; у обеих они ниспадали до самой талии, настолько тонкой, что таких и в природе не бывает. У обеих были ярко-голубые глаза. Обе напоминали два сияющих самоцвета. Какое удивительное совпадение!

Затем фотографы занялись другими гостями, а про Ниобу и Бленду на минутку все забыли.

— Пожалуйста, — взмолилась Бленда, — скажите мне, кто вы! Каф говорил, что у него есть красивая родственница, но я и не подозревала...

Ниоба, естественно, проверила жизненную нить Бленды и знала, что она хорошая девушка, совсем как ее мать. Ей можно было доверять, и она заслуживала знать правду.

— Тебе будет трудно поверить...

— Я видела магию Кафа, я во многое способна поверить!

— Я его мать.

Великолепно очерченный ротик Бленды широко открылся. Девушка посмотрела в противоположный конец комнаты, где стоял ее муж, который серьезно кивнул, увидев изумленный взгляд, хотя явно не слышал того, что сказала Ниоба. Впрочем, Бленда довольно быстро пришла в себя.

— А, я поняла, заклинание, сохраняющее молодость! Конечно же! Он говорил, что его мать... да вы и сами все знаете!

— А его отец был очень умным и красивым человеком, — заявила Ниоба, чувствуя, как на глаза снова наворачиваются слезы. — Как твой. Знаешь, дело тут вовсе не в заклинании... ну, не совсем. Я не старею. Потому что стала воплощением. Именно поэтому мне пришлось отказаться от ребенка.

— Кем вы стали?

— Судьбой.

— Судьбой! — В глазах Бленды промелькнуло понимание. — Значит, вы устроили...

— Брак моего сына? Не в том смысле, в каком ты имеешь в виду. Просто я сказала, что ему следует возобновить

отношения с самым близким товарищем, кузеном Пейсом, а дальше все произошло само собой. Должна признаться, я даже и не подумала о тебе, но рада, что все так случилось. Вы достойны друг друга, да и предсказание сбылось.

— Предсказание?

— Что мой сын будет обладать самой прекрасной женщиной своего поколения, и у него родится дочь, которая будет самой талантливой в своей области деятельности и полюбит воплощение.

— Мой отец что-то говорил о пророчестве, — вспомнила Бленда. — Только он сказал, что в его случае оно не сбылось.

— С предсказаниями такое происходит крайне редко, — заметила Ниоба. — Относительно моего сына оно сбылось; вполне возможно, что ваша дочь станет возлюбленной воплощения Смерти или Зла. Не нужно пугаться, это только звучит очень страшно. Она должна спасти человечество и пойти против спутанной пряжи. Поскольку существует некто, возражающий против спасения человечества, ей может угрожать опасность.

Бленда безмолвно присвистнула.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы ее защитить! И как следует подумаю, прежде чем родить дочь. Я благодарю вас за то, что вы рассказали о пророчестве. Мне было неизвестно его полное значение.

— Никому не дано знать полное значение предсказания — пока не бывает слишком поздно.

Они поцеловались, а потом перешли в столовую, где Бленда присоединилась к своему мужу, чтобы разрезать громадный свадебный торт. Она взяла нож, Маг положил свою руку на ее, и они поднесли лезвие к верхушке.

— Подожди! — воскликнул Маг. — Я чувствую зло!

Он оттеснил невесту в сторону и вынул камень.

Наступила мертвая тишина. Маг поднял повыше камень и нарисовал в воздухе круг. Когда камень приблизился к торту, возникло ослепительное сияние. Маг кивнул — именно здесь средоточие зла.

— Отойди к родителям, — напряженно проговорил молодой человечек. — Тут может быть опасно.

— Я знала, что от сладкого толстеют... — пролепетала Бленда и встала рядом с Пасианом и Бланш. Они втроем наблюдали за происходящим с одной стороны, а Ниоба и

остальные гости — с другой. Что такое случилось с тортом?

Сахарная глазурь затрещала, а в следующее мгновение торт взорвался. Куски глазури разлетелись в разные стороны, залепили потолок, Мага и гостей. А из самого центра выскочил демон — красная шкура, хвост в шипах и уродливая рогатая голова. С диким ревом он бросился на Мага — и отскочил, словно от невидимого щита. Естественно, могучий волшебник позаботился о собственной безопасности.

— Ага, значит, ты отказываешься умереть, Кафтан! — заорал демон таким пронзительным голосом, что слова были едва различимы. — Но ведь чтобы родился ребенок, нужны двое! — Он развернулся в сторону Бленды и сделал огромный прыжок.

Маг швырнул своей юной жене камень:

— Лови!

Бленда, замершая на месте от ужаса, машинально протянула руку и поймала камень в тот момент, когда демон опустился на пол. Он снова вззвился в воздух, поскольку теперь она была защищена; чудовище отскочило от невидимой сферы и налетело на Бланш. Демон открыл огромную пасть, и отвратительные острые клыки сомкнулись на нее. Брызнула кровь.

— Мама! — испуганно крикнула Бленда.

В этот момент Маг пустил в ход другой камень. Голубое сияние окутало демона — тот взмыл и превратился в булькающую, покрытую пузырями лужу.

Слишком поздно. Мать невесты умерла. Демону не удалось добраться ни до Мага, ни до его жены, но, потерпев поражение, он все равно совершил чудовищное зло.

Г л а в а 7

Изменения

Ниоба в данном случае оказалась беспомощна, хоть и являлась воплощением. Ей не пришло в голову проверить нить Бланши. Сатана снова одержал победу. Ему помешали, как помешали, когда его злокозненные планы были направлены против Ниобы, но пострадал невинный человек.

— Мне следовало предвидеть, — с глубоким огорчением сказала Лахесис. — Возможно, положение нитей на Гобелене удалось бы изменить...

— Но ведь обрезаю нити я, — возразила Атропос. — Я здесь уже достаточно долго, чтобы знать...

— Нить Бланши перерезала твоя предшественница, — вмешалась Ниоба. — Однако я уверена, что проверяла ее, когда Пасиан женился — она была нормальной длины. Мы все совершаляем ошибки, когда имеем дело с Сатаной. Никто не должен был умереть на этой свадьбе, но наш общий враг послал демона к... — Она пожала плечами, помолчала немного, а потом продолжила: — Придется поставить временную заплату на Гобелене, как мы уже не раз делали раньше.

— И все же несчастья не случилось бы, если бы я была внимательнее, — заявила Лахесис. — Когда Танатос теряет бдительность, его убивает тот, кто становится новым Танатосом; когда ошибаюсь я, страдают невинные смертные. Пора мне уходить на покой.

Естественно, Ниоба запротестовала. Однако все понимали, что она права: Лахесис, отмеряющая нити, должна

следить за попытками Сатаны вмешаться в ее работу. Никто из воплощений не в силах помешать другому воплощению исполнять свой долг, если то начеку. Сатана добился успеха посредством обмана — и Лахесис, совершив ошибку, попалась в его сети.

Они нашли женщину среднего возраста, у которой не осталось близких родственников и которая обладала организаторскими талантами, и связались с ней. Та согласилась, и замена была произведена. На этот раз переговоры вела Ниоба, как самая опытная из всех аспектов Судьбы. Она взяла женщину за руку, и ее сущность присоединилась к Клото и Атропос, а сущность Лахесис их покинула.

И снова среди них оказалась новенькая.

К несчастью, замена Лахесис не сделала работу Судьбы легче. Сатана воспользовался возникшими возможностями, чтобы смешать нити к своей выгоде. Опять им пришлось бороться с подступающей катастрофой — и вновь они не сумели добиться полной победы.

Политическая ситуация на Земле постоянно менялась. Какое бы правительство ни находилось у власти, Сатана виртуозно умел совращать общественных деятелей. По всему миру соотношение между добром и злом в политике находилось в состоянии неустойчивого равновесия. Всякий раз когда удавалось устраниТЬ одного злодея, его место занимал другой. Становилось ясно, что Сатана стремится добиться перевеса в этой области, чтобы перенести его в социальную сферу. Нигде войны между добром и злом не была столь наглядной.

Многие сограждане Ниобы иммигрировали в Америку, теперь у них там имелись собственные представители в правительстве. Хорошо это было или плохо, зависело от конкретных людей, но Ниоба всегда оказывала предпочтение своим соотечественникам. Поэтому, когда во время поисков новой Лахесис она обнаружила среди нитей на Гобелене дьявольскую неразбериху, связанную с поселенцами в Америке, она решила ее расследовать. Ниоба не сомневалась, что Сатана замыслил очередную мерзость — узлы никогда не образовывались естественным путем,— но сама она разобраться до конца не могла, а Лахесис была слишком неопытна.

— Похоже, придется преждевременно обрезать чью-то нить, — сказала Атропос.

Они внимательно изучили ситуацию, и выяснилось, что раньше срока оборвется жизнь будущего кандидата на пост президента США. Это серьезно исказит Гобелен. Но насколько серьезно?

Ниоба обратилась за советом к Хроносу, который помнил будущее. Их роман с небольшими перерывами продолжался в течение тридцати пяти лет, и теперь она относилась к нему с большой нежностью: Ниоба уже давно убедилась в том, что он благородный человек. Поскольку они двигались во времени в разные стороны, их отношения всегда отличались новизной; и для Ниобы, и для Хроноса так было удобно. Ниоба часто вспоминала его слова о том, что понять воплощение может лишь другое воплощение.

Но Хронос не сумел ей помочь.

— Как ты, наверное, знаешь, я тут всего год, и мне неизвестно будущее, выходящее за пределы данного времени.

— Я и не представляла! — с удивлением воскликнула Ниоба. — Я думала, ты вечен, хотя в самом начале ты мне рассказал о себе...

Теперь Ниоба вспомнила, как Хронос забыл, что приближается начало-конец их отношений. Ничего удивительного, ведь прошло столько лет!

— Да! Значит, скоро состоится наша первая встреча!

Хронос улыбнулся:

— Мне было с тобой очень хорошо, Клото; я твой вечный должник. Надеюсь, что смогу вернуть долг.

— Ты это уже сделал, Хронос, — заверила его Ниоба.

Не имея возможности заглянуть в будущее, они отправились на Землю, чтобы проверить живые нити. И обнаружили, что Сатана прислал из Ада демона, который должен был поздно вечером на проселочной дороге врезаться на своем автомобиле в машину известного сенатора. Точнее, в одного из почитателей Сатаны — сатаниста — вселился дьявол, чтобы тот совершил покушение; естественно, смертному не сказали, что, по всей видимости, он тоже погибнет. Ему просто обещали, что он будет щедро вознагражден за помощь Сатане.

Прежняя, умудренная опытом Лахесис переместила бы нити таким образом, что Сатана не имел бы возможности вмешаться. Но подобная задача оказалась непосильной для нового аспекта Судьбы. Чтобы овладеть хитростями

профессии, требуется время. Придется навестить сенатора и поговорить с ним.

В тот день когда должен был произойти «несчастный случай», Ниоба получила тело в свое распоряжение и скользнула по паутине к загородному коттеджу, где сенатор устроил праздник для друзей и соратников. Вино лилось рекой, среди гостей было много привлекательных девушек.

Ниоба не одобряла подобного образа жизни; если это хороший политик, что же тогда представляют собой плохие? Впрочем, не стоит судить о человеке по его развлечениям; главное — как он исполняет свои обязанности. Женщин тоже нельзя винить за то, что они слетаются на такие вечеринки, как пчелы на поле, усеянное цветами; такова уж их природа. Ниоба сама полюбила Седрика только после того, как он продемонстрировал ей свою силу. К тому же огромное количество красоток облегчило ей проникновение в дом: все решили, что она профессиональная жрица любви.

Ниоба наполнила свой бокал водой, но держала его так, чтобы никто не догадался, что она не пьет спиртного; девушка не брала в рот спиртного с той самой ночи, когда Седрику стало плохо. Ниоба хладнокровно избавлялась от молодых людей, которые пытались с ней познакомиться, и постепенно пробивалась к сенатору. Когда он пригласил ее на танец, она прошептала:

— Сенатор, ваша жизнь в опасности.

Он улыбнулся так, словно надеялся собрать голоса избирателей:

— Вы русский шпион?

— Нет, просто хочу сохранить нынешнее положение вещей. Уже приготовлен автомобиль, который должен врезаться в вашу машину. Никуда не уезжайте сегодня, сенатор.

Он снова улыбнулся, но на сей раз за улыбкой скрывалась злость: сенатору не нравилось выслушивать приказы. Его политические взгляды отличались благородствием, обычно он принимал правильные решения, однако сенатор не был безупречен. Ниоба уже давно поняла, что в каждой нити намешано добро и зло — в этом и заключался смысл жизни, если верить Сатане. Ее никогда не удовлетворяли подобные объяснения, и все же какая-то частица правды в словах Сатаны присутствовала. Сенатора разозлило предупреждение — однако Ниоба принадлежала к тому типу

женщин, которым он никогда не говорил «нет» в лицо. Именно по этой причине Ниоба и выбрала собственное тело, одевшись в весьма открытое платье. Сенатор обязательно попытается соблазнить ее.

— Вы можете предложить мне что-нибудь более привлекательное? — с интересом спросил он.

— Вашу жизнь, — спокойно ответила она. — Дом хорошо защищен; убийца сюда не проникнет. Он должен перехватить вас на дороге, сегодня. Оставайтесь здесь; к утру угроза минует. — Они выяснили, что злой дух не может провести вне Ада более нескольких часов.

— Остаться — с вами?

— Нет, сенатор. Я здесь только для того, чтобы вас предупредить, а не доставить вам удовольствие. Если вы меня послушаетесь, все будет хорошо.

Ниоба отвернулась и отошла в сторону.

Скрывшись из виду, она сразу же передала тело Лахесис, чтобы сенатор ее не нашел, и покинула коттедж. Снаружи она превратилась в паука и устроилась на ветке дерева.

Как и следовало ожидать, ее предупреждения оказалось недостаточно. После того как нить меняет свое место, почти невозможно на нее повлиять, а в данном случае Сатана задействовал сразу несколько крепко связанных друг с другом нитей. Сенатор вышел из дома с молодой женщиной; он собирался покататься на машине. Конечно, сенатор был женат, но такие люди относятся к подобным вещам не слишком серьезно.

Ниоба, не зная, что предпринять, скользнула по паутине вниз и опустилась на плечо сенатора. Видимо, надо отправиться на прогулку вместе с ним и позаботиться, чтобы он не стал жертвой столкновения. Возможно, если сенатор увидит приближающуюся машину убийцы, он вспомнит о предупреждении и успеет съехать с дороги. Конечно, после этого демон может на него напасть, но Ниоба надеялась, что сумест ему помешать. В любом случае она должна попытаться. Как ей хотелось, чтобы путаница среди нитей возникла не сейчас, а когда Лахесис наберется опыта!.. Увы, Сатана никогда не упускает подобного шанса!

У сенатора была маленькая машина; девушка уселилась на место пассажира. Он выехал на заднюю дорогу, чтобы не столкнуться с охранником у главного входа; видимо, ему не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал автомобиль и сообщил его жене. Болван!

Ниоба понимала, что убийца рыщет где-то совсем рядом, надеясь заметить машину сенатора. Надежды спастись у него почти не осталось.

Ниобе было трудно говорить, обратившись в паука, но она сумела решить эту проблему.

— Сенатор! — сказала Ниоба, устроившись рядом с его левым ухом.

Он посмотрел на сидящую справа девушку:

— Да?

— Что? — отозвалась девушка.

— Она молчала, — вмешалась Ниоба. — Говорила я.
Я — паук на вашем плече.

Сенатор с удивлением посмотрел налево:

— А это еще что за волшебство?

— Всего лишь изменение формы. Я предупреждала вас ранее об опасности.

— Значит, вы та красавица! — воскликнул он. — Я не знал, что вы волшебная!

— Что происходит? — резко спросила девушка.

— Со мной разговаривает паук, — ответил сенатор.

— Паук — красавица? Я не верю!

— Послушайте меня! — закричала Ниоба. — Съезжайте с дороги, пока убийца вас не заметил!

Сенатора охватили сомнения.

— Я думал, что вы хотели привлечь мое внимание. Но потом вы исчезли. Теперь оказалось, что вы умеете менять обличье. И все-таки я не понимаю, почему вы обо мне беспокоитесь?

— Меня мало интересуете вы, — ответила Ниоба. — Будь на то моя воля, я бы все рассказала вашей жене. Однако вы один из лучших людей среди множества политиков, и у вас есть реальные надежды на будущее, поэтому я не хочу, чтобы Зло расправилось с вами. Пожалуйста, сенатор, поворачивайте обратно, вернитесь на вечеринку. Перенесите приключение на другой день.

— Теперь и я слышу! — воскликнула девушка. — Разве пауки умеют говорить?

— Не знаю, — ответил сенатор, и Ниоба поняла, что он имеет в виду возникшую ситуацию, а не говорящих пауков.

В неспособности быстро принимать решения крылась его главная слабость. Обычно ему помогали советники и люди, которые заранее писали речи; возможно, он слиш-

ком сильно на них полагался. Когда же сложилась экстраординарная ситуация, бедняга не знал, как следует себя вести.

— Хорошо, давайте просто подстрахуемся, — настаивала Ниоба. — В худшем случае вы потеряете возможность получить удовольствие! Но я утверждаю, что вам грозит смерть!

Сенатор продолжал колебаться.

— Вы волшебница, тут нет никаких сомнений, однако я не понимаю ваших мотивов. На вечеринке мне тоже может грозить опасность.

— Тогда отправляйтесь в другое место! — воскликнула Ниоба своим тоненьким паучьим голоском. — Пройдитесь по лесу! Все что угодно, только не поездка по этой дороге сегодня вечером!

Сенатор наконец принял решение:

— Ладно, проверим ваши слова. Эмджи, садись за руль. Я выйду из машины и немного осмотрюсь. Если убийца ищет меня, тебя он не тронет, а я его сразу раскушу.

Он остановил машину и надел темные очки.

— Но я не знаю дороги! — запротестовала девушка.

— Поезжай по шоссе, никуда не сворачивая, и скоро окажешься на пляже. Тут недалеко; я приду, как только проверю историю мисс Паучихи. Посмотрим, кто появится на дороге.

— Ну, если ты хочешь... — с сомнением проговорила девушка и пересела за руль.

Автомобиль медленно поехал дальше, а сенатор спрятался за кустами на обочине дороги.

Когда огни машины скрылись из виду, сенатор обратился к Ниобе:

— Хорошо, женщина-паук, обратитесь в человеческую форму! Я ведь вас послушался!

— Я пришла сюда вовсе не для того... — запротестовала Ниоба.

— Превращайтесь — иначе я вас раздавлю! — Сенатор поднял руку, словно собирался ударить себя по плечу.

Ниоба быстро изменила облик. Вовсе не потому, что чего-то боялась, находясь в обличье насекомого — ее защищала паутина, которая делала любой аспект Судьбы непроявимым и в виде человека, какой бы беззащитной она ни казалась. У Танатоса и Хроноса имелись на то плащи, у нее — паутина. Но Ниоба не хотела открывать сенатору

свою истинную сущность, а потому исполнила его пожелание. Соскочив с плеча, Ниоба снова стала собой.

— Вот так-то лучше, — заявил сенатор, протягивая к ней руки.

Ниоба отступила на несколько шагов.

— Сенатор, если вы думаете, что в мои планы входило остаться с вами наедине... не боитесь ли вы, что я заманила вас в ловушку?

— Нет. — Он постучал пальцем по очкам. — Они показывают зло. В вас его практически нет; вы прелестны...

— Ну, тут вы правы...

Ниоба замолчала, услышав какие-то звуки.

Сенатор тоже. Спрятавшись за кустами, он началглядеться в дорогу.

Вдалеке показался автомобиль. Фары разрезали темноту, глухо рокотал мотор. Сенатор продолжал смотреть — и издал сдавленное восклицание.

— Существо в машине — демон!

— Человек, одержимый злым духом, — согласилась Ниоба. — Теперь вы мне верите?

— Если бы я находился в автомобиле...

— Вас бы заметили, демон увеличил бы скорость, и произошло бы столкновение. Злой дух не боится смерти, он уже давно мертв, хотя человек, в которого он вселился, еще жив.

Сенатор снова бросил взгляд на дорогу:

— Он нападет на Эмджи?

— Нет. Дух должен убить вас, до других ему нет дела.

— Мне в любом случае необходимо пойти за ней. Я не хочу, чтобы она оставалась на пляже, пока это чудовище разъезжает по дороге! — Он быстро побежал в сторону пляжа.

Ниоба устремилась за ним.

— Вам грозит опасность, сенатор! Этот демон вернется, и...

— Я спрячусь при его появлении! — задыхаясь, ответил он и перешел на шаг — физическое состояние не позволяло ему пробежать всю дорогу до пляжа.

Автомобиль убийцы вернулся, и сенатор успел нырнуть в кусты. Одержаные не слишком наблюдательны, поскольку вся энергия демона уходит на то, чтобы управлять телом жертвы, а не смотреть по сторонам. Было бы гораздо лучше, если бы злой дух просто сидел в теле, позволяя живо-

му человеку выполнять указания, однако, когда дело доходит до выполнения приказа о самоубийстве, могут возникнуть трудноразрешимые проблемы. Демон должен сохранять полный контроль, чтобы в решительный момент не произошло задержки. Вероятно, именно по этой причине демоны и не могут долго находиться среди живых; слишком уж много энергии им требуется для управления людьми.

Почему Сатана не послал настоящего демона, как во время свадьбы Мага? Должно быть, в данной ситуации такое решение не годилось. Настоящие демоны обитают в Аду, и Сатане удавалось отправить их на Землю только в исключительных случаях. Здесь живут смертные, а для демонов, как и для ангелов, тут все враждебно. В мире смертных злые духи чувствуют себя гораздо лучше, зато они куда менее надежны. По-видимому, Сатана не ожидал, что Судьба захочет лично вмешаться; он забыл о том, что Ниоба имела с ним личные счеты.

Они подошли к мосту, переброшенному через небольшой пролив, и в ужасе остановились. Деревянные перила были разнесены в щепки. Очевидно, машина сорвалась с моста и упала в воду.

— Эмджи не знала дороги! — воскликнул сенатор. — Посмотрите, мост слегка сворачивает, а она поехала прямо...

Он сорвал пиджак, скинул туфли и нырнул. Через несколько мгновений голова сенатора показалась над водой.

— Машина там!

Он снова нырнул.

— Я не могу открыть дверь! — воскликнул он, вынырнув через несколько мгновений.

Ниоба опустила волшебную нить и скользнула по ней вниз, не обращая внимания на воду. Однако в таком виде она могла только наблюдать, совершать физические действия ей было не под силу. Она увидела машину с девушкой внутри.

Ниоба вернулась на берег.

— Девушка мертва. Вы уже ничего для нее не сделаете. Возвращайтесь домой, — посоветовала она, после чего с тяжелым сердцем отправилась в Чистилище.

Там ее поджидал Сатана.

— Значит, решила вмешаться... Ну, у тебя ничего не получилось.

— Я спасла его жизнь! — сердито возразила Ниоба.

— В обмен на жизнь невинной девушки, — парировал он. — Моя цель достигнута. Меня не волнует, будет этот человек жить или умрет; я просто хотел покончить с его политической карьерой. И я своего добился.

Ниоба скользнула мимо, отказываясь продолжать разговор. Однако последующие события показали правоту Сатаны. Сенатор рассказал, что он хотел отвезти девушку в город, но заблудился, свернул не в том месте и выехал на пляж; ему удалось выскочить из машины, а Эмджи — нет. Кое-кто ему поверил; другие сомневались, ведь его масса в два раза превышала массу девушки. Как он мог оказаться таким ловким? Слишком много вопросов, и не на все из них имелись ответы. Сенатор возглавлял свою партию, скорее всего стал бы кандидатом в президенты; но после скандальной смерти девушки у него не осталось ни единого шанса. Он по-прежнему занимал сенаторское кресло, однако потерял все надежды на то, чтобы стать президентом. Его карьера была кончена. И все из-за того, что он позволил девушке одной поехать по незнакомой дороге.

— Если бы я лучше умела обращаться с нитями... — промолвила Лахесис.

— Нужен многолетний опыт, чтобы противостоять Сатане, — с мрачным видом перебила ее Ниоба. — Он невероятно коварный и не знающий устали противник. Мы думали, он стремится лишить сенатора жизни, а оказалось, что крушение карьеры его вполне устроило. По всей видимости, мы уже ничего не могли сделать, когда обнаружили пуганицу в Гобелене.

Однако ненависть к Сатане вспыхнула в ней с новой силой.

Сколько раз она вступала с ним в борьбу и несла потери: Седрик, Бланш, а теперь сенатор. Ей хотелось вчистую обыграть Лукавого. Но всякий раз оказывалось, что люди доброй воли ничего не могут противопоставить лишенному всяких принципов воплощению Зла.

Время Хроноса подходило к концу. Чем быстрее приближался момент перемен, тем сильнее становилась его неуверенность в себе. Для него все лишь только начиналось, для остальных — близилось расставание.

Каждый новый Хронос получал в свое распоряжение Песочные Часы, могучий волшебный предмет. В этом смыс-

ле он ничем не отличался от остальных воплощений. Однако с момента вступления в должность Хронос жил в обратном направлении — до той самой секунды, пока не отдавал Песочные Часы своему предшественнику. Исключительно неудобная процедура.

Ниоба всегда оставалась самым близким для Хроноса человеком, а сейчас он особенно в ней нуждался. Физически он был в два раза ее старше, но в остальном много моложе. Теперь они занимались любовью с отчаянием, словно Хронос нуждался в заверениях, что иные вещи никогда не меняются. Он мог влиять на само время, но ему не хватало опыта, из-за чего он чувствовал себя крайне неуютно.

Наконец наступил день их первой встречи. Ниоба знала, когда это произойдет, потому что догадалась спросить — вроде бы в шутку, — сколько раз они занимались любовью, а затем начала вести счет. Теперь Хронос был отчаянно влюблен в нее, но боялся признаться и не мог как следует выполнять свои обязанности. Ниоба нежно соблазнила его, показывая, что у них все в порядке, что она понимает.

В своей смертной жизни — как давно! — Ниоба с отвращением взирала бы на себя со стороны. Однако она стала на тридцать шесть лет мудрее и чувствовала Хроноса гораздо лучше, чем он мог себе представить. Он был старым другом, и, хотя Ниоба никогда его не любила, она ни о чем не жалела. Сатана, естественно, называл ее девушкой по вызову; Ниоба считала, что такая работа тоже требует призвания. Ее помощь Хроносу имела большое значение, и все же она тосковала по истинной любви, которая на короткое время соединила ее с Седриком.

Роман с Хроносом подошел к концу — или еще не начался. Наступил последний-первый день, когда Хронос заканчивал-начинал свою деятельность. Он был так растерян, что Ниобе пришлоось в буквальном смысле взять его за руку и отвести в особняк, где она объяснила ему, что происходит. Вне особняка их жизни текли в разных направлениях, и общение было затруднено, потому что Хронос еще не научился пользоваться Песочными Часами. Ниоба указания написала, поскольку надписи воспринимаются правильно вне зависимости от направления течения времени, и взяла его за руку, чтобы они попали в один временной поток.

Так они оказались неподалеку от парка развлечений. Хронос явно не понимал, что ему следует делать дальше. Как-то он поведал Ниобе, что то был его первый час в новой должности — он еле-еле выбрался из парка; как жаль, что она не нашла его раньше!

Сейчас она понимала, почему так не сделала (сделает) — ей требовался час, чтобы ввести его в курс событий. Ее письменные указания объяснили ему, как с помощью Песочных Часов развернуть себя во времени. Сделав это, он начал двигаться во времени вперед, и они смогли общаться. В его особняке они все еще были вместе, только теперь вспять двигалась она. Полчаса его поворота компенсировали полчаса, проведенные Ниобой в особняке, вот почему она вышла из дома в тот самый момент, когда начался их диалог — она заранее позаботилась, чтобы все получилось именно так. Хронос теперь знал вполне достаточно и мог продолжать действовать самостоятельно, к тому же в особняке полно преданных слуг, которые всегда придут к нему на помощь; Ниоба не сомневалась, что все будет хорошо — на ее памяти у Хроноса не возникало неразрешимых проблем.

Перед Ниобой встала другая задача: пришла пора познакомиться с новым Хроносом. Хронос имел слишком большое значение для ее работы, чтобы им пренебречь; она должна заранее знать, с кем придется иметь дело. Чтобы это выяснить, Ниоба вернулась в парк развлечений, выбрав момент через несколько минут после того, как она показала Хроносу свою записку.

Она оставалась в своем теле, потому что Лахесис была еще слишком неопытна для такой трудной задачи, а Атропос отдохала. На этот раз Ниоба спряталась, закрыв лицо платком, чтобы Хронос ее не узнал, даже если бы и заметил; впрочем, он не имел ни малейшего понятия о том, кто она такая, ведь они еще не встречались.

Ниоба последовала за Хроносом, который пялился в сторону парка. Никто не обращал на него внимания; смертные редко замечают воплощения, а уж живущего в противоположном потоке времени Хроноса и вовсе трудно разглядеть. Поэтому, хотя вокруг и бурлила толпа, они оказались в ней вдвоем. Ниоба играла с Хроносом в прятки.

Неожиданно ей стало его жаль — таким он казался смущенным и несчастным. Он рассказал Ниобе о том, что тогда чувствовал. Теперь она знала Хроноса ближе, чем

любой другой человек — в прошлом, будущем и настоящем. Тридцать шесть лет они оставались соратниками и любовниками — и это позволило им прекрасно изучить друг друга. Наверное, было бы лучше, если бы Ниоба любила Хроноса, поскольку он всегда был в нее влюблена. Однако такое распределение ролей позволяло ей сохранять объективность, помогло легче переносить ссоры и странную сущность их отношений. Она вспомнила, как однажды они договорились заниматься любовью в своих естественных состояниях, двигаясь в противоположных потоках времени. Это оказалось возможным... и завораживающим поначалу, хотя для нее не так уж отличалось от их обычных встреч, потому что она не испытывала сильного возбуждения. В результате их постигло разочарование. Но сейчас, когда Ниоба наблюдала за движущимся сквозь толпу задом наперед Хроносом, тот эпизод во всех подробностях всплыл у нее в памяти.

«Может быть, — подумала она, — это похоже на человеческую жизнь: каждый идет своим путем, иногда пытаясь входить в контакт с другими и лишь в редких случаях добиваясь успеха. Потому что все мы — смертные или бессмертные — шагаем по собственной, уникальной временной тропе, не умея связать ее с дорогами других, как бы мы ни пытались».

Наконец Хронос вошел в пещеру ужасов. Ниоба последовала за ним. Они не стали покупать билеты — контролеры так же, как и остальные люди, не замечали их.

«Здесь тоже можно провести аналогию с жизнью смертных, — подумала Ниоба. — Основные движущие силы так и остаются скрытыми».

В пещере ужасов было полно призраков, которые периодически появлялись в воздухе, строили страшные рожи и издавали пронзительные вопли, чтобы напустить страху на зрителей. Однако только самые маленькие дети пугались; остальные знали, что призраки не наделены плотью, а значит, совершенно безобидны. И все же это было забавно — так бывает, когда играешь в нечестную азартную игру. Иллюзия страха и возможность неожиданно разбогатеть — вот что привлекало сюда людей.

Ниоба остановилась возле одного из призраков.

— Интересно, а ты получаешь от всего этого удовольствие? — спросила она. — Ты не чувствуешь себя глупо, играя в дурацкие игры?

— Ну, это действительно довольно глупо, быстро надоеет и только усиливает негативное отношение людей к призракам, но нам хорошо платят, — ответил призрак. — Не так-то просто призраку получить работу, вы же знаете.

— А зачем тебе деньги?

— Сейчас я вам расскажу, — ответил призрак, приобретая черты молодой женщины. — Я направлялась на работу — тогда я была еще жива — опаздывала, поэтому решила свернуть на аллею. Я отлично знала, что так поступать не следует, но в том месяце я уже дважды опоздала, и мне сделали предупреждение; я обязана была успеть вовремя. Неожиданно на меня напал человек в маске. Я отчаянно закричала и бросилась бежать, но он догнал меня, приставил нож к горлу и изнасиловал. Я непрерывно кричала, но никто не пришел на помощь — хотя вокруг было полно людей. Наконец — слишком поздно — я рассвирепела и укусила его за руку. Последнее, что я помню: его нож вонзается мне в шею.

— О да, — пробормотала Ниоба.

Она совсем не ожидала подобного ответа.

— Наверное, я потеряла сознание, и прошло несколько минут, прежде чем я рассталась с жизнью. Я увидела свое тело, обнаженное ниже пояса, и залитое кровью горло, а насильник исчез. Ну, должна признаться, мне это совсем не понравилось. Я намерена выяснить, кто так подло со мной поступил, и отомстить. Только для этого необходимы деньги, потому что частные детективы отказываются работать бесплатно. Очень скоро у меня будет достаточно, чтобы нанять одного парня, и я буду работать до тех пор, пока негодяя не поймают. — Она пожала плечами: — По правде говоря, пугать всех подряд — еще не самое плохое дело. — Призрак помолчал немного, собираясь с силами, а потом взвился в воздух и завопил: — Бууу!

Ребенок подпрыгнул, захихикал и очень довольный шагал дальше.

— Желаю тебе удачи и богатства, — сказала Ниоба.

— Скажите, как вам удается видеть во мне личность? — поинтересовался призрак. — Большинство живых людей не...

— Потому что ты личность, — ответила Ниоба. — Я сама пряла твою нить. Мне очень жаль, что пришлось так рано ее отрезать.

— О, так вы Судьба! Я вас не узнала!

— Немногим это под силу, — сказала Ниоба и зашагала вслед за Хроносом, шедшим спиной вперед по проходу.

«Почему, — подумала Ниоба, — Хронос решил произвести обмен именно здесь?»

Это место назвал следующий Хронос, который прибыл сюда из будущего. Он привязан не к месту, а лишь к моменту рождения и выбрал точку, куда должен прийти его преемник и забрать Песочные Часы. Откуда тот узнает, где должна произойти встреча? Очевидно, они каким-то образом получают указания, однако Судьба не имеет к ним никакого отношения. Лахесис, естественно, отмерила длину нити будущего Хроноса, но, когда человек становится воплощением Времени, его нить исчезает с Гобелсна, словно произошла неожиданная смерть. Хронос, тот, с кем она провела так много лет вместе, как-то заметил, что его смертное существование было бессмысленным и скучным — скучное, он использовал тогда именно это слово — вот почему, когда у него появилась возможность стать воплощением, он сразу согласился. Но он не знал, что ему придется жить в обратном потоке времени и сражаться с Сатаной.

Ну, очень скоро Ниоба познакомится с будущим Хроносом. Она наблюдала через трещину в стене пещеры ужасов, как ее Хронос отступает в темное помещение, освещенное только сиянием Песочных Часов. Вдалеке появилась еще одна фигура, идущая вперед. Другой Хронос!

Нет — это тот, кого она знала! Она видела, как он двигается. Он спокойно шел вперед, другой продолжал двигаться назад, и они встретились в самом центре. Песочные Часы вспыхнули.

Неожиданно, в сиянии Часов, их стало трое: две молодые женщины и ребенок! Какое зрелище пропустили посетители пещеры ужасов!

Женщины показались ей странно знакомыми. Ниоба увидела силуэт одной из них; осиная талия, разевающиеся волосы...

Она с трудом подавила удивленное восклицание. Ее копия!

Копия подошла к ней.

— Пойдем со мной, Ниоба, — сказала она. — Я все объясню. — Она взяла Ниобу за руку.

Ошеломленная Ниоба разрешила вывести себя из темного помещения, оставив там другую женщину и ребенка. Что происходит?

Когда они оказались при свете дня, копия повернулась к Ниобе и улыбнулась.

— Я — это ты, два часа спустя, — объяснила она. — Ты помнишь, как я у тебя появилась, когда ты провела час в особняке Хроноса?

Ах вот оно что.

— Да. Но...

— Теперь нас трое, — продолжала копия. — Номер один подходит к особняку; номер два находится в нем и временно живет в обратном направлении; номер три, выйдя из особняка, снова живет вперед. До сих пор нам удавалось друг друга избегать.

— Да. Но...

— Сейчас ты — номер один, — продолжала копия. — Я — номер три. Номер два осталась с Хроносом, она живет в обратном направлении.

— Но они же не в его особняке!

— Он на целый час развернул нас. Ему захотелось, чтобы его сопровождала целая компания. Ведь он всего лишь ребенок.

— Ребенок... которого я только что видела?

— Хронос может иметь любой пол и возраст, как и любое другое воплощение, — напомнила ей копия номер три. — Он все расскажет тебе, как уже рассказал мне. Я просто хочу убедиться в том, что ты понимаешь ситуацию.

Ниоба глубоко вздохнула:

— Я... кажется, понимаю. Но кто... кто объяснил все это тебе, когда ты была номером один? Если мы все части одной личности...

— Мне объяснила номер три, естественно.

— Но ведь номер три — это ты!

— Теперь. А тогда я была тобой.

— Но...

Ее собеседница рассмеялась:

— Не пытайся анализировать, сестрица! Ты сойдешь с ума. На самом деле нас вовсе не трое — просто существует последовательность ролей. Не забывай, Хронос защищен от парадоксов — как и мы, когда общаемся с ним.

Ниоба кивнула, хотя у нее кружилась голова, и она не очень хорошо понимала объяснения своей копии.

— Теперь я знаю, как чувствовал себя Хронос, когда ему вручили Песочные Часы несколько минут назад. Нужно столько всего осознать!

— Конечно. Но другому Хроносу тоже очень трудно. Он напуган. Поэтому ты уж с ним поласковей — от тебя не убудет. Уж я-то знаю!

Они обе рассмеялись.

Ниоба с удовольствием проболтала целый час со своим двойником.

— Нужно будет обязательно встретиться еще! — заявила номер три, и Ниоба согласилась. — Лучше всего это сделать в особняке Хроноса — думаю, нам не придется заниматься с ним любовью. Ты появившись пораньше, а я тебя подожду.

— Договорились. — Они пожали друг другу руки.

Пришло время возвращаться.

— Пора расставаться, — сказала номер три, обнимая Ниобу. Ее было очень приятно обнимать. — Мне понравилось разговаривать с тобой.

— Мне тоже, — ответила Ниоба.

Она увидела слезы на щеках Ниобы номер три. За все годы, что она была Клото, Ниоба ни разу не плакала. Теперь же она поняла, как ей не хватает слез.

Она вошла в зал, немного поколебалась, повернулась — и номер три помахала ей рукой. Ниоба вздохнула и направилась к центру, где стояли ребенок и женщина.

— Привет, — сказала Ниоба.

— тевирП — ответила копия номер два и отступила назад к Ниобе. Они столкнулись.

— Привет, — повторила Ниоба.

— тевирП — отозвалась другая и начала быстро удаляться.

— Ты, наверное, знаешь, что я тебя развернул, Оби, — сказал ребенок.

Ниоба с удивлением взглянула на него. На вид ему было лет восемь; спутанные, выгоревшие волосы и голубые глаза, как у самой Ниобы. Он действительно был Хроносом, потому что держал в руках сияющие Песочные Часы.

— Да, — кивнула она. — Ты хочешь, чтобы с тобой кто-то находился рядом. Во время изменения.

— Я никогда раньше не умирал, — признался он. — Мне просто немного боязно быть одному.

Ниоба огляделась по сторонам. Номер три уводила номер один, точнее, приводила; при этом они двигались спиной вперед. А сама Ниоба стала номером два. Она обменялась приветствиями со своими другими «я» — уходящими и приходящими. Но сейчас ей предстояла другая работа.

— Это не смерть, — успокаивающе сказала она.

— А для меня — так одно и то же, — возразил мальчик. — Я буду в Раю — или в Аду.

Ниоба превратилась в Лахесис, которая быстро провела нити. Нить Хроноса делала петлю и замыкалась на себе, но в остальном казалась нетронутой.

— Я уверена, что ты попадешь в Рай. — Она снова стала Клото.

У стены стояло два стула.

— Надеюсь, — вздохнул Хронос, присаживаясь на самый краешек. — Я знаю, что мне не следует беспокоиться, но я такой маленький. Мне страшно! — Его глаза наполнились слезами, и он заплакал.

Ниоба протянула к нему руки и прижала к груди. Она никогда не могла отказать тем, кто нуждался в утешении, а уж слезы Ниоба понимала, как никто другой.

— Конечно, дорогой, конечно, ты совсем маленький! — нежно проговорила она. — Нам всем бывает страшно, когда приходит наша очередь.

Скоро он перестал плакать, но Ниоба продолжала обнимать мальчика — так она прижимала к себе и другого Хроноса. Бывают моменты, когда мужчина любого возраста нуждается в женских объятиях. Жаль только, что люди часто путают эту нужду сексом.

— Ты знаешь, Оби, — сказал он, — когда ты появилась, три года назад, а может быть, два, я был в ярости; мне нравилась Лиза. Но когда я получше тебя узнал, я понял, что ты лучше, чем она. Ты красивее.

Очевидно, Лиза стала новой Клото — через два или три года. Ниоба с трудом взяла себя в руки — она и не подозревала, что ее срок подходит к концу.

— Красота сама по себе не является достоинством. Я уверена, что Лиза хорошая женщина.

— Да, конечно. Но когда она сердилась, то начинала дразнить меня своей невнятной болтовней, а ты...

Ниоба решила сменить тему.

— А как ты стал Хроносом? — спросила она, глядя на сияющие Песочные Часы, висевшие в воздухе рядом с ни-

ми. Мальчишка выпустил их из рук, когда расплакался, и они так и остались на прежнем месте.

— Ну, ты знаешь, — он пожал плечами.

— Я не знаю, — напомнила ему Ниоба. — Меня ведь там не было, помнишь? С тобой находилась Лиза.

— Ах да. Ну, Песочные Часы должны были поменять владельца, но их новый хозяин в последний момент испугался. — Хронос широко улыбнулся. — Как только несчастный увидел Песочные Часы, он бросился бежать! И промчался мимо меня. А я в это время играл в парке, и мне стало ясно, что кто-то должен взять Часы, тогда я подошел и схватил их. Я был слишком маленьким, чтобы понимать, что к чему. И вот я стою перед тобой через восемь лет после этого. Точнее, до того.

— Удивительно, как ты мог исполнять свои обязанности? — пробормотала Ниоба.

— Ну, Ма Сис показала мне как. И я научился.

— Ма Сис?

— Ты ее знаешь, Оби. Твоя средняя.

Лахесис. Ребенок не мог выговорить такое сложное имя. Впрочем, для успешного исполнения обязанностей воплощения Времени в этом не было острой необходимости.

— Ма Сис! — Лахесис фыркнула. — Молокосос...

— Но я больше всех любил тебя, Оби. После того, как ушла Лиза, хотя Аттапос тоже хорошая. Если бы я мог вырасти, то женился бы на тебе.

— Воплощения имеют определенные обязательства, — улыбаясь, ответила Ниоба.

Они сидели и разговаривали, и Хронос постепенно успокоился. Когда прошел час, он был готов к загробной жизни. В последнюю минуту он поднял Песочные Часы, и Ниоба наклонилась, чтобы поцеловать его. Потом она отодвинулась, Песочные Часы взяла другая рука, а Ниоба вернулась в обычный поток времени — и поспешила перехватить смущенную копию номер один.

— Пойдем со мной, Ниоба. Я все объясню. — Она взяла девушку за руку и вывела из темного помещения, прежде чем копия номер один успела вмешаться в диалог между копией номер два и юным Хроносом.

— Я — это ты, два часа спустя, — заявила Ниоба и принялась за подробные объяснения.

Номер один была поражена. Теперь Ниоба получала удовольствие от происходящего, она знала, что делает.

Когда прошел час, она отвела копию номер один обратно, помахала ей рукой, а потом немного задержалась, наблюдая за тем, как номер один и номер два слились, а затем обе исчезли. Остался только юный Хронос, с тревогой ожидавший своего преемника.

Откуда он знал, что она придет, чтобы провести с ним последний час? Очевидно, она ему это обещала. Тем не менее хорошо, что Хронос защищен от парадоксов!

Ниоба тихо ушла, понимая, что пора возвращаться к привычным делам. Но одна мысль не давала ей покоя. Осталось три года — или два — и ее срок закончится!

Новой Клото станет Лиза.

Глава 8

Вторая любовь

Ниоба периодически проверяла, как идут дела у ее смертных родных. Боль от потери, которую они пережили, когда демон, посланный Сатаной, расправился с ней в чем неповинной Бланш, чуть-чуть притупилась. Маг производил впечатление человека вполне довольного жизнью. Бленда работала учительницей в школе, отказавшись использовать свою красоту в шоу-бизнесе. Она частенько навещала отца, стараясь поддержать его в трудную минуту, и тоже горевала о матери, но волшебный камень, который дал ей Маг, помогал справиться с несчастьем. Ниоба знала, что девушка прибегла к помощи камня вовсе не потому, что думала только о себе. Просто ей приходилось заботиться о муже и отце, да еще заниматься со своими учениками; в такие нелегкие времена Бленда не могла быть слабой. Вот одно из преимуществ магии: она поддерживает людей в тяжелых, иногда кризисных ситуациях. Возможно, по той же самой причине Бленда решила пока не заводить ребенка.

У Пасиана дела обстояли хуже. Он решительно отказался прибегнуть к магии, а время никак не могло излечить его тоски. Он продолжал жить с мрачным достоинством, работал, следил за здоровьем, но возникало ощущение, что он стареет слишком быстро.

Ниоба за него беспокоилась — как мать Мага, против которого направил свое оружие Сатана, она чувствовала ответственность за то, что произошло на свадьбе. Кроме того, будучи одним из аспектов Судьбы, она была обязана

противостоять его козням более эффективно. Так что в определенном смысле смерть Бланш лежала и на ее совести. Пасиан был лучшим другом ее сына в детстве, скорее даже братом; и вот теперь он страдает.

Ниоба навестила его в своем собственном облике и попыталась извиниться. Сначала он ее практически не слышал, а потом вспомнил.

— Вы... вы родственница Мага! Та самая, что позировала для фотографии рядом с моей дочерью.

Ниоба некоторое время сомневалась, правильно ли поступает, затем решила раскрыть правду.

— Я родственница Мага, — сказала она Пасиану. — Близкая.

— У него нет младшей сестры, — возразил он. — Я его единственный кузен, так что с этой стороны вы не можете иметь к нему никакого отношения. Каким-то необъяснимым образом мне кажется, что я вас когда-то видел. В каком родстве вы с ним состоите?

Ниоба помолчала мгновение, сомневаясь, стоит ли делать последний шаг.

— Мы встречались раньше.

— Уверен, что так оно и было... или я знал кого-то ужасно похожего... Каждый раз, когда я на вас смотрю, я пытаюсь вспомнить. Только у меня ничего не получается!

— Я мать Мага.

Пасиан расхохотался:

— Конечно. И вам шестьдесят лет!

— Шестьдесят два.

— Мальчишкой я знал его мать. Она была самой красивой женщиной в мире! После того как Ниоба оставила у нас малыша, она несколько раз приезжала, а потом исчезла. Какая-то важная работа отнимала все ее время. Мне кажется, дело в том, что она просто была не в силах находиться там, где погиб кузен Седрик. — Неожиданно его оживление куда-то исчезло. — Я ее понимаю.

— Я Ниоба Кафтан, — твердо заявила Ниоба. — Все, что ты говоришь, правда: я не могла остаться. Я очень любила своего маленького сына, но знала, что не сумею сделать для него столько, сколько сделала твоя семья, и потому я от него отказалась. Мне ни разу не пришлось пожалеть об этом решении; вы заменили ему семью, в особенности ты.

— Он всегда был хорошим мальчиком, — согласился Пасиан. — Я так радовался, когда он полюбил мою дочь. Ко-

нечно, они в некотором роде родственники, но их союз объединил семью, которая начала распадаться.

Тут Пасиан снова посмотрел на Ниобу:

— Самое смешное, что вы и в самом деле на нее похожи. Но вы ведь не старше моей дочери.

— Я не старею — физически, — объяснила Ниоба. — Мне по-прежнему столько же лет, сколько было тогда, когда тебе исполнилось двенадцать. Когда я поцеловала тебя и уехала.

— Тот поцелуй... — прошептал Пасиан, вспоминая.

Но он никак не мог примириться с тем, что услышал. Юная Бленда легко приняла правду и хранила молчание, однако Пасиан, которому было пятьдесят, оказался слишком взрослым человеком, чтобы с готовностью признать невозможное.

— Наверное, Маг владеет заклинанием вечной молодости... хотя никогда им не пользовался... да и не мог он его получить, в то время когда Ниобе было двадцать.

— Я один из аспектов Судьбы, — проговорила Ниоба. — Воплощение. Мы не стареем, остаемся в том физическом состоянии, в котором находились, когда приступили к своим обязанностям; ведь воплощения бессмертны — не навсегда, конечно. Поэтому, став Клото, я не постарела.

Пасиан снова на нее посмотрел.

— А вы и правда красивы, — сказал он так, словно проиграл очко. — Пожалуй, совсем как она. Я был в нее влюблен...

— Знаю.

Пасиан вздохнул:

— Ладно, буду считать, что вы — это она, не изменившаяся с возрастом. Ваши слова наверняка можно легко проверить; Маг-то знает правду?

— Конечно.

— Но я хочу получить собственные доказательства. Насколько мне известно, у Судьбы три аспекта...

— Да. В облике Атропос я навещала малыша... и тебя.

— Атропос?

— Она самая старая из аспектов Судьбы. И...

— Вы можете измениться... взять и измениться?

— Да.

— Давайте.

Ниоба передала тело Атропос.

Пасиан покачал головой:

— Нет, не она.

— Конечно, нет, — согласилась Атропос. — Та, которую ты знал, отошла от дел и провела остаток дней с тобой и малышом; я ее преемница. — Она вернула тело Ниобе.

— И вы все время там присутствовали, в ее теле?

— Да, — ответила Ниоба.

— Случилось кое-что...

— Пророчество?

— Которое меня не коснулось. Я женился на Бланш. Она оказалась самой лучшей, но...

— Но не самой красивой женщиной своего поколения, — закончила за него Ниоба.

— Верно. А вот вы были.

— Так мне говорили, — рассмеявшись, согласилась Ниоба. — Теперь то же можно сказать про Бленду. Предсказание исполнилось, потому что она вышла за...

Неожиданно Ниоба замолчала, связав концы с концами. Она удивленно посмотрела на Пасиана, который в изумлении уставился на нее.

А потом отвернулся.

Ниоба быстро встала и ушла.

Оказавшись Дома в Чистилище, она попыталась сосредоточиться на своей работе, но два других аспекта вмешались.

— Я, видимо, чего-то не знаю, — проговорила Атропос, — но чем тебе не нравится Пасиан?

— Он кузен моего мужа! — возмутилась Ниоба.

— Твой муж умер сорок лет назад, верно? — спросила Лахесис. — А жена Пасиана — пять лет назад. Вы оба свободны.

— Мы никогда не рассматривали друг друга с таких позиций!

— Но он был влюблен... — напомнила Лахесис.

— А ты действительно самая красивая... — перебила ее Атропос.

— Пусть пророчество провалится в Ад! — воскликнула Ниоба.

— Сатане это понравилось бы, — ехидно заметила Лахесис.

— И Сатана пусть проваливает к себе в Ад!

— А ты можешь точно воспроизвести пророчество?

— Каждый будет обладать самой красивой женщиной своего поколения, — ответила Ниоба, напрягаясь, чтобы

вспомнить поточнее. — Каждая родит самую талантливую в своей области деятельности дочь. Одна полюбит воплощение, а другая сама станет воплением. Нет, подожди... пророчеств было два, они у меня перепутались.

— Ничего страшного, — утешила ее Лахесис. — Постарайся вспомнить все, что сможешь.

— Обе дочери пойдут против спутанной пряжи, — сказала Ниоба.

— Это уже про нас! — воскликнула Атропос.

— Одна, возможно, выйдет за Смерть, а другая возьмет в мужья Зло, — проговорила Ниоба, разыскав в памяти еще один обрывок предсказания. — Одна спасет человечество... ее отец защитит оленей. Мне кажется, это все.

— Значит, дочь Мага спасет человечество, — подытиожила Лахесис.

— Но у него нет дочери, — напомнила Атропос.

— И можно с уверенностью сказать, что дочь Пасиана не вышла замуж ни за Танатоса, ни за Сатану! — заявила Ниоба. — Так что все это весьма зыбко, и не...

— Если ты не выйдешь замуж за Пасиана, — вставила Лахесис. — И не родишь ему еще одну дочь.

— Возмутительно!

— Ты должна покинуть нас через год, — проговорила Атропос. — Тебе предоставляется отличная возможность.

— Ты мерзкая сваха! Я не люблю Пасиана!

— Пока, — одновременно ответили Атропос и Лахесис.

Прошел месяц, прежде чем Ниоба решилась снова навестить Пасиана. Он посмотрел на нее с некоторым смиренiem:

— Трудно избежать пророчеств...

— И порой нелегко понять их значение, пока не бывает слишком поздно, — добавила Ниоба. Эти слова она уже не раз повторяла.

— Я хочу, чтобы вы поняли, я никогда...

— Естественно. Мне больше шестидесяти лет.

— А выглядите вы моложе моей дочери. Вдобавок вы любили Седрика, а я — Бланш. Я уверен, что вы не захотите изменить своей любви, как, впрочем, и я. А значит, нам не следует глупостям позволить...

Изменить своей любви. Ниоба вздохнула. Она изменила Седрику тысячи раз — физически! Но одновременно и получила возможность лучше понять действительность,

которая ее окружает. Она вошла в новую жизнь и стала играть иную роль после смерти мужа, и было бы неправильно вести себя по-другому, не выполнять обязательств, накладываемых на нее этой жизнью. Но ее настоящая любовь оставалась священной и многое для нее значила.

— Пейс, я не уверена в том, что это действительно глупости. Пророчества оказались не пустыми словами... Когда ты женился на Бланш...

— У меня родилась самая красивая дочь, на которой должен был жениться мой кузен, — договорил он. — Пряжа запутана гораздо больше, чем я себе представлял.

— Были и другие знаки. Похоже, я скоро перестану быть воплощением. Думаю, мне, по крайней мере, следует изучить вероятность того, что я выйду за тебя замуж.

Ну вот она и произнесла эти слова.

— Ниоба, вы мне ничего не должны! Пророчество относится к тому времени, когда я был подростком!

— Видишь ли, Сатана вынашивает какие-то злокозненные планы, касающиеся всего мира. Я подозреваю, что, если предсказание не сбудется, ребенок, родившийся у твоей дочери и моего сына, не спасет человечество. Может быть, эта девочка и вовсе не появится на свет — если пророчество не исполнится в точности.

— Просто смешно! Не может часть зависеть от целого.

— Я Судьба, — медленно проговорила Ниоба. — Предсказание — знак Судьбы. Если мы попытаемся повлиять на нити нашей жизни, это может плохо кончиться — для нас и для всего человечества. Не думаю, что мы имеем право так легкомысленно играть с будущим. Пейс... я должна знать!

— Дело не в том, что вы мне неприятны, Ниоба. Вовсе нет! Я любил вас всем сердцем, пока не познакомился с Бланш, и думаю, это чувство не прошло. А еще я знал, что вы никогда не будете мне принадлежать. Я не могу осквернить память кузена.

— А я — твоей жены! Но если пророчество не сбудется и на свет не появится тот, кто спасет человечество... — Ниоба развела руки в стороны. — Пейс, я уже один раз вышла замуж, потому что так было предназначено судьбой. Любовь пришла потом. И готова снова так поступить... если буду уверена...

— Ну как же можно быть уверенным в подобных вещах?

— Я бы хотела посоветоваться с... одной своей знакомой. Вдруг она знает.

— И кто это?

— Гея. Воплощение Природы.

— Природа, — кивнув, проговорил Пасиан. — Да, она может знать.

— Ты должен отправиться со мной, пусть она посмотрит на нас обоих.

Пасиан напряженно рассмеялся:

— Ниоба, я не могу войти в ваше царство!

— Можешь, если я возьму тебя с собой. Ты согласен?

Он задумался, а потом пожал плечами:

— Я понимаю, что этот вопрос необходимо решить. Если вы можете меня с собой взять, я готов.

Ниоба протянула ему руку:

— В таком случае в путь!

— Сейчас? — Пасиан явно не ожидал такого поворота событий.

— В данный момент у меня есть свободное время. А у тебя?

— У нас выходные.

Ниоба взяла его за руку:

— Ты запомнишь наше путешествие на всю жизнь.

— Вот этого-то я и боюсь, — ответил Пасиан, но на его губах появилась улыбка.

Ниоба протянула нить до Чистилища и заскользила по ней, крепко держа Пасиана за руку. Они промчались сквозь стену, потом миновали густую листву старого дерева, а затем взвились в небеса. Пейс наблюдал за происходящим с удивлением, на которое способен только смертный, и Ниоба вдруг увидела мир новыми глазами. За тридцать восемь лет она успела привыкнуть к чудесам и теперь радовалась напоминанию о том, какими удивительными способностями обладает. Ей совсем не хотелось от них отказываться!

Они пронеслись сквозь облака, отделяющие Чистилище от остального мира, и остановились возле жилища Судьбы.

— Я живу здесь.

— Гигантская паутина?

Ниоба превратилась в паука, потом снова вернулась в свое тело.

— Я ведь больше не обычная женщина.

— Вы никогда не были обычной женщиной, — ответил Пасиан.

— А теперь я отведу тебя к зеленому дому Геи.

Ниоба протянула новую нить, и они отправились в путь, любясь великолепными пейзажами Чистилища. Ниоба вспомнила, как Хронос знакомил ее с воплощениями, его прощальный подарок, который помог ей понять свое предназначение. Как давно это было!.. С тех пор ушла в прошлое солидная часть Гобелена.

Они прибыли к границе владений Зеленої Матери. Впереди склон холма уходил вниз, в огромную долину, где, раскачиваясь на ветру, росли какие-то злаки. На противоположной стороне виднелся зеленый дворец Геи. Ниобе и Пасиану нужно было только пересечь долину.

Они начали спускаться.

— А вы не можете сплести паутину, по которой мы дойдем до дворца? — спросил Пасиан.

— Тут не могу. Гея защищает свои владения, поэтому, возможно, попасть к ней будет совсем не просто.

— Вы здесь еще не были?

— Была, множество раз. Мы часто с ней советуемся. Но сейчас я пришла с тобой, а потому вступила в действие ее система защиты.

— Природа поступает так, как считает необходимым, — согласился Пасиан.

— И остальные воплощения.

Он с деланным изумлением потряс головой:

— И все это... наверху, в облаках!

— Вовсе не в облаках; просто так кажется. Чистилище находится между Раem и Преисподней, но определить их точное местоположение невозможно. Для удобства мы привыкли считать, что Рай наверху, Преисподняя внизу, а Чистилище между ними.

— Насколько я понимаю, законы физики тут не действуют, и все нематериально.

— Относительно. Мы с тобой живые и имеем массу, но многие другие таковыми только кажутся.

Пасиан помолчал немного, а потом повернулся к ней:

— Ниоба, я рад, что после стольких лет выяснилось, где вы были. Теперь я понимаю, почему вам не хватало времени заниматься делами смертных.

— Мне хватало времени на дела смертных! — возмутилась Ниоба. — Я пряла нити жизни!

— Да, конечно, — согласился он, и Ниобе стало стыдно за свою резкость.

Пасиан был хорошим, добрым человеком, и он не со- бирался с ней ссориться. И не его вина, что она по-преж-нему думает о нем как о двенадцатилетнем мальчике. Она не изменилась, но он-то стал взрослым.

Они спустились в долину и вошли в зеленые заросли. Сначала трава достигала коленей, после второго шага до-бралась до пояса, после третьего — до груди. Путники оста-новились.

— Ох-хо-хо, — вздохнула Ниоба. — Я забыла про пре-пятствия. Дело здесь не просто в том, чтобы пересечь до-лину. Неизвестно, насколько она на самом деле глубока.

— Может быть, долина напоминает формой букву V, а трава скрывает дно?

— Вполне. Гея в состоянии сделать с растениями все что угодно.

— В таком случае мы можем пройти под травой, — про-говорил Пасиан. — Это же недалеко.

— Придется, — согласилась Ниоба, хотя особой уверен-ности не чувствовала.

Они двинулись вперед. Трава становилась все выше, пока не скрыла их полностью. Вскоре она уже в два раза превышала их рост; длинные тонкие стебли послушно рас-ступались, в то время как более широкие верхние листья оставались неподвижными. Ниоба и Пасиан углубились в заросли, и свет потускнел; казалось, они опустились на самое дно океана.

Ниоба в очередной раз сделала шаг, но ее нога косну-лась пустоты, и она потеряла равновесие.

— Ой! — воскликнула девушки.

Сильные руки Пасиана подхватили ее и втащили назад. Затем он присел, чтобы изучить землю.

— Тут крутой скат, чуть ли не пропасть... Нам нужен свет.

Ниоба тут же протянула ему горящую нить паутины. Свет был неярким, но его оказалось вполне достаточно, чтобы рассмотреть, что впереди имеется множество опас-ных скал и расщелин.

Они начали спуск, держась за руки для безопасности, и добрались до глубокого провала. Ниоба сплела прочную веревку и обвязала вокруг пояса Пасиана. Затем он приго-товился удерживать ее, пока она будет спускаться. После

этого Пасиан закрепил веревку за толстый стебель и последовал за ней. Здесь Ниоба была не в состоянии дематериализоваться.

Теперь их окружала кромешная тьма. Ниобе пришлось зажечь сразу несколько нитей, чтобы осветить дорогу, потому что даже маленькие ямки таили в себе опасность — стоит попасть туда ногой, и ничего хорошего тебя не ждет. Но и при свете идти было совсем непросто.

И вдруг земля содрогнулась.

Они замерли.

— Что это? — прошептала Ниоба испуганно.

— Шаги какого-то чудовища, — тоже шепотом ответил Пасиан. — Я верю в то, что нужно давать жить всем живым существам; я ценю диких животных, как и мой кузен Седрик, да и Магу это хорошо известно. Только вот дикие звери не всегда придерживаются такого же взгляда.

— Верно, не придерживаются, — согласилась с ним Ниоба. — Мы попали в какой-то канал или яму, оказались в полной темноте, да еще и совершенно безоружные. Пейс, давай выбираться!

— Согласен!

Они поспешили назад, вверх по склону, по которому только что спустились. Пасиан помог Ниобе подняться по веревке, хотя Ниоба путешествовала по своим нитям при помощи волшебства. Но он, не отдавая себе в этом отчета, вел себя, как подобает мужчине в подобной ситуации, и Ниоба оценила его жест. Через несколько секунд он ее догнал. Тонкая, почти прозрачная веревка была заколдована таким образом, что не врезалась в кожу, а Пасиан находился в прекрасной для своего возраста физической форме. Так что он справился без проблем.

Земля снова задрожала; чудовище приближалось.

Ниоба и Пасиан взялись за руки и поспешили вверх по склону, следя за нитью, оставленной Ниобой. Определить, насколько близко к ним подобрался зверь, они не могли; казалось, грохот доносится со всех сторон. Задыхаясь, путники выбрались из травы на солнце.

— Ой! — воскликнула Ниоба. — Я так испугалась!

— А разве воплощения не защищены от каких бы то ни было опасностей?

Ниоба рассмеялась.

— Конечно, защищены! Как же глупо, что я забыла! — проговорила она и тут же нахмурилась. — Но ты-то нет.

Пасиан улыбнулся, и Ниоба почему-то вспомнила Седрика. Они же все-таки были родственниками, и если бы Седрик дожил до такого возраста...

— Значит, хорошо, что мы не стали медлить, — сказала она.

Почему-то оба не сомневались, что при ярком солнечном свете им ничто не угрожает; чудовище не покинет своего убежища в высокой траве.

Ниоба посмотрела на зеленый дом Геи, такой близкий и одновременно далекий.

— Но нам все равно нужно как-то перебраться на другую сторону.

Пасиан задумался.

— Знаешь, эта трава напоминает мне океан. Словно волны набегают на берег под порывами ветра.

— Жаль, что мы не можем его переплыть, — пошутила Ниоба.

— А мы не можем? Если препятствие волшебное...

Ниоба раскрыла от удивления рот.

— Вполне возможно...

Пасиан огляделся по сторонам:

— Построим плот? Я вижу тут плавник. — Он подошел к похожим на вымытые добела кости веткам мертвого дерева и принял их собирать. — Дерево легкое, но прочное. Если мы свяжем его куски между собой...

— У меня есть нитки, — проговорила Ниоба. — Они подойдут. Ты и в самом деле думаешь, что наш плот поплынет — по траве?

— Когда имеешь дело с волшебством, все возможно, — весело ответил Пасиан.

Было ясно, что ему нравится сражаться с трудностями, таким возбужденным Ниоба не видела его вот уже два года.

Работая над постройкой плота, Пасиан вспомнил загадку, связанную с путешествием на другой берег реки. Ниоба знала ее от Седрика.

— Ну хорошо, — улыбаясь, проговорил Пасиан. — Тогда попробуем вот эту: у ростовщика есть двенадцать монет, одна из которых фальшивая... — И он рассказал условия задачи.

Ниоба безрезультатно сражалась с ней до тех пор, пока Пасиан не объяснил решение. Он, как и Седрик, просто обожал подобные загадки.

Они разговаривали, а Пасиан в это время сделал из больших веток каркас, который Ниоба связала нитями. Затем они прикрепили к основанию множество маленьких веточек, и в результате получился плот размером около шести футов. Две длинные тонкие ветки они отложили в сторону, чтобы затем использовать в качестве щестов, и еще несколько поменьше — для весел.

— Жаль, что у нас нет паруса, — проговорил Пасиан.

Ниоба вспомнила свое путешествие на утлой лодчонке с парусом по водам озера, расположенного на территории коллежда. Надо сказать, что их плот не вызывал у нее особой уверенности в успехе предприятия.

Для паруса подходящего материала не нашлось. Если бы у Ниобы были время и прялка, она смогла бы справиться с этой задачей, но увы!

Плот столкнули на поверхность травы... и он поплыл.

— Вот видишь! — воскликнул Пасиан. — Без волшебства ничего бы не вышло; это же не настоящая вода. Но твоя подружка Природа заколдовала долину, чтобы она стала для нас препятствием, а мы нашли разгадку.

Так ли это? Ниоба надеялась, что Пасиан не ошибся. Он помог ей взобраться на плот, и они оттолкнулись от берега. Плот вел себя немного неуверенно, и ощущение было не совсем такое, как когда плывешь по воде, и все же...

При помощи щестов Ниоба с Пасианом быстро продвигались вперед, но вскоре оказались на глубине, и щесты уже не доставали до дна. Пасиан уселся, уперся поудобнее ногами и две самые длинные палки приспособил в качестве весел.

— Гм-м, — сказал он, — нужно их как-то закрепить.

Ниоба поняла, что он имеет в виду, опустилась на колени и привязала весла к краю плота, обмотав их несколько раз своими нитями, так что теперь они держались на своеобразных уключинах. Пасиан начал грести — и плот сдвинулся с места. Весла время от времени скользили по траве, однако трения было вполне достаточно, так что путешественники постепенно приближались к дому Геи.

Неожиданно у себя за спиной они увидели струю водяного испарения.

— Смотри! — воскликнула Ниоба, а в следующее мгновение подумала, что не представляет себе, какой же кит может плыть по траве.

Видимо, Пасиану пришла в голову та же мысль, и он принял грести быстрее, но неуклюжий плот плыл медленно. Вскоре возникла другая струя, совсем близко. Кит их нагонял!

— Как ты думаешь, это случайность? — с озабоченным видом спросила Ниоба.

— Здесь? Сомневаюсь, — тяжело дыша, ответил Пасиан.

— Вряд ли нам удастся от него убежать, — встревожилась Ниоба.

Пасиан перестал грести. От усилий, которые ему пришлось приложить, он весь раскраснелся.

— Еще одно препятствие? — с трудом переводя дух, спросил он.

— Боюсь, да. И на этот раз нам не вернуться назад. Он нас мгновенно настигнет.

Пасиан задумчиво взвесил на руке весло.

— Пожалуй, можно попробовать его отогнать. Если кит достаточно большой, чтобы попытаться нас съесть, значит, вполне можно будет засунуть ему в пасть весло или шест. Только мне совсем не по душе, когда страдает дикая природа и ее обитатели. В конце концов, мы ведь вторглись на его территорию.

— Ты дурак с добрым сердцем! — возмутилась Ниоба.

— Это у нас семейное, — беззлобно согласился Пасиан.

Ниобу поразили его слова. А ведь он прав. Седрик заботился о дикой природе и категорически отказывался причинить ей хоть какой-нибудь вред. А многолетняя дружба ее сына с гамадриадой, живущей на черном дубе, научила Мага глубинному пониманию волшебства болотного края. Она сама чувствовала то же самое. И Пасиан такой же.

Левиафан приближался. Его громадная морда разрезала поверхность травы. Он был такой большой, что мог без проблем проглотить незваных гостей вместе с плотом.

— Говорят, музыка может зачаровать и усмирить даже самое дикое животное, — проговорил Пасиан. — Таких, как этот, частенько считают «дикими». Как ты думаешь, стоит попробовать? Все лучше, чем применять грубую силу.

Ниобе понравилось, как он рассуждает, но левиафан наводил на нее ужас. Вот уже его огромные челюсти начали медленно раскрываться.

— Ты имеешь в виду... спеть ему песенку?

— Знаю, звучит глупо... зато по крайней мере безвредно. Я пел животным на своей ферме, и мне часто удавалось

добиться того, чего я хотел. К боевым действиям прибегнем, когда уже не будет иного выхода. Как ты полагаешь, что ему понравится?

Выполнять пожелания чудища? Ниоба поняла, что она не в силах придумать ничего разумного.

— Я... может быть, круговую...

Пасиан согласно кивнул, повернулся к левиафанду, словно намеревался произнести речь. А потом запел, не очень уверенно, но достаточно громко:

А вам встречался призрак Тома?
И плоти нет — лишь кости босы.
О — о — о — о — о — о — о.
Ведь правда холодно без тела?

Ниоба разразилась истерическим хохотом. Спеть чудвищу песню, которую поют в канун Дня всех святых!

Левиафан замер на месте. Челюсти перестали открываться. Он слушал и, как некоторые животные, был не в состоянии одновременно сосредоточить внимание на двух предметах сразу.

— А вам встречался призрак Тома? — пропел Пасиан, еще громче и увереннее.

На сей раз Ниоба присоединилась к нему, повторив первую строку, когда он перешел ко второй, потому что песня и в самом деле была круговой. Получилось совсем неплохо, несмотря на жутковатые и глупые слова.

Они три раза повторили все от начала до конца, и левиафан не пошевелился. Понравилось ли ему пение, у Ниобы и Пасиана уверенности не было; возможно, простое любопытство удерживало его на месте. Вне всякого сомнения, лучше так, чем если бы он решил на них напасть.

Когда они замолчали, челюсти медленно возобновили движение. Пасиан быстро затянул другую песню, которую любили в его родных краях:

О Дэнни мой, зовут рожки, зовут рожки, о Дэнни,
Из дола в дол зовут рожки, поют на горном склоне.

Ниоба присоединилась к нему, и они запели вместе. Она не пела так с тех самых пор, как была смертной, и успела забыть, насколько это здорово.

Уходит лето, сплошь листву роняя...

Пасиан повернулся, не переставая петь, и взял ее за руку.

Уедешь ты, останусь вновь одна я.

Ниоба была ошеломлена — неожиданно простенькую песенку наполнили чудесные, сказочные звуки. Он обладает волшебным даром! Пасиана словно сопровождал тот же призрачный оркестр, который помогал и Седрику, создавая изумительное музыкальное произведение.

Ну конечно! Это у них тоже семейное! Впрочем, чудесным даром наделен не каждый член семьи, ведь у ее сына он отсутствует. И все же. Подумать только! Не удивительно, что Пасиан с легкостью усмиряет самых буйных животных!

Левиафан это тоже почувствовал. Очень медленно его челюсти начали закрываться, он больше не угрожал плоту. Им удалось найти способ остановить чудовище.

Однако внимание Ниобы было только частично отдано огромному левиафанду. Ей казалось, что после Седрика она уже не сможет больше никого полюбить. И вдруг она с изумлением поняла, что это возможно. Пророчество основывалось не на том, что она знала, а на том, что должна была обнаружить.

Они закончили петь, и волшебство, рожденное звуками, постепенно исчезло. Левиафан больше не собирался на них нападать, но Ниобе хотелось еще музыки, и она, прижавшись к Пасиану, затянула:

Как смеркаться станет, милый, и когда темно...

Он тут же подхватил песню, и в звуках вновь возникла волшебная гармония, которая окутала их ласковым облачком.

Ты меня опять полюбишь, как давным-давно?

Ниоба пела и чувствовала, как любовь вырывается из так долго остававшегося одиноким сердца и охватывает все ее существо. Она полюбила Седрика, когда услышала его пение. И не смогла понять этого сразу, а потому зря потратила так много времени из того, что было им даровано судьбой. Теперь она стала старше и, возможно, мудрее... Ниобе вдруг показалось, что она отдает себя любви, словно водам древнего моря, с радостью уходя в его глубины.

Когда песня закончилась и музыка опять стихла, левиафан медленно попятился, потом развернулся и поплыл назад.

— Похоже, нам удалось справиться с кризисной ситуацией, — проговорил Пасиан. — Теперь мы можем отправиться на встречу с Матушкой Природой. — Он потянулся к веслам.

Ниоба взяла его за руку:

— Пейс... разве в этом есть необходимость?

Он задумался, потом рассмеялся. А в следующее мгновение притянул ее к себе, и они поцеловались. Их тут же окутала величественная музыка.

Тогда они повернули назад, возвратились в жилище Судьбы, а оттуда — в царство смертных. Оказавшись у себя дома, Пасиан сказал:

— Думаю, я больше никогда не буду чувствовать себя одиноким. Только, по-моему, нам не стоит торопиться.

— Да, все произошло слишком неожиданно, — согласилась с ним Ниоба. — У нас есть время, чтобы убедиться, что мы не ошиблись. — Впрочем, она знала, что не ошиблась.

Пасиан кивнул:

— А если...

— Я отойду от дел, стану смертной... и твоей женой.

— И таким образом сбудется пророчество, — напомнил ей Пасиан.

Ниоба покинула его, не сказав больше ни слова. Как только она оказалась одна, тут же загомонили ее подруги.

— Ты почувствовала музыку? Таких, как он, просто нет! Если твоя первая любовь была похожа на эту, не удивительно, что ты ждала всю жизнь, чтобы встретить подобное чудо! Нам нужно найти тебе замену, как там ее зовут... Лиза. А когда свадьба?

— Хватит, болтушки! — взорвалась Ниоба. — Все еще неточно!

Лахесис фыркнула:

— Так же неточно, как беременность, детка!

И правда, шло время, и Ниоба все больше убеждалась в истинности своих чувств. Она навешала Пасиана, и всякий раз ей казалось, что ее любовь становится все надежнее и сильнее.

— Я действительно люблю тебя, Пейс, — сказала она однажды. — Я должна выйти за тебя замуж.

— После того как я потерял Бланш, я думал, что никогда больше не смогу чувствовать себя счастливым, — признался он. — Знаешь, наверное, я не оскорблю ее память, если скажу, что люблю тебя так же, как любил ее. Ребенком я боготворил тебя — совершенно безнадежно; теперь я взрослый мужчина и знаю, зачем мне жить дальше. Моя жизнь была сохранена для того, чтобы ты вошла в нее в тот момент, когда ты мне особенно нужна. — Он немного помолчал. — Как ты считаешь, это совпадение?

Ниоба покачала головой:

— Я один из аспектов Судьбы... однако мое влияние ограничено. Лахесис следит за расположением нитей, которые я выткала, но и ее могущество не бесконечно. Из-за вмешательства Сатаны я потеряла мужа, а ты — Бланш. Судьба не имеет никакого отношения к этим ужасным событиям, и теперь Гобелен поправляется.

— И все же предсказание...

— Да, должно существовать какое-то глубинное течение Судьбы, о котором нам знать не дано, именно оно и открывается прорицательницам, — вздохнув, ответила Ниоба. — Может быть, наши манипуляции с нитями жизни должны восстановить то, что собирается разрушить Сатана. Ведь речь шла о спутанной пряже!

— Против которой пойдет наша дочь... и внучка, — добавил Пасиан. — Но сейчас есть только любовь.

Они поцеловались, и снова возникла волшебная музыка. Пасиан был прав: их потомков, возможно, ждали самые разнообразные приключения — только в настоящий момент важнее их любви не могло быть ничего.

Шли дни, близилась пора Ниобе покинуть Чистилище, и она решила попрощаться со всеми своими друзьями, с другими воплощениями. Сначала она отправилась к Зеленой Матушке и на этот раз добралась до ее владений без всяких проблем.

— Ты знала, верно? — набросилась она на Гею. — Это ты устроила так, что нам пришлось сражаться с препятствиями!

— Любовь — один из моих аспектов, — кивнула Гея. — Я знала, что у вас в сердце — у тебя и у него. Я только ускорила неизбежное.

— Нам даже не пришлось с тобой советоваться!

— Ну, не впрямую.

— Ты очень коварна.

— Из уст Судьбы это комплимент.

Они обнялись, и Ниоба немножко поплакала. Лицо Геи было совершенно спокойно, но, когда Ниоба покинула ее царство, пошел тихий, легкий дождь — Гея тоже горевала, расставаясь с Клото.

Спустя несколько дней Ниобе довелось по делу навестить Танатоса. Судьба очень тесно взаимодействовала с Хроносом, хотя время от времени ей приходилось встречаться и с Танатосом, поскольку нити должны не только начинаться, но и заканчиваться.

— Я скоро снова стану смертной, — сказала она. — Я прошу тебя, не приходи слишком скоро за мной или за человеком, которого я люблю.

Череп ухмыльнулся:

— Я отложу свой приход настолько, насколько позволит мне твоя преемница. Кстати, кто она?

— Не знаю. Мы ищем, но нам еще не попалась подходящая кандидатура по имени Лиза.

— Она будет так же красива, как и ты?

— Я уверена, что тебе она понравится.

— Я завидую тебе, Клото, ты можешь добровольно отойти от дел, можешь снова жить. Меня же убьет мой преемник, как это сделал я сам.

— Но ведь ты послал его в Рай; и твоя дорога лежит туда же.

— Только это и утешает, — согласился он.

Ниоба обняла его, не чувствуя никакого отвращения к рукам скелета, обхватившим ее, и поцеловала улыбающийся череп. Танатос выполнял мрачную работу, но он был хорошим человеком. Он пришел на смену тому, с которым она познакомилась в самом начале, и постепенно стал на него похож.

У Ниобы почти закончился запас пряжи, и она предприняла очередной ежемесячный поход в Пустоту, чтобы его пополнить. И снова подумала о том, что, возможно, цикличность связана с женским физиологическим циклом, который у нее прекратился, когда она стала бессмертной. Вне всякого сомнения, здесь действовали схемы, понять которые ей не дано.

— Итак, ты нас покидаешь, милашка, — заявил Сатана, неожиданно возникая у нее на пути.

— Отправляйся в Преисподнюю, — резко сказала Ниоба.

— Ты слишком долго была возмутительным бельмом у меня на глазу, — беспечно продолжал он. — Я с удовольствием с тобой расстанусь.

— Иди, прокляни сам себя.

— Знаешь, я с удовольствием развлечусь с твоей преемницей, привередливая моя.

Ниоба остановилась:

— И почему же ты в этом так уверен, Повелитель Мух? Может быть, ты не хочешь, чтобы я покинула свой пост?

Сатана выдохнул клуб дыма.

— Конечно, хочу! — воскликнул он.

— Потому что мне суждено родить ребенка, — кивнув, проговорила Ниоба, — который доставит тебе кучу неприятностей.

В ответ она не услышала ни унизительных, ни циничных комментариев, которых ожидала. Ее удивило, что Сатана вдруг задумался.

— Существуют течения судьбы, понятные, возможно, только одному Богу, — сказал он наконец. — Картины будущего, которые нам дано увидеть, мимолетны и несовершенны. Я изучил, что ждет твою дочь, и понял лишь, что примерно через сорок лет возникнет страшная буря и она окажется в самом ее эпицентре — как, впрочем, и я. Мне не известно, чем все это закончится.

Ниоба вдруг похолодела.

— Одна, возможно, выйдет за Смерть, а другая возьмет в мужья Зло, — проговорила она, вспомнив пророчество.

— Я являюсь воплощением Зла! — напомнил ей Сатана. — Может быть, скажешь, зачем мне связываться со смертной женщиной?

— Она станет воплощением.

Сатана повернулся и, опустив голову, принял расхаживать прямо по воздуху. В этот момент глубоких раздумий он был почти красив.

— И какая же женщина, будь она смертной или воплощением, согласится связаться со мной?

Он задал серьезный вопрос.

— Только та, в душе которой живет зло, — ответила Ниоба.

— Ты собираешься родить и воспитать такую женщину?

— Нет, конечно!

— Нет, конечно, — согласился он. — Потому что ты не только красивая женщина, но еще и не знающая зла. Твоя дочь должна стать моим врагом. Однако предсказание...

Сатана был явно обеспокоен!

— Что ты хочешь мне сказать?

Он посмотрел на нее, и в его глазах не было ни жестокости, ни насмешки.

— Только одно: скоро в твоей пряже возникнет путаница; ни ты, ни я не понимаем ее значения. Я никогда не стану иметь дело с женщиной, в чьей душе нет зла, как и такая женщина — со мной. Грядут неожиданные события. Давай не будем это сейчас обсуждать, а вернемся на знакомую почву. Оставайся аспектом Судьбы, о, прекрасная женщина! Не давай жизнь этому ребенку!

Ниоба была потрясена.

— Ты молишь меня оказать тебе услугу — и отказаться от своей любви?

— Боюсь, что так, Клото. Я способен предложить тебе компенсацию, если пожелаешь. Я приму обличье твоего...

— Ты сошел с ума!

— Нет, я несу в себе зло, а не безумие, — вздохнув, проговорил Сатана. — Я просто получил очередное подтверждение того, что ни одна приличная женщина не примет меня, если будет знать, кто я такой, как бы я ни стал рваться. Тебе знакома моя сущность, и ты отказываешь мне в том, что добровольно давала Хроносу.

Ниоба в изумлении уставилась на него:

— Ты... жаждешь моей благосклонности?

— Именно.

Ей стало почти жаль его. А потом вернулась память о Седрике, и Ниоба разозлилась:

— Так вот знай: не видать тебе меня как своих ушей!

— Это мне прекрасно известно. И тем не менее я предпочел бы, чтобы ты осталась на своем месте.

— Не думала я, что ты такой глупец!

— Ты не выполнишь мою просьбу?

— И не подумаю!

Сатану окутало ослепительное сияние, так он рассвирепел.

— Я попытался вести себя разумно! И быть честным, хотя это причиняет мне боль! У меня не очень хорошо получается, но я старался. Теперь ты узнаешь, что такое мой гнев!

— Отправляйся в Ад, Сатана! — мягко проговорила Ниоба.

— Твой ребенок тоже будет страдать! Ты и те, кто тебе близок, еще вспомнят о нашем разговоре!

Он исчез, и Ниоба поняла, что дрожит. Совершила ли она ошибку, отказавшись заключить с Сатаной сделку? Он выглядел необычно задумчивым и, похоже, сказал правду о том, что желает ее. Сатана, вне всякого сомнения, получал всех женщин, каких только хотел, во всех видах, на какие ему хватало фантазии — у себя в Преисподней. Однако среди них не было ни одной, в чьей душе не пустило бы свои ростки зло — по определению. Может быть, ему как раз нравятся женщины совсем другого типа? Может быть, даже в Князе Тьмы есть крупицы хорошего?

Нет, конечно! В замыслах Сатаны всегда присутствует зло — тоже по определению. Она пошла против него и, по всей видимости, поступила правильно. Разозлив врага, Ниоба должна радоваться. Она давным-давно пообещала себе отомстить Сатане, и ее время пришло.

Однако всем известно, что Сатана отличается изощренным коварством. Лукавый умеет обманывать, не только прибегая к откровенной лжи. Зачем он обратился к ней со своей просьбой и почему не стал скрывать гнева, когда она отклонила его предложение? Получалось, будто он играл очередную роль, а она делает как раз то, что ему нужно.

Ниоба покачала головой. Безопаснее всего продолжать двигаться по намеченному пути и никоим образом не позволить Сатане повлиять на ее решение.

Занимаясь своим делом в Пустоте, она все время думала о разговоре с Отцом Лжи. Будет ли она — и ее дочь — став смертной, уязвима для гнева Сатаны?

Следующим Ниоба навестила Хронос. Помня о том, что его время идет в обратном направлении, она старательно продумала свои слова.

— Привет, Хронос. Я решила, что мне следует представиться, поскольку мы будем работать вместе в течение следующих трех лет. Я Клото, аспект Судьбы.

— Да ну тебя! — возмутился мальчишка. — Ты не Лиза!

— Естественно. Лиза стала смертной. Я Ниоба. — Она улыбнулась.

Сейчас Хроносу было восемь лет — в физическом и эмоциональном смысле. И он растаял, словно сосулька, в теплых лучах ее улыбки.

— Слушай, а ты симпатичная, Ниоба! Думаю, ты в порядке!

— Точно, — согласилась Ниоба. — Я тебе знаю, и у меня все хорошо. — Она взъерошила его волосы.

— Эй, подожди минутку! — запротестовал он. — Ты живешь вперед, а не назад, как я! Тебе уже все известно!

Ниоба снова улыбнулась, успокаивая парнишку:

— Умница! Да, я знаю тебя намного лучше, чем ты меня, хотя это изменится, когда ты доберешься до моего прошлого. Но когда время твоих полномочий подойдет к концу и тебе будет очень страшно, я приду и возьму тебя за руку. Так что, пожалуй, не стоит сердить меня понапрасну, верно?

— Фу! Странно — вот ты пришла ко мне и так много про меня знаешь! Лиза была робкая и милая, особенно в конце, когда она забыла мой язык. Я буду по ней скучать.

Забыла язык? Как такое может быть? Впрочем, Ниоба решила не обсуждать эту проблему с восьмилетним Хроносом.

— Не забывай, приятель, это ведь я ее выбрала.

— Да, я помню. Вчера. Забавно, как тебе удалось ее найти.

— Что же забавного в том, что я отыскала женщину, которая справится с обязанностями аспекта Судьбы?

Он посмотрел на нее удивленно, а потом насмешливо расхохотался:

— Конечно! Ты ведь еще с ней не знакома. Скоро ты все узнаешь, Оби!

— Узнаю, — согласилась Ниоба, поцеловала его в лоб, превратилась в паука и пропала из виду. Ему всегда нравилось, когда она так делала.

Ситуация становилась все более странной. Сначала бесмысленное предложение и угрозы Сатаны, потом слова Хроноса. Ему было известно нечто, о чем не знала Ниоба — естественно. Они старательно искали Лизу, им так и не удалось ее найти, в запасе остался всего один день.

Что произойдет, если они ее так и не обнаружат? Возникнет ли в нитях очередная путаница, от которой пострадает Гобелен? А Ниоба останется на своем посту, не смо-

жет стать смертной и выйти замуж за Пасиана? Неужели все задумано и спланировано Сатаной?

Нет, невозможно. Потому что она поменялась ролями с Лизой — завтра, Хронос помнил об этом, а он никогда не станет помогать Сатане. Ей не о чем беспокоиться: то, что должно произойти, произойдет — и завтра она станет смертной.

Однако наступило завтра, а проблема так и осталась нерешенной. Приближался час расставания, о Лизе не было ни слуху ни духу. Компаньонки Ниобы удивлялись не меньше, чем она сама.

— Нить должна быть здесь, на Гобелене, — заявила Лахесис. — И все же она незаметна. Ничто не указывает на то, что Лиза покинет свое земное существование и станет Судьбой.

— Пожалуй, я попрощаюсь с Марсом, — решила Ниоба. — А потом наступит решающая минута, и мы посмотрим, что произойдет.

Она заскользила по нити туда, где Марс исполнял свою работу. И оказалась в огромном городе Будапеште в самый разгар вооруженного конфликта. По улицам ползли советские танки, горели дома.

Ниоба опустилась на улицу рядом с Марсом. Он тоже уже был не тем Марсом, с которым она познакомилась, когда согласилась стать аспектом Судьбы. Ниоба не знала, по какому принципу делается замена, но, казалось, она происходит весьма нерегулярно и без предупреждения. Впрочем, нынешний Марс занимал свой пост вот уже несколько лет и нравился Ниобе, хотя и имел противоположное отношение к жизни.

— Марс, я пришла попрощаться.

Он взглянул на нее:

— Так скоро, подружка? Такой красивой и милой Клото нам больше не видать! Обними меня покрепче!

Ниоба прижалась к нему, крепко обняла. Время от времени она с ним встречалась в более интимной обстановке — как и полагалось Клото. Впрочем, Лахесис тоже иногда одаряла его своим вниманием.

— Как дела, Воин?

Марс отпустил девушку.

— Каждый раз, как впервые! Видишь вот этих беженцев?

Ниоба посмотрела туда, куда он показывал. Вдоль тротуара, направляясь на север, двигалась бесконечная толпа измученных людей. Очевидно, их дома разбомбили, и теперь они спасались бегством, надеясь найти хоть какое-нибудь безопасное убежище.

Марс положил ей руку на плечо и развернул в противоположную сторону.

— А этих?

Ниоба послушно проследила за его рукой. Другая толпа беженцев устремилась на юг.

— Они же идут туда, откуда ушли другие! — воскликнула Ниоба.

— Точно. И что ты по этому поводу думаешь?

— Трагедия! Ни тем ни другим не на что надеяться!

— Вот ты и поняла, подружка, — мрачно согласился с ней Марс. — Война — самый настоящий ад.

Ниоба не смогла сдержаться, ее возмутили его рассуждения.

— Как ты можешь поощрять такую кошмарную ситуацию, Марс? Живые люди страдают, а ведь они не имеют никакого отношения к причинам войны!

Марс, который всегда был готов броситься в бой, ответил ей, не колеблясь:

— Ты права, милая, они именно такие — с твоей точки зрения. Но не с моей! Они хотели получить свободу и теперь отвечают за последствия!

— Свободу?

Марс кивнул:

— Свободу высказывать свое мнение, собираться, где захочется, читать, выбирать работу по душе. Они забыли, что являются нацией-сателлитом. И тогда сюда прибыли танки, чтобы освежить их память.

— Ты одобряешь такое положение вещей? — недоверчиво спросила Ниоба.

— И не сомневайся! Самое дорогое, что может завоевать человек, — это свобода, но ее цена очень высока. Люди страдают, доказывая, что достойны получить то, к чему они так стремятся. Я горжусь ими!

— А как насчет танков?

— Ими я горжусь тоже.

— Марс, так не бывает! Я бы хотела спасти хотя бы кого-нибудь из этих несчастных!

Марс махнул рукой, словно обнял обе толпы беженцев:

— Выбирай, Клото.

— Что?

— Если тебе суждено через несколько минут передать свои обязанности, можешь взять кого-нибудь отсюда. Тогда она, по крайней мере, не будет страдать.

— Какой мужлан! — подумала Лахесис.

— Может быть, он говорит правду, — ответила ей Атропос.

— Хорошо! — воскликнула Ниоба.

Она прошла вдоль шеренги людей, направлявшихся на север, и остановилась возле первой девушки, которая явно шла одна. Темноволосая, хорошенская, лет двадцать, с огромным чемоданом. Девушка пристально взглянула на Ниобу.

— Хочешь стать Судьбой? — спросила Ниоба.

Огромные глаза непонимающе смотрели на нее.

— Поменяться со мной местами и навсегда забыть об этом кошмаре?

Девушка что-то сказала.

— Конечно же! — подумала Атропос. — Она венгерка!

— А разве Марс не говорит на всех языках? — мысленно поинтересовалась Лахесис.

— Говорит! — ответила Ниоба, быстро взяла девушку за руку и потащила ее на противоположную сторону улицы туда, где стоял Марс.

Несчастная, казалось, была так потрясена насилием, творящимся вокруг, что просто перестала соображать. Возможно, она решила, что Ниоба предлагает ей безопасное место, где можно провести ночь.

— Марс, объясни ей, — приказала Ниоба. — Попроси поменяться со мной.

Марс заговорил с девушкой на ее языке, показал на Ниобу. Девушка покачала головой, она ему не верила. И тут неподалеку разорвался снаряд, рухнула часть высокого здания. Девушка передумала, быстро кивнув головой.

— В шторм любой порт подойдет, — прокомментировал ее поведение Марс.

На этот раз заменой должна была руководить Атропос. Ниоба передала ей тело.

— Прощай, Ниоба, — сказала она. — Работать с тобой было одно удовольствие.

— Прощай, сестричка! — подумала Лахесис, посыпая ей мысленный поцелуй.

Атропос взяла девушку за руку — и тут Ниоба поняла, что стоит одна, в своем собственном теле, и смотрит на Атропос.

— Прощайте, дорогие! — заплакала она — как и всегда в такой момент, слезы полились рекой.

Марс засунул руку в карман и вытащил осколок красного камня.

— Возьми, Ниоба. Он с моей планеты. И будет охранять тебя, пока ты не доберешься туда, куда тебе нужно.

Ниоба взяла камень и открыла рот, чтобы его поблагодарить.

Но тут разорвался еще один снаряд, совсем рядом, на мгновение ослепив ее и заставив скорчиться у тротуара. Когда она выпрямилась, Марс и Судьба исчезли. Она осталась одна.

Лишившись своих подруг, Ниоба чувствовала себя так, будто на ней не было и клочка одежды. Они — и бессмертие — перестали быть частью ее существа. Ниоба снова заплакала.

Но она понимала, что не может стоять и плакать на улице города, в котором бушует война. Она знала, куда должна отправиться. И потому подняла чемодан и пошла прочь.

Г л а в а 9

Луны-близнецы

Благодаря осколку красного камня Ниоба благополучно добралась через Железный Занавес в Ирландию, где ее ждал Пасиан. Она устала, чувствовала себя ужасно грязной и... смертной, но была готова выйти за Пасиана замуж.

Только сначала она посоветовалась со своим сыном Магом.

— Сатана обещал неприятности мне и моим близким, — сказала она. — Можно ли от этого защититься?

— Власть Сатаны не беспредельна, — ответил Маг. — Моя сила не сравнится с его могуществом, однако я в состоянии оградить тебя от его происков. — Он протянул ей серебряную цепочку с зеленым гранатом. — Никогда ее не снимай, мама, и ты будешь в безопасности. О девочких я тоже позабочусь.

— Благодарю тебя, сын, — ответила Ниоба с улыбкой. Ему исполнилось сорок, а ей — физически — было двадцать четыре года.

— И еще один амулет — для Пейса, — сказал Маг, протягивая вторую цепочку.

Свадьба состоялась весной, а к лету Ниоба забеременела. Жена Мага, дочь Пасиана Бленда после пяти лет супружеской жизни тоже ждала ребенка — случайно или нет, на такой вопрос могла ответить только Лахесис. Ниоба и Бленда часто гуляли вместе, сравнивая свои впечатления; они походили на сестер.

Когда снова пришла весна, у обеих женщин в течение одной недели родились девочки. Ниоба назвала свою дочь Орб*, а Бленда — Луна, потому что крошки были похожи друг на друга, как две луны. Маг подарил каждой по полированному лунному камню, чтобы защитить их от несчастий.

Девочки росли вместе и были поразительно похожи, даже с учетом того, что являлись родственницами, а посторонние люди принимали их за близнецов.

Маг вплотную занимался своими изысканиями, Бленда уволилась из школы, чтобы ему помогать, поэтому Луна проводила много времени с Ниобой. Пасиан, который всегда оставался фермером, начал серьезно изучать деревья, и постепенно болота преображались — но работа отнимала у него все силы. В результате с детьми в основном возилась Ниоба. Ей это нравилось. Она была вынуждена расстаться со своим первенцем, а теперь ей представилась возможность вырастить сразу двух детей. Через сорок лет Ниоба стала настоящей матерью двух прелестных девочек.

Она усаживала их в двойную коляску и отправлялась в долгие прогулки, а потом, когда девочки подросли и начались ходить, Ниоба водила их на болота полюбоваться великолепными волшебными деревьями, которыми занимался Пасиан.

Иногда на семейном ковре они навещали места, где когда-то Ниоба жила с Седриком. Старый дом сменило современное бунгало с электричеством и центральным отоплением, но черный дуб стоял на своем месте. Гамадриада превратилась в нимфу средних лет, о чем можно было судить по ее манерам, но не по внешнему виду, однако она вспомнила Ниобу, когда та представилась, и осторожно спустилась с дерева, чтобы поиграть с маленькими девочками.

Несмотря на наполненные болью воспоминания, Ниоба была счастлива, хотя она постоянно следила за тем, чтобы обе девочки носили защитные лунные камни. Сатана наверняка ждал подходящего момента, чтобы нанести предательский удар.

Когда девочки достигли школьного возраста, Ниоба записала обеих в одно учебное заведение. Ей пришлось дол-

* Orb — лунный диск; держава (символ власти). (Примеч. ред.)

го спорить с чиновниками, которые были уверены, что до такой степени похожие девочки, да еще с одинаковой фамилией Кафтан обязательно должны быть сестрами, если не близнецами.

— Орб — моя дочь, а Луна — дочь моего сына.

Они с удивлением уставились на нее, ведь физически Ниоба было всего тридцать лет.

Орб и Луна оказались не только красивыми, но и умными. От Ниобы они унаследовали красоту, а от Кафтанов — способности. Конечно, все свои достоинства они получили от родителей, но Ниоба тем не менее ужасно гордилась обеими.

Время шло, и у каждой из девочек появились свои собственные интересы. Они по-разному одевались и носили неодинаковые прически; если одна выбирала розовое, то другая — зеленое, а потом они менялись. Одна отрастила длинные волосы, другая коротко постриглась; затем они снова поменялись. Волосы Луны походили на мед из клевера, как у ее матери, а глаза были жемчужно-серыми; волосы Орб цветом походили на гречишный мед, как у Ниобы, а глаза были светло-голубыми. Но если девочки того хотели, они могли выглядеть совершенно одинаковыми.

Луна увлеклась живописью, а Орб полюбила музыку. У Луны открылся талант художницы — карандашные наброски сменили пастели, потом мелки и акварели, а когда девочка немного подросла, она взялась за масляные краски. Ее картины постоянно украшали школьные выставки. Орб сначала играла на гитаре, затем выбрала рояль, но в конце концов остановилась на арфе. У нее оказались выдающиеся способности: когда ей исполнилось десять, для нее устроили сольный концерт. Орб сыграла «Пастушескую песнь», так напомнившую Ниобе магическую музыку, которой обладали ее отец и дед, что она была поражена. «Девочка тоже одарена волшебством! Причем вот что поразительно: оно действует не только на тех, кто входит с ней в физический контакт», — подумала Ниоба. Зрители, хотя и слышали лишь реальную музыку, пришли в восхищение, и Орб удостоилась настоящей овации.

К двенадцати годам девочки стали почти такими же красивыми, как и их матери; таланты детей ни у кого не вызывали сомнений.

— Пришло время дать им новые инструменты, — заявил Пасиан и вместе с Ниобой отправился навестить Мага.

— Да, такие инструменты существуют, — кивнул Маг. — Но их еще нужно заслужить. Они в Замке Горного Короля. Король спит, попытка что-нибудь у него украсть приведет к тому, что он проснеться, а это может вызвать неприятные последствия.

— Я не хочу, чтобы они воровали! — запротестовала Ниоба. — Они честные девочки!

Маг лишь улыбнулся:

— Не сомневаюсь, мама. Но ты должна понять Горного Короля. Он с радостью отдаст инструменты вся кому, кто их достоин, — однако в нашем понимании это будет кража.

— Ну знаешь!

— Ты ошибаешься, мам, — терпеливо продолжал Маг свои объяснения. — Тот, кто в состоянии взять инструмент, достоин его; тот же, кто потерпит неудачу, окажется вором.

— Значит, им предстоит стандартный экзамен?

— Им придется пройти три испытания, чтобы добраться до инструментов, — ответил Маг. — А потом они продемонстрируют свое умение.

— Испытания? — Ниобе совсем не понравились слова сына. Ведь речь шла о двенадцатилетних девочках.

— Замок находится высоко в горах. Скалы, западни, ловушки, чудовища... Рутинка.

— Рутинка! Я не пошлю туда своего или твоего ребенка! Девчушкам всего...

— Двенадцать лет, — закончил Маг. — Мама, испытания иллюзорны. Опасность реальна только в том случае, если инструменты попытается украсть недостойный их человек.

Теперь Ниоба все поняла.

— Они должны пройти испытания — и если не совершают ошибок, то могут получить призы?

— Совершенно верно. А в случае ошибки нужно просто побыстрее убраться восвояси, не разбудив Горного Короля. Он очень сердится, когда такое происходит.

— Значит, любые действия после совершения ошибки его потревожат?

— Да. Должен сказать, это будет не совсем разумным поступком.

Ниоба задумалась.

- А что случится, если он проснется?
— Тогда испытания перестанут быть иллюзорными.
— Настоящие ловушки вместо кажущихся?
— Именно, мама, — заявил Маг совершенно спокойно — так говорят с теми, чьи умственные способности вызывают сомнения. — И если человек попытается украсть...
— Тогда — хотя я уверена, что наши девочки так не поступят?..

— Тогда Горный Король вмешается лично. Я не смогу защитить их в замке; там он всемогущ. Лунные камни предохраняют Орб и Луну от зла. Однако в душе Горного Короля нет зла, просто он чрезвычайно крут. Но я уверен, до этого не дойдет.

— Я не могу допустить, чтобы крошки так рисковали!
Маг пожал плечами:

— А почему бы тебе не отправиться вместе с ними? Проследишь, чтобы они не наделали глупостей. Горный Король — честный человек; он не станет беспокоить тех, кто чтит его правила.

— Я могу пойти с ними? И принять участие в испытаниях?

— Конечно, можешь, мама! — ответил Маг, словно ее интеллект не оправдал его самых скромных надежд. — Короля мало волнуют детали. Я мог бы и сам сопровождать девочек, но моего присутствия он не потерпит. Соперничающее волшебство и все такое, ты же понимаешь.

— А инструменты там хорошие?

— Лучшие из всех существующих, мама, — терпеливо заверил Маг. — Настоящие произведения искусства.

Ниоба вздохнула:

— Тогда придется пойти.

Ниоба привезла девочек на машине, которую оставила возле огромного плаката: «ДВОРЕЦ ГОРНОГО КОРОЛЯ». Войдя в широкую щель, искатели приключений оказались в инкрустированной самоцветами пещере. Девочки были возбуждены и немного нервничали. Они слышали рассказы о чертогах Горного Короля, но даже не надеялись, что им доведется побывать там лично. Луна и Орб хотели надеть свои самые красивые платья, однако Ниоба настояла на джинсах и удобных туфлях.

— Вы отправляетесь не на показ мод! — сердито выругала она их.

Внутри они увидели две стрелки — «ТУРИСТЫ» и «ИСПЫТАНИЯ» — выбрали второе и вскоре оказались в большой пещере с каменным полом. Желтая линия вела между валунами к дальней стене. А совсем рядом со входом стояли мотоциклы. Выше красовалась огромная надпись: «ИНСТРУКЦИИ».

Ниоба подошла поближе, чтобы внимательно их изучить.

— Да, и в самом деле Испытание! — присвистнула она. Девочки тоже прочитали условия.

— Мама, у нас ничего не выйдет! — решительно запротестовала Орб.

— Должна признаться, мне это тоже не нравится, — согласилась Ниоба. — Но вам не следует забывать: препятствия здесь ненастоящие. Всего лишь иллюзии.

Испытание заключалось в том, чтобы проехать на мотоцикле по линии — единственном безопасном проходе через минное поле. На первом этапе разрешалось сделать одну ошибку. Поскольку мины были иллюзорными, они только ярко вспыхивали, а не взрывались.

— Как это мило со стороны Горного Короля, — с иронией пробормотала Ниоба.

— А если мы совершим две ошибки, то не сможем получить инструменты? — поинтересовалась Луна.

— Все верно, дорогая. Если ты будешь продолжать путь, мины станут настоящими. — Ниоба не могла не признать, что таким способом производился прекрасный отбор.

У тех, кто не боится испытания, не возникнет никаких проблем; тот же, кто совершил ошибку, будет полнейшим глупцом, если станет и дальше искушать судьбу. Горный Король играл жестко, но справедливо.

— Ой, — тихонько проговорила Орб. Она была более быстрой, раньше успевала включиться в игру, первой обижалась и первой прощала. — Впрочем, если мы будем вести себя честно, нам нечего бояться.

— Хорошее жизненное правило. — Ниоба взглянула на мотоциклы, минное поле и петляющую желтую линию. Насколько разрешено удаляться от границы? Девочки раньше ездили только на велосипеде. Им не удастся удержаться вдоль линии. Слишком сложное испытание!

— Пожалуй, будет лучше, если я перевезу вас по очереди, — решила Ниоба. — Самый большой мотоцикл выдержит двоих.

Она завела мотоцикл — оставалось только надеяться, что пещера окажется достаточно большой и их не отправят выхлопные газы — и немного поездила на нем, чтобы привыкнуть. Очевидно, Горный Король подготовил это испытание для мужчин, а не для женщины и девочек. Когда Ниоба убедилась, что мотоцикл хорошо слушается руля, она посадила себе за спину Орб, а девочка обняла ее за талию.

— Ты должна наклоняться вместе со мной, когда я буду делать поворот, чтобы мы не потеряли равновесие, — сказала Ниоба. — Мотоцикл не сильно отличается от велосипеда.

— Да, мама.

— Луна, у тебя хороший глазомер. Следи за нами, и если тебе покажется, что я сдвинулась в сторону, предупреди нас.

— Да, бабушка. — На людях девочки скрывали свои истинные родственные отношения и обычно говорили, что являются кузинами.

Ниоба вздохнула и направила мотоцикл на линию. Первый поворот они преодолели удачно, а во время второго Орб наклонилась не в ту сторону. Она сразу поняла свою ошибку, но было уже поздно. Мотоцикл вильнул, переднее колесо коснулось «мины», которая сразу же ярко вспыхнула.

— Я ничего не вижу! — воскликнула Ниоба.

— Я тоже! — закричала Орб.

Мотоцикл задрожал, когда Ниоба попыталась ехать дальше по памяти. Но она понимала, что это безнадежно; к тому моменту когда зрение к ней вернется, все будет кончено. Если только...

— Луна! — позвала Ниоба. — Ты видишь что-нибудь?

— Да, — ответила Луна. — Вы отклонились немного вправо.

— Направляй меня!

Луна была умной и уравновешенной девочкой. Она сразу все поняла.

— Сверни немного влево.

Ниоба послушалась, стараясь поддерживать постоянную скорость.

— А теперь чуть-чуть направо, — крикнула Луна. — И еще немного... Да. Сейчас прямо. Скоро вам придется

сделать кругой левый поворот — сразу, по моей команде. Приготовьтесь... Давайте!

Ниоба и Орб отклонились влево и сделали кругой поворот.

— Теперь прямо... чуть вправо... так... направо и сразу налево... еще направо... чуть-чуть влево... еще... так, хорошо... и снова направо. Теперь прямо, вы почти у цели.

Так они ехали дальше и дальше, больше ни разу не задев мины. Наконец Ниоба заглушила мотор, немного подождала, пока восстановится зрение, и вернулась за Луной.

— Ты здорово постаралась, — сказала она девочке. — Благодаря тебе у нас остаются шансы на победу.

Красивое лицо Луны раскраснелось от похвалы.

Вторая поездка через минное поле прошла успешно; теперь Ниоба знала, как это делается, и у них не возникло никаких проблем. Они оставили мотоцикл и пошли дальше, к следующему испытанию.

Оказалось, что это подземная река, широкая и глубокая; по всей длине ее разделяла металлическая сетка. Ниоба заметила табличку.

— Перед вами участок реки Леты, — прочитала она вслух. — Одна капля заставляет человека забыть обо всем на несколько мгновений; глоток приведет к тому, что вы потеряете память на целый час. Вода, попавшая в глаза, лишит вас способности видеть. Опасайтесь летального чудовища, которое патрулирует реку через различные промежутки времени.

— Как забавно! — воскликнула Орб. — Летальное чудовище плавает по реке Лете!

— Будет совсем не смешно, если оно нас поймает, — заметила Луна.

— Нужно переплыть реку, — сказала Ниоба. — Вот только эта сеть посреди... Придется под ней поднырнуть. И крепко зажмурить глаза. Лучше по очереди, чтобы остальные наблюдали со стороны.

— А как же наша одежда? — запротестовала Орб.

— Ты права. Оставим ее здесь. Не стоит брать с собой воду Леты! Да и какое удовольствие ходить в мокром?!

— Но у нас нет купальных костюмов! — вспомнила Луна.

Ниоба посмотрела на нее:

— Дорогая, очень скоро ты будешь с гордостью позировать обнаженной для портретов. Иногда бывают случаи, когда следует забыть о скромности. Сейчас настал именно такой момент. Мы все из одной семьи, а Горный Король спит. Никто нас не увидит. Осмелюсь предположить, что это часть испытания: хватит ли у нас мужества прийти в его логово обнаженными? Помните, опасность иллюзора; если мы глотнем воды, мы не потеряем память, а просто будем дисквалифицированы и нам ничего не останется, как вернуться обратно с пустыми руками. Прежде всего проверка подвергается наша скромность.

Ниоба начала раздеваться, аккуратно складывая одежду подальше от воды.

Луна пожала плечами и последовала ее примеру, не слишком беспокоясь из-за своей наготы. Спустя короткое время Орб тоже стала раздеваться, хотя ей это давалось с трудом. Они уже перестали быть девочками, но не успели стать настоящими девушками — поэтому оставались очень стеснительными. Горный Король подготовил для них неожиданные испытания.

— Мы можем доплыть до сети по-собачьи, — сказала Ниоба. — Сразу после того, как чудовище скроется из виду. Кто первый?

Орб пожала плечами:

— Попробую. Вы крикните, если оно повернет назад.

Они принялись ждать чудовище, и вскоре появилась сферическая желеобразная масса, которая, казалось, уже успела забыть свой первоначальный вид.

— Ничего себе! — воскликнула Орб.

— Всего лишь иллюзия, — твердо напомнила Ниоба. — Однако не следует попадаться ей в лапы. Давай! — И она шлепнула девочку по голой спине.

Орб вздрогнула, сделала несколько шагов вперед и поплыла по-собачьи к противоположному берегу, нервно отглядываясь на чудовище.

— Помни, — крикнула Ниоба, — ни в коем случае не открывай в воде глаза!

Орб кивнула, сделала глубокий вдох, крепко зажмурила глаза и нырнула. Ее ноги поднялись вверх, а потом скрылись из виду. Обе девочки хорошо плавали; только дополнительные условия испытания делали эту задачу сложной. Скоро она вынырнула с другой стороны, по-прежнему с закрытыми глазами и крепко сжатым ртом, и поплыла

далше, однако выбрала неправильное направление: по течению, а не к противоположному берегу.

— Ты плывешь не туда, развернись! — позвала ее Ниоба.

Но Орб не поняла и развернулась на сто восемьдесят градусов. Теперь она двигалась против течения.

— Чудовище возвращается! — прошептала Луна.

— Она с ним обязательно встретится! — с тревогой сказала Ниоба. — Я за ней!

Она вошла в воду и быстро поплыла вперед, изо всех сил стараясь не шуметь. К счастью, чудовище двигалось довольно медленно; Ниоба его опережала. Она закрыла глаза и рот и нырнула. Нащупав руками конец сетки, скользнула под ней и поплыла в ту сторону, в которой, по ее представлениям, находилась Орб. Голова Ниобы появилась над водой, но она не осмелилась открыть глаза.

— Слева от тебя! — закричала Луна.

Ниоба рванулась налево и поймала Орб за руку.

— Чудовище между вами и берегом! — воскликнула Луна. — Его не обойти! Оно поворачивает к вам!

— Сюда! — скомандовала Ниоба. — К барьере!

Она поплыла назад, увлекая за собой Орб. Нащупав металлическую сеть, Ниоба воскликнула:

— Забирайся наверх, глаза не открывай!

Девочка беззвучно повиновалась. Ниоба убедилась в том, что Орб держится за сеть, отпустила дочь и вскарабкалась наверх по ячейкам металлической сети. Как только Ниоба вылезла из воды, она тыльной стороной ладони вытерла глаза и осторожно приоткрыла один из них. Орб находилась рядом: не открывая глаз, девочка висела на барьере. Чудовище осталось внизу, оно пыталось разыскать их, размахивая тонкими щупальцами.

— Ну, давай сюда, болван! — закричала Ниоба.

Чудовище услышало и попыталось достать ее, но его плоть была слишком мягкой, и оно потерпело неудачу. Ему не удавалось поднять щупальца над водой. Через некоторое время оно отправилось вниз по течению.

— Очень хорошо, — сказала Ниоба. — Орб, вытри глаза и спускайся вниз. Мы вместе переплыем на другой берег.

Так они и сделали. Потом к ним присоединилась Луна, которая благодаря указаниям Ниобы сумела избежать всех неприятностей. Так им удалось преодолеть второе испытание.

Обнаженные, путники двинулись дальше. Третье испытание оказалось самым страшным: через глубокую пропасть был перекинут узкий веревочный мостик. Им предстояло перейти или переползти по нему на другую сторону. На очередной табличке имелись очередные инструкции.

«ОПАСАЙТЕСЬ УКУСОВ ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ-ВАМПИРОВ».

Тут никаких разъяснений не требовалось. Очевидно, укус приведет к дисквалификации — конечно, летучие мыши нападут в тот момент, когда они попытаются пройти по мосту. Однако Ниоба прочитала, что от летучих мышей можно защититься при помощи волшебных жезлов. Рядом, как и следовало ожидать, стояло три таких жезла.

По одному на каждую. Как удобно! Или случайное совпадение? Ниоба не очень-то верила в случайности, но выбора у них не было. Они преодолели две трети пути; глупо отступать сейчас.

Орб посмотрела в бездну и содрогнулась:

— Не думаю, что смогу...

— Чепуха, — возразила Ниоба, хотя и ее пугали головокружительные глубины. — Помните — перед вами иллюзия. Если вы потеряете равновесие, ничего страшного не случится; вы просто не пройдете последнее испытание.

— О да, — просветлев, кивнула Орб. — Самый обычный пол, как в пещере с минным полем, а мост — линия, по которой нужно пройти.

— Но мы должны соблюдать осторожность, — предсторегла Ниоба.

— Я пойду первой, — вызвалась Луна, решительно взяла жезл в правую руку и ступила на мост, который просел под ее тяжестью. Девочка сохранила равновесие и двинулась вперед, хотя Ниоба видела, что она напугана.

— Ой, он раскачивается! — воскликнула Луна, сделав еще несколько шагов.

И действительно, легкий мост начал болтаться из стороны в сторону, как маятник.

— Компенсируй колебания! — крикнула Ниоба. — У тебя все получится!

Луна так сделала. Она довольно уверенно добралась до середины моста. И тут появилась первая летучая мышь.

Существо оказалось довольно большим и ужасно уродливым. Размах крыльев твари составлял не меньше ярда, ее красные глаза ярко сверкали. Когда летучая мышь

приблизилась к Луне, ветер, поднятый крыльями, заставил взметнуться волосы девочки — и она сразу потеряла уверенность.

— Попробуй напугать ее! — посоветовала Ниоба. — Стой на месте, сохраняй равновесие и направь на нее волшебный жезл.

Луна попыталась, но она слишком нервничала. Летучая мышь метнулась к ней; Луна взмахнула жезлом. Летучая мышь свернула в сторону. Девочка потеряла равновесие и начала падать.

— Хватайся за мост! — закричала Ниоба.

Луна бросила жезл и обеими руками уцепилась за мост. Жезл полетел в пропасть, медленно переворачиваясь в воздухе. Иллюзия производила впечатление!

Летучая мышь заметила, что девочка осталась без защиты, развернулась и снова устремилась в атаку.

Ниоба бросилась на мост. Долгий опыт с нитями, полученный в роли Клото, пригодился; она не боялась сделать неверный шаг и упасть. Когда летучая мышь пошла на снижение, Ниоба прыгнула вперед и вонзила жезл в мохнатое тело. И несмотря на то что жезл прошел насквозь, летучая мышь взвыла, ей явно было больно.

— Вставай, Луна, — резко скомандовала Ниоба. — Пора переходить на другую сторону.

— Я не могу! — закричала Луна и расплакалась, ведь ей было всего двенадцать лет.

— Тогда ползи! Я буду тебя защищать.

Эта задача оказалась для нее посильной. На четвереньках Луна двинулась вперед, а Ниоба неотступно шла за ней с жезлом наготове, внимательно наблюдая за летучей мышью. Злобное существо собралось было еще раз напасть, но, завидев, что Ниоба готова к отпору, решило держаться от нее подальше.

На противоположной стороне Луна встала на ноги. С ней все было в порядке.

— Твоя очередь, Орб! — крикнула Ниоба. — Ты сможешь пройти сама, или мне прийти за тобой?

Орб посмотрела на раскачивающийся мост и парящую над ним летучую мышь.

— Я... будет лучше, если ты пойдешь со мной.

Ниоба вернулась обратно, удерживая летучую мышь на расстоянии свирепым взглядом — злобное существо уже

сообразило, что между испуганной девочкой и готовой к бою женщиной есть огромная разница.

— Хорошо, или вперед, а я буду прикрывать тебя сзади. Постарайся смотреть на Луну и сохранять равновесие — совсем нетрудно.

— Как тебе удается быть такой храброй? — восхищенно спросила девочка.

— Я мать. Смелость приходит вместе с должностью.

Конечно, Ниоба пошутила, но Орб отнеслась к ее словам серьезно.

— Значит, ты стала храброй, родив ребенка?

— Когда у тебя появляется существо, защищая которое ты готова умереть, мужество уже не имеет значения, — объяснила Ниоба. — Ты просто знаешь, что следует делать, и не можешь позволить себе бояться.

Летучая мышь напала на них, и Орб закрыла лицо руками.

— Прочь! — закричала Ниоба. — Или я проткну тебя насеквоздь, злобная тварь!

Летучая мышь развернулась и умчалась. Даже иллюзию можно напугать!

— Почему она тебя испугалась? — удивленно спросила Орб.

— Потому что я не блефовала, — ответила Ниоба. — Я бы свернула ей шию, и она это поняла.

— О, мама!

— Любой родитель сделал бы то же самое. И ты будешь вести себя так же, когда придет пора.

Они перебрались на противоположную сторону. Луна покачала головой:

— Тебе пришлось все время нас спасать, бабушка. Без тебя у нас ничего не получилось бы.

— Мы действовали вместе. Однако свои инструменты вам придется завоевать самостоятельно.

Они двинулись дальше и вскоре подошли к двум шкафам. В одном обнаружилась кисть с серебряной ручкой, в другом — миниатюрная золотая арфа.

— Ну, вот мы и на месте, — сказала Ниоба. — Мы отыскали ваши инструменты.

— Но... — прошептала Луна. — Как?..

Ниоба осмотрелась. Никакой таблички с указаниями.

— Боюсь, вы должны догадаться сами.

Луна пожала плечами. Сделала шаг вперед, открыла стеклянную дверцу и взяла кисть. Затем сделала широкий мазок — и в воздухе повисла желтая полоса.

Девочка удивилась и еще раз дважды взмахнула кистью. Получилась большая, черная буква Х.

— Можно брать любой цвет по своему желанию! — восхищенно воскликнула Луна.

Она принялась за работу, стерла Х уверенными, точными мазками, а потом нарисовала портрет Ниобы. Хотя Луна была еще совсем юной, у нее получилось весьма неплохо. Ниоба никогда не видела, чтобы девочка рисовала так быстро и точно. Конечно, ей не очень нравилось, что приходится позировать обнаженной в возрасте тридцати шести лет; за эти годы она набрала лишний вес и перестала быть самой красивой женщиной своего поколения. Да и рождение Орб привело к тому, что на коже остались растяжки. Однако она не протестовала — Луна должна заслужить эту замечательную кисть, идеальный инструмент.

Закончив портрет, Луна обвела его тонким ореолом почти невидимой краски.

— Что ты делаешь? — спросила Ниоба.

— Это твоя аура, — ответила Луна.

— Моя аура?

— Я ее вижу.

Ниоба замолчала. Если девочка сказала правду, у нее талант, о котором никто и помыслить не мог.

Луна отступила на несколько шагов.

— Вот так, — сказала она. А потом нарисовала огромную морскую раковину, частично скрывающую фигуру. — Обнаженная бабушка и половинка морской раковины.

— Пожалей меня! — воскликнула Ниоба с шутливым недоверием.

Орб захихикала.

В следующее мгновение картина начала перемещаться, повернулась, из пустоты возникла рама; все трое и глазом не успели моргнуть, как новоявленный шедевр оказался за стеклом шкафа. Дверцы со стуком захлопнулись.

— Мне кажется, твоя картина принята, — сказала Ниоба. — Ты заслужила кисть.

— Вот здорово! — воскликнула Луна. — Спасибо тебе, Горный Король! Я всегда буду рисовать твоей кистью! Я и мечтать не могла о таком чудесном инструменте!

Теперь пришла очередь Орб. Она открыла дверцы и вынула золотую арфу — маленький изящный инструмент, девочке никогда не приходилось видеть ничего подобного. Орб присела на землю, поставила арфу так, чтобы удерживать ее основание ногами, и коснулась пальцами струн. Прозвучал прекрасный аккорд.

— Ой, и вправду волшебная! — вскричала она. — Я могу на ней играть!

Орб сосредоточилась, выбирая песню, а потом запела, аккомпанируя себе на арфе.

Я хочу танцевать на болоте...

Ниоба удивилась. Она не думала, что Орб знает эту песню; наверное, выучила в школе. Девочка пела очень хорошо, а волшебная арфа усиливала и звук, и собственное волшебство Орб. Сопровождающий оркестр зазвучал громко и четко; казалось, музыка льется со всех сторон.

Двенадцать лет! Как замечательно будет играть Орб, когда достигнет зрелости! Наверное, станет профессиональным музыкантом, если захочет.

Да... заплачу... заплачу, как только засохнут болота.

Орб закончила и поклонилась. На ее щеках появились слезы, как и у Луны с Ниобой; песня и в самом деле была удивительно прекрасной.

Потом песня зазвучала снова — но Орб не трогала струн и не произнесла ни звука. Играли шкаф. Он записал песню и волшебный оркестр!

Музыка смолкла, дверцы шкафчика закрылись. Он принял песню Орб. Она честно заработала арфу.

— Дело сделано, — с облегчением проговорила Ниоба. — Теперь можем возвращаться домой.

Они отправились обратно. Пещера с летучими мышами выключилась; оказалось, что пол находился в восемнадцати дюймах под раскаивающимся веревочным мостом. Сама летучая мышь была не более чем световой проекцией. Им действительно не грозила никакая опасность.

— Подумать только, я ползла через мост на четвереньках! — огорченно пробормотала Луна.

— Испытание допускало такое решение задачи, — ответила Ниоба, поднимая с пола жезл, чтобы поставить его на место. — Даже иллюзии могут принести вред — помнишь, нас ослепила вспышка. В жизни так нередко

бывает: миражи влияют на происходящее не меньше, чем реальные вещи, а порой становятся настоящими.

Ниоба заранее старалась подготовить девочек — тем очень скоро предстояло оказаться в большом мире и столкнуться с социальными и сексуальными проблемами, где ловушки часто носили воображаемый характер.

Они шагали прямо по полу — теперь не имело никакого смысла использовать мостик — и по туннелю вышли в следующее помещение. Здесь ничего не изменилось: реку по-прежнему перегораживала проволочная сеть.

— Какое облегчение, — заметила Луна. — Глупо плыть голышом по воде, которой на самом деле не существует!

— Теперь это самая обычная вода, — сказала Орб, зачерпнула пригоршню и напилась. — И никаких чудовищ.

Они вошли в реку. Девочки держали инструменты так, чтобы не намочить их. На короткое мгновение вспыхнул свет. Орб нырнула под барьер. Вскоре ее голова показалась с противоположной стороны, она сделала вдох — и закричала.

— Я ничего не вижу! Я ослепла! Ослепла! — Она начала метаться, выронила арфу, которая тут же погрузилась на дно.

— Подожди, дорогая! — воскликнула Ниоба. — Расслабься! Не может...

— Где я? — плакала Орб, судорожно размахивая руками. — Как я сюда попала? Почему я ничего не вижу?

Ниоба обменялась взглядами с Луной, которая смотрела на Орб, разинув рот.

— Лета! — прошептала Луна. — Она снова включена!

— На сей раз все по-настоящему! — вскричала Ниоба. — Что-то случилось!

Появилось летальное чудовище, оно медленно приближалось к Орб.

— Выйди из воды! — резко сказала Ниоба внучке. — Я ее вытащу!

Она сделала глубокий вдох, закрыла глаза и нырнула под барьер.

Ей удалось определить местонахождение Орб по плеску. Ниоба схватила дочь и направилась к берегу, используя технику спасения утопающих. Оставалось надеяться, что она не потеряла ориентировки и не попадет в пасть к мерзкой твари. Ниоба не осмеливалась открыть глаза или заговорить с Орб, чтобы не наглотаться воды из Леты. И не

представляла, на каком расстоянии от них находится чудовище. Приходилось лишь быстро плыть туда, где, как ей казалось, должен быть берег.

Наконец она вытащила из воды Орб.

— Стой спокойно! На тебя подействовала вода из Леты, вот почему ты ничего не видишь и не помнишь, скоро все пройдет. Зрение и память к тебе вернутся. Постарайся успокоиться. Расслабься!

Постепенно девочка начала приходить в себя.

— Ах, мама, — прошептала она, обнимая Ниобу, — я так испугалась!

«Значит, она вспомнила меня, — подумала Ниоба. — Вероятно, из памяти стерлись только последние события».

— Все пройдет, — повторила Ниоба. — Ничего страшного не случилось, через несколько минут ты будешь в порядке. Посиди здесь немного и никуда не уходи. — Ниоба посмотрела на противоположный берег реки, где осталась Луна. — Как ты там?

— Нормально, — кивнула девочка. — Мне плыть к вам? Ниоба немного подумала.

— Нет. Вернись в пещеру и посмотри, включилась ли она снова. Только не пытайся переходить на другую сторону!

— Я не осмелюсь! — серьезно ответила Луна.

И исчезла в туннеле.

Казалось, слезы помогли Орб избавиться от действия заклинания.

— Мама! Я уже немного вижу!

— Да, конечно, дорогая, — ответила Ниоба, которая пыталась выдать желаемое за действительное. — Нужно проявить терпение, и все будет хорошо.

Прошло довольно много времени, Ниоба уже начала беспокоиться, когда Луна наконец вернулась.

— Там снова пропасть, — доложила она. — Я встала на колени и хотела достать до пола, но ничего не почувствовала. А потом появилась лестучая мышь, и я убежала.

«Интересно, как иллюзия превращается в реальность? — подумала Ниоба. — Восемнадцатидюмовое углубление не может имитировать стофутовую пропасть».

Однако она не сомневалась, что теперь там и в самом деле пропасть. Волшебство Горного Короля перестало быть иллюзорным!

— Придется переплыть реку, Луна, — решила Ниоба. — Тебе будет легче, чем Орб, а с минным полем мы справимся.

— Что с нами произошло? — спросила Орб, когда Луна вошла в воду.

Видимо, ее память еще не восстановилась полностью.

— Мы переплывали реку, и вдруг волшебство восстановилось, — ответила Ниоба. — Я не знаю почему. Неожиданно оказалось, что мы воры, а не достойные награды победители.

— Но мы же не воры! — запротестовала Орб.

— Конечно, нет! — Тут Ниобе в голову пришла неожиданная мысль. — Может быть, сюда проник настоящий вор и активировал волшебство — а мы попались в ловушку.

— Однако мы никого не видели!

— Верно. — Ниоба вздохнула: объяснение казалось таким правдоподобным. Потом она придумала другой вариант. — Кто-то мог напороться на несколько мин, но не стал отступать. Тогда становится понятно, почему сработала защитная сигнализация.

Луна вышла на берег.

— Я ее нашла! — воскликнула она, показывая арфу. — Я пощупала дно и наткнулась на нее!

— Ах, спасибо тебе, Мотылек! — прощентала Орб.

— Все хорошо, Зрачок, — ответила Луна, с улыбкой протягивая ей арфу.

Ниоба удивилась, впервые услышав эти прозвища. «Как многое упускают взрослые в жизни детей», — подумала она.

Путники оделись и направились к заминированной пещере, ожидая, что вот-вот столкнутся с вором, но им так никто и не встретился. В пещере было пусто. Они решили проверить минные поля, бросили камешек на середину и закрыли глаза.

Раздался оглушительный взрыв, потрясший всю пещеру, даже с потолка посыпались камни. Им грозила настоящая опасность.

Ниоба посмотрела на мотоцикл, на котором они пересекли минное поле в первый раз, и в горле у нее пересохло. Она трижды перебралась через поле — один раз вслепую, но ей совсем не хотелось повторять свой подвиг, ведь мины стали настоящими. Можно взлететь на воздух!.. От одной только мысли об этом легко допустить ошибку. У Ниобы задрожали руки.

— А где вор? — спросила Луна.

Да, действительно! Если вор побывал здесь, то они должны были его увидеть — живого или мертвого. Не говоря

уже о мотоцикле — исправном или искореженном взрывом. Однако все мотоциклы стояли на своих местах. Вор точно сквозь землю провалился.

Может быть, Горный Король решил сыграть нечестно? Возможно, он и не собирался отдавать свои драгоценные инструменты — вот и решил помешать им, вроде бы случайно.

Ниоба рассердилась.

— Что ж, в такую игру можно играть и вдвоем! — прошептала она и подобрала один из упавших камней. — Берегитесь! — И швырнула камень.

Последовал новый взрыв. Снова пещера вздрогнула, а с потолка посыпалась пыль. Как только все успокоилось, Ниоба взяла очередной камень и опять бросила его на минное поле.

— Что ты делаешь, мама? — спросила Орб после третьего взрыва.

— Расчищаю проход, надо же нам выбраться из ловушки! — мрачно ответила Ниоба. — Взорвем все мины. — Она отправила на поле следующий снаряд.

— Ой! — рассмеялась Орб. — Как ты здорово придумала, мама! А можно я тоже буду так делать?

Почему бы и нет?

— Конечно, только не забывай прикрывать глаза.

Девочка схватила камень, бросила его на поле, а потом быстро отвернулась. Когда взорвалась очередная мина, она радостно захлопала в ладони.

«У всех детей есть скрытая тяга к разрушению», — подумала Ниоба.

Довольно скоро они расчистили широкий проход. На всякий случай бросили еще несколько камней, чтобы убедиться, что мин больше не осталось, потом Ниоба перевезла девочек — так же, как в первый раз. Она не знала, что произойдет, если они попытаются пройти через минное поле, и решила не испытывать судьбу; на мотоцикле она чувствовала себя спокойно. Ниоба поставила мотоцикл рядом с тремя другими, и они направились к выходу.

Однако на пути у них возник устрашающего вида мужчина — огромный, свирепый и волосатый. В руках он держал гигантский молот, а его глаза так сверкали, что грозили разжечь огонь в густой бороде.

— Воры! — взревел он. — Вы посмели обокрасть музей Ванира? Я вас уничтожу!

— Горный Король! — завопила Луна и в ужасе отступила.

Ниобу охватила безумная ярость. Она шагнула вперед, уклонилась от удара молота и влепила волосатому врагу звонкую пощечину.

— Оставь девочку в покое! Она вовсе не вор! Это ты наглый воришка!

Пощечина не причинила великанию особого вреда, однако он с удивлением посмотрел на Ниобу:

— Клото!

— Больше я не Клото! — ответила Ниоба и, сделав небольшую паузу, поинтересовалась: — Откуда ты меня знаешь?

Он опустил молот на землю и оперся на его рукоять.

— Разве способен мужчина забыть лицо самого прелестного существа в царстве язычников? Что ты здесь делаешь, о, божественная?

Ниоба покраснела от удовольствия:

— Гм-м, сколько же ты проспал?

Горный Король принял считать на пальцах.

— Примерно двадцать пять лет. А что?

Ниоба все поняла. Горный Король проспал тот момент, когда она стала смертной, и с тех пор не просыпался.

— Ну, я вернулась к обычной жизни тринадцать лет назад. Я здесь вместе с дочерью и внучкой. Мы пришли вовсе не для того, чтобы совершить кражу.

Мужчина посмотрел на инструменты, которые держали в руках девочки.

— Если это утверждаешь ты, Клото, то я ничего не имею против. Я действительно сквозь сон слышал музыку моей арфы — на ней играл достойный музыкант. — Тут великан опомнился — Внучка... через тринадцать лет? Твое тело свидет с ума любого мужчину, но...

— Я ведь была смертной до того, как стала Клото, — быстро ответила Ниоба. Она показала рукой на Луну. — Твой шкафчик принял картину, которую нарисовала эта девочка, и...

— Верно. Тогда почему поднялась тревога?

— Мне бы тоже хотелось знать! Мы уже возвращались, когда...

— Я тут ни при чем, — заявил великан. — И я непременно докопаюсь до истины. Иди за мной, Клото.

Он зашагал обратно через минное поле, и следы от его ног светились.

Горный Король был очень сердит.

Они поспешили за ним, на сей раз Ниоба не стала связываться с мотоциклом: сияющие следы гарантировали безопасность.

Когда Горный Король ступил в воду, та мгновенно испарилась, даже дно оказалось сухим. Стоило ему приблизиться к барьера, как в нем появились ворота, створки которых немедленно распахнулись. Не вызывало сомнений: он здесь хозяин. Все трое в восхищении следовали за ним.

В третьей пещере их поджидала пропасть и летучая мышь. Король сделал несколько шагов, и все исчезло — пещера была пуста. От летучей мыши-вампира осталось лишь несколько световых пятен.

Они вошли в зал, где были выставлены экспонаты. И сразу увидели демона, засунувшего палец в шкафчик, где раньше лежала арфа. Не вызывало сомнений, что именно из-за него поднялась тревога; пока демон находился здесь, все ловушки были активированы.

— Ха! Работа Локи! — воскликнул Горный Король и швырнул свой молот так, словно он ничего не весил.

Молот ударил демона. Порождение зла исчезло в клубах дыма. Шкафчик взорвался.

Горный Король снова взял молот в руки. Осколки шкафчика начали подниматься в воздух, зазвучала песня, которую играла Орб... Через несколько секунд шкаф стоял на прежнем месте, целый и невредимый.

— Иди с миром, Клото, — промолвил великан. — Ты и твои детки. Приношу извинения за доставленные неудобства.

— Все в порядке, сэр, — смущенно пробормотала Ниоба.

Она взяла девочек за руки, и они снова направились к выходу. На этот раз им никто не помешал.

Инструменты оказались великолепными, обе девочки продолжали развивать свои таланты. К тому времени когда они окончили школу, каждая прекрасно владела тем видом искусства, который выбрала. Ниоба не сомневалась, что их ждет успех в жизни — если на то будет воля Судьбы. Однако еще не разрешился вопрос со спутанным клубком.

После смерти Бленды Маг Кафтэн вместе с Луной перебрался в Америку — видимо, не мог оставаться в Ирландии без жены. Разлука с Луной огорчила Ниобу куда больше,

чем расставание с сыном, потому что они с внучкой были очень близки. Однако Ниоба не могла возражать. Луна превратилась в прекрасную здравомыслящую молодую женщину и сумеет позаботиться об отце.

Потом, через двадцать два года после свадьбы, умер Пасиан. Ему было семьдесят четыре — вполне солидный возраст, но для Ниобы его уход явился тяжелым ударом. Она продолжала считать, что Пасиан на одиннадцать лет ее моложе, а ей исполнилось всего сорок шесть — физически. До того как она стала Клото, Ниоба прожила двадцать три года — столько же, когда снова стала смертной. Казалось, закончился период, определенный ее первой любовью к Седрику. Она все еще любила Пасиана, но с годами это чувство перестало быть таким сильным. Теперь, когда она вырастила Орб и Луну, Ниоба готовилась к суровой реальности судьбы. На ее глазах дряхлел Пейс, она делала для него все, что могла, но никогда не думала о том, что он умрет. Смерть Пасиана произошла от естественных причин — похоже, Сатана не принял в этом никакого участия.

После похорон Ниоба удалилась от земных дел. Орб отправилась в турне — она стала певицей; достигнув восемнадцатилетия, девушка постоянно гастролировала по всему миру. У Ниобы осталось совсем немного дел сре-ди смертных.

Затем пришло известие о смерти Мага, которое потрясло Ниобу — ее сыну едва исполнилось шестьдесят три года. Луна писала, что теперь живет одна, продолжая дело отца, и встречается с новым Танатосом, как и обещало пророчество. Ниоба тяжело перенесла потерю. Она писала вежливые письма, но встречаться с Луной не хотела. Впрочем, чего еще можно ждать от проходящей юности, беспечности и невинности? Ниоба знала это лучше любой другой женщины.

Она прожила восемьдесят шесть лет; ее время подходило к концу. Спокойный привычный мир стал высокотехнологичным, полным нового волшебства. Ниоба приготовилась с минимальным шумом отойти в мир иной.

Но на следующий год все изменилось.

Глава 10

Лахесис

По шелковой нити сбежал паук и превратился в миловидную девушку с такими светлыми волосами, что они казались почти белыми.

— У нас к тебе дело, — сказала девушка. — Не произноси вслух имя того, кто не должен узнать о нашей встрече.

Она говорила с акцентом, но вполне понятно.

— Клото! — воскликнула Ниоба, неожиданно вспомнив, как четверть века тому назад вытащила из толпы беженцев в Будапеште молоденькую девушку. — Лиза!

— Ты изменилась, — улыбнувшись, проговорила та. — А я нет. — Она пригладила волосы. — Если не считать косметического вмешательства. Я твоя вечная должница. Мне была дана новая жизнь, и я смогла помочь друзьям. Они так и не узнали, что я... изменилась.

— Я тебя понимаю, — ответила Ниоба. — Рада, что ты пришла меня навестить.

— Нет, — быстро сказала Лиза, — я по делу. Мы... хотим попросить тебя кое о чем.

Ниоба улыбнулась. В глубине души она страшно расстроилась из-за того, как по-разному они обе выглядят. Когда Ниоба выбрала себе замену, она была стройной красавицей, в то время как Лиза — всего лишь миловидной девушкой. Теперь же, четверть века спустя, у Ниобы появились морщины и она распрощалась со своей прежней красотой. Лиза же осталась точно такой же, какой встретилась ей тогда, в Будапеште. Старость, какое это отвратительное состояние!

— Если ты собираешься спросить меня, вмешивался ли в мою жизнь смертной тот, чьего имени мы не называем, я отвечу — у меня нет уверенности. В голову приходит только один случай, когда я вместе с моими девочками...

— Нет-нет, — перебила ее Лиза. — Я не собираюсь тебя ни о чем спрашивать. Я... мне поручили встретиться с тобой, потому что я единственная из троих с тобой... ну, можно сказать, знакома. Прежние Лахесис и Атропос покинули нас...

— Я была аспектом Судьбы тридцать восемь лет! — воскликнула Ниоба. — Кажется, теперь перемены происходят все чаще и чаще.

— Да, ты выполняла свои обязанности просто великолепно, таких, как ты, немного. Да и с... тем, чьего имени мы не называем, справлялась успешно. Я... мы... нам пришлось совсем непросто. Он самым бессовестным образом перепутал нити, привел нас в замешательство...

— Он отлично это умеет, — согласилась Ниоба. — Мне удалось не стать жертвой его козней только потому, что я получила несколько весьма полезных уроков! Уверена, что я ничем не лучше...

— У тебя огромный опыт. Никто из смертных не может таким похвастаться. Вот почему мы хотим тебя кое о чем попросить.

«Похоже, у Лизы что-то очень серьезное на уме!» — подумала Ниоба.

— И что же конкретно?

— Ты должна вернуться.

— Что?

— Стать аспектом Судьбы. Мы снова в тебе нуждаемся. Ниоба была так потрясена, что даже начала заикаться.

— Стать... я... мне... Лиза, мне сорок восемь лет по меркам смертных! Только молодая женщина может...

Лиза покачала головой:

— Нет, не Клото. Лахесис. Она ключевой аспект... ведь именно Лахесис следит за целостностью Гобелена.

Конечно, Лахесис. Ниоба стала женщиной средних лет и выглядела на свой возраст. Лахесис — роль, которую всегда играет не молодая, но и не старая женщина. Однако...

— Лиза, я и представить себе не могла... так раньше никогда не поступали! Как только какой-то аспект возвращается в мир смертных... если воплощение перестает выполнять свои обязанности...

— Верно. Вот одна из причин, по которой — так мы считаем — это необходимо сделать сейчас. Безымянный ничего не заподозрит.

Обмануть Сатану. Отличный способ!

— Лиза, я польщена, что вы обо мне вспомнили. Но я уже была бессмертной и, по правде говоря, не заслуживаю...

— Я знаю, мы просим слишком много, — поспешно вставила Лиза. — Но, кроме тебя, никто не справится. Иначе...

— Подожди! Новые женщины постоянно становятся аспектами Судьбы! И все учатся выполнять свои обязанности, ведь Судьба находится в более выгодном положении, чем остальные воплощения, потому что всегда имеется два опытных аспекта, которые помогают новенкой. Поэтому тебе совсем не нужно...

— Пожалуйста, — сказала Лиза. — Наверное, я не совсем ясно излагаю свои мысли. У меня получилось бы лучше, если бы ты понимала мой родной язык...

— Ты говоришь великолепно! Я просто пытаюсь...

— Пожалуйста, я должна объяснить. Мы... мы должны отказаться от своей роли в качестве аспектов Судьбы — все одновременно.

— Все одновременно? Невозможно! Тогда не будет...

— Да, мы считаем, что это подстроил Безымянный. У нас было много проблем и неприятностей, и их центром является дочь твоего сына — Луна. Нам — всем троим — пришлось вмешаться, чтобы ее спасти. Он попытался сделать так, чтобы она умерла, но Танатос не допустил...

Ниоба вдруг поняла.

— В прошлом году, когда люди вдруг перестали умирать?..

— Да. Танатос больше не забирал души, чтобы ему не пришлось взять и душу Луны, потому что он ее любит. В конце концов он сразился с Безымянным и победил. Луна была спасена, а Танатос вернулся к своим обязанностям. Мы... Лахесис устроила так, что именно он сменил на посту прежнего Танатоса, чтобы все произошло, как нам было нужно.

— Вы вмешались в выбор другого воплощения? — в ужасе спросила Ниоба.

— Мы... иначе ничего не получалось. Дело дошло... Нам кажется, грядет главное сражение в войне. Я ненавижу

войну! — Лиза помолчала, и Ниоба поняла, что она вспомнила Будапешт. — Но когда речь идет о возможности установления на земле власти Зла, с ним необходимо сражаться всеми доступными методами. Эта битва ужасна...

Теперь Ниоба видела, как сильно спутана пряжа. Ее внучка и в самом деле пошла против Судьбы — и причина ее удивительной связи с Танатосом очевидна. Только Танатос в силах помешать человеку умереть после того, как перерезана его нить. И все же...

— А как вам удалось узнать про козни против Луны?

— Ее отец сумел докопаться до истины. Он изучал магию всю свою жизнь и знал о пророчестве, которое пытался разрушить тот, чьего имени мы не называем. Маг все спланировал и пожертвовал жизнью ради того, чтобы Луна познакомилась с Танатосом, причем так, чтобы обмануть...

— Значит, вот почему он умер молодым! Мне ничего не говорили!

— Не могли. Никто не должен ничего знать, пока событие не произойдет. Волшебник понимал, что обязан защитить дочь, потому что от нее зависит судьба человечества.

— Как же мало я понимала! — сокрушилась Ниоба. — Мне казалось, он похоронил себя, растратывает свою жизнь, занимаясь магией ради... что это лишь увлечение. Ну, или занятие, которое дает деньги. А он, видимо, понял предсказание гораздо лучше, чем...

— Да. Затем случилось нечто очень странное. Мы думаем, что тут замешан Хронос и что он помешал Безымянному совершить еще какую-то мерзость, но он молчит. Ему известно будущее, однако, если он нам скажет, произойдут изменения, вот почему...

— Получается, все воплощения замещаны в... в главном плане, — заключила Ниоба.

— Вот уже двадцать лет, — кивнула Лиза, — Безымянный собирается захватить политическую власть на Земле. Его агенты действуют повсюду, но в Америке им сложнее всего добиться положительных результатов, поскольку политическая жизнь там весьма хаотична. Если ему удастся победить, все остальные к нему присоединятся, так он думает. Поэтому его следует остановить именно в Америке, а мнение Луны окажется в голосовании против него решающим — если с ней ничего не случится.

— Она же мечтала стать художницей! — воскликнула Ниоба.

— Нам представляется, что в настоящий момент мы, три аспекта Судьбы, попали в самую гущу событий, — продолжала Лиза. — Враг намерен избавиться от Луны, и нам известно, что...

— Я готова отдать свою жизнь, счастье и честь, чтобы ее защитить! — подхватила Ниоба. — Конечно, я согласна... и стану Лахесис, если так нужно. Но я никогда не выполняла ее обязанностей и... Послушай, а что ты говорила о том, будто вы собираетесь поменять все три аспекта одновременно? Если тот, чьего имени мы не называем, и в самом деле выступил против вас, это будет полнейшей глупостью! Три новых...

— Да. Глупость. Вот почему мы и обратились к тебе. У тебя есть опыт.

— Это мне понятно! Но два других аспекта должны остаться по крайней мере на год или два...

— Нельзя, — перебила ее Лиза. — Мы должны уйти немедленно, на этой неделе.

— Немыслимо! Ты же знаешь, что поставлено на карту!

— Мы все знаем. Но нам представились возможности, которые возникают, может быть, один раз в жизни или никогда. Мы не имеем права от них отказываться, ты ведь не пожертвовала своей второй любовью и будущей дочерью...

Ниоба подняла руку:

— Ты права. Мы всего лишь слабые человеческие существа! Однако если вы подозреваете, что все подстроено...

— Скажем, он подсластил пиллюлю, чтобы мы были не в силах справиться с искушением ее съесть. Но дело не только в этом. Видишь ли, нам неизвестно, что враг намерен предпринять... но, если мы останемся, он будет знать, что не сможет нас обмануть, и тогда придумает что-нибудь другое. А мы не сумеем ему помешать. Так что мы решили устроить все таким образом, будто попались на его хитрость...

— Сделав одним из аспектов меня, у которой есть опыт — естественно, так, чтобы он ничего не знал, — договорила за нее Ниоба. — И тогда вы разрушите его планы.

— Я знала, что ты поймешь, — улыбнулась Лиза.

Ниоба задумалась. Она поклялась отомстить Сатане за смерть Седрика, но до сих пор подходящего случая так и не представилось. Она убедила себя, что будет достаточно,

если она станет старательно выполнять работу одного из аспектов Судьбы и вырастит Орб и Луну, поскольку они важны в борьбе с Князем Зла. Но гораздо лучше лично спутать ему все карты!

Ее жизнь среди смертных в любом случае подходит к концу. И жить ей больше не для кого.

— Я согласна.

— Мы так рады! Мы знаем, ты сделаешь все как следует. И не сомневаемся, что, когда мы окажемся среди смертных, нам ничто не будет угрожать, ведь ты за этим проследишь.

Лиза протянула руку.

Ниоба удивилась.

— Подожди! Я не готова... прямо сейчас! Мне нужно привести дела в порядок...

— Лахесис все сделает за тебя, — успокоила ее Лиза. — Прежде чем вернется к жизни смертной.

Ниоба знала, что может доверять ей — уж кому, как не Судьбе, известно, какое огромное значение имеет порядок в земных делах! Тем более в ситуации, когда жизненно необходимо, чтобы Сатана не знал о замене.

Ниоба взяла Лизу за руку и почувствовала знакомый легкий толчок.

И вот она уже оказалась в теле Лизы и смотрела на мир ее глазами. Перед ней стояла непримечательная женщина средних лет: прежняя Лахесис.

«Прощай, жизнь среди смертных!» — подумала Ниоба, неожиданно почувствовав легкий укол грусти. Любую, даже завершенную жизнь, нелегко оставлять за спиной.

— Возьми власть над телом, — сказала Лиза.

Ниоба получила назад свой внешний вид, но не тело. Ее собственное исчезло, когда она стала Клото, а вернувшись к смертным, она забрала тело Лизы. Ее личность, гены, все до мельчайших деталей осталось с ней. Теперь это тело принадлежало воле и образу прежней Лахесис. Конечно же, Лиза тоже грустила оттого, что тело, когда-то принадлежавшее ей, получило нового — третьего — хозяина. Процесс перехода не был для Ниобы новинкой, и все равно она чувствовала себя немного странно.

Ниоба пожала руку женщине, которая была до нее Лахесис:

— Думаю, ты уже знаешь все, что я могла бы сказать. Живи и будь счастлива.

— Мне никогда не отблагодарить тебя... Лахесис, — ответила женщина. — Хочешь, я расскажу, что даст мне жизнь среди смертных?

— Ну, это не мое дело...

— Титул! — воскликнула женщина. — Я унаследую титул и великолепный замок в Европе, стану важной дамой с кучей слуг и обязанностей. Я всегда мечтала о такой жизни и боялась, что мне не суждено ее узнать. Будучи Лахесис, я, конечно, использовала свои таланты устраивать самые разные дела...

— Да, — согласилась Ниоба, — Лахесис должна обладать этим качеством.

— Теперь же все будет на самом деле. Да и поместье во мне нуждается; если оно не перейдет в руки настоящего наследника, им завладеют жадные дальние родственники, и большая часть уйдет на налоги. Но если я вовремя заявлю свои права, оно станет моим, а я знаю, что нужно делать для его процветания! Коли через двадцать лет я умру от какой-нибудь ужасной болезни, я все равно буду счастлива!

Ниоба поняла, что женщина говорит правду. Разные люди мечтают о разном, и исполнение мечты иногда стоит целой жизни.

— Будь благословенна, и желаю тебе удачи, — ласково пожелала ей Ниоба.

— Будь благословенна ты, чудесный человек! — ответила бывшая Лахесис.

Ниоба вернула тело Лизе, чтобы они с Атропос смогли попрощаться со своей подругой. Она чувствовала себя весьма странно, став Судьбой вместе с женщиной, сменившей ее в роли Клото; впрочем, похоже, Ниоба сделала правильный выбор, тогда, четверть века назад — Лиза прекрасноправлялась со своими обязанностями.

Вскоре они превратились в паука и заскользили по патине в Чистилище. Словно и не было этих двадцати пяти лет! Ниоба ни разу не пожалела о своем решении вернуться в мир смертных, и ее охватило мимолетное сожаление о той жизни — но одновременно она испытывала и ликование, радуясь тому, что снова стала воплощением. Быть бессмертной — ничто в мире не сравнится с этим!

Жилище не изменилось — кокон, сотканный из шелка, идеальная обитель для мастера нити. Судьба по-прежнему не держала обслуги, ибо все три женщины прекрасно

справлялись сами, но в доме было чисто и имелся приличный запас Пустоты для Клото — в общем, кругом царил полный порядок.

— Теперь моя очередь, — проговорила Лиза и направилась к выходу.

— Так скоро? — удивилась Ниоба. — Мы же только пришли!

— Да, чтобы ты немного успела сориентироваться. Видишь, я все подготовила для своей преемницы; ей нужно будет отправиться в Пустоту только через две недели. — Лиза помолчала. — Какое невероятное переживание, когда попадаешь туда впервые!

Ниоба мысленно пожала плечами. Каждый аспект Судьбы сам выбирал свою преемницу и время возвращения в мир смертных. Ниоба стала Клото главным образом потому, что понравилась предыдущей Клото, а теперь три аспекта Судьбы посчитали, что будет целесообразно, если она займет место Лахесис. Она подчинилась их воле.

Клото спустилась по нити на западное побережье Америки.

— А что ждет тебя? — спросила ее Ниоба.

— Настоящая любовь, — тут же призналась Лиза. — Както раз в прошлом месяце я отправилась в поход в горы, и там ко мне подлетел на ковре-самолете молодой человек — хотел спросить дорогу. Я узнала акцент. «Вы из Венгрии!» — воскликнула я. Молодой человек страшно удивился. «Родители раньше там жили, — ответил он. — Моя мать была беременна мной, когда они бежали от...» И он пожал плечами; в Америке мало кто понимает, что у нас тогда происходило. «И я из тех краев», — сказала я ему, а потом перешла на родной язык. «Подождите! — вскричал он. — Я плохо говорю по-венгерски! Ведь я родился и прожил всю жизнь здесь». Впрочем, он меня понял. И теперь хочет, чтобы я стала его женой. Ему все известно... и то, что я вдвое старше... А вот его матери мы не признались. Она думает, что я знаю о тех событиях со слов родственников. Моя будущая свекровь расплакалась, вернувшись в свою юность, и так напомнила мне мою маму, что я тоже горько разрыдалась. Мне кажется, она мечтает, чтобы я вышла замуж за ее сына, раза в два больше, чем он сам! Я перееду к своим новым родным и не сомневаюсь, что у меня не будет с ними никаких проблем.

Ниобе очень не хотелось задавать следующий вопрос, однако она чувствовала, что должна.

— И тем не менее ты уверена, что все это дело рук того, чье имя мы называть не станем... чтобы убрать тебя с дороги?

— Да. Лахесис — твоя предшественница — подтвердила: он передвинул нити таким образом, чтобы мой жених оказался как раз там, куда я отправилась в поход. Кажется, мелочь... и хотя все произошло в результате хитроумных манипуляций, человек, которого я полюбила, настоящий. В его душе нет зла. Наш враг знает, что я бы никогда не согласилась иметь дело с негодяем. Аспект Судьбы невозможен обмануть фальшивой позолотой! Так что намерения у Безымянного, конечно же, дурные, однако дар он мне предложил истинный. Его зло направлено не на меня, а на тебя.

Да, именно так. Козни Сатаны хитроумны и очень действенны. Но, может быть, на сей раз Отец Лжи окажется в проигрыше, потому что воплощение Судьбы — не простая смертная, которую легко обмануть случайными совпадениями. В особенности если учесть, что возвращается один из прежних аспектов, знающих привычки и способность врага устраивать разнообразные мерзости. «Тебя ждет сюрприз, Сатана!» — подумала Ниоба.

Они опустились на землю в одном из незаселенных районов города. В сгущающейся полутьме в сторону высокого утеса, нависшего над бушующим морем, шла молодая женщина — ее предки были явно выходцами с востока, — хорошенькая.

Лиза остановила ее:

— Куда ты идешь, одинокая девушка?

— Какое это имеет значение? Моя жизнь кончена.

— Но ведь ты умна, молода и привлекательна, — запротестовала Лиза. — Тебе есть для чего жить!

Вне всякого сомнения, Судьба изучила нить девушки.

— Нет, мне незачем жить! Моя семья вышвырнула меня вон за то, что я отказалась следовать стариным традициям, за то, что я слишком своенравная и сильная, и теперь у меня нет семьи.

Ниоба знала, что представители восточных культур очень строго придерживаются традиций, временами вступая в конфликт с образом жизни, принятым в остальном мире. Девушка, видимо, отказалась выйти замуж за человека,

выбранного ее родными. Ниоба прекрасно понимала боль девушки, хотя ее собственный брак, устроенный именно таким способом, оказался счастливым. К своему сожалению, она была вынуждена признать, что мнение родителей по этому вопросу частенько бывает разумнее, чем самих заинтересованных сторон. Но Америка объявила себя свободной страной, и теперь девушки ни за что не желают прислушиваться к советам старших. А сколько трагедий могло бы не произойти!

— Аминь! — согласилась с ней Атропос.

— И ты готова уйти из мира? — спросила Лиза.

Девушка посмотрела на утес. Резкий порыв ветра взметнул ее черные волосы.

— Если мне хватит храбрости.

— Я предлагаю тебе другое решение. — И Лиза рассказала ей про Судьбу и про роль Клото.

Никого не удивило, что девушке понадобилось некоторое время, чтобы осознать слова Лизы. Бросив взгляд на темные бушующие воды океана, она решила, что ей сделали гораздо более приемлемое предложение. Атропос взяла их общее тело под контроль, протянула руку, и дело было сделано. Клото изменилась.

Теперь Лиза стояла перед ними в своем собственном обличье; все приметы восточного происхождения исчезли. Ниоба никогда до конца не понимала сути волшебного превращения, впрочем, в этом и не было никакой необходимости. «Добро пожаловать, Клото», — подумала она и тут же приступила к процессу обучения нового аспекта Судьбы.

Они вернулись в жилище и немного отдохнули. Ниоба, которая теперь стала Лахесис, принялась рассматривать Гобелен, в то время как Атропос продолжала объяснять Клото, какие функции она должна будет выполнять. Прежняя Лахесис оставила Гобелен в полном порядке, в особенности если вспомнить, что всем троим пришлось столкнуться с серьезными трудностями. В настоящий момент никаких срочных дел не было. В роли Клото Ниоба иногда наблюдала за работой Лахесис, теперь же она сама отвечала за Гобелен — а это совсем не одно и то же. Она надеялась, что Сатана оставит их в покое хотя бы на несколько недель и будет время привыкнуть к новой роли — и знала, что рассчитывать на такое везение нельзя.

На следующий день пришла очередь Атропос. В результате несчастного случая ее правнучки остались сиротами

ми. Государство взяло их под свою опеку, и они должны были отправиться в разные семьи, к новым приемным родителям. Если только она, их родственница, не возьмет дело в свои руки. Детям исполнилось одиннадцать и девять лет; Атропос полагала, что проживет достаточно долго и успеет поставить на ноги по крайней мере старшего. Она не могла поступить иначе, ведь малыши были ее кровной родней. Складывалось впечатление, что Сатана к прошедшему не имел никакого отношения; скорее всего он предвидел подобную возможность и устроил так, чтобы другие два аспекта вернулись в мир смертных одновременно с Атропос. Если бы Лахсис не обнаружила следов козней Князя Тьмы на Гобелене, он добился бы успеха. Впрочем, даже и сейчас им придется очень несладко. Ниоба в этом не сомневалась, но, по крайней мере, появились шансы на победу.

Атропос скользнула на Землю по шелковой нити, чтобы встретиться с женщиной, которую выбрала себе на смену, и оказалась в районе трущоб, где старая негритянка сидела в кресле-качалке на древнем, скрипучем деревянном крыльце и наблюдала за тем, как дети играют на улице в мяч. Старуха посмотрела на появившуюся прямо перед ней Атропос.

— Давно пора, — проворчала она.

Ей удалось удивить даже невозмутимую Атропос.

— Ты меня знаешь?

— Я тебя знаю. Впрочем, я ждала Смерть, а не Судьбу.

— Я пришла предложить тебе занять мое место. Если согласишься, ты повстречаешь Смерть, но только как коллегу.

— По-моему, он давно стал моим коллегой. Я похоронила больше родных, чем у меня пальцев на руке. — Негритянка растопырила свои шишковатые пальцы.

— Если ты примешь мое предложение, тебе придется перерезать в миллионы раз больше нитей жизни.

— Кто-то же должен.

Атропос передала тело Ниобе.

— Тогда дай мне руку, — сказала та. — Только не думай, что твоя работа будет легкой.

Не моргнув, женщина ответила:

— Никакая серьезная работа не бывает простой. — И взяла Ниобу за руку.

И вот уже прежняя Атропос сидит в старом кресле, а у Судьбы появился новый аспект.

В этот момент к крыльцу подбежал ребенок:

— Бабушка, я забил гол!

Увидев незнакомую женщину, он резко остановился.

Ниоба быстро передала тело новой Атропос.

— Все в порядке, Джимми, — сказала она. — Это моя гостья.

— Ой, — мальчишка вдруг смущился и сделал шаг назад.

— Джимми, мне пора, — сказала новая Атропос. — Пожалуйста, сделай одолжение, проводи леди до автобусной остановки. И передай нашим, что я уехала.

— Куда?

— Просто уехала, и все. Они поймут.

— Ладно.

Мальчишка, гордый тем, что ему дали важное поручение, повел прежнюю Атропос по улице в сторону остановки.

Ниоба снова взяла инициативу в свои руки, сделалась пауком и взобралась на нитку.

— Вот здорово! — подумала Атропос. — А я всегда топтала жуков!

— Больше не будешь, — ответила Ниоба паучьим голосом. — Ты тоже научишься этому фокусу.

Они вернулись в жилище и снова превратились в человека.

— Знаете, я думаю, следует немного потренировать основные движения, — сказала Ниоба. — Потому что скоро нам может стать не до этого.

— Не до этого? — спросили обе одновременно.

Ниоба быстро объяснила им, что именно Сатана устроил все таким образом, чтобы все три аспекта Судьбы были новичками.

— Должна вам сказать, что я в некотором роде ветеран, — заявила она в заключение. — В течение нескольких десятилетий я исполняла роль Клото, но четверть века лет назад отошла от дел. Мы надеемся, что Сатана не узнает о том, что я вернулась.

Здесь, в своем жилище, она могла спокойно произносить имя Князя Зла вслух, потому что у себя дома они были защищены от непрошеных гостей.

— Пока, в самом начале, мы имеем право чувствовать себя неуверенно и даже совершать ошибки; Сатана почи-

тает, что его замысел удался, и, возможно, даже забудет об осторожности. Но нельзя навредить слишком сильно. Ведь мы имеем дело с человеческими жизнями. Не забывайте!

Аспекты учились пользоваться ртом, когда возникала необходимость что-то сказать, превращаться в паука, лазать по паутине и при помощи специальных нитей путешествовать по свету. Вскоре все трое довольно умело справлялись с этими несложными манипуляциями. Затем Ниоба объяснила им суть всех трех аспектов: Клото прядет нити жизни, Лахесис отмеряет их, а Атропос перерезает.

— Я, как и вы, не очень хорошо знаю, что должна делать, — призналась она. — Я тоже учусь. Наверняка в какой-нибудь ситуации я не смогу правильно отмерить нити для той или иной части Гобелена, в результате возникнет то, что смертные называют «странные совпадения». Нам не придется притворяться, будто мы ничего не умеем.

— Но в начале мы можем совершить какую-нибудь очень серьезную ошибку, — сказала Атропос.

Похоже, она схватила самую суть; прежняя Атропос сделала прекрасный выбор.

Клото попробовала прядь. У нее не было никакого опыта, и получалось неважно. Ее выбрали скорее благодаря сильному характеру и из-за того, что подвернулась в подходящий момент, а вовсе не потому, что она обладала мастерством и умелыми руками. Лизе было некогда искать другую Клото. Ниобе пришлось показать ей, как это делается, и потом наблюдать за работой, и все равно нить получалась неровная и какая-то растянутая. Впрочем, хоть и медленно, Клото училась.

Теперь пришла очередь Атропос заняться перерезанием нитей. Ниоба отмерила нить и передала тело пожилой женщине. Атропос взяла маленькие ножнички и отстригла сначала один конец, а потом и другой.

— Ой! — воскликнула она. — Слишком длинная получилась! — С этими словами она подравняла нить с одного конца. — Вот так... кажется, теперь хорошо.

Вместе Ниоба и Атропос подготовили около двадцати нитей, обрезая и подравнивая их так, чтобы они получились нужного размера.

— Когда наберемся опыта, — Ниоба подошла к Гобелену, собираясь закрепить на нем нити, — будем делать сразу помногу. Мы не можем заниматься каждой в отдельности.

Ниоба приложила нити — и они отвалились.
Забавно.

— У той Лахесис, с которой я была знакома, нити, казалось, сами ложились, куда нужно. — Ниоба подняла одну ниточку и снова приставила ее к Гобелену — и снова нить упала. — Не помню, чтобы Лахесис их привязывала.

— Может быть, у меня они получаются не такие, как надо, — испуганно предположила Клото.

— Вряд ли. Давайте попробуем взять парочку новых.

Клото спрятала еще немного нитей, Ниоба принялась их отмерять, а Атропос отрезала, и по-прежнему ей не удавалось сразу получить нужную длину. Кучка обрезков на полу росла. Однако новые жизни тоже не пожелали остаться там, куда их поднесла Ниоба.

Все трое не могли понять, в чем дело. Пол в жилище был усеян отбракованными кусочками, но женщинам не удалось закрепить на Гобелене ни одной нити.

Неожиданно раздался требовательный стук в дверь. Ниоба взяла под контроль тело и пошла открывать.

На пороге стоял Танатос в своем волшебном плаще с капюшоном, гораздо более суровый, чем Ниоба его помнила. Белые кости пальцев спазматически подергивались. Самое настоящее воплощение Смерти.

— Что вы задумали? — потребовал он ответа.

Ниоба удивилась.

— Просто пытаюсь сделать то, что мне положено, — ответила она.

Пустые глазницы Танатоса мрачно уставились на нее:

— Ты другая.

— Мы все здесь новенькие, — сказала Ниоба и показала ему Клото с Атропос. — У нас тут возникли проблемы...

— Проблемы! — вскричал Танатос и вошел в жилище. Снаружи, у него за спиной, Ниоба разглядела великолепного скакуна, того самого, верхом на котором Танатос доставил ее в Чистилище в первый раз. — Погибло двадцать шесть младенцев!

— Дети... погибли? — переспросила Ниоба. — Я не закрепила ни одной нити и не укоротила ни одной!

— Правда? А как ты думаешь, что это такое? — сердито поинтересовался Танатос, наклонился и поднял горсть

обрезков самого разного размера. Он был страшно зол, и Ниоба испугалась, хотя прекрасно знала, что он не может причинить ей никакого вреда.

— Всего лишь кусочки...

— Кусочки! — взревел Танатос. — Никто никогда не подрезает жизнь с начального конца!

Ниоба прислонилась к шелковой стене. Она была в ужасе.

— С... с начального конца?

Танатос показал ей одну длинную нить.

— Это Нить Жизни, — зло проговорил он. — Вот ее начало, а здесь конец. Когда ты отрезаешь кусок нити в конце... — он сделал движение своими костлявыми пальцами, будто стриг что-то ножницами... — то уменьшаешь данную жизнь вот на такое количество времени. Когда же берешь нить в самом начале, жизнь становится короче вот настолько. — И он бросил всю нить на пол. — Остается совсем немного. — Он поднял два пальца, которые почти касались друг друга.

— О нет! — воскликнула Ниоба. — Мы убили их через несколько дней... или часов!..

— Двадцать шесть новорожденных детей погибло в больнице от отравления, — мрачно продолжал Танатос. — Поэтому что диетическая сестра перепутала банки и вместо сахара положила в их питание соль! Смертные думают, что виновата трагическая случайность, но я-то сразу догадался, что это ваших рук дело. Мне пришлось забрать детей! — Он был в такой ярости, что Ниобе показалось, будто от его возмущения вот-вот закачаются стены Жилища.

Ниоба разрыдалась — хотя она была уже далеко не молодой, слова Танатоса так потрясли ее, что она не могла отреагировать на них по-другому.

И тут Атропос взяла ситуацию под контроль.

— А ну-ка, прекрати ее отчитывать, Смерть! — рявкнула старуха. — Я виновата! Меня и надо ругать. Я не знала... и уж можешь не сомневаться, больше подобное не повторится!

Танатос посмотрел на нее и наконец понял, что произошло.

— Все трое... новые?.. — спросил он вдруг. — И никакого опыта?

— Ну, не совсем, — начала Атропос.

— Не говори! — предупредила ее Ниоба. — Если он узнает, Сатане тоже все станет известно!

— Мы только на днях тут появились, — договорила Атропос. — И как видишь, еще не очень понимаем, что нужно делать.

— Как могло получиться, что все трое сменились одновременно? — спросил Танатос. — Вы же теряете целостность!

— Еще сегодня утром я спокойно сидела в кресле и ждала, когда ты за мной явишься и заберешь мою душу! — вскричала Атропос. — И вот я извиняюсь перед тобой за то, что устроила весь этот беспорядок!

Танатос немного успокоился:

— Я тоже приступил к своим обязанностям совсем недавно, в прошлом году, и ваши предшественницы очень мне помогли. Я знаю, каково это, я тоже совершил ошибки. Извините, что набросился на вас. Давайте посмотрим, что тут можно сделать.

Он уселся на шелковый диванчик, отбросил капюшон, и они увидели самое обычное лицо самого обычного молодого мужчины.

Атропос вытаращила на него глаза:

— Ты живой человек!

— А вам не сказали? — Танатос улыбнулся. — Думаю, никому просто в голову не пришло... из-за того, что вы все сменились почти одновременно. Да, мы живые люди и остаемся в том возрасте, в котором становимся воплощениями. Но бессмертие дается нам не навсегда.

— Ты хочешь сказать, что я не буду стареть?

— До тех пор, пока не вернешься в мир смертных... причем только по собственной воле, в отличие от меня.

— Почему?

Ниоба еще многое не успела рассказать новым Атропос и Клото, ей просто не хватило времени. Сейчас она молчала; ее это вполне устраивало, потому что не нужно было отвечать на вопросы о себе.

— Я продолжаю делать свою работу, пока мой преемник меня не убьет. И тогда он займет мое место.

— Значит, ты не бессмертна!

— Бессмертна... если только не стану беспечным. Никто — ни человек, ни другое существо — не в состоянии причинить мне вред, даже сам Сатана, пока я веду себя осторожно. Мой плащ защищает меня от любой физической опасности и сверхъестественных сил. Но мне не да-

но, что называется, уйти в отставку и продолжать жить дальше.

— Вот ужас-то! — воскликнула Атропос.

— Ничего ужасного. И гораздо лучше того самоубийства, которое я задумал, будучи смертным.

При этих словах Клото мысленно вздрогнула и выпрямилась. Она прекрасно знала, что он имеет в виду.

— Но разве жизнь твоя не стерильна? — спросила Атропос. — Ни тебе разгула, ни азарта, ни женщин?

Он рассмеялся:

— А ты невысокого мнения о мужчинах, а?

— Еще какого! Когда я была молодой и соблазнительной, я зналась с парочкой очень интересных типов. Мне отлично известно, как вы все устроены. Мужчина без женщины обязательно вляпается в какие-нибудь неприятности!

Танатос улыбнулся:

— Ну, по правде говоря, у меня есть подруга. Она смертная, но я открыл ей свою суть. Ее зовут Луна Кафтан. Я люблю ее и гарантирую, что она проживет ровно столько, сколько ей отпущено. Я не могу на ней жениться, поскольку не существую в мире смертных; считается, будто я умер. Но я всегда буду с ней рядом.

Ниоба обрадовалась, что тело принадлежит не ей; иначе она наверняка выдала бы себя. За последние несколько часов произошло так много невероятных событий... и она просто забыла, что у Луны роман с Танатосом. Когда она была смертной, Ниобе это не нравилось; теперь, совершенно неожиданно для себя, она поняла, что рада. Танатос, похоже, симпатичный молодой человек, который честно выполняет свою работу. Он и в самом деле мог защитить Луну от самой смерти. Эта часть пророчества оказалась гораздо более правдивой, чем предполагала Ниоба.

Надо сказать, что Атропос очень быстро схватывала суть проблемы.

— А предположим — имей в виду, я никогда так не поступлю, — предположим, я подрежу нить жизни твоей подружки?

Капюшон плаща Танатоса по-прежнему лежал у него на спине, но, казалось, по его лицу скользнула тень маски смерти и кожа стала цвета кости. Он и в самом деле был Смертью.

— Однажды ты уже так поступила — вернее, твоя предшественница. Ее вынудил Сатана. Я отказался забрать душу Луны. Дело в том, что ты не обрываешь жизни, ты только... ну, составляешь расписание. Люди умирают тогда, когда я прихожу за ними. Как, например, в случае с теми младенцами. Мне пришлось взять их души; они испытали бы невыносимые страдания, если бы я этого не сделал. Я стоял в стороне и наблюдал за тем, как они возносятся в Рай. Но это моя вотчина, и я могу сделать так, что умирающий проживет бесконечно, невзирая на боль. Мы, воплощения, должны действовать совместно, иначе у нас ничего не получится.

— Я примерно так и думала, — кивнув, проговорила Атропос. — Мы больше не будем убивать младенцев, даю тебе слово! Давай-ка еще раз все проделаем, чтобы убедиться, что мы правильно поняли.

Клото взяла тело под контроль и спряла несколько новых нитей. Затем Ниоба отмерила их, а Атропос аккуратно отрезала с обоих концов. Потом Ниоба поднесла нити к Гобелену и приложила к тому месту, где, как ей казалось, они должны находиться.

Получилось! Нить легла на Гобелен, и ее конец протянулся в затянутую дымкой часть — будущее.

— Правильно, — похвалил Танатос, а потом снова накинул капюшон на голову. — Мне нужно идти; у меня масса дел. Если возникнут сомнения или вопросы, задавайте их мне или любой другой инкарнации, и мы постараемся помочь. В особенности Хронос, который работает с вами в очень тесном контакте; он живет вспять и потому знает будущее, а не прошлое.

Танатос скрылся в небе на своем бледном скакуне. А Судьба тяжело опустилась на диван. Трудный получился разговор!

Тут же у Клото возник вопрос: если Хронос известно будущее, значит, наверняка и то, что Ниоба уже была одним из аспектов Судьбы?

— Вовсе нет, если только мы ему сами не скажем — когда-нибудь в будущем, — ответила Ниоба. — Я думаю, нам лучше забыть о всем прошлом и сосредоточиться на настоящем. Кстати, о Хроносе... Пожалуй, тебе стоит узнать кое-что еще, Клото.

— Да?

— Он... в прошлом... был очень близок с нами. В особенности с Клото.

— Дружба хорошая штука, не так ли? — ответила девушка удивленно.

— Они были любовниками.

Клото молчала. Ниоба не имела ни малейшего понятия, о чем она думает. Каждая из них могла не делиться с остальными своими мыслями, если не хотела.

— Насколько я понимаю, — заговорила Атропос, — наше тело — теперь вовсе не наше тело. И полагаю, ему довелось пережить многое.

— Да, — согласилась Ниоба.

— Получается, не имеет особого значения, что мы с ним станем делать, нужно только как следует выполнять свою работу.

Клото по-прежнему не произнесла ни звука.

Ниоба вспомнила, как трудно ей самой было примириться с этой обязанностью Клото — в начале. Ну, все со временем встанет на свои места. Со временем? С Хроносом?

Они подготовили себе ужин из припасов, имеющихся на кухне, и легли отдохнуть. Затем договорились о том, каким будет режим работы — кто когда должен спать, а кто следить за порядком. Само тело, принадлежавшее им, никогда не уставало, не нуждалось ни в сне, ни в пище. В отличие от сознания трех женщин, находящихся внутри его.

Судьба вступила в свою должность — пусть и с определенными проблемами.

Г л а в а 11

Путаница

Следующий день принес им серьезные неприятности. Ниоба отправилась к Хроносу, поскольку ей потребовался совет и помощь при работе с нитями жизни. Гобелен подчинялся собственным законам, но стоило предоставить его самому себе, и моментально возникала путаница. Ниобе было необходимо правильно уложить все нити — а час и место порой оказывались жизненно важными. Например, когда шло к свадьбе, нити мужчины и женщины пересекались — но если это происходило до церемонии, третья нить могла появиться прежде чем следовало, что приводило к дополнительным осложнениям. Хронос имел возможность произвести непосредственную проверку; более того, он знал время каждой значимой встречи, хотя с большинством стандартных ситуаций разбирались его помощники. У Судьбы тоже были помощники, которые выполняли рутинную работу, однако главные проблемы воплощения решали лично.

Однако сначала им пришлось познакомиться.

— Я понимаю, что ты уже с нами встречался, — заявила Ниоба. — Но мы видим тебя в первый раз. Мы еще очень неопытны и плохо разбираемся в своих обязанностях. Так что позволь нам представиться — а ты попрощаешься с нами. Я уверена, что наши предшественницы окажутся вполне компетентными.

— Значит, уже пора? — спросил Хронос. — Я видел, что две из вас изменились...

— Пожалуйста, — перебила его Ниоба, — мы бы предпочли оставаться в неведении.

— Конечно. Могу лишь сказать, что вы все были добры ко мне и я питаю к вам глубокое уважение; очень сожалею, что мы больше не увидимся. Надеюсь, я легко найду общий язык с вашими предшественницами.

— Конечно, — проговорила Ниоба и показала ему Клото и Атропос, а потом снова превратилась в Лахесис. — Поскольку мы стали аспектами Судьбы совсем недавно, то многого не знаем. И совершают весьма досадные ошибки.

— Да, понимаю, — сочувственно кивнула Хронос.

— Обрезки нитей — двадцать шесть невинно погибших детей. Танатос был в ярости! — продолжала Ниоба.

— Ох, извините, я думал, вы имеете в виду происшествие в ООН.

— Происшествие в ООН? — удивленно переспросила Ниоба.

— Естественно, для вас это событие еще не произошло, как и гибель детей для меня. Извините.

— Если мы опять допустим ошибку... — вмешалась Атропос.

— Спроси его, — посоветовала Клото.

Они еще не успели договориться о том, как будут менять друг друга, поэтому пришли к Хроносу втроем. Страшное несчастье с новорожденными детьми объединило их.

— Пожалуйста, не извиняйся, — сказала Ниоба. — Мы очень хотим избежать будущих промахов. Если это не покажется тебе этически неоправданным, мы бы хотели узнать подробности.

— Этика иначе воспринимается воплощениями, — улыбнулся Хронос. — Каждый из нас делает все, что может. Или приходится отказаться от своих обязанностей. Мы всегда стараемся помочь друг другу. Если не ошибаюсь, двадцать лет назад, когда я стал Хроносом, ты, Лахесис, объяснила мне: наша главная цель — противостоять замыслам Сатаны и поддерживать все дела, угодные Богу. Происшествие в ООН имело колossalные последствия. Кому-то удалось незаметно пронести в здание Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке экстрасенсорную химическую бомбу со зловонным газом. Когда она взорвалась...

— Экстрасенсорную химическую бомбу? — переспросила Ниоба.

Она вспомнила, как Луна и Орб, еще совсем девчонками, раздобыли где-то химическую бомбу — их тогда называли «маленькими вонючками» — и взорвали ее в кухне. Отвратительный запах выветрился только через несколько дней. Конечно, девчонки остаются девчонками, но Ниоба заставила их отскести пол, стены и даже потолок. С тех пор они заметно меньше безобразничали, однако в школе на них стали смотреть с большим уважением.

— Бомба создает эмоциональную атмосферу, которую никто не в состоянии выдержать, — продолжал Хронос, с трудом скрыв улыбку. — Впрочем, тут нет повода для смеха. Соединенные Штаты исключили из ООН, а штаб-квартиру перенесли в Москву...

— В Москву! — с негодованием воскликнула Ниоба.

— Видишь ли, дипломаты не сумели оценить юмор ситуации, — пояснил Хронос. — Хотя советские лидеры и американские консерваторы наверняка хорошо посмеялись. Естественно, в старом здании больше никто не мог находиться...

— Работа Сатаны! — возмутилась Ниоба.

Однако она услышала, как Атропос и Клото захихикали.

— Ясное дело, — кивнул Хронос. — Просто поразительно, какую огромную выгоду Сатана извлек из той дурацкой истории. Гармония мира нарушилась, а зло выросло. Марсу пришлось много поработать, потому что разразилась сразу несколько войн...

— Мы должны ему помешать! — твердо заявила Ниоба.

Атропос и Клото уже успокоились и сразу же с ней согласились. Все трое сообразили, что Сатана задумал какую-то грандиозную мерзость.

— Я уверен, что на Гобелене можно найти начало будущей путаницы, — заметил Хронос.

— Давай посмотрим.

Ниоба уже научилась генерировать изображение Гобелена, чтобы правильно располагать новые нити. Она заставила его возникнуть в воздухе. На первый взгляд никакой путаницы заметно не было.

— Позволь мне, — проговорил Хронос и поднял Песочные Часы.

Песок мгновенно изменил цвет, а Гобелен скользнул вперед. Ниоба постаралась сохранить серьезное лицо, однако почувствовала восхищение двух других аспектов; она знала, что Хронос может воздействовать на созданное ею

изображение. Песочные Часы — поразительный инструмент.

— Пять дней спустя, — пояснил Хронос.

Ниоба всмотрелась в Гобелен и увидела колоссальную путаницу, которая привела к искажению всей картины в целом. Атропос и Клото тоже пришли в ужас: им никогда не навестили здесь порядка!

— Мы должны ему помешать! — повторила Ниоба. — Потом будет поздно; нужно приложить все усилия, чтобы взрыва в ООН не произошло! — Она бросила быстрый взгляд на Хроноса. — Но если бы нам сопутствовала удача, ты уже знал бы...

— Не беспокойся, я защищен от парадоксов. Я в буквальном смысле постоянно изменяю события и исправляю ошибки. Могу вас уверить: когда я стал Хроносом, у меня было грандиозное сражение с Сатаной! Мне пришлось отправиться в вечность, чтобы все вернуть на круги своя. Если будущее изменится, так тому и быть; а я запомню данное как один из возможных вариантов.

— Тогда мы сделаем все, что в наших силах, — с облегчением заявила Ниоба. — Если бомба должна взорваться через пять дней, значит, у нас есть еще время выяснить, кто за этим стоит — и обрезать его нить на Гобелене, прежде чем негодяй сделает свое подлое дело. И тогда нам удастся предотвратить знаменитое «происшествие в ООН»!

Хронос довольно кивнул.

— А мы сможем избежать возни с невероятной путаницей, — в заключение сказала Ниоба. — Сатана наверняка рассчитывает на неопытность трех новых аспектов Судьбы. Прежние аспекты разобрались бы со множеством узлов; но нам, по замыслу Сатаны, подобную задачу не решить.

— Справедливое предположение, — кивнул Хронос. — Сатана дьявольски хитер, каждый из нас должен быть готов к его козням.

— Мы отправляемся домой, чтобы провести тщательное расследование.

— Помните, — произнес Хронос, — если вам потребуется участие других воплощений, нужно только попросить. Любой из нас будет рад помочь, вы еще совсем неопытны.

— Так мы и сделаем, — согласилась Ниоба и скользнула по своей нити в жилище.

В жилище они устроили военный совет.

— С путаницей, которую устроил Сатана, очень не просто разобраться, — сказала Ниоба, — настоящий гордиев узел. Но мы знаем причину будущих неприятностей: кто-то подложит химическую бомбу и скроется до того, как она взорвётся. Нить жизни этого смертного имеется в нашем Гобелене; нам нужно найти и избавиться от неё.

Остальные смотрели на Гобелен глазами Ниобы.

— Здесь столько нитей, и они так хитро переплетены! — с горечью проговорила Клото. — Мы можем искать целый месяц, но так ничего и не найдем!

— Иголка в стоге сена, — согласилась Атропос. — Женщина, я и не думала, что Судьбой быть так весело! Мне нравится!

— Как жаль, что у нас нет компьютера, — посетовала Клото.

— В Чистилище имеется собственный компьютер, — возразила Ниоба. — Там есть все данные.

— Так почему мы теряем время? — сказала Атропос. — Надеюсь, вы знаете, как с ним обращаться, потому что я не имею ни малейшего понятия, с какой стороны к нему подходят.

Ниоба взялась за дело. Она отправилась в главное административное здание Чистилища и попросила разрешения воспользоваться компьютером. В бытность ее Клото компьютеры еще не вошли в массовое употребление, но в Чистилище старались не отставать от жизни. Ниоба не слишком часто пользовалась компьютером, хотя общие принципы представляла.

К счастью, этот был ориентирован на пользователя.

«Приветствуя тебя, Судьба, — высветилось на экране, когда Ниоба включала компьютер. — Какая информация тебе требуется?»

Она начала неумело нажимать на клавиши.

«Можешь просто говорить со мной», — посоветовал экран.

— Мне нужно распутать несколько узлов, — ответила Ниоба. — Я здесь новенькая и...

«Есть ли ключевая нить?»

— Да. Но мне нужно ее найти — среди миллионов других.

«Включаем общий поиск. Каковы определяющие критерии?»

— Ну, некий человек окажется в комплексе ООН в Нью-Йорке перед определенной датой.

«Сообщи дату».

Ниоба назвала.

На экране замелькали строчки, потом исчезли.

«Остается три тысячи двести пятьдесят шесть возможностей».

Ну что ж. Они существенно продвинулись вперед.

— Может ли мы уменьшить их количество — скажем, до полудюжины?

«Необходима дополнительная информация».

Ниоба задумалась. Ей помогли другие аспекты.

— Каковы размеры этого ужасного устройства, химической бомбы? — спросила Атропос.

— Интересующий нас человек должен внести в здание ООН экстрасенсорную химическую бомбу такой мощности, чтобы отравить воздух во всем комплексе, — сказала Ниоба. — Если ты знаешь, какой величины должен быть пакет...

Экран замерцал. Ниобе показалось, что машина смеется.

«Экстрасенсорная химическая бомба?» — Мерцание усилилось.

— Да. Кто-то должен пронести ее и взорвать в комплексе ООН, чтобы Америку исключили из организации, а штаб-квартиру перенесли в Москву.

«В Москву?» — Теперь на краях экрана появились желтые сполохи и зазвучала диковинная музыка.

— Только не надо так переживать, — рассердилась Ниоба. — Мне нужно...

С видимым усилием компьютер взял себя под контроль.

«Остается одна тысяча восемьсот четырнадцать нитей».

Слишком много.

— Может быть, мотив, — предложила Клото. — Знает ли компьютер, кто хотел бы унизить ООН?

— Можешь ли ты исключить тех, у кого нет причин выступать против ООН?

Экран снова замерцал, на мгновение вспыхнули слова «ХИМИЧЕСКАЯ БОМБА», словно машина случайно наткнулась на них в своей оперативной памяти. Наконец все успокоилось, и на экране высветилось:

«Ответ: семьсот восемьдесят три кандидата».

Слишком много!

— Пора проявить практичность, — вмешалась Атропос. — Спроси, сколько из них могут заполучить такую бомбу. Вряд ли больше сотни.

— Исключи тех, кто не имеет доступа к бомбе, — предложила Ниоба.

«Осталось четыре нити».

— В самое яблочко, — обрадовалась Атропос. — По одному дню на нить! Никогда бы не подумала, что мой опыт общения со всякими паршивцами принесет пользу!

Похоже, бабушки, живущие в трущобах, приобретают кучу полезных навыков! Именно Атропос помогла отсеять лишние нити.

— Пожалуйста, назови имена, — с облегчением попросила Ниоба.

На экране появилось четыре имени. Ниоба их записала.

— Благодарю тебя, компьютер, — сказала она.

«Всегда рад помочь, Судьба», — высветилось на экране. А потом, перед тем как компьютер отключился, на мониторе еще раз промелькнули слова «ХИМИЧЕСКАЯ БОМБА». Похоже, машине никак не удавалось избавиться от этих навязчивых слов. Видимо, она имела ярко выраженную индивидуальность, в отличие от компьютеров смертных.

— Ты должна признать, что у Сатаны весьма своеобразное чувство юмора, — заявила Атропос.

— Уверена, что он страшно веселится, унижая нас, — кивнула Ниоба.

Отец Лжи всегда был великим насмешником.

Вернувшись в жилище, они занялись четырьмя нитями.

— Следует внимательно изучить каждую, чтобы не совершить ошибки, — предложила Клото.

— Конечно, мне совсем не хочется лишать жизни ни в чем не злого человека, — согласилась Атропос.

Ниоба вздохнула:

— Ты права. Нужно соблюдать осторожность. Ладно, сегодня я проверю белых. — Она посмотрела на белые нити. Одна принадлежала старику, а другая женщине средних лет, которая...

— Клянусь адским огнем! — вскричала Атропос. — Сатанист!

У них появился главный подозреваемый.

— Меня совсем не привлекает перспектива отправиться в святилище Сатаны! — проворчала Ниоба.

— Давайте оставим ее на конец, — предложила Клото.

Ниоба с радостью согласилась. Она знала, какой репутацией пользуются сатанисты, и, даже будучи бессмертной, не хотела с ними связываться.

Другая белая нить казалась самой обычной. Старик, ушедший на покой продавец ковров. Его звали Генри Клогг. И больше никаких подробностей. В противном случае, возможно, удалось бы решить задачу с химической бомбой, не выходя из жилища. Именно на этом и строился расчет Сатаны: новые аспекты Судьбы еще не научились читать нити жизни — в данном случае его стратегия сработала.

Ниоба скользнула по волшебной нити прямо в дом старика. На Земле наступило утро, подозреваемый работал в своем маленьком саду.

Ниоба подошла к нему:

— Здравствуйте, я ищу мистера Клогга.

— Ты его нашла, куколка, — весело ответил старик.

Ниоба вдруг почувствовала, что краснеет. Уже многие годы ее никто так не называл. Жаль, что в последнее время она перестала за собой следить и утратила былую форму. Лишние тридцать фунтов веса давали о себе знать в таких местах, о которых и не задумываешься в молодости. Тело воплощения не меняется; никакая диета не улучшит фигуру. Конечно, можно создать видимость с помощью магии или корсажа, как это делала Лиза, но Ниобе не нравились подобные ухищрения — сама-то ведь знаешь свои дефекты!.. Клото было гораздо легче, требовался минимум волшебства, чтобы изменять длину и цвет волос, оттенок кожи и разрез глаз; она в любом случае оставалась красивой молодой женщиной.

Ниоба заставила себя сосредоточиться на проблеме: пора выяснить, может ли этот старик быть террористом.

— Мистер Клогг, я...

— Называй меня, Генри, куколка. Просто старый Генри. Я же самый обычный человек.

Как мало он знает! Ниоба сообразила, что Генри всех женщин называет куколками. Она так смутилась, что покраснела еще больше.

— Генри, я... я слышала, что вы собираетесь в ближайшее время посетить комплекс ООН.

Генри Клогг воткнул совок в землю рукояткой вверх — чтобы не пришлось потом искать, поднялся на ноги и отряхнул со штанов прилипшую землю.

-- Значит, уже слышала? Да, мой сын подарил мне двухдневную экскурсию; наверное, меня внесли в список. Честно говоря, я мало что в этом понимаю, и меня не слишком волнует политика. Однако считается, что старым людям, прежде чем они откинут копыта, следует посетить несколько мест, вот и все. Видимо, в Ад не берут необразованных.

— О, вы не умрете так скоро, Генри!

Старик усмехнулся:

— Я это знаю, и ты это знаешь, но моему сыну это неизвестно. Лучше бы он сохранил свои деньги; они ему понадобятся, когда мне придется лечь на операцию.

— Операцию?

— У меня на заднице появилась опухоль, — признался Генри. Как и многие пожилые люди, он не стеснялся обсуждать физиологические подробности с незнакомцами. Казалось, он вообще не обращает внимания на присутствие Ниобы. — Неприятная штука, хотя ведет себя скромно. Так, заноза в корме. — Генри засмеялся. — Всю жизнь я трепался о подобных вещах — а теперь и сам обзавелся этой дрянью! Хорошей мягкой подушки обычно оказывается достаточно, но мой сын беспокоится, говорит, необходимо ее вырезать — а значит, нужно ложиться в больницу и делать операцию. Тогда уж жди неприятностей для своего банковского счета. Моему сыну нужны деньги, у него семья; я не хочу, чтобы он бросал их на ветер, а мне все равно не поможет. — Он нахмурился и посмотрел на Ниобу. — Я тебя знаю?

— Нет, — покачала головой Ниоба. — Я...

— А у тебя акцент, вот что я скажу! Ты ирландка! Тебе доводилось целовать Камень Бларни*? Присаживайся; ведь на твоей попке нет никаких прыщей?

— Что? Нет, конечно, — ответила Ниоба, усаживаясь в предложенный шезлонг.

Клогг, поморщившись, тоже присел. Очевидно, опухоль беспокоила его больше, чем он говорил.

— Ну так что я могу для тебя сделать, куколка?

— Насчет Организации Объединенных Наций, — осторожно начала Ниоба. — Прошел слух, что там могут возникнуть неприятности, и...

* Blarney — лесть (англ.). Камень в замке Бларни, рядом с городом Корк в Ирландии. Легенда гласит, что всякий, кто поделает этот камень, получает дар лести.

— Я уже тебе говорил, меня не интересует ООН. Сбираище грязных мошенников, которые купаются в отнятых у нас долларах — так я считаю. Нам было бы только лучше, если бы они убрались с нашей земли и отправились в Россию или еще куда подальше.

— Весьма подходящий кандидат, — подумала Атропос.

— Организация Объединенных Наций борется за мир, — запротестовала Ниоба. — Она позволяет вести диалог между большинством наций, не развязывая войн. Если ООН исчезнет, разразится самая настоящая катастрофа.

Генри пожал плечами:

— Насколько мне известно, они постоянно обвиняют во всех грехах Америку. И берут наши деньги.

— Тут он прав, — подумала Атропос.

— Это связано со свободой слова, — сказала Ниоба. — Речи не принесут вреда нашей стране — в отличие от бомб. Гораздо лучше...

Он кивнул:

— Вот тут ты права! Мы знаем о бомбах! Могу тебе сказать, что не стал бы жить в Ирландии, даже если бы ты мне заплатила!

— Ну, все не так уж страшно, — перешла к обороне Ниоба. — Мы не сталкиваемся с насилием, а только читаем о нем в газетах. Точно так же, как о преступности в больших городах. В деревне по-прежнему мирно и красиво.

Генри снова кивнул:

— Ты любишь свою страну. Хорошо! Но пойми: если там взрываются бомбы... почему бы им не прийти в ООН и не решить свои проблемы? Я имею в виду ИРС* и...

— ИРА, — поправила его Ниоба.

— Какая разница? И те и другие нас просто губят! Как бы я хотел, чтобы все они куда-нибудь провалились!

Ниоба решила воспользоваться подходящим предложением.

— Вам не нравятся террористы?

— Да, я их не люблю, — кивнул Генри. — Если только они не соберутся взорвать здание ООН. Вот для этого бомбы не жалко!

— Ага! — подумала Атропос.

* Клогг путает департамент внутренних налогов и Ирландскую Республикаんскую Армию.

— Неужели вы и вправду так считаете, Генри! — запротестовала Ниоба. — Если взорвать ООН, может начаться новая мировая война!

Генри задумался.

— Вполне возможно. А нам новая война не по карману — тут у меня нет сомнений. Мы и предыдущую войну не могли себе позволить, если уж быть честным до конца. Знаешь, почему у нас такая сильная инфляция? Потому что мы до сих пор отдаём долги за ту войну! И все-таки эта мысль кажется мне ужасно привлекательной. Если бы устроить ложную тревогу, чтобы заставить ООН убраться отсюда...

— Использовать, например, химическую бомбу? — спросила Ниоба.

Генри так расхохотался, что опухоль напомнила о себе и его лицо исказила гримаса боли.

— Конечно! Было бы просто великолепно! Чтобы там плохо пахло в буквальном смысле слова!

Ниобу охватили смешанные чувства. С одной стороны, она получила подтверждение вины Генри, поиски можно заканчивать. Но с другой — ей совсем не хотелось, чтобы Атропос перерезала его нить. Она поговорила с Генри Клоггом, и он ей нравился; во всяком случае, оказался честным человеком. Ей было горько, что придется так рано пресечь его жизнь.

— У нас нет полной уверенности, — вмешалась Клото. — Очень многие не делают то, что говорят.

Ниоба схватилась за соломинку:

— Генри, если бы к вам пришел какой-нибудь человек, дал химическую бомбу и попросил подложить ее в здание ООН... в результате Соединенные Штаты были бы исключены...

— Подожди минутку! — перебил ее Генри. — Зачем это делать? Такая бомба стоит кучу денег!

— Да. Но если Сатана в надежде внести раскол в наш мир предложит вам...

Генри нахмурился:

— Сатана? Послушай, куколка, я богобоязненный человек... Не обращай внимания на болтовню о том, что я отправлюсь в Ад! Я бы не стал касаться Дьявола даже десятифутовым заклинанием!

— Ну, он не станет представляться. Сатана явится в виде бизнесмена и предложит столько денег, что вам хватит

заплатить за операцию, да еще и не быть в тягость сыну, если вы согласитесь отнести пакет в здание ООН и спрятать его так, чтобы никто не нашел.

Генри задумчиво посмотрел вдаль.

— Значит, Сатана? Если он хочет избавиться от ООН, то у меня нет уверенности, что и я этого хочу!

— Ну, как я уже говорила, он правды не скажет...

— Чего же еще ждать, если берешь деньги у незнакомых людей? — с возмущением осведомился старик. — Таскать за собой во время экскурсии здоровенный чемодан? Нет уж, спасибо!

— Вы хотите сказать, что не согласились бы пронести химическую бомбу в здание ООН, если бы у вас появилась такая возможность?

— Конечно, нет... после того как я немного подумал! На самом деле, химическая бомба — не игрушка. И мне не нужны грязные деньги! Пусть Дьявол ищет кого-нибудь другого для своей отвратительной работы! А я намерен отправиться в Рай, когда отброшу копыта, даже если мне не суждено встретить там большинство моих друзей.

Ниобу снова охватили смешанные чувства — облегчения и огорчения. Генри Клогг оказался совсем не тем, кого они искали, и Ниоба радовалась, что нить жизни ни в чем не виновного человека останется в целости и сохранности. А значит, придется встречаться с остальными — работа далека от завершения.

— Послушай, куколка, ты не хочешь шерри? — спросил Генри.

— Ну нет, я...

— В последнее время у меня редко бывают гости, — признался старик. — Было бы здорово немного вместе выпить. Моя жена, благослови Господь ее душу, любила шерри. Прошло уже три года... — Генри погрустнел.

— Я выпью немного, — согласилась Ниоба.

Генри поднялся на ноги и направился в дом, чтобы принести бутылку и бокалы.

— Симпатичный старый ворчун, — одобрительно заметила Атропос. — Напоминает моего старика, каким он был перед смертью, только мой любил лунный свет.

— Обычно я не пью, — пробормотала Ниоба.

— Шерри — это не выпивка, женщина! — уверенно заявила Атропос. — Шерри — способ общения с людьми.

— Вряд ли остальные встречи окажутся такими легкими, — подумала Клото.

Ниоба только кивнула.

Вернулся Генри с бутылкой и бокалами. Ниоба смаковала напиток, довольная тем, что может немного расслабиться. Действительно, здорово с кем-то выпить, даже если твой собутыльник оказался случайным человеком. Именно так им и надо было поступить с Седриком — выпить по бокалу, а не напиваться в стельку. Алкоголь становится злом, только если им злоупотребляешь.

— Мой сын уже купил билет на ковер до Нью-Йорка, — сказал Генри. — Это мне по душе. Понимаешь, я всю жизнь продавал ковры. У нас были очень модные модели. Ты, наверное, слышала, как автомобильные компании утверждают, будто ковер никуда не годится, когда идет дождь? Не верь им! У нас есть модели с тентами; на таком не промокнешь. Можно даже сделать его герметичным и летать на больших высотах. К тому же волшебство не отравляет воздух, как выхлопные газы.

Ниоба слушала и согласно кивала. Она пожалела, что шерри кончилось и ей пришла пора уходить.

— Заходи еще как-нибудь! — весело пригласил ее Генри.

— Обязательно, — пообещала она.

Ниоба и в самом деле решила навестить старика, когда у нее появится свободная минутка.

Они вернулись в жилище.

— С одним разобрались, осталось еще трое, — заявила Атропос. — Кто будет следующим?

— Ну, у нас есть чернокожая девушка, мастер восточных боевых искусств и сатанист.

— Давайте сначала разберемся с более простыми случаями, — предложила Атропос. — Я займусь черной девушкой.

— Только давайте немного отдохнем, — сказала Клото. — Нам нужно быть в хорошей форме, мы не имеем права на ошибку.

Ниоба и Атропос с ней согласились. Кроме того, у них накопилась текущая работа: нужно прядь, отмерять и обрезать нити; не стоит пренебрегать рутинными обязанностями.

Они хорошо поработали, а потом втроем отправились спать.

На следующее утро Атропос получила тело в свое распоряжение и совершила первое самостоятельное путе-

шествие по нити в царство смертных. Девушка-негритянка оказалось дома и отчаянно флиртовала с двумя юношами. Ей было около пятнадцати лет, а юноши выглядели на несколько лет старше.

Атропос ворвась к ним, как Бич Божий.

— Что здесь делают эти парни, девочка? — свирепо спросила она, оглядываясь по сторонам. Девушка испугалась, а парни смущались. — В дом не положено приглашать мужчин — что тебе прекрасно известно! Если твоя бабушка узнает...

— Бабушка умерла, — потупившись, ответила девушка.

— Она сейчас ворочается в своей могиле! — не унималась Атропос. — А если бы прослышила твоя ма...

Девушка тихонько вскрикнула от ужаса.

— Она бы содрала с тебя свою черную шкуру и повесила ее сушиться! — добавила Атропос, не сводя с несчастной яростного взгляда. — Разве я не права?

Девушка неохотно кивнула, а Атропос повернулась к парням.

— Живо проваливайте! — Она с угрожающим видом сделала шаг в их сторону. Оба бросились в двери, отчаянно толкая друг друга. — И если я вас здесь еще раз увижу, то так отдаю палкой, что вы своих не узнасте! — закричала она им вслед.

— А откуда ты знаешь, что их здесь не должно было быть? — подумала Ниоба. — Об этом ничего не говорится в ее нити!

— Я знаю парней, — пробормотала Атропос. — И я знаю девушек. Я сразу поняла, что у них на уме. — Она улыбнулась каким-то своим мыслям. — В их возрасте я была такой же. А в результате стала бабушкой гораздо раньше, чем следовало бы.

Она повернулась к девушке, которая пыталась прийти в себя.

— Кто ты такая? — резко спросила девушка. — Ты не моя ма! Ты не имеешь права указывать, что мне делать!

— Я подруга твоей бабушки, девочка, — усмехнулась Атропос. — Она не может спокойно отдыхать, пока не убедится, что с тобой все в порядке. Поэтому я и пришла тебя проводить. Должна признаться, мне не слишком понравилось то, что я здесь увидела! Ты устроила настояще безобразие... Кстати, почему ты не в школе?

— У меня вторая смена! — запротестовала девушка. — Занятия начнутся только через два часа.

Атропос закатила глаза к небу:

— Господи, уж и не знаю, как я справлюсь со своей задачей за два часа. — Потом снова пристально посмотрела на девушку. — У тебя большие неприятности, дитя мое!

— Послушай, старуха, у тебя нет права заявляться сюда так, будто ты здесь хозяйка! Я могу делать все, что захочу. Оставь меня в покое!

Атропос вздохнула:

— Вижу, по-хорошему у нас не получится. Придется наложить на тебя заклятие.

— Ты не волшебница! — закричала девчонка. — Ты не можешь...

Атропос схватила ее за плечо, а свободной рукой набросила нить — она быстро овладела этим искусством.

— Я не люблю пустой болтовни, паршивка! — Атропос заскользила вверх по нити, увлекая за собой девушку.

Несчастная отчаянно закричала, когда они прошли сквозь стены и потолок и начали подниматься в небо.

— Отпусти меня! Отпусти!

Атропос бросила взгляд на кроны деревьев, которые остались далеко внизу.

— Отпустить? Если я тебя сейчас отпущу, ты полетишь вниз, как камень.

Девушка быстро кинула взгляд под ноги и замолчала. Приблизившись к туче, за которой скрывалось Чистилище, Атропос остановилась.

— Давай поговорим начистоту. Если ты наврешь, я тебя сброшу вниз!

Девушка перепугалась до смерти.

— Кто вы такая? — спросила она.

— Та, кому не безразлично твое будущее. А теперь говори, иначе я превращусь в громадного паука и съем тебя.

Однако упрямая девушка не сдавалась:

— Вы не умеете!

Атропос немедленно превратилась в насекомое размером с крупного мужчину.

Девушка отчаянно завизжала и закрыла глаза. Атропос приняла прежний вид.

— Ну, будешь говорить? — спокойно спросила она.

— Я не хотела сделать ничего плохого! — залепетала девушка. — Я даже не знала, что это такое! Тот парень пред-

ложил понюхать, сказал, тебе понравится, ну я и попробовала; скоро мне показалось, что я летаю над полом! — Она нервно посмотрела по сторонам. — Но только совсем не так!

— Больше не вздумай нюхать ничего такого! — сухово сказала Атропос. — Эта дрянь погубит тебя!

— Я не буду! — обещала девушка.

Видение огромного паука убедило ее, что Атропос не намерена шутить.

— Как дела в школе?

— Ну вы же знаете, как это бывает...

— Конечно, знаю, девчонка! У тебя есть куда более приятные занятия, чем уроки, верно? Думаешь, все получится само собой; как-нибудь кончишь школу, а потом сделаешь большую карьеру благодаря своей прекрасной фигуре? Девочка, ты на всю жизнь останешься в трущобе, как твоя мама и бабушка! Как и я! Хочешь во всем зависеть от мужчины? Это дорого тебе обойдется, детка! Мужчины всегда заставляют нас платить. Если ты мечтаешь о независимости, подумай, что должны дать тебе мужчины. Тогда ты сможешь назначить свою цену — и не в деньгах. Как ты учишься?

— Не слишком хорошо, — призналась девушка.

— Тебя берут на экскурсии?

Лицо девушки просветлело.

— Конечно! Скоро мы поедем в Нью-Йорк. На автобусе. И всю дорогу будем смотреть в окно...

— Я тебе должна кое-что сказать, девочка. Тебе могут предложить пронести в здание ООН пакет, а за это пообещают дать денег или что-нибудь понюхать. Ты знаешь, что нужно ответить?

Девушка молча покачала головой.

— Ты скажешь, чтобы они отправлялись в Ад! — воскликнула Атропос. — Ты ничего не должна брать в Нью-Йорке! Только смотри по сторонам и все запоминай, чтобы потом, когда вы вернетесь, написать хорошее сочинение.

— И все?

— И все. Отказаться и помнить о сочинении. Ты еще не опоздала?..

— Нет.

— Ну, у нас, кажется, остался час. На сей раз я тебе помогу, но ты должна всего добиться сама, слышишь?

И перестань грубить учителям! Чтобы твоя бабушка могла спокойно лежать в могиле.

И снова девушка кивнула. Атропос удалось ее убедить.

Они вернулись в квартиру. Атропос помогла девушке сделать домашнее задание. Иногда Ниоба и Клото давали ей советы, и Атропос ответила на все вопросы. Вместе они отлично поработали. К тому моменту когда пришло время идти в школу, все были убеждены, что девочка откажется взять химическую бомбу и больше не представляет угрозы. Более того, они рассчитывали, что с этих пор ее жизнь изменится к лучшему.

— Нашему миру не хватает боевых бабушек, — заметила Атропос, когда они вернулись в жилище. Остальным ничего не оставалось, как согласиться с ней.

Глава 12

Кровь

Следующий случай вызвал у них сомнения. Нить выходца с востока показала, что ему тридцать и что он занимает солидное положение внутри своего круга. Судьба не имела права просто взять и перерезать ее; в результате могли возникнуть серьезные проблемы — не такие, конечно, как те, что принесет взрыв химической бомбы со зловонным газом, но и их следовало избегать. Придется отговорить его; теперь Ниоба настолько хорошо научилась читать нити, что прекрасно понимала — перед ними стоит непростая задача.

Во-первых, на нити имелся знак, показывающий, что ее коснулось нечто очень важное. Вне всякого сомнения, предложение Сатаны. Если этот человек ответил согласием, остановить его можно, только положив конец жизни.

Тело приняла Клото.

— Я попытаюсь.

Она взяла в руки прядку, вытянула из нее нить и скользнула в штат Нью-Джерси, туда, где жил интересующий их человек. И снова было утро, и тот, с кем они намеревались поговорить, пришел на работу в заведение, где преподавали военные искусства — додзе.

— Могли бы и догадаться, — подумала Ниоба. — Его зовут Самурай.

— Что означает Воин, — шепотом пояснила Клото. — Какое претенциозное имя!

Она открыла дверь и вошла. Внутри стоял стол, за которым сидела девушка в джи — особой форме для занятий военными искусствами.

— Вы хотите поступить в нашу школу? — вежливо спросила девушка.

— Нет, — ответила Клото. — Мне нужно поговорить с Самураем.

Девушка улыбнулась:

— Мастер не занимается набором новичков. Но во время занятий уделит вам столько же внимания, сколько и всем остальным, а если у вас есть способности, вас переведут в следующий класс, и тогда вы пройдете специальное обучение. — Она оглядела Клото с головы до ног. — Естественно, это стоит уже дороже и требует больших усилий.

— Я не собираюсь у вас учиться, — твердо объявила Клото. — У меня личное дело.

Девушка снова принялась ее изучать. Неожиданно Ниноба тоже взглянула, словно со стороны, на самый юный аспект Судьбы. Клото была хорошо одета и обладала великолепной фигурой. Одежда в жилище Судьбы делалась из шелка высочайшего качества и подгонялась по фигуре при помощи волшебства. Очень привлекательная молодая женщина — мимо такой не пройдешь на улице, бросив на нее лишь скользящий взгляд.

— Я узнаю, — объявила девушка и нажала на кнопку.

Через минуту она получила ответ и подняла на Клото глаза.

— По левому коридору, за занавеской. И еще... Снимите обувь, прежде чем войти в кабинет. У него на эту тему пунктик.

— Спасибо.

Клото прошла по коридору, остановилась на минутку перед бамбуковым занавесом, чтобы снять изящные туфельки.

Кабинет напоминал японский сад: повсюду стояли декоративные растения в горшках и статуэтки, а пол устилали широкая циновка. В дальнем конце комнаты, чуть на возвышении, сидел красивый мужчина в великолепном джи, которое скорее напоминало церемониальное одеяние.

Восхищенная Клото остановилась у самого входа.

— О, как тут прекрасно! — выдохнула она. — Я никогда не была в Японии, но...

— Подойди, — приказал мужчина. — Не бойся татами*.
Клото ступила на циновку, оказавшуюся мягкой, но достаточно упругой.

— Самурай, я хочу поговорить с вами о...
— Подожди, — величественно перебил он, и Клото замолчала. — Повернись, женщина.

Клото поколебалась мгновение, затем повернулась.
Мужчина встал со своего места — движение получилось легким, почти скользящим, — грациозный, словно пантера, подошел к занавешенному шкафу у одной из стен. До-стал сложенное кимоно.

— Надень.
— Что?
— Ты должна быть одета как полагается, — заявил Самурай и показал рукой на дверь. — Переоденься. А потом поговорим.
— Самурай, не знаю, за кого вы меня принимаете, но я сюда пришла...

— Не брать уроки. Не по делу. Значит, ты хочешь стать гейшей.

— Гейшей! — возмутилась Клото.
— А что такое гейша? — заинтересовалась Атропос.
— У японцев — девушка для развлечений высокого класса, — ответила Ниоба.
— Вот как они у них там называются, понятно! А мы зовем таких шлюхами.

— Это не совсем одно и то же... — начала Ниоба, но события, происходящие в кабинете Самурая, заставили ее замолчать.

— У тебя другие намерения? — удивился воин.
Клото перешла на японский, слова полились рекой. Ни Ниоба, ни Атропос этого языка не знали, но поняли, о чем идет речь — мысли Клото были им открыты; она назвала Самурая мужланом, свиньей и сексистом.

— Вот это да! — подумала Ниоба.
— А у крошки есть характер! — с восхищением ответила ей Атропос.

Самурай помрачнел, сделал шаг в сторону Клото, которая развернулась и бросилась к бамбуковому занавесу у входа. Выскочила наружу, остановилась на мгновение,

* Циновка из рисовой соломы.

чтобы забрать туфли, и замерла на месте. Ей навстречу спешил какой-то мужчина.

Она снова повернулась и влетела в кабинет, швырнув в Самурая туфли. Он поймал одну и увернулся от другой; у него оказалась отменная реакция. Клото метнулась в сторону и перебежала через комнату.

Самурай преследовал ее. Клото протянула руку, схватила горшок с кактусом и швырнула его противнику в голову. На этот раз она попала. Глиняный горшок угодил мужчине прямо между глаз, раскололся, земля заляпала лицо.

— И зачем она только это сделала! — возмущенно подумала Ниоба.

— Крепкая девица! — ответила Атропос. — Может быть, пришла пора отсюда тихонько отвалить?

— Ничего не выйдет; у нее тело.

— Ты хочешь сказать, что мы не можем его забрать, если захотим?

— Пока она нам не позволит, не можем — а в данный момент она на нас не обращает внимания.

Атропос мысленно покачала головой:

— С тех пор, как меня в последний раз изнасиловали, прошло лет сорок. Похоже, до следующего и сорока секунд не наберется!

— Смертный не может изнасиловать воплощение! — напомнила ей Ниоба.

— Ты уверена?

Ниоба задумалась.

— Нет. Я не сомневаюсь, что никакой смертный не в состоянии причинить нам вред, но я не знаю, считается ли изнасилование нанесением вреда. Может быть, это рассматривается, как... ну, как взаимодействие. Кровь-то никто не проливает.

— Ни твою, ни мою — это уж точно. А как насчет нее?

И снова Ниоба погрузилась в раздумья.

— Она так же целомудрена, как и я, когда выходила замуж. Однако...

— Ну, если станет ее насиловать, давай попробуем в самый разгар превратиться в меня. Думаю, это его немножко отрезвит.

Ниоба представила себе, какой может быть реакция мужчины в такой момент, и расхохоталась, хотя ей было не до смеха; ситуация получилась совсем не забавной.

Тем временем Клото мчалась по другому коридору. Прокинула сквозь бамбуковую занавеску в конце и ворвалась в главный зал, где проводились занятия.

Около двадцати студентов в белых джинсах, белых и желтых поясах отрабатывали броски под руководством тренера в коричневом поясе. Увидев девушку, все замерли на своих местах, потому что летнее платье Клото резко контрастировало с их формой — голубое, отделанное оборками, с розовым поясом и розой на груди. Волосы Клото причесала на западный манер, собрав их в хвостик розовой лентой. Она была воплощением очаровательной невинности.

И тут в зал ворвался Самурай — мужчина в состоянии слепой ярости. Великолепное одеяние и лицо в земле, из носа капает кровь. Студенты посторонились, когда он прошел вперед и схватил Клото за руку.

— Женщина, ты должна...

Клото замерла на мгновение, затем попыталась вырваться, но хватка у Самурая оказалась железной. Она выплюнула ему в лицо еще несколько слов по-японски.

— Ух ты! — подумала Атропос и мысленно поджала губы. — Девушке ее лет не полагается знать подобные вещи!

Ниоба не могла не согласиться. Очевидно, свободные современные женщины узнают жизнь раньше, чем было принято в ее времена.

Ярость Самурая превратилась в нечто сродни благородному ужасу, который сменило отвращение. Он что-то резко сказал по-японски — очевидно, как раз то, как Атропос поняла значение слова «гейша».

Клото размахнулась, намереваясь попасть Самураю в голову. Он поймал ее руку и, притянув девушку к себе, поцеловал. Она отбивалась, но ничего не могла поделать. Очень медленно она расслабилась.

— А этот тип умеет целоваться! — подумала Атропос.

— Укрощение строптивой, — согласилась с ней Ниоба.

Тут Клото пришла в себя и укусила Самурая за губу. И только после этого вспомнила, кто она такая. Протянула нить и скользнула по ней.

Неожиданно оказалось, что Самурай обнимает пустоту, потому что Судьба становилась эфемерной, когда путешествовала по нитям. Удивленный неожиданным поворотом событий, мужчина оглянулся.

Клото стояла в десяти футах от него. Самурай двинулся было в ее сторону, но она, словно он и не преграждал ей

путь, оказалась у него за спиной. Студенты, наблюдавшие за происходящим, дружно вскрикнули от изумления. Когда Самурай повернулся и снова направился к ней, Клото приблизилась, наклонилась и возникла у самых его ног. В результате он споткнулся, а Клото, чуть скользнув в сторону, прошла сквозь него и лягнула в зад.

Самурай сгруппировался, покатился вперед, быстро вскочил на ноги.

— Магия! — вскричал он. — Мой меч!

Тренер, тот, у которого был коричневый пояс, вылетел за дверь, а через секунду вернулся с катана* в ножнах. Самурай выхватил блестящий клинок.

— Я знаю, что нужно делать с ведьмой!

— Пожалуй, пора отсюда уходить, подружка, — подумала Атропос.

На этот раз Клото ее услышала и заскользила вверх по нити и прочь из здания.

Оказавшись на улице, она остановилась:

— Но я же не выполнила свою миссию!

— Добро пожаловать в реальный мир, детка! — проворчала Атропос. — Если этот тип раньше и не собирался помочь Сатане, то теперь обязательно будет с ним заодно!

— Да, он потерял лицо!

— Что?

— Лицо. Я публично его опозорила, из-за меня пострадала его репутация.

— Ты хочешь сказать, что теперь он не услышит доводов разума? — сухо поинтересовалась Атропос.

— Он вовсе не плохой человек, просто очень высокомерный! Мне не следовало его унижать!

— А разве он не называл тебя шлюхой? — спросила Атропос, и Ниоба поняла, что пожилая женщина хочет заставить молодую и неопытную переосмыслить случившееся.

— Он подумал, что я гейша. Я уверена, он не собирался меня оскорбить. Гейша — уважаемая профессия.

— Она развлекает, — вставила Ниоба, — и является подругой.

— В таком случае, милая, пойди-ка к нему и извинись! — рявкнула Атропос, да таким грозным голосом, словно перед ней снова стояла чернокожая девчонка-подросток.

* Боеевой меч японского самурая, со слегка изогнутым клинком и длинной ручкой, являющейся его продолжением.

— Все не так просто, — с сомнением промолвила Клото. — Я свободная женщина. И не имею дела с... с...

— Ты с гораздо большим удовольствием отправила бы его к чертям собачьим, верно? — требовательно спросила Атропос.

— Нет! Просто когда речь идет о потере лица... я не собиралась...

— Не собиралась поступить необдуманно, а потом обложить этого типа самыми последними словами? — уточнила Атропос.

— Я... старые обычаи... всю свою жизнь я сражалась...

— Детка, неужели ты думаешь, что твое нынешнее поведение выглядит лучше?

— Нет, — прошептала Клото. — Я... переборщила.

— Пожалуй, надо вернуться и попытаться ему все объяснить, — заметила Ниоба. — Или придется перерезать его нить.

— Нет! — выкрикнула Клото.

— Она не настолько свободная! — съязвила Атропос.

— Ну, он очень даже интересный мужчина, — заявила Ниоба.

— Интересный мужчина, — грустным эхом отозвалась Клото.

— Послушай, милая, возвращайся туда, — напутствовала Клото Атропос. — Только слушайся нас. Мы тебя выручим — ты же помогла мне с домашним заданием той девчонки. Знаешь, скажу тебе по-простому: никто из нас не совершенен, нет таких, кто знал и умел бы все. Попробуем вернуть этому человеку его лицо.

Клото рассмеялась — чуточку истерически:

— Не выйдет! Таким способом у нас ничего не получится!

— Ну, давай все равно рискнем, — настаивала на своем Атропос. — Он мужчина, а ты ужасно симпатичная молодая женщина. Он тебя выслушает. Да и что мы теряем?

Клото обреченно пожала плечами, а потом скользнула по нити в здание школы.

Занятия возобновились, и, увидев Клото, тренер в коричневом поясе вскрикнул от удивления. Девушка молча прошла мимо него в коридор и дальше в кабинет Самурая.

Он вытирая губкой лицо. При виде Клото Самурай замер перед зеркалом.

— Извинись, — приказала Атропос.

— Я... я пришла извиниться, — пролепетала Клото.

— Только кровь может все исправить, — повернувшись к ней, мрачно проговорил Самурай.

— Я... этого я вам дать не могу.

— Кто ты?

Клото колебалась.

— Не думаю, что разумно открыть ему, кто мы такие, — сказала Ниоба. — Получится, будто мы угрожаем.

— Я... я сверхъестественное существо, — ответила Клото. — Вот почему я не могу...

— Ведьма!

— Нет. Всего лишь женщина. Только... не такая, как все.

На губах Самурая появилась едва уловимая улыбка.

— Не такая, как все, — согласился он.

— Самурай, что я должна сделать, чтобы все исправить? — спросила Клото. — Я не хотела... вы меня разозлили.

— Я принял тебя за японку, — кивнув, заявил он.

Клото стало обидно.

— Я и есть японка... но свободная. Я ушла из своей семьи, потому что... не хочу жить по законам средних веков.

— Это хорошие законы! — возразил Самурай.

— Вы примете мои извинения?

— Нет. Только кровь может смыть нанесенное мне оскорбление.

Клото умоляюще подняла руки:

— Самурай, я бессмертна. И не в силах смыть оскорбление кровью. Но если мы с вами не договоримся, мне придется пролить вашу.

— Ты это уже сделала, — дотронувшись до своего носа, проворчал он.

— Всю кровь, — продолжала Клото.

— Ну так и давай! — вскричал воин. — Приведи своего воина, пусть он встретится с моим мечом! И тогда ты вернешь мне долг.

— Соглашайся! — приказала Ниоба.

— Но...

— Сегодня, — заявил Самурай, — здесь, в моем додзе. В присутствии моих учеников, которые были свидетелями нанесенного мне оскорбления.

— Соглашайся! — настаивала Ниоба.

— Хорошо, — едва слышно проговорила Клото. — Сегодня... во второй половине дня.

Казалось, Самурай удивился:

— Ты принимаешь?

— А теперь объясни, какое у нас к нему дело, — посоветовала Ниоба.

— Да. Я... приведу своего воина. Он встретится с вами. Могу я сказать, зачем пришла?

Самурай кивнул:

— Ты заинтриговала меня, женщина.

— Вам должны предложить кое-что в обмен на услугу...

— Он уже приходил.

Клото замолчала.

— По-моему, мы зашли в тупик, — подумала Ниоба.

— Нельзя делать того, что он просит! — воскликнула

Клото.

— Почему?

— Предложение исходит от Сатаны. Он хочет организовать взрыв во время заседания Организации Объединенных Наций...

— А мне какое дело до Организации Объединенных Наций?

— Ну... если это произойдет, среди народов возникнут разногласия, может быть, война...

— А что плохого в войне?

Потрясенная Клото уставилась на него.

— Он мастер боевых искусств, — напомнила ей Ниоба. — Ему нравится сражаться.

— Спроси, хочет ли он, чтобы его душа отправилась в Ад? — вмешалась Атропос.

— Если вы выполните поручение, если сыграете на руку Сатане, ваша душа будет принадлежать ему.

— Откуда ты знаешь? — требовательно спросил Самурай.

— Я... знаю.

— С какой стати я должен тебе верить?

— Пожалуй, пора сказать, — предложила Атропос, и Ниоба с ней согласилась.

— Потому что я Судьба, — объяснила Клото.

— Ты снова оскорбляешь меня — только на этот раз считаешь дураком!

— Какие вам нужны доказательства?

— Никаких доказательств мне не нужно, женщина! Я не желаю становиться предметом насмешек!

— Спроси, что предложил Сатана, — вмешалась Ниоба.

— Что Сатана предложил вам за то, чтобы доставить пакет?

— Ты и представить себе не можешь ценности... — Вон неожиданно замолчал. — Это был не Сатана.

— Один из его слуг. Неважно, кто к вам приходил, предложение исходит от Сатаны.

Самурай задумался.

— Он предложил мне раскрыть тайну... как убить человека одним пальцем.

— Что?

— Я искал много лет. Удар такой легкий, что его можно нанести одним-единственным пальцем — смерть наступает через час. Автономные системы быстро перестают действовать, и организм не в состоянии с этим справиться.

— И в благодарность вы согласились взорвать бомбу в здании ООН?

— Нет. Только доставить туда сверток. К тому же я еще не согласился; я приму решение завтра.

— Вы должны отказаться!

— Это не твое дело! Кто твой герой?

— Марс, — подсказала Ниоба. — Он поможет, если мы его попросим.

— Марс.

— Кто?

— Воплощение Войны.

— Ты продолжаешь надо мной насмехаться! — возмутился Самурай. — На свете не существует ни воплощений Судьбы, ни воплощений Войны! Я не потерплю издевательств после того, как ты нанесла мне оскорбление!

— Но он же придет сюда сегодня! — запротестовала Клото.

— Я не позволю никаким чужакам переступить порог этого дома!

— Мы все равно его приведем, — подумала Ниоба. — Самурай считает, что ты над ним потешаешься, но он поверит, когда увидит Марса!

— Жди нас, — пообещала Клото, а затем протянула нить и заскользила прочь, забыв надеть туфли.

Вернувшись в жилище, они обсудили разговор с Самураем. И пришли к единодушному выводу, что он не хотел

оскорбить Клото, когда говорил о гейше — просто неверно понял цель ее визита. Возможно, ему не раз приходилось видеть молодых женщин, которые мечтали завязать личные или сексуальные отношения с мастером боевых искусств. Так что возмущение Клото было необоснованным. Кроме того, они согласились с тем, что Самурай человек хороший и его нить не следует раньше времени трогать. Он должен получить компенсацию за потерю лица. Но не кровью!

Клото пообещала, что в следующий раз, прежде чем взорваться, посоветуется с Ниобой и Атропос. Она была готова совершить самоубийство после того, как от нее отказалась семья, и сохранила свой боевой дух, став одним из аспектов воплощения Судьбы. Ее иногда — если можно так сказать — заносило на поворотах.

— В конце концов, — заявила она в заключение, — некоторые мужчины, хоть они свиньи и сексисты, могут быть вполне приличными людьми — если, конечно, сделать соответствующие скидки.

Теперь пришла пора решить один весьма деликатный вопрос.

— Если ты сумеешь заставить Самурая отклонить предложение Сатаны, сыграв именно ту роль, о которой он подумал, — спросила Ниоба, — ты это сделаешь?

Клото мгновению рассвирепела, но потом довольно быстро успокоилась, сообразив, что минуту назад пообещала вести себя сдержанно.

— Не знаю, — прошептала она.

«Совсем как у меня с Хроносом, — подумала Ниоба, — когда я сама была Клото». Играя роль Судьбы, приходилось приносить некоторые жертвы. Нынешняя Клото считала себя свободной женщиной, но ее связывали определенные обязательства.

— А сейчас мы отправимся к Марсу и заручимся его поддержкой, — сказала Ниоба. — Я знала прежнего Марса, он обязательно нам помог бы. С этим я не знакома, и будет лучше, если мое прошлое останется для него тайной; пока мы не разберемся с Сатаной, никто ничего не должен знать. Пусть с ним поговорит сама Клото и предоставит ему возможность действовать.

— У бедняжки Клото так много обязанностей... — тяжело вздохнув, проговорила Клото.

— Хочешь поменяться? — рассмеялась Ниоба.

— Нет.

— Кажется, мы начинаем договариваться, — улыбнулась Атропос.

Клото отправилась на поиски Марса. И нашла его возле границы Ирана и Ирака. Он наблюдал за дикой схваткой — правда, местного значения.

— Эти люди из Вавилона и Персии истинные мои последователи, — с удовлетворением заметил он, увидев приближающуюся Клото. Потом Марс пригляделся повнимательнее. — Клото, ты другая! А та милая девушка из Венгрии устала, ей надоело?

— Она влюбилась, — сказала Клото так, словно Лиза умерла.

— С такими, как ты, это случается часто! — рассмеялся Марс. — Все хорошо, пока не втрескаешься в какого-нибудь парня, и тогда вы погружаетесь в...

Клото снова рассвирепела и резко произнесла несколько слов по-японски.

— А ты мать поганой собаки, — улыбнувшись, ответил Марс на ее родном языке; по крайней мере таков был смысл — Ниоба и Атропос сумели уловить его в сознании Клото.

Она возмутилась:

— Ты понял!

— Сахарная моя, Война знает все языки, на которых говорят люди! Если хочешь поссориться, давай, ты не ошиблась адресом.

Клото стало не по себе.

— Я пришла попросить о помощи.

— И как чудесно у тебя это получилось, о, цветок Востока! Что я могу для тебя сделать?

Клото объяснила, что все три аспекта одновременно сложили с себя свои обязанности, и потому у новой Судьбы возникли проблемы — ей трудно противостоять козням Сатаны.

— А я оскорбила мастера боевых искусств, которого зовут Самурай, и должна дать ему удовлетворение, прежде чем смогу уговорить его...

— Самурай! Знаю-знаю! Отличный воин, хотя, пожалуй, вряд ли его можно назвать равным тем, чье имя он носит. Принадлежит к старой школе, где гордость стоит превыше всего. Значит, он принял тебя за гейшу!

— Да, — смущенно проговорила Клото.

— А ты лягнула его в задницу при всем классе.

— Да, — едва слышно пролепетала Клото.

— Только кровь может смыть подобное оскорбление!

— Нет! Никакого убийства!

Марс взмахнул мечом, и сражение, бушевавшее вокруг, прекратилось. Пушки смолкли, стихли даже стоны раненых.

— Женщина, из-за тебя он потерял лицо. Тебе известно, что это значит?

— Известно, — мрачно проговорила Клото.

— В том, что касается вопросов чести, этот человек не знает никаких компромиссов. В наше время таких, как Самурай, мало; он живет прежней жизнью в век стали и пластика. Я могу дать ему удовлетворение в том, что касается военного искусства, но только ты в состоянии вылечить его внутреннюю боль, и до тех пор он не сделает то, о чем ты просишь. И не должен. В соответствии с великой традицией, Смерть идет раньше бесчестья.

— Но мы стараемся предотвратить смерть и войну... — Клото замолчала и пристально посмотрела на Марса.

— А я являюсь Войной, — договорил Марс. — Женщина, твой хорощенький ротик, похоже, совсем не дружит с головой. Но я тебя понимаю. Мы с тобой воплощения. Сегодня я сделаю для тебя все, что в моих силах, а когда-нибудь и ты окажешь мне любезность.

— Итак, все мужчины хотят одного и того же! — вздохнув, проговорила Клото.

— Ты распутаешь для меня нити, чтобы облегчить ситуацию, в которой я окажусь, — пояснил Марс. — Именно таким образом воплощения взаимодействуют друг с другом.

— Ой! — Клото залилась краской.

— Причина, по которой женщины предполагают, будто мужчинам нужно только одно, — холодно продолжал Марс, — заключается в том, что они не в состоянии увидеть в мужчинах ничего другого. Женщины не в силах правильно понять определенные вещи — например, что такое честь.

— Неправда! — вскричала Клото.

— Значит, неправда? В таком случае давай поговорим о чести. Ты задела честь Самурая, а следовательно, должна отдать ему свою. Ты, естественно, девственница...

— Откуда ты знаешь? — удивилась Клото.

— Это один из предметов, которые мы, мужчины-сексисты, ценим очень высоко, — заявил Марс. — Теперь ты поняла, какую кровь должна отдать Самураю?

Клото колебалась, она была в ужасе.

— Он прав, — сказала Ниоба.

— Все мужчины так устроены, — поддержала ее Атропос.

— Он ведь тебе нравится, верно? — жестко поинтересовался Марс.

Клото набросилась на него, намереваясь расцарапать лицо.

— И снова она не держит себя в руках, — возмутилась Ниоба.

— Этой девчонке смелости не занимать! — прокомментировала Атропос.

— Я вижу, мы с тобой поладим, — сказал Марс, схватив девушку и оторвав ее от земли. — Люблю, когда красавицы бросаются мне на шею. Ладно, я там буду, помогу тебе. Но все равно в самом конце останетесь только ты и он. Тебе придется решить, насколько сильно ты хочешь исправить то, что натворила. Он хороший человек.

Марс поставил Клото на ноги, отвернулся, и битва возобновилась.

— Пошли отсюда, детка, — заявила Атропос.

Словно в оцепенении, Клото протянула нить и заскользила назад, в Чистилище.

Ниобе стало ее жаль. Всю свою жизнь девушка сражалась за независимость и равенство, и вот теперь ее заставляют играть старую, как мир, роль. Ниоба прекрасно понимала, что сейчас лучше помолчать.

Они перекусили, а потом занялись нитями и Гобеленом. Затем Клото надела брюки, туфли без каблука и простую блузку. Протянув нить, она отправилась в додзе Самурая.

Опустившись перед дверью, Клото увидела Марса. Он был одет в белый джи. Ниоба никогда не знала, каким образом Марс попадает из одного места в другое, но ей казалось, что это каким-то образом связано с его мечом. У каждого воплощения был собственный знак, наделенный особой магией; у Марса — алый меч.

— Следуй за мной, — сказал он и протянул Клото свой меч — огромный, без ножен, с ручкой такой массивной, что она не помещалась в маленькой ладони Клото; откуда-

то из самой глубины обрюдоострого клинка вырывалось алое сияние.

Меч, острье которого указывало вниз, окружала магическая аура опасности; и Клото нервничала, вцепившись в него обеими руками.

Даже Ниоба была поражена.

— Что задумал Марс? Он никогда не расстается со своим мечом!

— Скоро поймем, — ответила Атропос.

Девушка за столом у входа узнала Клото.

— Пожалуйста, уходите, — сказала она. — Вас здесь не ждут.

— Я ее воин, — наклонившись над столом, заявил Марс. — Ну-ка, позови кого-нибудь из ваших наемников.

У дверей, ведущих во внутренние покои, появилось два воина в джи с черными поясами.

— Девушка попросила вас уйти, мистер, — проговорил один из них и сделал шаг вперед.

— Кажется, сейчас ребята продемонстрируют нам, какими дураками бывают мужчины, — с явным удовольствием проговорила Атропос. — Если они на время забывают про секс, то сразу же начинают бить друг другу морды.

— Мне назначена встреча, — сказал Марс, приблизился к воину, схватил за вытянутую руку, развернулся и швырнулся так, что тот покатился по полу.

Другой напрягся — и Марс резким движением ноги ударили его по голени. Обладатель черного пояса с громким стуком рухнул на пол.

— А теперь идите и сообщите о моем приходе, — приказал Марс. — Я рассчитываю, что буду принят по всем правилам додзе.

Не говоря больше ни слова, оба воина поспешили выполнить его волю.

— Ты же мог изувечить их! — возмутилась Клото.

Марс подошел к ней и предложил руку.

— Ударив рукой и ногой? Ничего подобного, они умеют падать. Я только показал им свою компетентность.

Клото протянула меч, но Марс запротестовал:

— Здесь он мне не понадобится, а я не могу доверить его рукам смертного. Держи меч до тех пор, пока все не закончится.

Клото, с трудом удерживая страшное оружие одной рукой, протянула другую Марсу. Они прошли сквозь бамбуковую занавеску по коридору в сторону главного зала.

— Ты планируешь сразиться со всеми?

— Конечно, — ответил Марс.

— Но...

— Я пройдусь по их строю. А потом — твоя очередь.

— Но...

— Не волнуйся, крошка. Все будет хорошо.

— Надеюсь, — опасливо подумала Клото.

— Он знает, что делает, — попыталась утешить ее Ниоба. Они приблизились ко второму занавесу.

— Сними туфли, — велел Марс.

Клото послушно выполнила его приказ, и они ступили в зал.

Возле дальней стены у края большого ковра и, похоже, в соответствии со своими званиями (белые пояса — с одной стороны, черные — с другой) выстроилось около сорока учеников. Среди них Клото заметила несколько женщин.

В самом центре ковра стоял Самурай. Когда они вошли, он повернулся к ним лицом.

Марс вытянул вперед правую руку, в ней тут же появился красный пояс, который он старательно обернул вокруг талии, а потом завязал сложным узлом, принятым у мастеров боевых искусств. По рядам студентов прокатился изумленный шепот.

— Кажется, происходит что-то важное, — удивилась Ниоба.

Марс подошел к ковру и потом низко поклонился.

— Он кланяется ковру! — фыркнула Атропос, которой стало ужасно смешно.

— Таков ритуал, — процитала Клото. — Уходя или вступая на татами — причем обязательно нужно снимать обувь, — следует ему кланяться, потому что он смягчает твои падения и бережет кости.

Марс сделал шаг на ковер.

— Ты надел пояс Мастера, — сердито проговорил Самурай, словно бросал Марсу вызов.

— А ты наблюдателен, — ответил тот.

Самурай повернулся и подошел к ученикам в черных поясах. Затем уселся, скрестив ноги.

Марс посмотрел на строй учеников и поклонился им. Они ответили на его приветствие.

После этого Марс выбрал одного из воинов в белом поясе — молодую женщину, такую миниатюрную и хрупкую, что ее босые ноги не оставляли никаких следов на татами, когда она его касалась.

«Неужели он решил с ней сражаться?» — в ужасе подумала Ниоба.

Однако никто не только не стал протестовать, на лицах даже не появилось возмущения. Все остальные просто стояли и наблюдали.

Марс вывел девушку на центр ковра и взялся за левый рукав и правый отворот ее джи.

— Попробуй провести бросок, — приказал он ей.

Девушка повернулась и попыталась вцепиться в его куртку. У нее ничего не вышло. Марс сделал шаг назад, и ей пришлось последовать за ним, чтобы не потерять равновесия. В тот момент когда правая нога девушки коснулась ковра, Марс сделал подсечку левой, и она упала назад, с силой хлопнув по ковру левой рукой, в то время как правую по-прежнему держал Марс.

— Де-аши-хараи, — объявил он. — Подсечка передней ноги. Запомни. — Затем он отпустил девушку, которая вскочила, быстро поклонилась и вернулась в строй.

Марс кивнул следующему студенту, юноше в белом поясе. Тот вышел вперед и попытался сделать бросок — и тоже потерпел неудачу.

Марс так же точно выманил его вперед, только на этот раз атаковал левой ногой колено юноши, который уже в следующее мгновение лежал на татами.

— Хиза-турума, — прокомментировал свой удар Марс. — Подсечка в колено. Тренируй падения, парень, иначе тебе не поздоровится.

— Слушаюсь, сэр! — воскликнул юноша, встал на ноги, тоже поклонился и бегом вернулся на место.

Марс кивнул третьему студенту — и опять выбрал женщину в белом поясе.

Он снова дал ей возможность сделать бросок, и у нее тоже ничего не получилось; тогда он швырнул ее на ковер, продемонстрировав движение руками и ногами, казавшееся чем-то средним между двумя предыдущими. Марс спокойно объяснил, как называется движение, при помощи которого он одолел противника.

В строю послышался ропот.

— Уроки начального курса! — сказал кто-то за спиной у Клото.

Она повернулась и немного в стороне, у себя за спиной увидела воина в коричневом поясе. Клото его вспомнила — инструктор утреннего класса начинающих; очевидно, он вернулся слишком поздно, чтобы принять участие в поединках, и потому остался наблюдателем.

— А это важно? — спросила Клото.

Только теперь он ее узнал.

— Ты та самая...

— Та самая, — не стала спорить она. — Я привела своего воина, чтобы он встретился с Самураем.

— В красном поясе! — удивленно произнес тренер. — Девятый или десятый Дан!

— И что это значит?

— Понятно... ты не знакома с дзюдо?

— Не имею ни малейшего представления, — призналась Клото. — Я просто хотела поговорить с Самураем, а потом все пошло наперекосяк.

Коричневый пояс задумчиво поджал губы.

— Вот именно. Хорошо, я с удовольствием тебе объясню. В дзюдо разряды мастерства называются данами, в отличие от ученических — кю. Дан — это черный пояс. Но мастера высшего класса получают красный пояс. Обычно их присуждают лишь в качестве поощрения за верную службу боевым искусствам — воинам, которые больше не принимают участия в соревнованиях. Если же обладатель красного пояса выходит на татами, значит, он мастер высочайшего класса.

— Тогда понятно, почему все так удивились.

— Конечно. Насколько мне известно, действующих обладателей красного пояса в наше время просто нет. А следовательно, твой воин наверняка самозванец.

— Это Марс, воплощение Войны.

— Да? Ну, тогда, может быть... — Тренер в коричневом поясе пожал плечами, а потом вернулся к тому, с чего они начали: — В начальном курсе нет ничего плохого. Хорошие броски. Как только ученик схватывает порядок их исполнения, он уже точно знает, какой бросок его противник сделает следующим. Следовательно, повышается сложность. Для белых поясов это не имеет значения, но я уверен, что применить против меня элемент, который я

ожидаю, ему будет непросто и практически невозможно в поединке с черным поясом.

Марс перебросил следующего студента через правое бедро.

— Вот четвертый элемент: уки-гоши — бросок через бедро, — пояснил коричневый пояс. — Я никогда раньше не видел, чтобы его выполняли столь безупречно. Интересно, кто тренировал твоего приятеля?

Марс щвырнул следующего ученика через спину.

— О-сoto-гари, — проворчал инструктор. — Твой дружок прекрасно знаком с основами.

Упал еще один ученик.

— И о-гоши, — прокомментировал тренер.

— По-моему, он уже показывал этот бросок.

— Нет, это был юки-гоши, они похожи, и техника исполнения почти такая же, только в данном случае юке падает более чувствительно.

— Мне казалось, что юки — это бросок, а не падение.

Коричневый пояс улыбнулся:

— Ты и в самом деле ничего не знаешь, верно? Тот, кто делает бросок, называется тори — берущий, а его противник — юке, получающий. Так вот юки-гоши выполняется с напряженными коленями, в отличие от о-гоши, где колени расслаблены, и... О, а вот и о-учи-гари, подсад стопой! Великолепно!

Клото — и Ниоба — совершенно запутались, не могли отличить одного броска от другого и были готовы принять на веру слова коричневого пояса, утверждавшего, что они выполняются безупречно. Клото воспользовалась присутствием инструктора, чтобы задать еще один вопрос:

— А что означает «строй»?

— Претендент должен показать свое мастерство, победив несколько противников последовательно и очень быстро, — объяснил коричневый пояс. — Например, черный пояс должен уметь по очереди бросить на татами пять коричневых, потому что он обладает более высоким мастерством, чем они. Когда строй смешанный, сначала следует победить низшие разряды и постепенно добираться до Данов. Конечно, к тому моменту когда ты одолел двадцать или тридцать человек, ты уже заметно устал, так что возникают дополнительные трудности. Еще никому не удалось пройти по всему нашему строю; если твой приятель сумеет это сделать... Ну что же, он подтвердит свое звание.

Среди ребят есть несколько человек, имеющих Сандан, один Йодан и, естественно, Самурай — Рокудан*, шестой уровень, чемпион восточных штатов. Наступит день, и он станет лучшим в мире, если, конечно, решит двигаться вперед.

— Самурай может не захотеть?

— Пожалуй, он уже несколько староват для соревнований, и его интересует не только дзюдо. Он является мастером в каратэ и айкидо, однако главным образом специализируется в сражении на мечах; здесь ему нет равных. Самурай мечтает найти таинственный удар одним пальцем... Ты только посмотри на цури-коми-тоши! Я еще не видел такого потрясающего броска! Обратила внимание, какая у него растяжка? Мне ни разу не удалось добиться такого же с противником одного со мной веса!

Клото — да и ее подругам — показалось, будто этот бросок ничем не отличался от остальных, но, видимо, разница все-таки была.

— Твой воин уже перешел к желтым поясам, а когда он доберется до зеленых, думаю, придется ему немного попотеть. О, отличный окури-аши-хараи! Совсем не так просто, как может показаться со стороны.

Клото готова была поверить ему на слово.

— Боже, как жаль, что я не стою в строю! — воскликнул коричневый пояс после следующего броска. — Большая часть встретиться с таким мастером! Он действительно воплощение Войны?

— Да, он...

— О, смотри, учи-мата! Даже Самурай не смог бы выполнить бросок лучше!

Они наблюдали за Марсом, который перешел к строю учеников в зеленых поясах. Они пытались противостоять ему, но, как и белые, терпели неудачу за неудачей.

— Потрясающе! — комментировал коричневый пояс. — Мне еще не доводилось видеть, чтобы противник давал им шанс показать свое умение; твой воин очень уверен в себе.

— Он должен быть именно таким, — ответила Клото, хотя и сама была потрясена увиденным.

* Сандан, Йодац и Рокудан — победители соревнований возраставшего ранга.

И тут она увидела, как Марс упал. Кто-то сумел бросить его на ковер! В следующее мгновение его противник в коричневом поясе тоже лежал на татами.

— Йоко-отоши! — вскричал тренер. — Боковая подсечка с падением. Великолепно!

— Вы хотите сказать, что так и должно быть? — удивилась Клото.

— Конечно. Это бросок-жертва.

— Понятно.

Они проследили еще за несколькими бросками, затем Марс снова упал на татами и, упервшись противнику ногой в живот, поднял его в воздух так, что тот перевернулся и рухнул на спину.

— Томо-наге, бросок через себя, — пояснил коричневый пояс.

Марс продемонстрировал свое умение уже трем четвертям строя, и, казалось, конца его броскам не видно. Вне всякого сомнения, класс был восхищен его мастерством.

— Сото-макикоми, — заметил консультант Клото, когда оба противника оказались на ковре. — Ненавижу, когда его применяют против меня! Конечно, это силовой бросок; остановить его на полпути невозможно. Если твой воин сумеет продемонстрировать следующий, юки-отоши...

Ниобе показалось, что коричневый пояс, который в данную минуту был юке, сам повалился на ковер, но стоявший рядом воин тихонько присвистнул.

— Безупречно!

Из строя вышел черный пояс. Марс дал ему возможность применить подсечку, а когда у него ничего не получилось, сказал:

— Попробуй что-нибудь другое.

В строю раздался хохот.

— А что тут смешного? — удивилась Клото.

— Ситуация. Он намеревается исполнить тридцать седьмой бросок из Основных Сорока. Уширо-гоши, подсад бедром. Это контрабросок, следующий за попыткой броска через бедро. Клайд не стал его применять.

Клайд попробовал бросок-жертву — без какого-либо результата; словно Марс превратился в неподвижную стену. Снова раздался смех.

Затем, двигаясь точно молния, Клайд попытался исполнить бросок через бедро. Марс приподнял его в воздух и швырнул на ковер. Клайд рискнул и проиграл. Он вскочил

на ноги, поклонился и улыбнулся; он не имел ничего против поражения от мастера такого высокого класса.

— Потрясающе, ведь Клайд атаковал твоего воина слева, а он сумел ответить ему тем же! — с благоговением проговорил коричневый пояс.

— А что, левая сторона чем-нибудь отличается от правой?

— Еще как! У меня такие элементы почти никогда не получаются!

К Марсу приблизился последний воин из строя, вошел на татами, но отказался от предложенного броска.

— Рандори! — заявил он.

— Что это значит? — спросила Клото.

— Вот наш Йодан, — ответил коричневый пояс. — Побеждает во всех соревнованиях; он не хочет делать стационарные броски, предпочитает действовать в ответ или воспользоваться какой-нибудь возможностью, предоставленной ему противником. Он знает, что твой приятель попытается применить против него йоко-гаке, боковой бросок, и потому хочет заставить его проделать этот же элемент, только в движении.

— Интересно, — проговорила Клото.

Ей показалось, что противники исполняют на ковре сложный танец. Неожиданно черный пояс пронзительно взывы, а его нога взлетела в воздух, словно молния. Но Марс от него не отставал — в результате оба упали на ковер.

Коричневый пояс покачал головой:

— Какая красота! Ему удалось!

— Но как вы узнаете, кто кого уронил? И зачем он кричал?

— Чтобы удар получился резче, — улыбнувшись, объяснил тренер. — Только у него ничего не вышло. Иногда во время соревнований бывает трудно сказать, кто победил. Я видел однажды, как судьи отдали первенство не тому спортсмену — впрочем, потом они исправили свою ошибку. Но сейчас бросок был просто великолепен, никаких сомнений.

Похоже, все ученики согласились с мнением коричневого пояса. Марс снова вышел на центр ковра и обменялся с классом поклонами. Складывалось впечатление, что ему удалось успешно справиться со всеми.

— Смотри, он совсем не устал! — восхитился коричневый пояс.

Затем Марс подошел к краю татами, повернулся и поклонился ковру.

— Ну хорошо, подружка, — проворчал он. — Теперь он должен встретиться с тобой.

— Что он должен?

— Будучи твоим представителем, я победил его класс. Самому Самураю я вызова не бросил. С ним встретишься ты. — Марс взял ее за локоть, чуть подтолкнул вперед. — Окажи честь татами.

Удивленная Клото поклонилась и ступила на ковер.

— Но у меня в руках твой меч!

— Именно. Иди.

Словно марионетка, Клото прошла на центр ковра. Класс молча наблюдал за ней.

— Он что, спятил? — воскликнула Атропос. — Девочка никогда не держала в руках оружия и не хочет пролить кровь.

— Наверное, тот, кто войдет на татами с оружием, наносит оскорбление додзе, — предположила Ниоба. — Думаю, у Марса есть на это свои причины.

Самурай вскочил на ноги и выхватил меч.

— А теперь ты умрешь! — воскликнул он и бросился вперед.

— Ты уверена, что мы бессмертные? — опасливо поинтересовалась Атропос.

— Ну... — Ниоба, которой ни разу за все время, что она была Клото, не приходилось попадать в подобную ситуацию, неожиданно засомневалась.

Однако алый меч мгновенно защебелился в руке Клото. Огромное тяжелое чудовище сейчас стало легким, как пе-рышко. Меч сам занял оборонительную позицию.

— Убирайся отсюда! — рявкнул Самурай, сделав угрожающий выпад в сторону Клото.

Волшебный меч перехватил удар, раздался звон металла.

— Получив в руки волшебное оружие, мы стали настоящими опытными воинами, — удивленно подумала Ниоба.

Самурай был так возмущен тем, что Клото оказала ему сопротивление, что, похоже, потерял от ярости рассудок. Теперь он атаковал ее всерьез.

— А он ничем от нее не отличается — такой же вспыльчивый! — прокомментировала Атропос.

— Подходящая парочка, — согласилась Ниоба.

Алый меч едва уловимым движением парировал выпад Самурая. Тот предпринял новую попытку — и снова не смог обойти защиту, выставленную мечом.

— Я хочу совсем другого! — прошептала Клото. — Так он никогда не успокоится и не сможет рассуждать разумно!

И в самом деле, чем дольше продолжалось сражение, тем яснее становилось, что Самурай, несмотря на его поразительное искусство, не сумеет пробить защиту волшебного оружия Марса и очень скоро будет выглядеть полнейшим идиотом.

— У тебя есть две возможности, детка, — произнесла Атропос. — Либо атакуй, и почти наверняка ты его убьешь, либо...

— Нет! — вскричала Клото, отбросила меч в сторону и опустилась перед Самураем на колени. — Возьми мою кровь!

— Если он сейчас нанесет удар, — с опаской подумала Ниоба, — мы или умрем, или он испытает очередное, страшное унижение.

Самурай остановился, не менее удивленный, чем окружающие.

— Ты сдаешься?

— Во всем! — воскликнула Клото и разрыдалась.

Самурай замер на месте. Ярость и боевой запал покидали его прямо на глазах — впрочем, Клото и в самом деле была весьма соблазнительна.

Он вытянул руку с мечом в сторону, и к нему поспешило броситься кто-то из учеников, чтобы забрать оружие.

— В таком случае я удовлетворен, — ответил Самурай и протянул руку.

Клото схватила ее и поцеловала.

— Тем больнее они падают... — печально подумала Атропос.

— В этом нет необходимости, — смущенно проговорил Самурай. — Не унизай себя больше, чем требуется.

Он поставил Клото на ноги, а затем повернулся и кивком отпустил класс, который, кланяясь ковру, немедленно покинул зал.

Клото нашла платок и вытерла слезы.

— Простите, я...

— Я принимаю твои извинения, — мягко проговорил Самурай.

— Мне хотелось стать свободной...

— Свобода — весьма соблазнительная вещь, когда ее правильно понимают, — кивнул Самурай. — В конце концов, мы живем в Америке. Ты нравишься мне такой, какая ты есть. Пообедаешь со мной сегодня вечером?

— Да, — ответила Клото.

Они подошли к краю ковра, поклонились, а потом улыбнулись друг другу.

Самурай взглянул на инструктора в коричневом поясе, который все еще оставался в зале, рядом с Марсом.

— Передай меч владельцу, воплощению Войны, — приказал он. — Какое поразительное оружие.

Коричневый пояс поклонился, ступил на ковер, торопясь выполнить приказ. И не смог; меч словно прирос к месту. Воин из всех сил старался оторвать его от ковра, но у него ничего не выходило.

— Позволь мне, — проворчал Марс и поднял правую руку. Алый меч проплыл над татами, чуть наклонил острие, точно отвесил поклон, а затем скользнул прямо в руку Марса, который с серьезным видом убрал его в ножны.

— И поразительный человек, — проговорил Самурай, обменявшись поклонами с Марсом.

После этого Марс повернулся и покинул додзе.

Самурай взглянул на Клото:

— Прошу меня простить за то, что я тебе не поверил. А может ли Судьба...

Клото чуть прикоснулась пальцем к его губам:

— Я всего лишь женщина — сейчас.

— В таком случае до вечера, — кивнув, сказал Самурай.

— До вечера.

Клото вышла вслед за Марсом, протянула нить и начала подниматься в Чистилище.

— Послушайте, мы же не решили вопрос с бомбой, — вспомнила Атропос.

— Он примет решение сегодня вечером, — ответила Ниоба. — И, если я не ошибаюсь, Марс подарит Самураю тайну удара, который его так интересует. В знак благодарности, а не как взятку.

— Мне еще многому нужно научиться, — заметила Клото.

Это было правдой — во всех отношениях.

Г л а в а 13

Встречный заговор

— **Н**ам потребовалась помощь, чтобы решить проблему с Самураем, — заметила Ниоба. — Я не сомневаюсь, что и в этом случае не удастся справиться самим.

— А кто нам поможет с сатанистом? — спросила Атропос.

— Думаю, Гея. Обычно считается, что она самая сильная из всех земных воплощений.

— Природа? Я думала, что самый сильный Хронос.

— Он обладает самым могущественным инструментом — Песочными Часами. Но Гея... — Ниоба пожала плечами. — Давайте спросим у нее.

Ниоба завладела телом и скользнула по нити в сад Геи. Иногда добраться до Зеленої Матушки бывало очень не-просто, но это зависело от обстоятельств. Ниоба вспомнила о своем путешествии с Пасианом. Гея отлично знала, чем оно закончится!

— Какой замечательный дом на деревьях! — подумала Атропос.

Увитая листьями дверь распахнулась, на пороге стояла Гея.

Ниоба замерла. Именно с ней она встречалась четверть века назад!

— Ой, да это же Судьба! — воскликнула Гея и тут же нахмурилась. — Я вижу новую Лахесис!

Гея ее не узнала! Конечно, Ниоба понимала, что за столько лет она сильно изменилась — и далеко не к лучшему; кто мог бы узнать в растолстевшей немолодой женщине былую красавицу?

— И новая Клото, — добавила Ниоба. — И Атропос тоже. — Ниоба дала возможность другим аспектам показать себя Гее.

Гея покачала головой:

— Все три сразу? Редкий случай!

Ниоба быстро объяснила обстоятельства замены.

— Нам осталось поработать с последней нитью, — сказала она в заключение. — Но не хватает опыта...

— Вы нуждаетесь в помощи, — кивнула Гея. — Очень разумно. Зайдите на минутку, мне нужно изменить свой облик.

Ниоба с интересом наблюдала за Геей, которая не стала снимать сделанное из листьев платье; просто неподвижно стояла на месте, а листья, точно осенью, пожелтели, высохли и вскоре опали. Под ними оказалась коричневая кора. Волосы Матушки Природы побелели... Один сезон сменился другим, пока не наступила зима, самая настоящая, со снегом.

Гея пошевелилась — и коричневые складки превратились в карманы длинной куртки, а снег стал белой шляпкой; теперь стало ясно, что волосы Геи вовсе не поседели.

Она достала маленькие очки на длинной ручке.

— Тебе это понадобится, Лахесис.

— Лорнет? Ими уже не пользуются целое поколение! — запротестовала Ниоба. — Кроме того, я не нуждаюсь в очках.

— Доставь мне удовольствие, Лахесис, — мягко попросила Гея.

Ниоба пожала плечами и взяла лорнет.

— Значит, ты нам поможешь?

— Конечно, дорогая. Мы, матроны, должны друг друга поддерживать. Нельзя рассчитывать на корсет!

Ниобе пришлось улыбнуться. Гее не требовалась корсеты: она могла принять любую форму, стать юной или старой, красивой или отвратительно уродливой, обратиться в животное, растение или минерал. Впрочем, она редко

демонстрировала свое могущество, хотя ее волшебство поражало воображение. Многие смертные считали, что им удается победить Гею, но, в конечном счете, она всегда брала вверх.

Ниоба протянула ей руку, и они скользнули по нити.

Воплощения оказались в индустриальной части Коннектикута, рядом с большим универсальным магазином. Они вошли и направились к маленькой кабинке, расположенной между кафе и крошечным кинотеатром.

Над кабинкой красовалась надпись: «ИДИТЕ К ЧЕРТУ!»

Внутри со скучающим видом сидела женщина среднего возраста.

— Вот она, — прошептала Ниоба. — Эльза Мира, вербовщица сатанистов.

— Что ж, мы позволим ей уговорить нас, — сказала Гея. — Называй меня Ги; я буду называть тебя Печаль. — Улыбка тронула уголки ее рта, и Ниобе показалось, что Гея наконец узнала ее. Однако из Зеленой Матери вытянуть секрет было очень непросто.

Они вошли в кабинку.

— Мы не хотим к черту, — заявила Ниоба. — Нас просто интересует ваша литература.

— Конечно, — ответила женщина, заметно оживляясь. — Ад получает очень плохую прессу, но мы работаем над тем, чтобы изменить общественное мнение.

Она вытащила красочную брошюру.

Ниоба посмотрела на обложку. На ней были изображены два хорошеных дьяволенка, мальчик и девочка. Пока Ниоба смотрела на картинку, мальчик Ди поманил ее рукой. Она удивилась, хотя и понимала, что посланцы Сатаны обучены волшебству.

— Может быть, тебе стоит надеть очки, Печаль, — прошептала Гея.

— О, спасибо, Ги, — ответила Ниоба. — Я о них постоянно забываю.

Она подняла лорнет и посмотрела на брошюру сквозь стекла.

И тут же напряглась. Теперь она видела не хорошеную картинку, а объектив камеры. Ее записывали на видео!

Ниоба опустила лорнет. Маленький дьяволенок продолжал манить ее рукой.

Понятно, почему Гея попросила ее воспользоваться очками. Они помогали проникнуть сквозь иллюзию! Теперь Ниоба знала, что сатанисты не просто предлагают свою литературу, но и берут на заметку всякого, кто ею интересуется. Они оказались гораздо профессиональнее, чем она предполагала. Объектив снимал всю сцену, а потом фотография вместе с отпечатками зрачков отправлялась в компьютерные файлы. И, следовательно, с этого момента в Аду будет храниться ее досье!

К счастью, Ниоба никогда не подвергалась этой процедуре. Когда она была смертной, у нее на родине такие вещи являлись редкостью — вряд ли в Аду сумеют установить ее личность, воспользовавшись отпечатками зрачков.

Гея открыла брошюру. Ниоба снова посмотрела на нее сквозь очки и сразу поняла: страницы — это рамки, из-за которых на них уставились линзы объективов. Однако без очков она видела самые обычные картинки: веселые люди плавали, играли в теннис, катались на лыжах и наблюдали за заходом солнца.

«ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ В АД, — гласила надпись, — И ПРОЖИВИТЕ СВОЮ ЗАГРОБНУЮ ЖИЗНЬ НА ПОЛНУЮ КАТУШКУ!»

— Неужели в Аду можно кататься на лыжах? — с сомнением спросила Ниоба. — Я думала, там жарко.

— Конечно, можно, — радостно заявила женщина. — Ад велик; там точно такой же климат, как и на Земле. В некоторых районах постоянно лежит снег.

На самом деле Ниоба об этом знала благодаря опыту, полученному в бытность Клото. И еще она знала, что несчастные грешные души превращаются там в лед, а на лыжах катаются только демоны — им чрезвычайно нравится скользить по навеки застывшим, искаженным ужасом лицам. Как и другие утверждения Сатаны, снег был полуправдой: он существовал, однако использовался совсем не так, как говорилось в брошюре. Рекламная кампания Ада — самая настоящая фальшивка, и лишь очень недалекие люди верят тому, что им тут показывают. К сожалению, таких немало.

Но Ниоба пришла сюда вовсе не для того, чтобы демонстрировать осведомленность в делах Преисподней. Она намеревалась отговорить Миру от доставки бомбы в здание ООН, покончив тем самым с последним потенциальным

курьером Ада. А значит, необходимо изображать из себя невежественного скептика — и выбрать подходящий момент для атаки.

— Ну, не знаю, — проговорила она. — Лыжи, плавание... Мне казалось, будто в Аду всех наказывают.

— О, вовсе нет! — воскликнула Мира. — В Аду людей перевоспитывают! Души, испачканные прикосновением зла, снова становятся чистыми. Там имеется множество стимулов для изменения соотношения добра и зла в каждой душе.

— И самые разнообразные пытки для проклятых душ, — подумала Атропос.

— Но если люди на Земле вели себя плохо, что может заставить их перемениться в загробной жизни? — спросила Ниоба.

— Многие просто ни о чем таком не думают, — пожала плечами Мира. — Они идут своим путем, пока не оказывается слишком поздно. Именно о таких мы и заботимся — обычных, сбившихся с прямой дороги людях, которые чересчур заняты, чтобы постоянно творить добро. Знаете, очень трудно быть хорошим все время, и — скажу вам откровенно — довольно скучно, да и ни к чему. Мы поняли, что большинство людей чувствовали бы себя гораздо лучше, если бы не приходилось непрерывно тревожиться о загробном царстве. Тогда у них появилось бы свободное время, и они смогли бы разобраться со своей смертной жизнью. А потом, в Аду, не торопясь, решили бы все остальные проблемы.

— Не торопясь? Целую вечность! — мысленно фыркнула Атропос. — Вот уж врачи!

— Но разве не нужно быть добродетельным при жизни? — поинтересовалась Ниоба.

— Конечно. Только иногда это очень трудно. Возьмем, к примеру, мужчину, на которого жена не обращает внимания и не позволяет к себе прикасаться. И в то же время не дает развода. Что плохого в том, что он найдет привлекательную женщину и у них начнется роман? Да, в его душе накапливается зло, но вы мне скажите, что плохого в его поведении? Мы, сатанисты, считаем: следует поступать естественным образом, а рассчитываться за содеянное позднее.

Подобного утверждения Ниоба раньше не слышала.

— А вы замужем? — спросила она.

Мира рассмеялась:

— Я? Конечно, нет! Никогда больше! Я не желаю иметь дело с такими... короче, не буду выполнять дурацкие требования мужчин. Но принцип не меняется...

— Сначала удовольствия, а смерть — потом, — закончила за нее Ниоба.

— Так или иначе, — быстро сказала Мира, — лучше сами посмотрите, что представляет собой Ад. Почему бы вам не отправиться в наш демонстрационный комплекс?

— Для чего?

— Там построена маленькая модель Ада, где люди вроде вас могут увидеть, что мы им предлагаем. Мы, сатанисты, хотим, чтобы все знали правду про Ад.

— Ну, — сказала Ниоба, бросив взгляд на Гею. — Наверное, следует взглянуть — чтобы составить собственное мнение.

Мира вскочила на ноги:

— Проходите сюда! Я сама вам все покажу!

Как раз то, что нужно: долгое общение с Мирой, во время которого можно отговорить ее от террористической акции.

— Могу спорить, что они получают премию за каждого новообращенного, — цинично заявила Атропос.

— Похоже на экскурсию по зданию Организации Объединенных Наций? — прокомментировала Клото.

Она совсем притихла, приходя в себя после событий вчерашнего вечера; в ее сердце вспыхнуло нечто похожее на первую любовь, и сила чувства чуть не затопила остальные два аспекта Судьбы. Однако Клото не забыла об их миссии.

— Держи свои очки наготове, дорогая, — заботливо прошептала Гея, когда они последовали за Мирой, которая провела их через заднюю дверь.

Женщины вошли в лифт. Пол рванулся, дверь открылась, и они оказались в парке развлечений. Очевидно, перенеслись сюда при помощи волшебства; определить, в каком месте Земли он построен, не представлялось возможным.

Ниоба осмотрелась. Прямо впереди крутилось роскошное чертово колесо. Слева маленькие машинки с грохотом врезались друг в друга, никому не причиняя никакого вреда — к огромному восторгу визжащих ребятишек. По

американским горкам проносились поезда, на специальных шестах поднимались в воздух аэропланы.

— И это Ад? — приподняв бровь, осведомилась Ниоба.

— Его верхний уровень, — ответила Мира. — Очень скромные развлечения для тех, кто поджидает приятелей или пришедших на экскурсию детей. Для тех, кто не совершил серьезных грехов.

— А как же с теми, кто успел серьезно согрешить? — спросила Гея.

— Я вам покажу, — радостно обещала Мира, направляясь к ведущей вниз лестнице.

Они последовали за ней и попали в большой, заливший ярким светом зал, где было полно столов. Люди теснились вокруг них, внимательно наблюдая за происходящим.

Мира подвела гостей к длинному столу. На столе стояло гигантское колесо рулетки.

— А, играют... — неодобрительно проговорила Ниоба.

— Вы не понимаете, — улыбнулась Мира. — Посмотрите немного.

Они так и сделали. Колесо начало крутиться; по игровому полю прокатился шарик и нырнул в лунку. Один из мужчин радостно воскликнул:

— Я выиграл! Я выиграл!

Остальные игроки начали аплодировать. Мужчина собрал свой выигрыш и сделал новую ставку. И снова выиграл.

— Что? — удивилась Ниоба. — Два раза подряд? Вероятность так невелика...

— Здесь многим сопутствует исключительная удача, — пожала плечами Мира. — Обычно все выигрывают.

Гея подтолкнула Ниобу в бок, та подняла лорнет и огляделась по сторонам.

Колесо рулетки оказалось настоящим, но почти все остальное... Большую часть игроков составляли скучающие служащие парка в потрепанной униформе, а вовсе не прекрасно одетые посетители, какими они казались. Крупье стоял возле контрольной панели. Когда колесо рулетки начинало вращаться, пальцы крупье касались кнопок. На этот раз игрок поставил на девятнадцать — и крупье тут же нажал на кнопку с номером девятнадцать. Покрутившись немного, шарик упал в нужную лунку. Игра шла нечестно.

Затем Ниоба повнимательнее посмотрела на фишki, которые счастливый победитель свалил перед собой в кучу — самые обычные, ничего примечательного. В чем же тогда уловка? Вряд ли сатанисты позволят этому типу стать состоятельным человеком!

Впрочем, она вполне могла выяснить его дальнейшую судьбу, не раскрывая себя.

— Почему вы еще не разорились, если посетители у вас столько выигрывают?

— Ну, фишki не соответствуют деньгам, — ответила Мира, отводя посетителей к другому столу. — Они нужны для подсчета очков. Когда у игрока набирается тысяча, он получает право спуститься на следующий уровень, где и начинается настоящее веселье.

— Складывается впечатление, что ему это уже практически гарантировано.

— Нет, тут вы ошибаетесь. Туда пускают только тех, кто того действительно заслуживает.

— Значит, вы признаете, что ведете себя нечестно!

Мира с удивлением взглянула на Ниобу:

— Моя дорогая, разве можно ожидать от Ада другого? Конечно, мы ведем нечестную игру!

— Задай глупый вопрос... — пробормотала Гея.

— Но мы здесь на экскурсии, а вы не даете нам возможности сыграть, — не отставала Ниоба.

— Совершенно верно. Если не играешь, то и не выигрываешь. Это основной принцип. Вы просто наблюдаете — но я уверена, после того как вы познакомитесь с нашими возможностями, вы обязательно захотите участвовать.

— А разве с нас не потребуют вступительного взноса?

— Хорошо, что вы спросили, — сказала Мира. — Мы относимся к подобным вещам очень серьезно. Все должно быть ясно с самого начала. Чтобы участвовать в наших развлечениях, необходимо подписать стандартный контракт...

— Кровью?

— Всего лишь булавочный укол. Вы его даже не почувствуете.

— И что говорится в контракте?

— Ну, всем известно, чего требует Ад. Мы не собираемся ничего скрывать.

— Вы хотите заполучить мою душу!

— Только ее часть, поскольку перед вами лишь модель Ада. Технически мы нуждаемся в маленькой толике зла. Всего один процент. Если вы на семьдесят процентов добры, подписание нашего контракта приведет к тому, что добро будет составлять шестьдесят девять процентов. Поймите, это никоим образом не скажется на вашей загробной жизни, а тем более не приведет вас в Ад. Подумайте о нашем предложении. Оно весьма выгодно.

Они оказались рядом со следующим столом. Здесь играли в очко. И снова один из игроков много выигрывал; и снова волшебный лорнет позволил Ниобе увидеть, что здесь также ведется нечестная игра. Ад хотел, чтобы посетители побеждали.

Все столы оказались совершенно одинаковыми. За ними играли в разные игры, но система оставалась прежней.

— Никогда не любила азартных игр, — заметила Ниоба.

— Вся наша жизнь — игра, — с жаром заявила Мира. — Впрочем, существуют и другие дороги в Ад. Разрешите показать вам следующий уровень.

Она повела их к лестнице.

Ниоба остановилась.

— Я видела, как другие пользовались лифтом.

— Конечно, только сначала им приходится поставить свою подпись.

— Подпись?

— Другой контракт, — вмешалась Гея.

— Внести небольшую поправку, — быстро сказала Мира.

— Еще один процент наших душ? — спросила Ниоба. — Я думала, здесь только один вступительный взнос. Какой же тогда смысл играть на очки, если все равно придется платить?

— Ну, первый вступительный взнос позволяет войти в парк развлечений, потом посетитель играет, чтобы показать, достоин ли он спуститься на следующий уровень, но это лишь небольшая проверка, а не плата. Без таких испытаний на нижние уровни попадут совсем неподходящие люди, а если мы не будем взимать плату, то — как вы сами отметили совсем недавно — наша организация очень быстро разорится. У нас простая и хорошо сбалансированная

система. Естественно, некоторые уровни нуждаются в серьезном финансировании.

— А сколько у вас всего уровней?

— Честно говоря, я не знаю точного числа. Никто не посещает все уровни.

Потому что, сообразила Ниоба, теряя по одному проценту на каждом, человек достаточно быстро расстается с большей частью своей души — и становится собственностью Ада!

— Какая система! — подумала Атропос.

Да, какая адская система! Только глупец может попасться в такую ловушку — но дураков всегда хватало.

Следующий уровень оказался огромным складом денег. Столы ломились от громадных пачек с купюрами самых разных стран, слитков золота, серебра, платины и ваз с драгоценными камнями. Какое изобилие!

Ниобу, словно магнитом, потянуло к бочке со сверкающими рубинами.

— Можно? — спросила она.

— Вы имеете право посмотреть на наши сокровища, — щедро разрешила Мира. — Но поскольку вы туристка, вам не разрешается ничего брать с собой. Впрочем, если захотите стать участницей...

— За один или два процента добра в моей душе! — Ниоба сстроила гримасу. И все же не могла отойти от великолепных самоцветов.

Она взяла один из рубинов. Прошедший огранку камень испускал глубокое багряное сияние, ничего более прекрасного Ниоба никогда в жизни не видела. Она вертала самоцвет в руке, покоренная его изысканной красотой. Теперь она начала понимать природу искушения. Такой фантастический рубин за малую толику души!

— Может быть, тебе стоит рассмотреть его более внимательно, — заметила Гея.

Ах да! Ниоба подняла лорнет и взглянула на камень.

Он оказался вишневой косточкой.

Ниоба изо всех сил старалась не выдать себя. Все рубины в действительности были вишневыми косточками! Бриллианты на соседнем столике — кусками необработанного кварца.

С болезненным любопытством она взглянула сквозь лорнет на золотые монеты — нарезанная кружками морковь.

Теперь не выдержала Клото.

— Салат — вместо карат! — расхохоталась она. — У Сатаны дьявольское чувство юмора!

— Дьявольское, — согласилась Ниоба.

— Что вы сказали? — поинтересовалась Мира.

— Дьявольски соблазнительно, — ответила Ниоба.

Она подошла к столу, где толстыми стопками лежали зеленые купюры.

Листья салата.

— Зелень! — фыркнула Атропос, мысленно складываясь пополам от хохота. — Зелень! Визитная карточка Сатаны!

— Да, любой не устоит перед соблазном, — кивнула Мира, не поняв природы улыбки Ниобы. — Именно здесь я решила присоединиться к сатанистам. Когда увидела драгоценности... — Она показала на столик, где лежали изумительные кольца и ожерелья.

— Так вы не игрок, я правильно поняла? — спросила Ниоба.

— Нет. Я представитель Персонала. Однако начинала я как игрок. Потом, когда захотела слишком много... — Мира прикусила губу. — Это...

Она слишком откровенна! Теперь Ниоба поняла, как работает система. Так всякий, кто начинает принимать наркотики, становится наркоманом, а наркоман превращается в распространителя, чтобы иметь возможность принимать свой наркотик и дальше — дьявольские побрякушки ослепляют его все сильнее и сильнее. Как сказала Мира, все честно; только вот соблазны, за которые продают свою душу несчастные глупцы, самая настоящая фальшивка. Всякий, кто верит Отцу Лжи, получает по заслугам!

Эта мысль заставила Ниобу остановиться. Если все, кто сюда приходят, должны быть наказаны за жадность, Сатана делает добрее дело, помогая отправить их в Ад. Разве не так?

Однако Ниоба знала ответ на свой вопрос. Сатана не избавляет мир от скверных людей; он использует их — они помогают ему совращать все новые и новые жертвы. Подставные лица в верхнем зале — это просадившие все, что у них было, игроки, которые вынуждены работать в парке развлечений.

— А ведь нам показывают приглаженную модель, — напомнила Атропос. — Что же представляет собой настоящий Ад?

Отрезвляющая мысль.

— Драгоценности не смогут меня исцелить, — призналась Ниоба, расслабив мышцы живота. — Я слишком много ела, в течение долгих лет.

— Значит, вам понравится уровень пиршеств! — воскликнула Мира. — Идите за мной!

Действительно, на следующем уровне человек, который любит поесть, вряд ли смог бы удержаться от соблазна.

Посетители вошли в громадный ресторан самообслуживания. Столы ломились от печенья, тортов, пирожных и самых разнообразных десертов. Тут было множество женщин, мужчин, да и детей хватало. Все сидели за столами и с аппетитом поглощали любимые блюда.

Ниоба прошла мимо толстого мужчины, который запихивал в рот громадное пирожное.

— Но от этого ужасно толстеют!

— Вовсе нет, — возразила с довольным видом Мира. — От нашей пищи никто не прибавляет в весе. Вкус тот же, но в сладостях нет ни одной калории. Вы никогда не пресытитесь.

— Ну вот вам и настоящий Ад, если эти болваны в состоянии хоть что-нибудь понять, — подумала Атропос.

Бесконечная еда без всяких последствий! Ниоба могла оценить искушение, однако прекрасно знала, что для этого нет нужды флиртовать с Адом; многие компании, производящие продукты питания, пишут в своих рекламных буклетах: «ОДНА КАЛОРИЯ НА БУТЫЛКУ», поощряя одновременно обжорство и поглощение бесполезной пищи — в то время как во многих странах от голода умирают люди. Куда лучше соблюдать диету.

Потом Ниоба подняла лорнет. И сдавленно вскрикнула от отвращения.

Мужчина ел вовсе не пирожное, он держал в руках заплесневелые отбросы — в буквальном смысле. Большая часть попадала на подбородок и одежду, а не в рот, поэтому никто и не толстел... но все вместе производило отвратительное впечатление.

Мира уловила реакцию Ниобы.

— Что с вами?

Ниоба немного подумала, а потом протянула очки Мира.

Женщина взглянула сквозь них — и задохнулась.

— Вы не знали? — спросила Ниоба.

— Я... не может быть... какое отвратительное зрелище! — вскричала Мира.

Она подошла к другому столику, где ребенок пил лимонад, и посмотрела на него сквозь очки. Лицо женщины позеленело.

Гея подхватила лорнет, прежде чем Мира уронила его на пол, и вернула Ниобе.

Ниоба взглянула на напиток мальчика — грязная вода из лужи. Как и у мужчины, большая часть стекала ему на грудь, но кое-что все же попадало в рот. Вполне достаточно, чтобы удовлетворить его.

— Ложь! — прошептала Мира. — Магические линзы, искажающие...

— Нет, не ложь, — возразила Гея. — Я вижу правду и без очков. Еда здесь — помой. Драгоценности в предыдущем зале — мишурा.

— Но у меня имеется разрешение есть все, что я захочу — право Персонала...

Мира отвернулась, и ее вырвало на пол, рядом с мальчиком. Впрочем, это не имело особого значения — все вокруг и так было завалено мусором.

Ниоба убрала лорнет. И увидела стоявшую у стола Мири, которая с одобрением смотрела на мальчика. И никаких следов грязи. Впрочем, выглядела Мира неважно.

Однако она довольно быстро пришла в себя.

— Где вы раздобыли очки?

Ниоба быстро приняла решение:

— Мне их дала Природа.

— Воплощение Природы?

— Да. Она посчитала, что они мне здесь понадобятся.

— Я... могу ли я еще раз их позаимствовать... на короткое время?

Ниоба протянула ей лорнет:

— Когда вы закончите, я бы хотела с вами поговорить.

Мира торопливо зашагала к другой лестнице.

— Есть один уровень, на котором я никогда не развлекалась, но сейчас...

Они последовали за ней вниз по лестнице. Мири почти бежала. Ниобу поразило, что их экскурсовод не имела пред-

ставления об обмане, но потом она сообразила, что тут нет ничего удивительного. Сатана достигает гораздо большего, обманывая своих помощников. Очень многие возмутились бы, если бы узнали, что питаются отбросами!

— Отец Лжи, — мысленно пожала плечами Атропос.

Следующий уровень представлял собой роскошный бордель. Невероятно чувственные девушки в прозрачных одеждах танцевали на сцене; их бедра и грудь призывающе колыхались. На Ниобу это не произвело особого впечатления, разве что она ощутила некоторое сожаление об утерянной красоте, однако она заметила, какое впечатление произвели красотки на двух только что вышедших из лифта мужчин. Вытаращив глаза, они бросились к сцене.

— Все мужчины свиньи, — подумала Клото. Потом она сделала небольшое уточнение. — Кроме Самурая...

Мира смотрела на происходящее сквозь волшебные очки.

— Нет, — пробормотала она, не веря своим глазам. — Они не станут...

Один из мужчин выскочил на сцену.

— Эй, милашка, тебя можно купить? — нетерпеливо осведомился он, пытаясь схватить красотку.

Женщина посмотрела на него сверху вниз, и на ее пухлых, ярко закрашенных губах появилась улыбка. В следующее мгновение она легко спрыгнула на пол; некоторые части ее тела призывающе затрепетали. Красотка взяла мужчину за руку и увлекла к алькову, отделенному от зала занавеской. Очевидно, она не продавалась; каждый мог получить ее бесплатно.

Тут только Ниоба услышала кряхтенье и стоны, доносившиеся из других альковов. Ряд клиентов уже занялся делом.

Мира покачала головой.

— Они... они и в самом деле!.. — вскричала она. А потом начала безудержно хохотать. — Подумать только, мой муж, свинья, продал свою душу, чтобы попасть сюда!

Она так смеялась, что Гее пришлось снова отобрать у нее лорнет.

Удивленная Ниоба взяла волшебные очки. Она понимала, какими обычными или даже невзрачными могут оказаться женщины, которых нанимал Сатана — как, например, Мира, — чтобы потом сделать их невероятно

обольстительными, прибегнув к магии, но что ж тут смешного? В лучшем случае это печально.

Ниоба подняла лорнет. И вскрикнула.

На сцене танцевали вовсе не молодые женщины. В грязи кружились самые настоящие свиньи.

А бывший муж Мирры имел сюда постоянный пропуск.

— Кто сказал, что в Аду нет справедливости? — подумала Атропос. — Я знаю парочку мужчин, которых следовало бы отправить сюда насилию!

Наконец Мира успокоилась.

— Вы не обычные посетители! — обвиняюще заявила она. — Вы знали, что здесь происходит, гораздо лучше, чем я. Кто вы такие?

Пришло время открыть правду. Они нашли относительно чистое место на ограде загона для свиней и присели.

— Я Судьба, — сказала Ниоба. — Я пришла сюда, чтобы поговорить с тобой и убедить...

— Судьба! Воплощение!

— А это Гея, она одолжила мне лорнет.

— Природа! Неудивительно, что ей не нужны очки, чтобы увидеть правду!

— Мы хотим убедить тебя не выполнять поручение Сатаны.

Мира невесело рассмеялась:

— Если Сатана захочет дать мне поручение, я его выполню. Моя душа уже давно потеряна!

— Нет, неправда, — возразила Гея.

— Вы не понимаете? Я получила должность после того, как в моей душе не осталось добра! Мне нечего было отдать. Они откажут мне в пище... Ой!

Мира прикрыла рукой рот, вспомнив, что она видела через лорнет на соседнем уровне.

Гея пристально посмотрела на нее.

— Ты далеко зашла по пути зла, Эльза Мира, — спокойно проговорила Гея. — Однако не все еще потеряно. В твоей душе осталось двадцать четыре процента добра.

— Нет! Там нет ничего! Я использовала весь запас и... Вы не знаете, как трудно отказаться от наслаждения! Я была не в силах остановиться! Я...

— Знаю, — возразила Гея. — Это входит в мои обязанности.

Мира уставилась на нее:

— Вы и в самом деле Природа?

— Да. А моя спутница — настоящая Судьба. Мы можем изменить положение твоей нити жизни, если ты согласишься с нами сотрудничать.

— Я не верю! Я считала каждый процент!

Гея нахмурилась:

— Ты осмеливаешься не верить Природе, женщина? — Она сделала короткий жест — и в комнате неожиданно стало темно. Поднялся ветер. Пошел дождь, сначала мелкий, но очень скоро он превратился в ливень. Свиньи завизжали от восторга.

Через мгновение все трое промокли насеквоздь. Стены зала задрожали. Теперь свиньи верещали от страха.

— Землетрясение! — завопила Мира. — Выпустите меня отсюда!

Гея взяла ее за руку. Все мгновенно успокоилось, дождь прекратился, комнату затопило солнечное тепло.

— Мы же под землей, — запротестовала Мира. — Здесь не может сиять солнце!

— Твой страх прошел, — негромко проговорила Гея. — Ты счастлива.

Мира улыбнулась.

— Да, я счастлива, — согласилась она.

— А сейчас тебя охватывает гнев, — сказала Гея.

Ярость исказила лицо женщины.

— Когда я думаю о том, что мне говорил Сатана...

— Успокойся.

И женщина успокоилась:

— Теперь я вам верю, Природа. Меня восхищает ваше могущество, которое вы сумели показать мне в этом маленьком Аду! В моей душе действительно сохранилась четверть добра?

— Да. Ты уже видела, как обманывает Сатана клиентов парка и Персонал. Почему же не обмануть тебя относительно добра, которое остается в твоей душе? Ему это очень выгодно; он вынудил тебя стать его инструментом в тот момент, когда у тебя еще оставался выбор. Ты можешь отправиться в Рай, Эльза Мира.

— Нет, — печально покачала головой женщина. — В моей душе семьдесят шесть процентов зла, и у меня нет никакой

возможности вернуть добродетель. Я по-прежнему не могу отказаться от дурацких наслаждений.

Гея сделала короткий жест:

— Больше нет.

Мира коснулась своего живота:

— Голод исчез! Я перестала его испытывать!

— Тебе придется зарабатывать себе на жизнь и совершать хорошие поступки, — сказала ей Ниоба. На нее тоже произвело впечатление могущество Геи — она действительно была самым сильным из всех воплощений. — Другого пути на небеса попросту не существует. Бог никому не выдает бесплатных пропусков. У тебя еще достаточно времени, если ты начнешь прямо сейчас.

— Но я же сатанист! Я подписала соглашение кровью! Много раз! Я не принадлежу ни к какой достойной церкви.

— Сам по себе контракт не имеет никакого значения, — сказала Гея. — Это всего лишь средство, способ убедить тебя, что обратной дороги нет.

Она посмотрела, как очередной мужчина подошел к свинье. Свинья хрюкнула и повела его к алькову.

— Важны дела, мысли и намерения — и ничто другое.

Казалось, для Мирры наступил рассвет.

— Вы хотите сказать...

— Отдай свое сердце Богу, — промолвила Ниоба. — И душа последует за ним.

— О, я так и сделаю! Обязательно! Я не хочу в Ад! Там намного хуже, чем здесь! Но я никогда не осмеливалась посмотреть правде в глаза...

Они встали и направились к лестнице.

— Сатана попросит тебя отнести пакет в...

— А, вы говорите о химической бомбе, которую я должна доставить в здание ООН, — кивнула Мира. — Завтра. Бомба уже спрятана у меня дома. Я давно дала согласие.

— Ты не должна! — воскликнула Ниоба.

— Конечно! — согласилась Мира. — Я знаю, что это злое дело.

Они подошли к лестнице.

— Я покажу тебе, как проще всего встать на праведный путь, — обещала Гея. — Но сначала нам нужно вывести тебя отсюда... — Они начали подниматься по ступенькам.

Ниоба задержалась на несколько секунд. Теперь, когда дело было сделано, она почувствовала, что заинтригована многочисленными иллюзиями. Люди тут деградировали до самой последней степени. Любой человек, узнавший, что с ним в действительности происходило, не посмеет жаловаться — ему будет стыдно. Вот уж действительно — хитрость и коварство Лукавого не знает границ.

Она собралась ступить на первую ступеньку. Перед ней стоял Сатана.

— Так вот куда проникли любопытные воплощения! — воскликнул он, выпустив из ноздрей клубы дыма. — Соблазняют моих работников.

— Ты сказал, что во мне не осталось добра! — обвиняющее заявила Мира, успевшая подняться на несколько ступенек.

— Не верь тому, что говорит Отец Лжи, легковерная шлюха, — усмехнулся Сатана.

— Я ухожу отсюда! И не стану больше выполнять твои приказы!

— Твои слова представляют чисто академический интерес. Ты уволена. От тебя всегда было мало толку.

— Ах! — воскликнула Мира.

Она развернулась и снова начала подниматься по ступенькам вслед за Геей.

Сатана внимательно посмотрел на Ниобу. В его глазах горел кровавый огонь, от рогов шел пар.

— Тебе удалось покончить с моим четвертым посланцем, сущее нос в чужие дела старое чучело, — угрюмо проговорил Сатана. — Думаешь, что одержала победу?

— Над Злом невозможно одержать окончательную победу, — мрачно ответила Ниоба.

— Тебе не удалось сделать даже первого шага! — заявил Князь Тьмы, его тело окутывал дым.

Ниоба подняла лорнет, но ничего не произошло — Сатана явился им в своем истинном обличье.

— Тебе не удастся спасти твои драгоценные Объединенные Нации!

— С этим покончено, старый мошенник, — улыбнулась Ниоба. — Я знала, что ты все подстроил.

— Я приготовил четыре нити, которые Судьба должна была распутать, — продолжал Сатана. — Ты потратила на них все время и теперь не сможешь помешать завтрашней доставке бомбы.

— И кто же пронесет ее в здание? — осведомилась Ниоба.

— У меня есть сотня других курьеров. Неужели ты думаешь, что на это способны только четверо?

— Но компьютер Чистилища...

— Выдал список из сотен имен.

— Там осталось только четыре!

— Ты сумела унюхать только четыре, старая собака, — заявил Сатана. Он сделал небрежный жест, и рядом с ним появилось изображение монитора. На нем красовалось четыре имени. — Ты предполагала, что получила истинный ответ?

Ниоба стукнула себя кулаком по лбу:

— Иллюзия! В Чистилище! — Конечно, Сатана вполне мог исказить показания компьютера; иллюзия — еще одна форма лжи, которая является его специальностью.

— Гея догадалась бы, — подумала Атропос. — Но ее там не было.

— Иллюзии Сатаны повсюду, — согласилась Клото.

— Наказание за то, что мы новички, — пробормотала Ниоба.

— Если бы ты сообразила, как их много, — не унимался Сатана, — ты бы поняла, что ваших личных усилий недостаточно. Вам следовало сообщить в охрану ООН, которая установила бы специальные приборы, улавливающие наличие химической бомбы.

— Я чувствую себя такой глупой, — удрученно проговорила Ниоба.

— Ты не глупа, просто тебе не хватает опыта, — возразил Сатана. — Глупо поступили ваши предшественники, когда решили поменять все три аспекта Судьбы в течение одной недели. Честно говоря, я ждал от них большего.

— Свинья! — с яростью подумала Клото. — Он все продумал заранее!

Ниоба вздохнула:

— У нас еще есть время. Мы можем предупредить ООН.

— Возможно, — не стал спорить Сатана. — Но зачем рисковать? Я предлагаю вам более выгодную сделку.

— Тебе нельзя верить! — заявила Ниоба.

— А тебе не нужно ничего брать на веру, — возразил Сатана. — Потребуется только здравый смысл. Если я

взорву бомбу в ООН, в нитях жизни возникнет страшная путаница, которая приведет к непредсказуемым последствиям. Никто не будет знать, что произойдет в будущем. Иногда то, что сперва кажется хорошим, в конечном счете становится плохим, например католическая инквизиция или нацисты в Германии. А порой то, что поначалу кажется скверным, в результате приносит пользу, например бубонная чума.

— Бубонная чума! — воскликнула Ниоба. — Какая от нее польза?

— Она уменьшила население Европы, не стало лишних рабочих рук, и пал феодализм, — ответил Сатана. — Нельзя продолжать держать крестьян в крепостной зависимости, когда их слишком мало, а нужда в них вселика.

Ниоба подозревала, что у предшественницы Геи имелись свои причины для распространения бубонной чумы, однако мысль Сатаны показалась ей интересной.

— Что-то я не совсем понимаю, к чему ведут твои рассуждения?

— Дело в том, что история с ООН — игра, — заявил Сатана. — Которая может обойтись мне слишком дорого. Только глупец играет тогда, когда существуют и другие возможности.

— Многие люди играют в твоем парке развлечений!

— Ну, меня ты там не найдешь.

— Чего ты добиваешься? — сердито спросила Ниоба.

— Ты желаешь избежать большого скандала. А я хочу переместить лишь одну-единственную нить на Гобелене Судьбы. Мне мое предложение кажется весьма разумным и даже выгодным.

— Я не стану заключать сделки со Злом! — вскричала Ниоба.

— Твое дело, — пожал плечами Сатана. — Не забудь прикрыть нос, если отправишься завтра в здание ООН. Впрочем, это мало поможет.

Ниоба поняла, что Сатана перехватил инициативу.

— Что ты предлагаешь?

— Я отменю взрыв бомбы, если ты дашь слово, что один человек поменяет профессию. Ее душа не понесет никакого урона, ей не будет грозить опасность — просто придется найти себе другое занятие.

— Если это изменение столь незначительно, почему ты так на нем настаиваешь? — потребовала ответа Ниоба.

— Для тебя — мелочь, а для меня — важно. Одна женщина в ближайшее время займется политикой. А я бы предпочел иметь собственного человека на той должности, которую она займет. Большинство политиков и так коррумпированы, это не будет иметь принципиального значения. Я обещал своей фаворитке... ладно, неважно. Короче говоря, я хочу получить твоё согласие. Тебя интересует такой вариант?

— Я тебе не верю, — сказала Ниоба.

— И все же, — предложила Атропос, — давай послушаем его. Нам нужно постараться избежать путаницы в Гоблене.

— О ком идет речь?

— О молодой женщине, почти девочке, не имеющей никакого веса в общественной жизни.

— Это ты так говоришь. Назови имя.

— Ну, ее зовут Луна или что-то в этом роде, — пебрежно бросил Сатана.

— Как я смогу переместить ее нить, если ты мне не говоришь, кто она такая? — осведомилась Ниоба, понимая, что уже готова согласиться.

— Он что-то задумал, — вмешалась Атропос. — Как жаль, что Гея не осталась с нами: она такая смекалистая!

Сатана помотчал, коснулся бороды, словно старался сосредоточиться.

— Она дочь одного бывшего воплощения, поэтому — вполне возможно — обладает выдающимися качествами. Ее фамилия — сейчас я уточню — Кафтан.

Ниоба вздрогнула. Лукавый намеревается убрать с дороги Луну, которая должна спасти человечество — так гласило пророчество! Теперь Ниоба поняла, что вся операция с ООН была всего лишь отвлекающим маневром. Компромисс с Сатаной — если бы Ниоба не знала о пророчестве — показался бы ей вполне приемлемым. Вот почему он и сделал все необходимое, чтобы три аспекта Судьбы сменились одновременно. Все три прежних воплощения знали о Луне, значит, от них следовало изба-

виться. Сатана рассчитал свою игру на много ходов вперед!

Ниоба решила сделать вид, что его предложение кажется ей привлекательным. Нужно прояснить его намерения, чтобы потом помешать их осуществлению. Три прежних аспекта Судьбы выбрали Ниобу потому, что догадывались о хитроумном замысле Сатаны — и их решение оказалось правильным! Теперь оставалось выяснить все детали плана Сатаны.

— Женщин с такой фамилией может быть несколько, — сказала Ниоба, делая вид, что сомневается. — Кто ее родители?

— Заурядные люди. Один из моих помощников заметил ее несколько лет назад. Две девочки, похожие друг на друга, как близнецы, но разделенные целым поколением. Меня интересует та, что рождена бывшим воплощением. У нее темные волосы.

И снова Ниоба напряглась. Неужели Сатана допустил ошибку? Было предсказано, что ее внучка Луна спасет род человеческий; дочь Ниобы Орб должна стать воплощением, если пророчество оправдается. Конечно, Сатана страшно занят; вряд ли он особо пристально следил за жизнью Ниобы, когда она стала смертной. И сейчас не узнал ее.

Первый раз в жизни Ниоба обрадовалась, что рассталась с красотой юности! Может быть, демон, проникший в Замок Горного Короля, чтобы активировать защиту от воров, перепутал девочек — это было совсем не трудно сделать! — и доложил, что у Луны волосы цвета гречишного меда, а Сатана не стал проверять. На самом деле у Луны волосы были светлее — цвета клеверного меда.

— Тебе мое предложение не кажется разумным? — спросил Сатана, увидев, что она молчит.

Ниоба вздохнула.

— Гея говорила, что тебе нельзя верить, — ответила Ниоба. — Ты наверняка что-то задумал.

— Коллега, нет никакой необходимости мне доверять! Ты все можешь сделать сама! Дай мне слово, что, если в комплексе ООН не взорвется бомба, ты изменишь нить и девушка никогда не займется политикой.

Ниоба пыталась понять, действительно ли ошибся Сатана или задумал нечто совсем уж дьявольское.

— И девушке не будет грозить опасность?

— Я никогда не причиню зла девушке, нить которой ты изменишь, — великодушно пообещал Сатана.

— Но твои клятвы ничего не стоят!

— Тут ты права. Я Отец Лжи, — с гордостью согласился Сатана. — Однако мое слово священно, если оно дано с соблюдением определенных ритуалов.

— Каких ритуалов?

— Я должен пролить свою кровь, естественно.

— У тебя есть кровь?

Сатана рассмеялся:

— Конечно, у меня есть кровь! Я воплощение, как и ты!

Ниоба вспомнила. Будучи Клото, она многое узнала о воплощениях, в частности что кровь Сатаны обязывает его выполнять свои обещания; а кроме того, слово, данное одним воплощением другому, нерушимо. Значит, она может доверять Князю Тьмы.

— Тогда мы дадим клятву на крови, — решила Ниоба.

— Ты сошла с ума, женщина? — возмутилась Атропос, словно была совестью Ниобы. — Ты приносишь в жертву собственную плоть и кровь!

— И спасение всего человечества, — добавила Клото.

Клото и Атропос сумели получить эти сведения из сознания Ниобы.

— Отлично, — заявил Сатана.

Он протянул руку, Ниоба вытащила булавку, с которой никогда не расставалась, и ткнула ею в большой палец Сатаны. Появилась капелька крови. Потом Ниоба проделала то же самое с собственной рукой. Пролить кровь воплощения без его согласия не мог никто — будь то смертный человек или бессмертный. Единственное исключение — момент, когда смертный заменял Танатоса на его посту. Сатана очень хотел заключить с Ниобой сделку и потому согласился отдать капельку своей крови — как, впрочем, и она сама.

— Договор между воплощениями скрепляется кровью, — заявила Ниоба. — Ты не станешь взрывать бомбу в комплексе ООН и будешь уважать жизнь женщины, о которой идет речь, а я перемещу нить жизни темноволосой наследницы Ниобы Кафтан так, чтобы она никогда не занималась политикой.

— Клянусь, — сказал Сатана, и они пожали друг другу руки.

— Надеюсь, наша клятва того стоила, — пробормотала Ниоба, тревожась о тех кознях, которые Сатана может устроить Орб, несмотря на свое обещание.

Существует множество способов, не причиняя видимого вреда, сделать жизнь человека невыносимой. Впрочем, слово «уважение» распространялось на многие ситуации — в особенности если учесть пророчество. Ниоба не чувствовала уверенности в правильности выбранного пути, но ей казалось, что она с честью вышла из трудного положения.

— Для меня, несомненно, — заявил Сатана. — Учитывая, что вопрос носит академический характер.

— Это в каком смысле?

— Хронос, будь проклята его шкура, действуя на свой страх и риск, предупредил полицию о бомбе. Они устанавливают специальные датчики.

— И ты знал? — рассвирепела Ниоба. — Ты обманул меня!

— Едва ли. Я согласился оставить в покое ООН и потомков Ниобы, которые не будут заниматься политикой. И я оставлю их в покое. — Тут Сатана внимательно взглянул на Ниобу. — А откуда тебе известно имя «Ниоба»? Я его не называл.

— Сатана, теперь это мое дело. Нити...

Но он уже все понял.

— Ты... мне показалось, что в твоем лице есть что-то знакомое! Ты Ниоба — а прежде была Клото!

Ниоба пожала плечами:

— Теперь я Лахесис. И позабочусь о том, чтобы моя дочь Орб никогда не занималась политикой. Клятву нужно выполнять.

— Орб? Я имел в виду Луну!

— Ну, теперь данный вопрос носит академический характер. — Ниоба ласково улыбнулась. — Я поклялась, что моя темноволосая наследница не станет заниматься политикой.

Сатана немного подумал.

— Ты вернулась, чтобы перехитрить меня?

— Почти угадал, — пожала плечами Ниоба. — Если бы ты уточнил, что речь идет о Луне...

Она ожидала взрыва ярости, но Сатана только кивнул:

— Что ж, иногда Отец Лжи бывает побежден на его собственном поле. Я поздравляю тебя, Ниоба, с превосходным контраговором.

— Ну, услышать такое от тебя — ценный комплимент.

— Зато теперь я тебя знаю, больше ты не сможешь меня обмануть. — И Сатана исчез.

Ниоба почувствовала беспокойство. Уж слишком легко все у нее получилось. Однако что еще ей оставалось делать?

Она скользнула по нити домой.

Г л а в а 14

Взятка

Вернувшись в жилище, они отдохнули, а потом занялись повседневными делами. Им и в самом деле удалось вмешаться в замыслы Сатаны, потому что химическая бомба так и не взорвалась в здании ООН. Возможно, Сатана был прав, когда заявил, что этот вопрос носит академический характер. Впрочем, они сумели одержать победу только потому, что Хроноса встревожили их опасения и он им помог. Поскольку он жил в обратном направлении, действия, которые предпринял Хронос, произойдут до того, как они встретились и обсудили возникшую проблему, однако... ну, теперь уже все в порядке... Дочь и внучка Ниобы будут продолжать жить, как и жили; их нити остались нетронутыми.

Какая удача, что Ниоба согласилась стать Лахесис и приняла участие в решении именно этой проблемы! Никто другой не смог бы отвести удар Сатаны.

Простая случайность... или глубинные течения Судьбы, которые выходят за пределы компетенции всех остальных воплощений? Если так, то каково происхождение этих течений?

— Бог, — отвтила Атропос.

Верно. Бог выполняет договор и не вмешивается в дела смертных, в то время как Сатана постоянно строит козни. Видимо, это соглашение Сатана не подписывал кровью. Однако если Бог охраняет мир, в таком случае все машинации Сатаны становятся... академическими.

Может быть, ее возвращение — воля Бога... Или все-таки случайность?

— Наверняка мы не узнаем никогда, — проговорила Клото.

Пришлось Ниобе с ней согласиться.

Теперь Ниоба взаимодействовала с Хроносом гораздо больше, чем когда была Клото. Конечно, ее связывали многолетние отношения с прежним Хроносом, но тогда они общались совсем на другом уровне. Она подозревала по тому, какие взгляды нынешний Хронос бросал на Клото, что между ними должно возникнуть что-нибудь похожее, но еще нескоро и, возможно, не с этой Клото. Самый юный аспект Судьбы, словно магнит, всегда притягивает мужчин. Но у Хроноса и Лахесис были чисто деловые отношения. Только он мог определить особую хронологию сложного взаимодействия нитей жизни. Его служащие и служащие Судьбы достаточно компетентно координировали большинство событий, однако постоянно возникали ситуации, требующие пристального внимания самих воплощений.

Во время одного из таких совещаний Хронос заговорил о проблеме, встревожившей Ниобу.

— Время от времени Сатана имеет возможность выпустить из Ада нескольких демонов, — заметил он. — Я не знаю, по какой схеме это происходит, да и случается нечасто, но, когда демон оказывается на свободе, в мире смертных возникают какие-нибудь неприятности.

— Даже дух демона — большое зло, — согласилась с ним Ниоба.

— Значит, ты понимаешь природу проблемы! Я помню, как мне пришлось повернуть время вспять, чтобы уничтожить... конечно, для тебя это событие еще не произошло. По-моему, вот-вот должно случиться что-то подобное; уже случилось — в твоей реальности. Пожалуй, следует выяснить, что Сатана затеял на сей раз.

— А ты не можешь узнать — из твоего прошлого?

— В этом-то вся и странность. Складывается впечатление, что акция Сатаны не привела ни к каким заметным результатам. Однако он никогда не упускает таких возможностей.

— Ничего плохого? — удивилась Ниоба. — Очень подозрительно! Какую гадость мог сотворить Сатана, чтобы ты о ней не узнал?

— Нечто, имеющее ограниченный масштаб действия, — ответил Хронос. — Или что-нибудь весьма хитроумное.

— Если речь идет о чем-то настолько хитроумном... или незначительном, что его козни не повлияли на баланс добра и зла в мире, он не станет тратить на это время, — проговорила Ниоба. — И не станет использовать по мелочам ценных демонов. — Она вспомнила разнообразные атаки, коснувшиеся ее семьи.

— Возможно, какие-нибудь серьезные события произойдут после того, как я вступил в должность, — предположил Хронос. — Тогда понятно, почему мне ничего не известно. Сатана умсёт очень ловко заметать следы.

— Да! Луна должна спасти человечество в будущем, может быть, лет через двадцать. Сатана исключительно терпелив и хитер; он может ждать, чтобы скрыть от тебя свои планы. По-видимому, результат того, что демон совершил сейчас, проявится через некоторое время.

— Он уже не раз так поступал, — согласился с ней Хронос. — Впрочем, насколько мне известно, его планы никогда не были такими долгосрочными. Временами мне удавалось ему помешать — когда речь шла о каких-то непосредственных кознях. Должен признать, что это всегда было непросто. Очень утомительно; если бы ты и Клото мне не помогали — я имею в виду преемницу нынешней Клото, — я бы, наверное, сдался.

Ниоба решила не обращать внимания на его слова о преемнице Клото и надеялась, что та ничего не слышала; никто из них не хотел знать, когда наступит ее время уйти в мир смертных — несмотря на то что это всегда происходило добровольно.

— Похоже, мы правы. Что может совершить демон сегодня, чтобы эффект от его действия возник только через двадцать лет? Временная бомба?

— Подобные устройства страшно ненадежны. Скорее всего где-то произойдет смена Персонала, и некто будет не в силах противостоять Сатане в критический момент.

— Мы довольно надежно защищили Луну, — проговорила Ниоба. — Не думаю, что демон в состоянии причинить ей зло. Насколько мне известно, она единственная личность, чье благополучие критично для нашей победы.

— Как-то раз Сатана послал демона, чтобы тот аннулировал случайное отравление, и сенатор, которого она должна была смеснить...

— Подожди, Хронос! Ты имеешь в виду будущее? Не нужно ничего раскрывать. Пожалуйста, говори в общем.

— Извини. Я хотел сказать, что если Сатана может воздействовать на людей, с которыми Луна входит в контакт, значит, косвенным образом влияет и на нее. Если Луна не сделает политической карьеры, центральное место займет кто-то другой.

— Теперь я поняла. Ты говоришь, она должна стать сенатором?

— Да, если ты не возражаешь против данной информации. Кстати, очень хорошим сенатором.

— Выходит, сенат — самая вероятная арена для... чего бы там ни было?

— Думаю, да.

— В таком случае мне следует проверить потенциальные варианты изменений в составе сената. Я уже свободнее читаю нити и потому смогу справиться с этой задачей лучше, чем когда речь шла о химической бомбе. Кстати, я поблагодарила тебя за помошь?

— Химическая бомба? Ах да, в альтернативной реальности что-то такое было. В здании ООН?

— Правильно. А если бы я поблагодарила тебя в прошлом месяце, ты не знал бы сейчас.

— Я уверен, вы сделали то, что следовало делать — и я тоже так поступлю.

— Хорошо. В любом случае большое тебе спасибо... за все.

Ниоба покинула Хроноса и помедлила некоторое время, прежде чем возвращаться в жилище, чтобы не столкнуться с собой из непосредственного прошлого; ее это всегда немного раздражало. Однажды она совершенно сознательно встретилась сама с собой, во времена Хронос-ребенка. Было страшно любопытно... Однако сейчас Ниоба понимала, что должна спешить, развлекаться некогда.

Она скользнула по нити к Луне, просто чтобы предупредить о том, что возникли новые проблемы. Она не выделялась с внучкой с тех самых пор, как стала Лахесис, и уже давно следовало нанести ей визит.

Ниоба опустилась у ворот элегантного поместья, который окружала солидная ограда и охраняли два злобных грифона. Когда стражи попытались на нее наброситься, Ниоба прошла сквозь них при помощи своей нити, чтобы показать, с кем они имеют дело.

Дверь распахнулась, и на пороге Ниоба увидела Луну.

— Дорогая! — воскликнула она. — Что ты сотворила со своими волосами?

— Бабушка! — обрадовалась Луна. — Заходи!

Они прекрасно поболтали. Ниоба узнала, что Луна, переехав в Америку, воспользовалась заклинанием, чтобы сделать волосы каштановыми.

— Отец настоял, — объяснила она. — Понятия не имею почему.

Ниоба вспомнила, как удивился Сатана, считавший, что у Луны более темные волосы. Он видел ее намного позже, чем Ниоба!

— Думаю, я знаю почему, — прошептала она, появив, что ее сын и в самом деле очень серьезно отнесся к предсказанию.

Через некоторое время Ниоба поцеловала внучку и вернулась домой. Накопилась масса неотложных дел.

Она проверила на Гобелене нити нынешних сенаторов. Конечно, за двадцать лет произойдет немало перемен, так что сейчас еще ничего не заметно. Но...

Ниоба начала с самых молодых, которые скорее всего останутся на службе в течение следующих двадцати лет, а следовательно, могут заинтересовать Сатану. В конце концов, какой смысл иметь дело с человеком, который не доживет до интересующего его срока? Но все нити оказались совершенно нормальными. Ни на одной из них Ниоба не нашла знака Сатаны.

— Хорошо, что я проверила. Все равно это было всего лишь предположение.

— А почему бы не посмотреть на стариков? — предложила Атропос.

— Через двадцать лет их сменят другие.

— И все же взгляни на их нити. У меня появилось предчувствие.

Ниоба пожала плечами и нашла нить самого старого сенатора. Как только она на нее взглянула, глаза у нее округлились. Знак Сатаны!

Она отыскала нить еще одного старика — и снова обнаружила присутствие Сатаны, который определенно имел к нему отношение.

— Бессмыслица какая-то, — запротестовала Ниоба. — Одному из них семьдесят шесть, и у него слабое здоровье; он ни за что не протянет еще двадцать лет!

— Если только не получит эликсир молодости, — заявила Атропос.

— Эликсир молодости!

Наконец-то все встало на свое места! Только пожилой женщине могла прийти в голову подобная мысль! Продажный старик с радостью отдаст душу дьяволу за волшебное средство, дарующее молодость, тем более что он все равно отправится в Ад — уж это он наверняка знает. Сатана может предложить дополнительные двадцать лет жизни в обмен за поддержку в критический момент. Поскольку в противном случае на смену им придут более молодые и, возможно, почитающие Бога люди, Сатана заинтересован в том, чтобы переманить стариков на свою сторону.

А Луна в такой ситуации не станет сенатором.

Этого нельзя допустить!

Ниоба проверила еще несколько нитей. Четверо самых старых сенаторов вошли вговор с дьяволом; нити двоих пока оставались нетронутыми.

— Демон пока не закончил раздавать взятки! — сказала она. — Еще не поздно ему помешать.

— Я не знаю, что следует делать, чтобы победить демона, — проговорила Клото. — Самурай учит меня самообороне, но он сказал, что против волшебства это не поможет, демона нельзя убить обычным способом.

— Можно, — возразила Атропос. — Брызни на него святой водой.

«А ведь она права», — подумала Ниоба.

— Кроме того, мы же воплощения, а следовательно, он ничего плохого нам не сделает. Ни демон, ни смертный не в силах пролить нашу кровь.

Они раздобыли флакон святой воды и отправились в резиденцию сенатора. Как это было принято, сенатор устроил себе вполне уютное гнездышко; их глазам предстало роскошное поместье с великолепным особняком, хозяйственными постройками, огромной зеленой лужайкой и изысканно подстриженными кустами.

Никакой видимой охраны они не заметили, лишь жесткая линия окружала поместье. «Магия», — мрачно подумала Ниоба.

Она шла по дорожке, твердо зная, что никакое волшебство не в состоянии причинить воплощению вред. Вот одно из главных преимуществ ее прежнего опыта: она была совершенно уверена в собственных силах. Если бы все три

аспекта Судьбы оказались новичками, Сатане ничего не стоило бы убедить их в том, что они уязвимы и могут стать жертвой как физического, так и магического нападения — и, значит, получить дополнительные очки в свою пользу. Танатос говорил, что Отец Лжи и его пытался обмануть таким же способом. Ниоба вспомнила, как Сатана едва не уговорил ее сложить с себя обязанности Клото, когда она впервые отправилась в Пустоту за пряжей. Ложь имеет столько разных обличий, а Сатана большой специалист своего дела!

В тот момент когда она пересекла желтую линию, раздался сигнал тревоги. С крыши дома сорвалась туча птиц и помчалась прямо к ней. Казалось, они посчитали Ниобу нарушителем спокойствия и, не колеблясь, бросились в атаку — сложив крылья, птицы неслись на нее, точно маленькие охотничьи ястребы.

— Ой! — испуганно вскрикнула Клото.

Однако Ниоба при помощи нитей быстро соорудила что-то вроде сферы, окружившей их тело. Птицы метнулись вперед и тут же замедлили полет; они старались изо всех сил пробиться к воплощению Судьбы, но только теряли понапрасну силы.

— Совсем как татами, — проговорила Клото, которая набралась в процессе общения с Самураем разных словечек, связанных с боевыми искусствами. — Сам ковер мягкий, но защищает от тяжелыхувечий.

— Именно, — проворчала Ниоба. — Нет ничего тоньше и одновременно жестче паутины Судьбы. Ни одно смертное существо не может уничтожить или проникнуть сквозь нее.

Она продолжала шагать вперед, в то время как птицы сдались и вернулись на крышу.

— Хороший у него домик, — заявила Атропос. — Я бы не отказалась в таком работать.

— Ты не служанка! — сердито фыркнула Клото. — Ты свободная женщина!

— Конечно, детка, свободная, — в голове, — согласилась с ней Атропос. — Но в реальном мире мне всегда приходилось зарабатывать себе на жизнь, и я этого не стыдилась.

Ниоба грустно улыбнулась. Она не была ни служанкой, ни женщиной, завоевавшей свою свободу, но в каком-то смысле — одновременно и той и другой. В отличие от

Клото, она вышла замуж за человека, выбранного для нее отцом; и в отличие от Атропос, никогда не работала по найму. Однако, если бы в самом начале она возражала против решения отца более настойчиво, ей был бы уготован путь, по которому пошла Клото — а далее и судьба, выпавшая на долю Атропос. Потому что все-таки мир принадлежит мужчинам.

— Но ведь мы прядем нити жизни! — заявила Клото.

— И мы их обрезаем! — сказала свое слово Атропос.

— Ну, мы женщины, — улыбнулась Ниоба. — И обладаем властью, против которой не станет спорить ни один мужчина.

Она почти подошла к дому, когда с ближайшего дерева раздался пронзительный вопль, похожий на птичий крик и на голос сварливой женщины одновременно. А в следующее мгновение, хлопая огромными крыльями, с дерева слетела темная тень.

— Проклятье, гарпия! — сообразила Атропос.

— О-х-х-о! — пробормотала Ниоба. — Волшебные нити им не помеха; они тоже бессмертные.

— Может быть, воспользоваться уроками самообороны? — предложила Клото.

— Бессмысленно. Ты можешь нанести ей удар или отшвырнуть в сторону, но все равно к тебе пристанет грязь. Гарпия не сумеет причинить нам никакого вреда, даже если мы не станем защищаться, зато она может заставить нас почувствовать себя до тошноты грязными.

Мерзкое существо приближалось. У него было лицо и высохшая грудь старухи и тело стервятника. Близко посаженные, прячущиеся под складками кожи глазки уставились на Ниобу. Несколько мгновений гарпия удивленно висела над Судьбой, размахивая крыльями и навевая потоки вони, ароматизированной какими-то духами.

— Зачем явилась, Лахесис? — требовательно спросила гарпия, сверкнув длинными, желтыми зубами. — Назойливым мухам вроде тебя тут нечего делать!

— Мне есть что тут делать, воюющая курица! — рассердилась Ниоба. — Отойди, или я накину на тебя лассо из моих нитей. — Она блефовала, но надеялась, что гарпия этого не поймет.

— Никакая твоя нить меня не удержит, паучиха! — взвизгнула гарпия. — Уходи, или я выпущу в тебя залп!

Ниоба знала, что это не пустые угрозы. Но она твердо решила добраться до сенатора раньше демона, посланного Сатаной. И не могла позволить себе терять время попусту.

— Дай-ка мне тело! — потребовала Атропос. — Я умею с такими разговаривать!

Ниоба отодвинулась на второй план, а контроль над телом взяла Атропос, которая быстро сошла с дорожки и направилась через лужайку к ближайшему сараю.

— Так, значит, теперь к нам явилась Атропос! — прокрежетала гарпия, следуя за ней. — И что ты собираешься делать, старая рабыня?

— Хочу мусор вымести, — ответила Атропос, вошла в сарай и взяла там потрепанную, видавшую виды метлу.

— Давай, давай, подметай, безмозглая дура, батрачка! — взвыла гарпия, и ее растресканные волосы взметнулись над головой Атропос. — Пожалуй, чтобы ты чувствовала себя как дома, я вылью на тебя горшок!

— Белые люди натравливали на нас собак, когда мы приходили, чтобы навести порядок в их домах, — проговорила Атропос и подняла метлу, которая в ее уверенных руках превратилась в оружие. — Знаешь, как мы с ними поступали?

— Становились кормом? — спросила гарпия и хрипло расхохоталась, сопроводив свои слова таким эпитетом расистского содержания, который никто, кроме гарпии, никогда не стал бы употреблять.

— Мы этим сукам надирали задницы!

Атропос замахнулась метлой и изо всех сил врезала гарпии по хвосту — как раз в тот момент, когда та намеревалась сбросить на нее порцию вонючей мерзости.

Кувыркаясь в воздухе и отчаянно визжа, тварь брюхом кверху рухнула на землю. Атропос совершенно хладнокровно приблизилась к ней, держа свое оружие наготове. Однако гарпия вскочила на ноги и, возмущенно хлопая крыльями, взлетела в воздух. С нее было достаточно, она решила, что пришла пора спасаться бегством.

Атропос аккуратно поставила метлу на место.

— Когда женщина работает, она может многому научиться!

Вот уж точно! Ниоба снова вернулась в тело и без помех добралась до дома.

Когда она подходила к двери, та с грохотом распахнулась, и наружу выскочил демон — около семи футов росту, с волосатым телом, длинным лохматым хвостом, рогами и сильно выступающими мужскими достоинствами. Он бросился прямо на Ниобу, обхватил ее своими длинными лапищами и раскрыл пасть так широко, что остальная морда сморщилась и различить черты стало невозможно. Огромные острые зубы приближались к ее лицу.

— Слушай, кончай свои глупости! — возмутилась Ниоба. — Тебе все равно не удастся меня укусить!

И в самом деле зубы демона скользнули в нескольких дюймах ото лба Ниобы и замерли в воздухе. Она была неуязвима.

Демон зарычал и сжал ее в объятиях, пытаясь сломать ребра, но ничего особенного не произошло.

Тогда демон придумал кос-что новенько — поднял вверх задние ноги и когтями разодрал спереди платье Ниобы. Сама она при этом никак не пострадала.

— Идиот, ты даже и поцарапать меня не можешь. Никакое существо, находящееся на службе у твоего инфернального господина, не в состоянии причинить мне физического вреда.

Демон снова поднял ногу и разорвал платье до конца. Теперь оно держалось на Ниобе только за счет рукавов, спереди она была совершенно обнажена. Мерзкая тварь немного ослабила хватку, чтобы получше рассмотреть ее тело. Из носа и пасти демона вырывался пар.

Только сейчас Ниоба сообразила, что он собирается ее изнасиловать.

Возможно, ему это удастся. Статус воплощения защищал Ниобу от физического вреда, в данном же случае речь шла об эмоциональном. По собственному многолетнему опыту Ниоба знала, что может спокойно принимать участие в сексуальных играх; они никоим образом не наносили оскорблений ее телу. Однако демон был намного сильнее и мог заставить ее...

Она начала отчаянно отбиваться, но ее руки оставались прижатыми к бокам. Тогда она попыталась убежать, но демон приподнял ее над землей. Глядя на его обнаженное тело, Ниоба поняла, что через секунду он выполнит задуманное. Самое меньшее — она испытает невыносимое унижение.

— Может быть, я с ним сражусь? — предложила Клото.

— Как? — поинтересовалась Атропос. — Он тоже защищен от нас, мы даже не можем его укусить.

— По крайней мере, дайте попробовать!

Ниоба, которую охватило такое же сильное отчаяние, как и всех остальных, передала ей тело. Демон замер на месте, удивленный тем, что теперь он обнимает совсем другую женщину, — но лап не разжал. Затем, когда до него дошло, что пленница стала более привлекательной, он возобновил попытки добиться своего.

Клото отчаянно извивалась, и ей удалось немного от него отодвинуться. Она быстро подняла колено и нанесла сильный удар твари прямо в пах. Клото попала в цель, но демон даже не поморщился. Как Ниоба и предполагала, они ничего не могли ему сделать.

— Моя очередь! — объявила Атропос.

И снова демон замер на месте на одно короткое мгновение, заметив перемену, а потом быстро вернулся к своему занятию.

Он ухватился поудобнее, стараясь притянуть свою жертву к себе поближе, и воспользовался задними конечностями, чтобы раздвинуть ей ноги.

— Проклятье! — выругалась Атропос. — Я думала, что смогу ускользнуть по нити, но мне не удается ее бросить — руки-то он держит!

Демон ухмыльнулся.

Неожиданно Ниоба поняла, что нужно сделать.

— Мы все трое полные дуры! — воскликнула она. — Отойди-ка в сторонку!

Атропос мгновенно выполнила ее требование. Ниоба взяла ситуацию под контроль как раз в тот момент, когда горячая плоть демона коснулась ее тела.

Она быстро превратилась в паука, неожиданно став очень маленьким существом с восемью конечностями, выскользнула из лап удивленного демона и опустилась на землю.

Демон попытался раздавить ее. Ниоба просто стояла и ждала, когда на нее опустится когтистая лапа. Демон снова поднял лапу, но оказалось, что он не причинил ей никакого вреда — став пауком, Ниоба была так же неуязвима.

Она снова вернулась в свой человеческий облик. Демон потянулся, чтобы схватить ее еще раз, но Ниоба держала в руке флакончик со святой водой. Когда тварь ухватилась

за нее, она поднесла флакон к губам и набрала в рот жидкости.

— Поцелуй меня, демон, — пробормотала Ниоба и подняла голову.

Демон отшатнулся, почувствовав святую воду, но теперь Ниоба крепко вцепилась в него и не давала ему возможности ускользнуть. А потом приблизилась к его пасти и выплюнула святую воду прямо в морду.

— Поцелуй смерти! — подумала Клото.

Так оно и было. Плоть демона начала таять в тех местах, где ее коснулась вода. Губы растворились и сползли по подбородку, мгновенно разъедая его. Щеки и язык стекали с лица, обнажая зубы. Потом исчезли десны, развалилась челюсть и постепенно выпали все зубы. Разрушение двигалось вверх по лицу, съело нос, а затем и глаза. Теперь уже стал виден мозг мерзкой твари, который сначала задымился, а в следующее мгновение покернел и исчез в клубах дыма.

— Вот КАК следует расправляться с насильниками! — восхитилась Атропос.

После этого осталыное тело — от макушки до ног — испарилось практически в единую долю секунды, словно сгорела огромная сигара. В конце концов от демона осталось лишь вонючее облако дыма.

Однако, когда дым рассеялся, Ниоба заметила, как что-то зашевелилось — правая стопа демона сумела избежать уничтожения, спрятавшись за клубами испарений. Поцелуя смерти не хватило, чтобы справиться с демоном целиком.

Ниоба снова достала флакон.

— Что может сделать одна нога? — удивилась Клото.

— Очень плохо, когда остается хотя бы маленькая часть демона, — ответила Ниоба сердито и, смочив пальцы святой водой, потянулась к ноге.

Та метнулась к ступеням, воспользовавшись когтями, чтобы забраться наверх — она пыталась сбежать. Ниоба обрызгала ногу, маxнув в ее сторону рукой. Там, где капли коснулись останков демона, возник дым, нога свалилась со ступеньки и бросилась в траву. Ниоба поспешила в погоню, разбрзыгивая воду, но враг успел скрыться.

— Вряд ли от него осталось больше пальца, — подумала Атропос.

— Демоны не похожи на смертных, — мрачно ответила Ниоба. — Иногда даже маленький кусочек мерзкой твари продолжает действовать.

— Неужели один палец может причинить нам вред? — спросила Атропос. — Каким образом?

— Не знаю, — пожав плечами, ответила Ниоба. — Но надеюсь, что он весь растворился.

— Ну, давайте посмотрим, что там внутри, — предложила Клото.

Как и Атропос, она не принимала всерьез слова Ниобы о том, что один палец демона в состоянии сотворить какую-нибудь гадость. Впрочем, и сама она вынуждена была признать, что, возможно, стала жертвой параноидальных страхов, связанных с демонами. Один убил Седрика, другой расправился с Бланш, третий пытался уничтожить Луну и Орб, а теперь еще один решил ее изнасиловать. У Ниобы имелись все основания для опасений... Но в самом деле, что может сделать один палец с ноги демона?

Ниоба, как могла, закрепила нитями платье в стратегически важных местах, а затем направилась к дому сенатора.

В прихожей она увидела молодого человека, одетого в плохо сидящий мешковатый костюм. Казалось, он ничего не замечает вокруг, просто стоит и пялится в громадное зеркало.

Опоздала!

Ниоба вздохнула:

— Сенатор!

Не глядя на нее, он ответил:

— Да, конечно, придется подать в отставку. Пойдут разговоры, сплетни, возможно, назначат расследование. Этого нельзя допустить! Может быть, возникнут проблемы, придется объясняться, доказывать, что я — это я. В конце концов, я ведь только что лишился сорока прожитых лет!

— Вы не... останетесь на своем посту? — Ниоба была удивлена.

— Естественно, нет. Это невозможно. Мне придется начать новую жизнь. Но оно того стоит! Еще сорок лет, все заново... с моим-то опытом!

— А разве вы ничего не должны Сатане?

— Он ничего не просил. Это подарок, никакого давления.

— Но груз зла...

— Какое может быть зло в том, что я принял подарок, за который от меня не требуется никаких услуг в политической сфере? Я ухожу в отставку.

Ниоба еще больше удивилась. Если сенаторы не сохраняют за собой свои должности, как же они смогут выполнить поручение Сатаны — через двадцать лет? Непонятно!

По крайней мере ей удалось уничтожить демона. И никто больше не станет давать взяток в виде возвращенной молодости. Она протянула нить и скользнула назад, в Чистилище.

Они обсудили происшедшее и снова проверили нити. Когда Судьба разобралась в схеме, ситуация прояснилась. Сенаторов купили не напрямую — им дали то, о чем они больше всего мечтали, и ничего не попросили взамен. Чтобы полностью насладиться даром, те освободили занимаемые должности. А следовательно, на их место придут новые люди, которых, вне всякого сомнения, контролирует Сатана. Все они будут молодыми и компетентными, и никто никогда не узнает о том, кому принадлежат их симпатии — до определенного дня через двадцать лет, когда они помешают Луне и обеспечат Сатане победу. Долгосрочный план... но, похоже, он уже действует. В таком жестком голосовании разница в четыре голоса — больше чем достаточно. Точнее, пять, считая сенатора, с которым они только что расстались.

Новые нити еще не заняли своих мест — понадобится несколько дней, чтобы сенаторы подали в отставку, а их кабинеты заняли другие. Но как ни изучала Ниоба Гоблен, ей не удавалось найти возможности исправить положение. Сатана сделал свой ход и мог без проблем противостоять любым попыткам Судьбы вмешаться. Пять пожилых сенаторов уже получили взятку и намерены отойти от дел. Ничего изменить нельзя, потому что они стали молодыми людьми.

— Должен быть выход! — воскликнула Ниоба. — Мы не можем отдать Сатане мир, пусть и через двадцать лет.

Она встретилась с остальными воплощениями, однако ни у кого из них не нашлось ответа на ее вопрос. В конце концов Ниоба отправилась к человеку, которого эти события должны были коснуться непосредственно: к своей внучке Луне.

Та сразу все поняла. Она повзрослела и стала по-настоящему красивой женщиной, несмотря на измененный цвет волос.

— Отец говорил мне, что, возможно, произойдет нечто подобное. На этот случай он оставил записку.

— Мой сын предвидел, что Сатана предпримет такой шаг? — удивилась Ниоба.

— Он был могущественным волшебником, — напомнила ей Луна. — Пожалуй, лучшим магом своего времени — а последние тридцать лет жизни посвятил изучению одной-единственной проблемы. Отец частенько просил прощения за то, что мало уделяет мне внимания... но на самом деле мы были очень близки.

В отличие от Ниобы, которая почти совсем не знала сына. Впрочем, все это давно ушло в прошлое.

— И что же в записке?

Луна нашла маленький голубой топаз, поставила его на полку рядом с белым экраном и включила особый свет. Камень начал испускать сияние, и на экране появился таинственный рисунок, составленный из голубых теней.

— На молекулы топаза действует магическое заклинание, — объяснила Луна. — Надо лишь навести на резкость и найти верный угол; большая часть граней содержит всякую чепуху, нужно отыскать ту, на которой записка. Маг специально так сделал, чтобы кто-нибудь случайно не прочитал его послание. Понимаешь, если бы все стало известно раньше времени, Сатана насторожился бы.

Луна повернула камень, и рисунок изменился.

Она навела свет на другую грань, и через несколько мгновений на экране возникли нечеткие строчки.

— Так... вот! Теперь резкость...

Луна сдвинула луч чуть в сторону, и постепенно буквы начали проясняться; вот-вот можно будет прочитать записку Мага Кафтана. И в этот момент что-то покатилось по полке и налетело на голубой топаз. Камень сдвинулся, и изображение пропало.

— Палец демона! — воскликнула Ниоба, вытащила флякон и вылила на него остатки святой воды. Демон испарился в клубах дыма.

Луна поставила камень на место.

— Хорошо, что эта тварь не испортила его, — сказала она и снова осветила топаз.

На экране возникло пустое голубое пятно. Луна страшно удивилась и повернула камень так, что теперь свет падал на другую грань. Ничего.

— Стерто! — возмущенно воскликнула она. — Волшебство исчезло!

— Демон! — проговорила Ниоба. — Одного прикоснения исчадия зла оказалось достаточно, чтобы уничтожить белую магию!

— А мы еще не понимали, что может натворить один палец ноги! — печально вставила Атропос.

Ниоба обменялась горестными взглядами с внучкой. Они лишились жизненно важного послания!

— А нет ли какого-нибудь камня, на котором сообщение было бы продублировано? — через некоторое время спросила Ниоба.

— Нет. Маг не хотел, чтобы стало ясно...

— Так я и думала, — тяжело вздохнув, сказала Ниоба. — Сатана, видимо, подозревал или знал о существовании камня и приказал демону уничтожить его, как только появится возможность. И демон выполнил распоряжение.

— Выполнил, — повторила Луна.

— Теперь только сам Маг знает, что там было написано.

— А он умер.

Ниоба обняла внучку, и обе расплакались, понимая, в каком безнадежном положении оказались.

Затем Ниоба выпрямилась и гордо задрала голову:

— Но я ведь воплощение! Я могу отправиться к своему сыну в Чистилище и прямо спросить его!

— Точно! — обрадовалась Луна, у которой загорелись глаза. — Отец не знал, что ты снова станешь Судьбой! Все его внимание было сосредоточено на мне.

Они обнялись и снова немного поплакали. На этот раз в их сердцах появилась надежда. А затем Ниоба вернулась в Чистилище, чтобы отыскать там своего сына.

Однако, когда она задала компьютеру вопрос насчет точного местонахождения его души, ее ждало новое потрясение.

«Душа Мага Кафтана покинула Чистилище», — такая надпись появилась на экране.

— Ты имеешь в виду, что он отбыл наказание? И уже отправился в Рай?

«Нет. В классификации души была обнаружена ошибка. Дочь Мага взяла на себя часть его зла. Она попадет в Рай. Однако истинный баланс души Мага Кафтана отрицателен».

«Зачем Луна так поступила?» — удивленно подумала Ниоба. Впрочем, сейчас перед ней стояла более срочная проблема.

— Отрицательный баланс? Значит...

«Твой сын в Аду».

Ниоба в ужасе смотрела на экран. Она не сомневалась, что информация совершенно достоверна, поскольку она проследила за тем, чтобы больше не стать жертвой козней Сатаны.

Единственный человек, который знал, как помешать Сатане одержать победу, находился в его власти.

Глава 15

Разгаданный лабиринт

B

ернувшись в жилище, они долго обсуждали возникшую проблему.

— Мы знаем, что решение существует, — сказала Ниоба. — Только оно нам не известно.

— Вполне возможно, что нам так и не удастся его найти, — проворчала Атропос. — Может, если бы у нас было побольше опыта, мы бы и сами догадались, но, боюсь, мы слишком поздно им обзаведемся.

— Мы все еще попадаемся в ловушки Сатаны, — согласилась Клото.

— Ну, тут ты не совсем права, — возразила Ниоба. — Если бы все мы были новенькими, то я бы не стала с тобой спорить; однако у меня есть многолетний опыт. Я знаю, что власть Сатаны ограничена. Он что-то от нас скрывает.

— Решение! — с иронией воскликнула Клото.

— Как жаль, что мы не можем отправиться в Ад и поговорить с Магом, — с сожалением заметила Атропос.

Ниоба ухватилась за эту мысль:

— Вдруг это возможно? Воплощения обладают большим могуществом!

Они встретились с Танатосом, который подтвердил предположение Ниобы.

— Я был в Аду, — признался он. — Но только в виде духа. Физическое тело пришлось оставить. Там обитают лишь духи, однако они обретают плоть, как и в Чистилище. Сатана не разрешит вам никого там посетить.

— А как ты сумел попасть туда?

— Меня пригласили на экскурсию.

Понятно. Ниоба слышала о подобных вещах. И все же...

— Он запретил матери навестить собственного сына? —
поинтересовалась Ниоба.

Все трое задумались.

— Кто может знать? — подумала Клото.

— Гея, — вновь заговорила Ниоба. — Зеленая Матушка
как никто другой понимает природу человека — и многое
другое.

Они отправились к Гее.

— В данном случае Сатана не в силах тебя остановить, —
заявила Гея. — Но и помочь тебе не станет. Возникает
конфликт между воплощениями — у тебя будет половина
шансов на успех.

— Но я могу туда отправиться? — спросила Ниоба.

— Ты можешь отрезать себе ногу, но тебе вряд ли захо-
чется это сделать, — Гея холодно улыбнулась.

— Если я осмелюсь — если я отправлюсь в Ад, — у ме-
ня есть шансы спасти человечество и помочь внучке. Что
я могу потерять?

— Свою душу, — мрачно ответила Гея.

— Я воплощение! Сатана не имеет права касаться моей
души!

Гея покачала головой:

— Ты должна поставить свою душу на кон, чтобы полу-
чить разрешение на вход в Ад. Если ты добьешься успеха,
то сохранишь душу. Но если тебя постигнет неудача, твоя
душа будет потеряна. Ад не место для игр, Лахесис!

Ниоба вздохнула:

— Тут нет никаких сомнений!

— Значит, придется этот вариант отбросить, — заявила
Атропос. — Добрая душа, запертая в Аду...

— А с чего следует начать? — спокойно спросила Ниоба.

— Не вздумай! — вскричала Клото.

— Зачем тебе благородные задачи, если ты потеряешь
собственную душу? — добавила Атропос.

— У меня нет выбора, — возразила Ниоба. — Ведь речь
идет о целом мире.

— Необходимо выбрать судью, — объяснила Гея. — Что-
бы все проходило честно. В противном случае Сатана обя-
зательно тебя обманет.

Ниоба погрузилась в раздумья.

— Как насчет Марса? У него огромный опыт в военном деле, а это будет настоящая битва между Добром и Злом.

Гея кивнула:

— Прекрасный выбор. Отправляйся к нему и спроси, согласен ли он.

— Спасибо, Ги.

— Каждому воплощению рано или поздно приходится вступить в борьбу с Сатаной, — добавила Гея. — Ты сделала это много лет назад, в Пустоте. И снова столкнулась с ним — только теперь вокруг вас нетнейтральной Пустоты, а ставки намного выше. Мы будем наблюдать, однако никто из нас не сможет тебе помочь после того, как ты войдешь в Ад.

— Я понимаю. — Еще одно подтверждение, что Гея ее узнала в тот день, когда они отправились на экскурсию по мини-Аду, но не стала ничего говорить.

— Оставишь свое тело Клото и Атропос. На случай неудачи ты должна подыскать себе замену — причем обмена душами не произойдет. Тело должно умереть.

Суровая плата! Но если речь идет о гибели мира, какое это имеет значение? Ниоба решила сделать все, что в ее силах!

— Прощай, — грустно сказала Гея. — Ты замечательная женщина, Лахесис.

Ниоба скользнула по нити в замок Марса. На этот раз он оказался дома. Она быстро объяснила ему ситуацию.

— А ты мужественная, — проворчал Марс. — Я полагаю, ты знаешь, что путешествие в Ад совсем не похоже на пикник.

— Иного выхода нет. Ты согласен стать судьей?

— Конечно. Но единственное, что я могу тебе гарантировать, — точное выполнение условий. Я буду не в силах помочь тебе даже советом. Как только ты войдешь в Ад, тебе придется рассчитывать только на себя.

— Но... я даже не представляю, с чем я там столкнусь!

— Как судья, я должен поставить тебя об этом в известность. — Марс поднял сверкнувший меч. — Сатана!

Воплощение Зла тут же появилось рядом с ними.

— Тебе что, нужен Ад, Марс? Или ты хочешь войны?

— И то и другое, — холодно ответил Марс. — Лахесис желает навестить своего сына Мага Кафтана. Ты не вправе ей запретить.

Сатана повернулся к Ниобе:

— Значит, ты обо всем узнала, сующая повсюду свой нос бабенка! Это будет тебе стоить души.

— От такого предложения ты вряд ли откажешься, — заявила Ниоба.

— Нет, — возразил Марс. — Она не станет покупать этот визит ценой души. Она ставит свою душу на кон в игре. Совсем другое дело.

— Да, — неохотно согласился Сатана. — Но только технически.

Судья уже начал выполнять свои обязанности. На сей раз технические подробности имели первостепенное значение!

— Мы должны выбрать оружие, — заявил Марс.

— Воздушный бой на огнедышащих драконах, — предложил Сатана.

— Кто лучше сумеет соткать ковер, — парировала Ниоба.

И услышала, как беззвучно рассмеялась Атропос.

— Возможно, нам всем придется пойти на компромисс, — улыбнулся Марс. — Ваш поединок будет включать в себя и огнедышащих чудовищ, и плетение нитей, иллюзии и реальность. Лабиринт, полный демонов.

Сатана задумался.

— Пожалуй. То, что ты предлагаешь, кажется мне забавным.

Ниоба тоже погрузилась в размышления. Лабиринт в некотором смысле напоминает Гобслен, только роль нитей играют проходы. Демоны и чудовища не причинят ей вреда. Получается, что она сможет проложить по Аду маршрут, ведущий к сыну. Однако... «нити» и «иллюзии»?

— Иллюзорный лабиринт легче преодолеть физически, — пояснил Марс. — И гораздо сложнее с интеллектуальной точки зрения.

Ниоба знала, что она совсем не гений, зато она умела обращаться с нитями.

— Звучит неплохо.

— Не согласен, — твердо заявил Сатана.

— Помимо самого лабиринта, — продолжал Марс, — можешь добавить еще, скажем, сотню иллюзий по собственному выбору — и сто реальных нитей для Лахесис. С некоторыми свойствами ее настоящих нитей, чтобы она могла перемещаться достаточно свободно...

— Ограниченно, — уточнил Сатана. — Я не хочу, чтобы она болталась по всему Аду.

— Хорошо, — согласился Марс. — Лабиринт будет создан так, чтобы для его кратчайшего прохождения требовалось немногим менее пятидесяти нитей, а в худшем случае — сто пятьдесят с лишним. В среднем, сто. Согласны?

— Пятьдесят на пятьдесят, — согласился Сатана. — Но лабиринт буду строить я.

— А я все проверю, — заявил Марс. — Перед тем как Лахесис окажется в лабиринте, я сам его пройду — а после этого ты, Сатана, не имеешь права вносить в него изменения.

— Договорились, — кивнул Сатана.

Они посмотрели на Ниобу. Она не была уверена, что двое мужчин договорились о честном поединке. Но знала, что Марс ее не предаст, а на больший компромисс рассчитывать не приходилось.

— Я тоже согласна.

Уточнили остальные детали. Потом Ниоба села, подождала немного и встала — оставив свое тело сидящим на стуле. Она превратилась в духа!

Ниоба повернулась, чтобы коснуться своей руки. И сразу ощутила два других аспекта.

— Устрой ему настоящееко пекло, подружка, — подумала Атропос.

— Найди своего сына! — добавила Клото.

Обе пожелали ей успеха.

— Так я и сделаю, — ответила Ниоба.

Она снова повернулась.

Сатана стоял перед ней, а Марс наблюдал за ними сбоку.

— Приди ко мне, глупая женщина! — приказал Сатана и засмеялся.

Ниоба сделала шаг — и оказалась в Аду.

Ад состоял из кристаллов. Ее окружали сверкающие шестиугольные грани всех цветов и самых причудливых размеров.

Ниоба повернулась, чтобы посмотреть, откуда она пришла. Однако ее глазам предстали лишь новые грани, идеально отполированные — словно в зеркале, она видела в них свое отражение.

Сама Ниоба выглядела точно так же, как и в жизни: самая обычная женщина средних лет с когда-то прекрасными волосами цвета гречишного меда, теперь коротко постриженными и не такими роскошными, как прежде. Серое простое платье свободно лежало на теле — если бы

платье сидело лучше, сразу стали бы заметны недостатки фигуры. Куда подевалась прелест юности! Можно понять, почему старые сенаторы не смогли отказаться от предложения Сатаны.

Ирония заключалась в том, что Ниоба сохраняла свою красоту в течение тридцати восьми лет, а потом сдалась. И ради Пасиана поступила бы так же еще раз. И отдала бы все ради Седрика. Она прекрасно понимала Клото, когда девушка закричала, что готова вручить «все» Самураю. Когда женщина любит мужчину...

Но сейчас она обязана найти сына. Ниоба посмотрела на свою левую руку — в ней была зажата пригоршня нитей. Она перестала быть Лахесис и больше не могла мгновенно скользнуть в любой уголок Земли. Она снова превратилась в Ниобу; каждая использованная нить будет потеряна для нее навсегда. Их нужно потратить наилучшим образом, ведь для того, чтобы преодолеть лабиринт самым длинным путем, потребуется сто пятьдесят нитей, а у нее есть только сто. Она потерпит поражение и лишится души, если израсходует все нити, но не сумеет отыскать Мага. Трудная головоломка!..

Ниоба протянула руку и постучала костяшками пальцев по голубой грани. Раздался мелодичный звон. Довольно красивый звук, однако вряд ли поможет преодолеть лабиринт.

Тут Ниоба заметила, что в одном из кристаллов отсутствует грань — значит, там проход. Она сделала шаг, собираясь наступить на золотистую плитку пола и...

Ее нога легко прошла насквозь. Там была пустота. С криком Ниоба пролетела на несколько уровней вниз, пока не ухватилась за золотую плитку. Она не ударилась, но находилась в дыре — в буквальном смысле слова.

С негромким шипением над рукой Ниобы поднялось облачко пара. Она посмотрела — и увидела, как исчезают остатки нити. Падение не причинило ей физического вреда, поскольку дух не может получить никаких повреждений, но стоило ей нити. Таковы правила игры. Осталось девяносто девять нитей — и минус одна иллюзия.

Ниоба осторожно постучала по окружающим ее поверхностям. Все они оказались материальными. Она попала на нижний уровень, откуда нет выхода. За гладкие плитки невозможно ухватиться пальцами; значит, и вылезти не удастся.

Ниоба вздохнула и засунула все нити в карман, оставив себе одну. А потом метнула ее вверх.

Теперь она поднималась, следя за своей нитью — так, как она это делала, когда была аспектом Судьбы. Через несколько секунд она уже оказалась на прежнем уровне, перед золотой панелью пола, в которую только что провалилась. Иллюзия — но она потратила две драгоценные нити, чтобы найти ее и выбраться обратно. Две — за одну. Пока что Сатана выигрывал.

Ниоба осмотрела золотые плитки. Они производили впечатление вполне надежных. Конечно, больше она так не попадется, в этом смысле идея исчерпана, хотя было бы много лучше, если бы Ниоба обнаружила обман сразу и не свалилась! Тогда она имела бы одну нить в запасе и раскрыла бы одну из сотни иллюзий Сатаны.

Путь сквозь лабиринт обязательно должен быть; таковы условия игры. Нужно только соблюдать осторожность, чтобы избежать новых ловушек.

Однако справиться с лабиринтом, не использовав около пятидесяти нитей, невозможно. А значит, нельзя просто закрыть глаза и проделать весь путь на ощупь. Она обязательно столкнется с иллюзиями, в которые нужно сначала проникнуть и лишь потом доверять им свое тело, и с подъемами, которые придется преодолевать, ни на что не обращая внимания. Она не имеет права экономить нити; без них не пройти лабиринт до конца.

Ниоба миновала зал иллюзорных золотых плиток и оказалась в следующем помещении. Пол здесь был твердым, без обмана, зато ей не удалось найти никакого выхода. Подняв глаза, Ниоба заметила высокий зеленый карниз, до которого ей было не достать. Очевидно, следовало потратить нить; другой возможности выбраться отсюда не существовало.

Она достала следующую нить, бросила ее в сторону карниза и уже через мгновение заскользила вверх и оказалась на карнизе. Пока неплохо.

Однако тут же выяснилось, что она попала в тупик.

Ниоба вздохнула. Еще одна нить потрачена напрасно.

Она присела на корточки, держась руками за край карниза. Он был абсолютно гладким. Ниоба выпрямилась и провела по карнизу туфлей. Потом снова прикоснулась к нему пальцем.

Да — осталась царапина, значит, материал не сверхпрочный. Его можно сделать шершавым.

Ниоба еще немного потерла край, а потом улеглась и боком спустила вниз ноги, ухватившись руками за шершавую поверхность. Склон под карнизом не был вертикальным; здесь вообще не имелось никаких прямых углов, лишь тупые углы шестиугольников — Ниоба находилась внутри правильного шестигранника. Ее тело скользнуло вниз под углом в сорок пять градусов. Насколько она помнила, у правильного шестигранника углы были другими... Пальцы продолжали цепляться за щерховатый карниз.

Однако, скользнув, Ниоба не смогла удержаться и поехала вниз. И все-таки она уже кое-чему научилась и падала не так стремительно. Ей даже удалось удачно приземлиться на ноги.

Она посмотрела на свой карман, опасаясь, что еще одна нить растворится в воздухе, но все оказалось в порядке. Она спустилась, не потратив ни одной нити из драгоценного запаса. На сей раз Ниоба не «разбилась».

Впрочем, она прекрасно понимала, что поводов для ликования у нее немного — к настоящему моменту она обнаружила всего одну иллюзию Сатаны, истратив три свои нити. Если так пойдет и дальше, проигрыш неминуем.

Ниоба снова проверила золотые плитки пола. Карниз продолжался и с другой стороны — там она обнаружила еще одну пустую панель. Если бы она сразу направилась сюда, то не попала бы в тупик.

Неудача кое-чему ее научила: не следует считать, что возникший вариант является единственным, и не нужно тратить нить только потому, что появился новый проход.

Ниоба перешла в третье помещение. Из него вело два выхода. Оба уводили достаточно далеко, и невозможно было предсказать, какой из них закончится тупиком.

Ниоба пожала плечами и повернула налево. Довольно быстро коридор свернул вправо, огибая кристаллические формации необычных размеров — создавалось впечатление, что здесь не существует ничего святого — святого в Аду? — когда речь шла о размерах. Через некоторое время Ниоба еще раз обошла все вокруг, проверяя каждую поверхность. Выхода не было. Снова тупик.

Тогда она направилась в комнату с золотыми плитками, а потом вернулась к отправной точке своего путешествия,

только теперь она лишилась трех нитей — причем ни на шаг не продвинулась вперед!

Тут в голову Ниобе пришла остроумная идея. Она возвратилась в комнату с золотыми плитками, легла на живот, опустила правую руку в отверстие и принялась ощупывать его.

Ей не удалось обнаружить ничего интересного. Тогда Ниоба встала, обошла провал с другой стороны и снова улеглась на пол. Вытянула руку — и выяснила, что прямо под ней имеется проход.

Засцепившись ногами за неровности пола, она засунула голову в провал и заглянула вниз.

Так и есть — проход! Иллюзия скрывала дыру, ведущую в тупик и единственный проход. Ниоба пролетела мимо него, а потом еще раз проскочила, ничего не заметив, когда поднималась обратно на нити. Сатана хитрая бестия!

Ниоба попыталась осторожно спуститься вниз, держась за край, но у нее ничего не получалось. К тому же она боялась упасть, что не мудрено для слабой женщины.

Ниоба еще раз вздохнула, достала новую нить и кинула ее в отверстие.

Тело легко последовало за нитью. Ниоба оказалась у входа в шестиугольный туннель, который резко уходил вниз — и она не смогла удержаться, почувствовала, как начинает соскальзывать вниз. Тогда она попыталась пошире расставить ноги и упереться в стены... Ничего не получилось. Придется спускаться до конца — куда бы ни вел туннель — или потратить еще одну нить. Ниоба решила рискнуть и не стала ничего предпринимать.

Вскоре она оказалась в другой части лабиринта. Теперь ее окружали прозрачные стены, а за ними толпились отвратительные демоны. Она насчитала пять выходов из этого «аквариума», но каждый из них охраняло чудовище. Как же отсюда выйти?

Не вызывало сомнений, что один из монстров — всего лишь иллюзия, мимо него Ниоба могла пройти, сохранив нить. Она понимала, что настоящее чудовище ее не пропустит, а выход отсюда обязательно должен существовать.

Ниоба подошла к человеку с головой тигра, который находился к ней ближе всего, и кинула в него нить. Чудовище исчезло. Победа — удалось найти выход с первой попытки!

Ниоба пошла по туннелю. Тот свернул под прямым углом, потом еще раз — как в лабиринтах, нарисованных на бумаге. Она осторожно шагала вперед, чтобы не провалиться сквозь ловушку в полу, и вскоре вышла к развилке. Куда идти — направо или налево? Ниоба решила, что это не имеет значения, поскольку в любом случае нить тратить не придется. И свернула налево.

Вскоре перед ней возникла маленькая комната, где сидел еще один человек с тигриной головой. Она бросила в него нить.

Нить съежилась и исчезла, а чудовище осталось на месте. Оно было настоящим.

— Иди сюда, лакомый кусочек! — вскричал тигроголовый. — Я тебя схрупаю!

Ниоба вздохнула и отступила обратно к развилке. На сей раз ей преградило дорогу существо с волчьей головой, которое, поглядывая на Ниобу, нетерпеливо расхаживало взад и вперед.

Она швырнула в него нить — чудовище испарилось. Еще одна иллюзия, путь свободен.

Однако Ниоба остановилась. Ей пришлось потратить две нити, чтобы обнаружить одну иллюзию. Если дело так пойдет и дальше, очень скоро нити кончатся, а иллюзии останутся. Сатана побеждает!

Впрочем, Ниоба прекрасно понимала: если бы она бездумно пошла к чудовищу, а оно оказалось настоящим и «схрупало» ее, то у нее исчезли бы сразу две нити. Гибель в лапах чудовища равносильна падению — еще одну нить приходилось тратить, чтобы выбраться из ловушки. Поэтому имело смысл проверить чудовище, прежде чем соваться к нему в ласты.

Но так ли это? Если вероятность того, что чудовище настоящее, равна пятидесяти процентам, значит, половина ее «схрупает» — в результате получается то же самое. Нет потерь — но нет и выигрыша. Тогда выходит, что нити использовать даже разумно.

Эта мысль встревожила Ниобу. Получалось, что победить Сатану можно, лишь положившись на случайность, пока же удача явно не на ее стороне. К данному моменту — а она вела счет — Ниоба истратила четыре нити в той части лабиринта, где были кристаллы, и обнаружила одну иллюзию; потом потеряла три нити и раскрыла две иллюзии. Семь против трех. По условиям дуэли, они с Сатаной

имеют равные шансы на победу. Сейчас она безнадежно проигрывает.

Проблема заключается в том, что настоящих монстров может оказаться в десять раз больше, чем иллюзорных — тогда она истратит все нити, и это ничего ей не даст! Должен же быть другой способ... Интересно какой?

Ниоба сжала зубы. Очевидно, проверка каждого чудовища — проигрышная стратегия. Поэтому их вообще не нужно проверять. Так, тогда ее «схрупал» бы тигроголовый, и она потеряла бы две нити... А она лишилась трех, проверяя каждого!

Ниоба пошла дальше. Перед ней возникла огромная человеческая голова, из которой торчало пять ног. Туловище отсутствовало. Настоящее страшилище! Ниоба решительно двинулась прямо на чудовище.

Голова тут же устремилась в ее сторону — каждая нога по очереди касалась пола — и изо всех сил лягнула в колено.

— Ой! — взывала Ниоба.

Другая нога угодила в лицо. Нос взорвался от боли, и Ниоба упала. Чудище принялось старательно ее топтать — до смерти.

Впрочем, смерть не наступила, хотя ощущения были очень близкие. Через некоторое время голова удовлетворилась и отступила. Ниоба с трудом поднялась на ноги. Боль быстро прошла, и она обнаружила, что нога и нос не сломаны. Ниоба не получила никаких физических повреждений. Удары причиняли резкую боль, затем все бесследно проходило. Оказывается, она неправильно оценила вариант «хрупанья»!

Еще две нити исчезли. Счет девять — три в пользу Сатаны.

К тому же здесь не пройти — очередной тупик, который защищает чудовище.

Новая стратегия не принесла успеха. Ниоба сохранила бы одну нить и избежала мучительной боли, если бы сначала проверила чудовище на иллюзорность.

Ниоба вернулась в исходное помещение этой секции. Оставалось еще четыре выхода, перед каждым сидел страж.

Она принялась их изучать. Птица с лисьей головой; змея с головой женщины; еще одна мужская голова, из ушей которой растут мускулистые руки; и напоследок собака с головой свиньи. Настоящий Ад! Ничего похожего среди земных существ Ниоба никогда не видела.

Четыре варианта. Можно либо использовать четыре нити из драгоценного запаса, либо попробовать пройти мимо охранников и потратить столько же, пытаясь найти истинный проход в лабиринте. Если он находится здесь; в первый раз Ниобе не повезло.

Нет, так не пойдет! Необходима другая стратегия — не только двигаться вперед, но и экономить нити. Нужно открывать сразу две иллюзии при помощи одной нити, а не наоборот! Нельзя слепо идти вперед, рассчитывая на удачу.

Особой спешки нет. Они не установили временного ограничения на прохождение лабиринта; Ниоба будет сражаться до тех пор, пока не найдет сына или не потеряет душу. Но если она будет колебаться, пытаясь решить головоломку, целую вечность, то никогда не выберется из Ада — и не поможет Луне. Впрочем, пока время у нее есть.

Должен существовать ключ, который Ниоба упустила... Как ей сейчас не хватало живого ума Седрика или сына! Случайные попытки не принесут успеха; поможет только мудрая стратегия. Но в чем же она заключается?

Ниоба погрузилась в размышления. Решение существует! Сатана мог бы обмануть ее относительно шансов, но Марс стоял на страже справедливости. Надежда на успех есть — не меньше, чем у Сатаны, — надо только найти разгадку.

Постепенно до нее стало доходить. Она обязана бречь нити — но Сатана должен точно так же экономить иллюзии. Каждый из них ограничен одной сотней. Ниоба не хотела зря разбрасывать нити, а он берег иллюзии. Каждый из них пытается выработать оптимальную стратегию. Но если Ниоба в состоянии изменить курс, то у Сатаны такой возможности нет. Он сотворил лабиринт, и теперь ему остается лишь наблюдать. Значит, Сатана не будет возводить иллюзии там, где в них нет необходимости. Часть из них он установит в ключевых местах — в противном случае Ниоба пройдет лабиринт при помощи своих нитей, попросту избегая видимых препятствий. Иллюзорное чудовище должно охранять истинный проход, вынуждая ее направиться навстречу настоящим монстрам и другим не приятностям.

Перед Ниобой имеется пять выходов. Нет никакого смысла ставить несколько иллюзий в одном коридоре — если вход в него охраняет настоящее чудовище. Она не сможет пройти мимо чудовища — а значит, ее не обманут

остальные иллюзии. Иллюзии должны появляться раньше — или вдоль истинной тропы.

Все пять чудовищ на этом перекрестке должны быть иллюзиями. Только такое поведение имеет смысл! Ничего удивительного нет в том, что Ниоба раскусила первую же иллюзию, которую захотела проверить! Могла бы сэкономить нить.

Более того, поскольку Сатана имел ограничения на иллюзии, он мог потратить на каждый перекресток лабиринта лишь определенное количество. Возможно, девять из десяти монстров окажутся подлинными, в Аду демоны шутка дешевая. В мире смертных иллюзии не стоят ни гроша, а отправить туда демона удается нечасто; в Преисподней все наоборот. Таким образом, после начала любого коридора почти все встречающиеся чудовища настоящие. Если лабиринт предложит ей десять различных проходов, девять из них будут защищать настоящие чудовища, и только один приведет к иллюзии. И тогда у нее появится множество шансов расстаться с нитями, что бы она ни делала. Именно поэтому Ниоба сейчас и проигрывает; она не разбралась в стратегии Сатаны.

Теперь, когда Ниоба все поняла, ей было необходимо определить общий принцип построения лабиринта и выбрать маршрут, в котором скорее всего расставлена большая часть иллюзий. Ложные ответвления в основном охраняют истинные чудовища.

Но как проанализировать лабиринт, если невозможно посмотреть на него целиком? Даже стеклянные стены не дают общей картины. Ниоба видит множество чудовищ, однако не в силах разглядеть изогнутые коридоры.

Ниоба подняла голову — одна из башен поднималась выше других. Создавалось впечатление, что над большей частью лабиринта нет крыши, а верхушки высоких стен — ей все равно было до них не добраться — казались острыми, как бритва; залезть на них не представлялось возможным. Из башни выступал трамплин для ныряния. Интересно, куда она попадет, если спрыгнет с него? В иллюзию озера? Ниоба понимала, что рисковать нельзя: это обойдется ей в две нити.

Зато с верхней площадки башни наверняка взгляду откроется весь лабиринт в целом. Значит, следует туда попасть, даже если придется свернуть с правильного маршрута.

Ниоба выбрала проход, по которому надеялась добраться до башни, и уверенно прошла сквозь охраняющего его стражу — змею с головой женщины. Монстр зашипел на нее, но коснуться не смог, Ниоба правильно предположила, что перед ней фальшивое чудовище. Она сохранила нить; на самом деле не одну, а целых четыре — все чудовища были не настоящими. Ниоба попыталась применить к головоломке логику, и вот налицо результат: она почти уравняла счет: девять — семь. Впервые ей удалось обнаружить обман, не потратив ни одной нити. Иллюзии стационарны — не перейдут в другое место и не последуют за ней. Она сможет отбросить те из них, в которых будет уверена, и чем больше она их раскусит методом дедукции, тем лучше.

Ниоба обнаружила, что дрожит, хотя напряжение стало спадать. Смело пройдя сквозь змею с головой женщины, она не только сохранила несколько нитей, но и подтвердила свой анализ. Если бы она ошиблась...

Очередной коридор защищала женщина со змеиной головой — инверсия предыдущего охранника. Поскольку другого пути не было, Ниоба знала, что перед ней иллюзия. Сатана позаботился о том, чтобы она здесь прошла, потратив нить; возможно, он надеялся, что Ниоба отважится спрыгнуть с башни. Она собралась с духом и шагнула к чудовищу; иллюзия номер восемь.

И оказалась перед винтовой лестницей. Прекрасное продолжение змеиной темы. Ниоба отдала дань эстетическому чувству Сатаны. Впрочем, искусство можно рассматривать как один из видов обмана, поскольку оно не имеет ничего общего с действительностью; а это уже входит в компетенцию Отца Лжи.

Осторожно пробуя каждую ступеньку, чтобы не провалиться, Ниоба поднялась по лестнице; за невнимательность пришлось бы расплачиваться нитями. Вскоре она выбралась на верхнюю площадку башни... которая была закрыта искажающим стеклом; Ниоба поняла, что придется ей встать на самый край трамплина, иначе как следует рассмотреть лабиринт не удастся.

Она так и поступила — и ее охватила акрофobia*. Доска трамплина находилась на высоте пятнадцати футов над стенами лабиринта и в двадцати пяти футах от земли.

* Боязнь высоты.

Доска слегка пружнила. Ниоба и в юности не особенно любила нырять, а уж теперь и подавно. Вспомнив, как спокойно она перебралась через пропасть в Замке Горного Короля, Ниоба подумала, что, возможно, с возрастом мужество ее покинуло. Она опустилась на четвереньки, осторожно подползла к самому краю, заглянула вниз...

И увидела пустое пространство. Землю закрывало пять огромных подушек. Каждая казалась такой мягкой, что прыжок на нее даже с такой высоты не причинил бы никакого вреда. А вдруг не все они настоящие... значит, нужно потратить по крайней мере одну нить.

Может быть, это хитроумная западня? Ниоба найдет надежную подушку и благополучно спрыгнет — а тут выяснится, что она оказалась в тупике. Придется возвращаться. Как? Ниоба уже поняла, что со двора подобраться к основанию башни не удастся. После прыжка вниз пути назад не будет.

Конечно, можно подняться наверх при помощи нити, но тогда она в очередной раз сыграет на руку Сатане — всякая использованная нить, которая не обнаруживает иллюзию, — потеря.

Ниоба напомнила себе, что она пришла на башню во все не для того, чтобы спрыгнуть вниз — ей требовалась точка обзора. Не потратив по дороге сюда ни одной нити, она выигрывала у Сатаны на этом отрезке пути. Ниоба предположила, что ближайшие две подушки являются обманом; если заняться выяснением подлинности всех пяти, можно потерять еще несколько нитей и в результате попасть в тупик. Ниоба научилась подсчитывать вероятность удачного и неудачного исхода.

Пришло время сосредоточиться на оставшейся части головоломки. Сверху лабиринт не казался таким большим; бесконечные повороты увеличивали его воображаемые размеры. Ниоба внимательно оглядела первый коридор, в который попыталась войти, потом отметила свой путь до основания башни. Отсюда оба прохода просматривались просто отлично.

Затем самым тщательным образом изучила три других коридора. Все они временами разветвлялись, но в большинстве случаев заканчивались тупиками сразу после появления стражей. Очевидно, Сатана надеялся, что Ниоба

попытается пройти мимо какого-нибудь из них — ведь она не видела, что они прячут, — и потеряет одну или две нити.

Одна дорожка после нескольких сложных поворотов выводила ее в исходную точку — в результате, потратив часть драгоценных нитей, она оказывалась там, где начала. Однако Ниобе удалось заметить длинный коридор, который извивался по всему лабиринту, имел три отростка и обрывался у отверстия в непрозрачной стене. Видимо, это то, что она ищет. По ходу Ниоба обнаружила тринадцать чудовищ и пришла к выводу, что лишь три из них подлинные и что они стерегут туники. Определить, какое из каждой пары настояще, не представлялось возможным, но в этом и не было необходимости. Кажется, удача повернулась к Ниобе лицом. Ей придется проверять монстров только на развилках — уйдет три нити, — а десять иллюзий она минует, не лишившись ни одной! Если две из пяти подушек внизу действительно не настоящие, значит, счет стал двенадцать—двадцать. Двенадцать нитей на двадцать иллюзий — и еще какое-то количество фальшивых охранников останется в других проходах. Такое соотношение ее вполне устраивало!

Ниоба запомнила маршрут, а потом осторожно отползла по доске назад. Встав на ноги, начала спускаться вниз, очень довольная собой. Если она правильно все подсчитала, у нее выигрышное положение.

Проход, который ей был нужен, охраняла голова с мускулистыми руками. Пожалуй, это символично! Голова с мускулами означает умение пользоваться мозгами. Символы — одна из форм искусства, а Сатана обладает весьма своеобразным чувством юмора; вполне возможно, что он решил немного пошутить.

Ниоба миновала иллюзию и оказалась внутри прохода. Следующий поворот стерегла кошка на куриных ногах — еще один фальшивый страж. У первой развилки Ниоба выбрала левый поворот и швырнула нить в пса с головой Коршуна. Чудовище заверещало и угрожающе раскрыло клюв — понятно, настоящее. Тогда Ниоба повернула направо и спокойно прошла сквозь обезглавленное тело, у которого лицо располагалось на животе.

На следующей развилке Ниобе удалось сразу попасть на иллюзию. Особого значения это не имело: в любом

случае, чтобы пройти, ей понадобилась бы всего одна нить — Ниоба наконец поняла правила игры и без проблем добралась до непрозрачной стены. Она одержала первую, пусть маленькую, но все-таки победу — заставила себя подумать и разгадала хитрость Сатаны.

Ниоба прошла сквозь отверстие в стене. И почти сразу же оказалась перед препятствием — но то была иллюзия. Она двинулась вперед, не останавливаясь...

Сначала одна нога, а потом другая коснулись чего-то, раздался щелчок... Ниоба с удивлением посмотрела вниз и обнаружила, что стоит на лыжах, которые неожиданно будто ожили, зашевелились. Ниоба каталась на лыжах, когда была маленькой девочкой, поэтому знала, что нужно делать, чтобы удержать равновесие на горном склоне — но с тех пор прошло семьдесят пять лет. Интересный поворот событий: лыжи в Аду!

Почувствовав, что лыжи вот-вот начнут набирать скорость, Ниоба огляделась по сторонам и заметила пару лыжных палок, воткнутых возле лыжни. Она поспешило схватила их. Очевидно, Марс настоял на том, что игра должна быть честной: Ниоба не могла обойтись без необходимого снаряжения.

Она выехала из закрытого помещения и поняла, что мчится вниз по крутым склону высокой горы. Лыжня извивалась по снегу между узкими колоннами огня, отмечавшими повороты. Вскоре Ниоба заметила развилку: один путь вел к трамплину, другой — к широкому замерзшему озеру.

Однако Ниоба свернула на третью тропу — здесь ее ждал слалом: лыжня петляла между огненными столбами. Ниоба не была специалистом по слалому, но этот вариант показался ей более привлекательным, чем остальные.

Она миновала первый столбик по широкой дуге, едва не потеряв равновесие. Ниоба была в отвратительной спортивной форме, а ее мышцы давно забыли, что такое юношеская гибкость. Да и кто слышал о женщине среднего возраста, вышедшей на трассу слалома?

Она допустила небольшую ошибку возле второго столба и коснулась его локтем. Раздалось легкое щипение: одежда загорелась, и тело Ниобы пронзила острые боль. Она подняла другую руку, чтобы сбить огонь — лыжная палка дернулась в сторону, Ниоба потеряла равновесие и вреза-

лась прямо в столб огня; на этот раз пламя обожгло лицо, загорелись волосы.

Ниоба отбросила палки и нырнула в снег, пытаясь погасить огонь на голове. Лыжи скользнули вбок, и она упала на живот. Снег оказался жестким, как лед. Ниоба, окончательно потеряв контроль над ситуацией, съезжала на животе по склону; в довершение всего одна нога подвернулась под диким углом, и тело пронзила острые боли.

Склон стал почти вертикальным, Ниоба упала...

Прямо в озеро. Лед треснул, и она провалилась в ужасно холодную воду, попыталась выплыть на поверхность, но ее отнесло в сторону от полыни, и она ударилась головой о твердый лед. Ниоба попыталась закричать — и рот тут же наполнился водой.

Уже теряя сознание, Ниоба в последний момент вспомнила про нити, вытащила одну из кармана и изо всех сил подбросила вверх.

И тут же стала подниматься сквозь лед, не разбивая его. Через мгновение она уже была на поверхности. Благодаря волшебной нити ей удалось не утонуть.

Ниоба огляделась по сторонам. Похоже, лед здесь достаточно прочный и выдержит ее вес. Рядом валялась лыжа, свалившаяся с ноги почти в самом конце; вторая осталась где-то на склоне. Лыжная палка плавала в полынье. Голая нога начала замерзать. Здравый смысл убеждал Ниобу, что тут находится лишь ее дух, однако ощущения яростно спорили с доводами рассудка. Теперь Ниоба точно знала, что попавшие в Ад души испытывают самые настоящие страдания!

Она посмотрела на свой запас нитей. Их стало существенно меньше; выходит, во время падения Ниоба успела несколько раз погибнуть! Она опять сильно проигрывает Сатане.

Ниоба захромала по льду и, опираясь на лыжу как на палку, принялась осторожно карабкаться вверх по склону. Голая нога постепенно теряла чувствительность — дурной знак. Женщина попыталась идти быстрее, но выяснилось, что левая нога тоже не в порядке, так что у нее ничего не получилось. Вдобавок ко всем несчастьям поднялся пронизывающий ветер, а одежда у Ниобы была совсем неподходящей для такой погоды.

Вряд ли она сумеет дойти до конца!

Ниоба вздохнула и потянулась за следующей нитью. Она избавила себя от мучительного подъема, но потеряла еще одну нить.

Неожиданно впереди возникла гигантская белая фигура. Снежный человек!

— Проклятье! — выругалась Ниоба и взмахнула лыжей, собираясь ударить чудовище.

Лыжа прошла насквозь, не встретив сопротивления. Ниоба потеряла равновесие и упала на снег. Еще один фантазм.

Поднявшись на ноги, она медленно зашагала дальше, пока не обнаружила собственную лыжню. Идти стало легче. Скоро Ниоба увидела вторую лыжу и туфлю, бросилась вперед — и провалилась в глубокую яму во льду, которая скрывалась под очередной иллюзией.

Падение обошлось ей в две нити. Ниоба выбралась из ямы, сняла туфлю с лыжи и надела на ногу. Чулок исчез. Впрочем, теперь это вряд ли имело значение: правая ступня превратилась в бесчувственную кулью.

Ну и куда дальше? Нужно как можно скорее найти выход из этой ледяной западни!

Ниоба решила, что лучше слаломной трассы варианта нет, и начала спускаться вниз по склону. На сей раз у нее не возникло никаких проблем: то, что на высокой скорости было сделать практически невозможно, пешком не представляло ни малейшего труда. Если бы она немного подумала, то сообразила бы сразу сбросить лыжи, а затем спокойно пошла бы вниз. «Да, ты здесь вовсе не для того, чтобы демонстрировать класс катания на лыжах, — выругала себя Ниоба. — Тебе нужно проделать определенный путь. Ты позволила Сатане диктовать свои условия и в результате потеряла сразу несколько нитей».

Ниоба остановилась возле столба огня, надеясь немногого согреться, но он оказался иллюзорным. Какая дьявольская хитрость: первые были настоящими и весьма чувствительно обжигали! Вероятно, удалось бы съехать с горы, если бы знать, какие вехи подлинные, а какие — всего лишь обман. Та, возле которой она стояла, блокировала оптимальное направление, поэтому лыжнику пришлось бы сделать опасный разворот, чтобы ее миновать.

Ниоба подошла к следующему столбику, который оказался настоящим. Однако погреться ей не удалось: вблизи пламя нестерпимо жгло, но стоило отодвинуть руки чуть в

сторону, и тепла уже не чувствовалось. Вздохнув, Ниоба зашагала дальше.

У подножия горы Ниоба обнаружила конечную станцию и подъемник. Впрочем, добраться на нем назад, на вершину, было невозможно. Очевидно, здесь начиналась новая часть головоломки.

Ниоба быстро уселась на сиденье, которое показалось ей удивительно удобным. Она слишком замерзла и устала, чтобы хорошенько подумать, стоит ли это делать. Какое счастье дать отдых ногам! Ремни безопасности — надо же, как в Аду беспокоятся о посетителях!

Мотор заработал, подъемник поднялся в воздух и медленно поплыл вперед.

А Ниоба принялась считать оставшиеся нити. Ровно двадцать. Спуск с горы стоил шестидесяти восьми. Невозможно много! Настоящая катастрофа! Но Марс наверняка позаботился о том, чтобы Сатана ее не обманул. Возможно, часть из них она потеряла, когда катилась вниз по склону, сколько-то осталось в полынье. Как же теперь сравнять счет?

Однако Ниоба тут же напомнила себе, что ей не нужно сравнивать счет — главное, пройти лабиринт. Если она и дальше будет обдумывать каждый свой шаг, то сумеет справиться с этой задачей. Нельзя терять надежду.

Ниоба наклонилась, чтобы помассировать ногу. Чувствительность постепенно возвращалась. Что ж, здесь есть свои плюсы и минусы — скоро все будет в порядке, хотя нога и начала болеть. Но и это пройдет; Ниоба еще не забыла, как ее затоптал до смерти головоногий монстр — а она почти сразу же пришла в себя. Хотя на то, чтобы «ожить» после потери шестидесяти восьми нитей, потребуется больше времени.

Подъемник выехал в туннель. Вспыхнул свет, и Ниоба увидела, что она попала на территорию какого-то завода. Сиденья подъемника двигались между роботами, которые что-то с ними делали. Очевидно, когда скамейка, на которой сидела Ниоба, окажется рядом с роботом, тот с ней что-нибудь сотворит — и вряд ли ей это понравится. Необходимо найти безопасный проход.

Впереди показалась развилка. Ниоба сдвинулась направо — и сиденье свернуло вправо. Значит, до некоторой степени она в состоянии контролировать свое перемещение в пространстве.

А вот остановиться или затормозить Ниоба была не в силах. Ее сиденье продолжало неумолимо куда-то катиться. Назад подъемник не поедет, он может двигаться только вперед, следовательно, нужно сразу принять правильное решение — а времени на раздумья нет. Кто знает, возможно, она уже допустила ошибку!

Впереди показался робот, обладатель двух металлических суставчатых рук и головы, отдаленно напоминающей человеческую. Одна рука заканчивалась огромными клящами, другая — острым ножом. Очевидно, в его задачу входило подравнивать заготовку, отрезая лишние куски. Когда очередь дойдет до Ниобы, ей не поздоровится. Если только робот не иллюзия.

Ниоба швырнула в него нить, которая немедленно исчезла. Робот оказался настоящим.

Ниоба торопливо расстегнула ремень безопасности, выскочила наружу и упала на пол возле подставки, на которой стоял робот. Она тут же услышала знакомое шипение; падение стоило ей еще одной нити. Сплошная катастрофа! Ниоба была уверена, что не сумеет преодолеть лабиринт, если не сядет в подъемник — и ошиблась.

На случайность полагаться нельзя. Необходимо понять, как устроен завод — ведь сумела же она разобраться в лабиринте с чудовищами. Это поможет ей пройти очередное испытание с минимальными потерями.

Ниоба встала и посмотрела на огромного робота. Каким же образом проанализировать эту ситуацию? Снизу ничего не видно, а подняться наверх нет никакой возможности. Во всяком случае, не у слабой женщины средних лет.

В таком случае нужно использовать голову, раз на тело рассчитывать не приходится. Ниоба устроилась на полу перед роботом и принялась размышлять, а сиденья подъемника одно за другим проползали над ней.

Ниоба не понимала, по какому принципу построено данное испытание, оставалось лишь гадать. Сумеет ли она победить? Здесь, в Аду, Ниоба потеряла последнюю веру в удачу.

А как насчет обмана? Сатана — мастер обмана; не применить ли против него его собственное оружие? В истории с Луной и Орб ей удалось перехитрить Лукавого, однако...

И тут Ниоба сообразила. Если у нее не получится... ну, она все равно проигрывает. А если ей будет сопутствовать успех, то шансы на победу остаются.

Она бросила нить роботу на плечо, и в следующее мгновение уже устроилась у него на шее. Затем потянула железного человека за голову. В руках у нее осталась крышка — нечто вроде колпака в форме чаши с отверстиями для глаз-линз. Ниже находились механизмы, благодаря которым робот вертел головой — они ей не требовались. Ниобу интересовал колпак — или шлем? — и, может быть, еще рука.

Она водрузила импровизированный шлем себе на голову. От него несло машинным маслом, и он был ей великоват, однако сквозь отверстия для линз все было прекрасно видно. Затем Ниоба потянулась за рукой.

На этот раз робот, похоже, почувствовал ее прикоснение. Механизмы головы пришли в движение, линзы уставились на руку. Потом локоть робота согнулся, и рука втянулась внутрь.

Ну что ж. Придется ограничиться шлемом. Оставалось надеяться, что его окажется достаточно.

Ниоба наблюдала за подъемником, медленно скользящим мимо. Потом выбрала подходящий момент, бросила нить — и вскочила в сиденье. Быстро застегнула ремень безопасности.

Робот потянулся в ее сторону.

— У-у-ух! — завопила Ниоба, глядя на своего противника сквозь отверстия в шлеме. Ее голос глухо рокотал под шлемом. — Я тестирующий робот. Клэнг-клэнг!

Робот заколебался, механизмы головы пришли в движение; казалось, он таким образом размышляет. К тому моменту когда робот собрался действовать, сиденье уже его миновало.

Дорога снова разветвлялась и уходила сразу в нескольких направлениях, Ниоба выбрала одно из них и вскоре оказалась перед следующим роботом.

— Клэнг-клэнг! — снова заорала она.

Робот опять заколебался, и, пока его программа пыталась отыскать правильное решение, Ниоба проскочила мимо. Сработало!

К несчастью, Ниоба выбрала не то направление и скоро оказалась в тупике. Здесь сиденья переворачивались, складывались и отправлялись в противоположный конец

завода; дальше ехать было некуда. Рядом Ниоба заметила другую линию, которая явно куда-то вела. Ниоба бросила на сиденье нить, но она прошла насовсем — иллюзия!

Ей пришлось потратить еще одну нить, чтобы найти подходящую линию. Увы, через несколько минут дорога закончилась тупиком.

Ниоба не сдавалась, и наконец ей удалось отыскать сиденье, которое куда-то ехало. Вскоре у нее на пути возник новый робот; она попыталась повторить прежний маневр, но он не обратил на ее вопли ни малейшего внимания. Его не обманул шлем, а у Ниобы уже не хватало времени выпрыгнуть вниз! Она закричала, когда клещи сомкнулись у нее на руке... и прошли насовсем, не причинив вреда. Еще одна иллюзия!

Значит, она вновь на правильном пути.

Ниоба доехала до самого конца. Оставалось пройти совсем немного, и она покинет территорию завода. Ниоба сняла шлем и попыталась осмыслить свое положение. Замерзшая нога оттаяла и вела себя вполне прилично, но осталось всего пять нитей. Она по-прежнему не знала, сколько еще нужно пройти или сколько у Сатаны в запасе иллюзий. Ясно было одно: развязка приближается.

Глава 16

Ответы

3 а заводом оказался еще один зал. Ниоба осторожно прошла по нему, опасаясь новых подвохов. Складывалось впечатление, что здесь все спокойно. Вскоре она добралась до перекрестка нескольких коридоров. В самом центре на подставке была установлена вычурная табличка. Подойдя к ней поближе, Ниоба прочитала: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ. ПОСЛЕДНЯЯ СЕРИЯ ИСПЫТАНИЙ. НИТЕЙ ОСТАЛОСЬ — 5, ИЛЛЮЗИЙ — 10».

Ниоба задумалась. Возможно, это очередной обман. Конечно, ее нити сосчитаны правильно; и если количество иллюзий указано верно, значит, она гораздо ближе к цели, чем ей казалось. И, следовательно, еще может одержать победу!

С другой стороны, нельзя не рассматривать вариант, что Сатана пытается таким способом ее перехитрить. Стоит ли потратить одну нить, чтобы убедиться наверняка? Нет, полнейшая глупость! Пожалуй, нужно принять сообщение за правду и позаботиться о том, чтобы сохранить нити.

Ниоба решила считать остающиеся иллюзии — добравшись до нуля, она поймет, что победила. Однако не следует доверять табличке безоглядно, поскольку, если все-таки Сатана пытается ее обмануть, она, полагая, что справилась с последним фальшивым препятствием, станет жертвой коварства Отца Лжи. Но скорее всего Марс не позволит Сатане выдавать ей ложную информацию — ведь существует

вполне определенное различие между иллюзией и бессовестным враньем.

Ниоба некоторое время прикидывала, что следует делать дальше, а потом повернула направо — и попала в тупик. Она ощупала длинную стену, потолок и пол, но не сумела обнаружить выхода.

Тогда она выбрала левый коридор, но он тоже оказался тупиком, как и третий, который уходил прямо вперед. Получалось, что ни один из проходов никуда не ведет.

Ниоба стояла около таблички и размышляла. Может быть, надпись лжет, но не в том, что касается количества нитей и иллюзий, а в том, что складывается неверное впечатление, будто отсюда имеется выход? Чтобы Ниоба израсходовала несколько из своих драгоценных нитей в поисках того, чего здесь нет? Какая дьявольская ловушка!

Ниоба обошла вокруг подставки и обнаружила на обратной стороне таблички надпись: СДАЕШЬСЯ?

Сатана шутит! Ладно же!

— И не подумаю! — крикнула она.

Сатана мог поместить здесь указания, чтобы Ниоба решила, будто все это сплошное вранье и из зала нет выхода — в то время как на самом деле она на верном пути. Прежде чем делать окончательные выводы, необходимо убедиться в том, что тут действительно тупик.

Ниоба принялась более внимательно исследовать коридоры. Ей пришло в голову, что иллюзия может быть не только зрительной; прикосновение и звук тоже бывают обманчивыми. Ведь некоторые из фальшивых чудовищ угрожающе рычали, когда она с ними столкнулась. А вдруг она не сумела обнаружить выхода, просто потому что ее руки не смогли его заметить — как, впрочем, и глаза. Значит, придется воспользоваться нитью — и тогда у нее их останется четыре, а у Сатаны — девять иллюзий. Нет, так рисковать нельзя. Пока.

Тут Ниоба заметила идущий чуть в сторону проход, который соединял центральный коридор и тот, что уходил налево — получалось что-то наподобие цифры 4. Для чего он существует, когда гораздо проще попасть из одного коридора в другой через центр зала? Разве что для того, чтобы не возвращаться каждый раз назад.

Ниоба задумалась. Вспомнила, что существует подобная загадка: «решить» фигуру, пройдя по ее очертаниям и не возвращаясь назад. В больших городах таким образом

устроены транспортные развязки, где три правых поворота заменяют один левый, который является нарушением правил. Неужели и здесь действует такая же схема?

Она вернулась в начальную точку у основания цифры 4 и решительно зашагала вперед. Миновала табличку, добралась до верхушки «четверки», резко повернула налево. Проследовала по чуть уходящему в сторону коридору, снова свернула налево. Еще раз прошла мимо таблички в самый конец воображаемой цифры... и увидела пещеру. Ей удалось справиться с иллюзией, не прибегая к волшебной нити. Два левых поворота открыли то, что прятал один правый.

Ниоба стояла в самом начале прямой тропинки, которая, словно причал, упиралась в глубокое черное озеро. Постепенно тропа расширялась, образуя посреди водоема остров — где сидел дракон. Дорожка заканчивалась за спиной дракона у стены.

Значит, чтобы продолжить путь, нужно пройти мимо дракона. У Сатаны осталось девять иллюзий; он наверняка спрятал дверь в стене при помощи хитрости, а стеречь ее посадил реального дракона. До этого Ниоба столкнулась с ненастоящими чудищами, охранявшими настоящие проходы. Сейчас Сатана наверняка решил изменить тактику и сделать наоборот. По всей видимости, разрушить иллюзию удастся, если миновать дракона; нет никакой необходимости прибегать к волшебной нити.

Вот только возникает вопрос: как обойти это страшилище?

Дракон тоже может оказаться иллюзией. Но если она подойдет к нему слишком близко, а он окажется подлинным, Ниоба потеряет две драгоценные нити и при этом не продвинется вперед ни на дюйм. Нет, так рисковать нельзя. Лучше потратить одну нить, зато убедиться наверняка...

Затем в голову Ниобе пришла отличная мысль. Она приблизилась к чудовищу и швырнула в него свой шлем. Тот отскочил от чешуйчатого бока и с громким всплеском свалился в воду. Дракон изрыгнул пламя — значит, настоящий.

Ниоба принялась оглядываться по сторонам. За спиной дракона и по всему периметру пещеры чуть выше уровня воды шел уступ, который заканчивался примерно в восьми футах от того места, где она стояла.

Ниоба вздохнула; мужчина мог бы без проблем перепрыгнуть на другую сторону. Она — нет.

Она подняла голову и увидела, что с потолка свисают лианы. Они казались совсем ненадежными, тем не менее Ниоба ухватилась за одну из них и дернула; лиана оторвалась где-то наверху и свалилась к ее ногам. Ниобе удалось заметить несколько более толстых, но ей было до них не дотянуться.

Складывалось впечатление, что никакого другого пути нет, если только не вернуться назад, туда, где она обнаружила цифру 4. Однако Ниоба решила, что сделает это только в самом крайнем случае. Выход должен быть!

И Ниоба его отыскала. Она ухватилась за одну из тонких лиан и завязала на ее конце грубый узел. Затем прикурила этот узел к другой лиане и швырнула его в сторону более толстой. После нескольких попыток Ниобе удалось подтянуть ее к себе. Та оказалась достаточно толстой и прочной.

Ниоба крепко вцепилась в лиану, отошла назад, добежала до границы воды, с силой оттолкнулась и перепрыгнула на другую тропинку. Внизу, под ней, что-то похожее на большую белую акулу метнулось в воде.

Ниоба осторожно шла по узкой тропинке, ощупывая правой рукой стену. Дракон следил за ней, но достать не мог.

Там, где прямая тропинка пересекалась с той, на которой она стояла, оказался выход; его и в самом деле скрывала иллюзия. Ниоба двигалась вперед, соблюдая невероятную осторожность, каждую минуту ожидая подвоха. Однако ничего не произошло. Она справилась с очередным препятствием, сохранив свои пять нитей, в то время как у Сатаны осталось только восемь иллюзий — если верить табличке. Ниоба по-прежнему отставала, но находчивость помогла ей продвинуться вперед.

Вскоре она очутилась в широкой пещере, через которую бежала полноводная река; обстановка напоминала испытание в Замке Горного Короля. Если идея позаимствована оттуда, то Ниоба прекрасно знает, как перебраться на другой берег.

Однако здесь все оказалось иначе — ни металлической сетки, ни надписи. Конечно, Лета — одна из рек Ада, и, может быть, Ниоба оказалась на ее берегу не случайно; на всякий случай она решила отнести к реке с осторожностью.

стью. Заметив рыб, Ниоба опустила в воду палец, и тут же на поверхности появилось сразу три маленьких уродца с острыми, как иголки, зубами. Один даже высоко подпрыгнул в воздух, пытаясь дотянуться до руки Ниобы, когда та быстро ее отдернула; пасть мерзкой твари захлопнулась как раз в том месте, где секунду назад был палец. С громким всплеском страшилище свалилось в воду. Да, пожалуй, перебираться на другой берег вплавь не стоит!

Вдруг Ниоба услышала какой-то звук. Она остановилась и боязливо прислушалась. Ровные, уверенные шаги мужчины. Ниоба спряталась в небольшом углублении в стенах — ей совсем не хотелось встречаться с мужчиной, попавшим в Ад.

И тут она его увидела. Высокий, светловолосый, хороший сложенный красивый юноша.

Ниоба не смогла сдержаться.

— Седрик! — вскричала она.

Седрик повернулся к ней и, раскрыв объятья, крикнул:

— Ниоба!

Однако, прежде чем Ниоба успела до него добежать, сий в голову пришло сразу несколько вещей.

— Ты же умер!

— Конечно. Но моя любовь к тебе жива.

— А что ты делаешь в Аду? Ты был хорошим человеком — самым чудесным на свете!

Седрик пожал плечами:

— Машина дала сбой... возможно. Но если ты здесь, значит, это единственное место, где я хочу находиться. Рядом с самой красивой женщиной своего времени.

— Но я больше не красива! Я постарела!

Седрик снова пожал плечами:

— Какая разница! Моя любовь к тебе не умрет никогда.

— Ты ведь иллюзия, верно? — возмутилась Ниоба. — Переодетый демон! Я могу воспользоваться своей волшебной нитью и вывести тебя на чистую воду!

Ниоба страшно разозлилась на Сатану за то, что он именно таким способом хотел ее обмануть. Показал ей давно потерянную любовь!

Седрик просто стоял и ничего не говорил. Он был точно таким же, каким Ниоба его запомнила, и чувства в ее груди боролись со здравым смыслом. В жизни нет ничего лучше первой любви!

Тогда она разозлилась еще больше:

— Убирайся отсюда! Я не стану тратить на тебя нить! Ты всего лишь... насмешка! — Слезы катились по ее щекам, потому что призрак застал ее врасплох и ей нужно было выпустить на волю чувства. — Ты не имеешь права...

— Мне грустно, что ты так говоришь, — сказал Седрик. — Впрочем, ты никогда не любила меня так сильно, как я тебя.

В его словах было достаточно правды, чтобы причинить Ниобе боль. Она метнулась к нему и, замахнувшись, попала кулаком в нос.

Потекла кровь, но Седрик даже не пошевелился, чтобы нанести ответный удар.

— Я всегда буду любить тебя, Ниоба, — тихо проговорил он.

Ниоба была в такой ярости, что могла бы убить его в этот момент. Ее напряженные пальцы скрючились, словно когти хищной птицы. Она попыталась добраться до его глаз.

И замерла на месте. Злоба — оружие Сатаны. Она попалась в его ловушку! Если она позволит ненависти и ярости взять вверх, то навсегда останется в Аду.

Седрика изображал демон, уж можно не сомневаться — он оказался настоящим под призрачной оболочкой. Естественно, он был в состоянии уничтожить ее одним ударом! Но не сделал этого. Он просто издевался над ней, заставив рассвирепеть, дразня любовью, которая была ей так дорога. Конечно, Ниоба могла использовать одну из своих нитей, чтобы выявить обман — или он мог убить ее, заставив лишиться двух нитей. Правила лабиринта не позволяли чудовищам ее преследовать; они могли лишь причинить ей вред, если она по собственной инициативе войдет с ними в контакт. Она вошла с ним в контакт — однако демон пытался уничтожить не ее тело, а способность разумно мыслить. Он должен был заставить Ниобу забыть о своей миссии и безрассудно истратить оставшиеся нити. В такую ловушку нельзя попадаться — потому что тогда она потеряет все.

Ниоба попыталась успокоиться.

— Извини, Седрик. Мне не следовало так себя вести. Конечно, твоя любовь самая настоящая. — Ниоба достала платок и вытерла кровь с лица «Седрика».

Демону явно стало не по себе.

— Пожалуйста, не беспокойся, — сказал он. — Все в порядке.

— Нет, я должна тебе помочь, — ласково ответила Ниоба. — Для меня это очень важно, я должна любить тебя так же сильно, как ты любишь меня.

Демон отшатнулся:

— Мне пора.

— Неужели тебе надо... и так быстро, Седрик? — грустно проговорила Ниоба.

Он бросился прочь, не говоря больше ни слова.

Ниоба прекрасно поняла почему. Демоны являются по рождением ненависти и ярости и практически не в состоянии переносить любовь и нежность, что бы они ни говорили. Этот демон побеждал ее — до тех пор пока Ниоба не выбросила из сердца злобу. И тогда он не смог справиться с возникшей ситуацией. Любовь победила ненависть, пришлось только приложить немного стараний.

Ниоба прошла чуть-чуть вперед по дорожке и встретила еще одного человека.

— Пейс!

— Ниоба!

Она не сомневалась, что перед ней очередной демон, потому что Пасиан, как и Седрик, был по-настоящему хорошим человеком, которому в Аду делать нечего.

Ниоба бросилась к нему навстречу:

— Милый, как я рада тебя видеть!

Демон заколебался:

— Что? Да-да, конечно. Я знаю, ты совсем не виновата в том, что я сюда попал.

Вот в чем хитрость! Заставить ее возмутиться столь наглым намеком.

— О, конечно, виновата, — ответила Ниоба. — Если бы не я, ты отправился бы в Рай, я знаю.

И снова демон колебался — пьеса разыгрывалась не по его сценарию! Тогда он сделал новую попытку, зайдя с другой стороны:

— Ну, по правде говоря, это не совсем я...

— Дай-ка я тебя как следует поцелую, дорогой, — предложила Ниоба и направилась к демону.

Он бросился бежать. Ниоба улыбнулась. Кажется, она научилась обращаться с демонами. «Интересно, неужели мой гнев для Сатаны важнее моей жизни?»

У Ниобы осталось так мало волшебных нитей, что две, которые он отнял бы, убив ее, составляли сорок процентов от общего числа. Любой из двух демонов мог сделать так, что она осталась бы всего с тремя нитями и оказалась в очень тяжелом положении на последнем этапе лабиринта. Неужели ему действительно так важно заставить ее впасть в ярость?

Ниоба остановилась, понимая, что ей вот-вот откроется что-то очень важное. Сатана является воплощением Зла и несет в себе зло, но он не глуп. Все его действия осмысленны. Тогда почему же он не приказал демонам нанести ей решительный удар в случае провала первоначального задания? Выходит, он надеялся извлечь из сложившейся ситуации какую-то выгоду.

Так, предположим, Ниоба столкнется с проблемами, на решение которых понадобится больше двух нитей, если ее не отвлекут с этого пути демоны. Прежде ей удавалось определить, что она выбрала не ту дорогу, потому что дальше не было прохода. Теперь же она встретилась с демонами, которые спокойно могли ее остановить, но не стали. Значит ли это, что она направляется туда, где ей придется использовать больше нитей, чем если бы она пошла в другую сторону?

Если так, следует повернуть назад. Тогда придется снова встретиться с теми двумя демонами — и они, вне всяких сомнений, ее не пропустят. Она может потерять четыре нити. Эта ловушка гораздо более хитроумная, чем предыдущие чудища; демонам приказано не убивать ее до тех пор, пока она двигается в нужном Сатане направлении. А если ей и удастся миновать их, как отыскать верный путь?

В таком случае, решила Ниоба, придется поставить на то, что это правильная дорога. В конце концов, вполне может быть, что демоны пытались заставить ее подумать, будто она идет не туда. Вот будет смешно, если она свернет с дороги только потому, что те ее не остановили.

А пока у нее имелось определенное преимущество: она знала, что Князь Тьмы пытается лишить ее по меньшей мере трех нитей — двух Сатане для окончательной победы недостаточно. Видимо, это минимальное количество, нужное ей для того, чтобы одержать над ним верх. Сатана даже готов отказаться от иллюзий; впрочем, они уже сыграли

свою роль. Теперь первостепенное значение имеет количество оставшихся у Ниобы нитей.

Однако все этапы лабиринта подготовлены до того, как она туда вошла. Откуда мог Сатана знать, сколько нитей у нее будет к этому моменту?

Мучаясь сомнениями, Ниоба пошла вперед. И встретилась с Бланш, первой женой Пасиана, которую убил во время свадьбы Мага и Бленды демон, посланный Сатаной.

Снова Ниоба ни секунды не сомневалась в том, что Бланш не могла попасть в Ад; она должна была отправиться в Рай. Еще один демон, точнее, дьяволица, и еще одна иллюзия. Почему бы не повести себя с ней точно так же, как и с остальными?

— Бланш! — воскликнула Ниоба и направилась к ней с распластертыми объятиями. — Я так рада тебя видеть!

Бланш спокойно стояла на месте, потом подошла к Ниобе и крепко ее обняла. Она казалась абсолютно реальной и ничем не отличалась от живого человека.

— Огромное тебе спасибо за то, что заботилась о моем муже!

Что-то новенькое! Видимо, не все существа, порожденные Адом, не выносят добрых чувств. Может быть, дьяволицы слеплены из другого, более тонкого материала, поскольку их частенько используют для совращения мужчин в лоно зла — в буквальном смысле этого слова. Если бы их можно было изгнать при помощи любви, они не смогли бы исполнять свои функции. Как же тогда избавиться от этой служанки Сатаны?

— Значит, ты не сердишься на меня за то, что я вышла за него замуж после твоей смерти?

— О нет, дорогая! — вскричала Бланш. — Пасиан был таким хорошим человеком, он заслужил самую лучшую женщину — а ты была самой лучшей. Он всегда тебя любил из-за твоей красоты; только справедливо, что он получил возможность насладиться ею прежде, чем она увяла.

Дьяволица знала свое дело! Обида, нанесенная женщиной, может быть более утонченной, но не менее острой, чем боль, причиненная мужчиной.

— Я так рада, что ты все понимаешь, — сказала Ниоба, изо всех сил стараясь, чтобы ее голос звучал как можно ласковее. — В пророчестве говорилось, что он будет обладать самой красивой женщиной своего поколения, но, вне всякого сомнения, это была не ты.

— И то правда! — спокойно согласилась с ней Бланш. — Я гордилась тем, что он меня любил и что мне посчастливилось родить от него красивую дочь.

— Да, мой сын Маг на ней женился, — согласилась Ниоба. Казалось, ей не удастся вывести дьяволицу из равновесия, и она не получала никакого удовлетворения от происходящего. Это существо так невероятно напоминало настоящую Бланш, всегда такую добрую и отзывчивую. — Я собираюсь с ним встретиться.

— Да, знаю. Я с удовольствием помогу тебе его разыскать.

Что такое? На мгновение Ниобу переполнили новые сомнения. А вдруг перед ней настоящая Бланш? Проверить при помощи волшебной нити...

Нет! Возможно, это очередная ловушка. Ниоба потратит нить, чтобы убедиться в том, что имеет дело с дьяволицей... а та тут же ее убьет и, таким образом, лишит еще двух нитей — и Сатана победил. Может быть, попытаться уйти... только затем, чтобы встретиться с двумя демонами, оставшимися позади? Такая стратегия, вне всякого сомнения, приведет к поражению.

Бланш должна быть на небесах. Значит, здесь наверняка иллюзия-дьяволица, играющая ее роль так, как на это способна только женщина. Мужчины-демоны потерпели поражение, однако женщины всегда были более искусными в подобных вещах.

Ладно, раз невозможно от нее избавиться, придется согласиться на ее предложение.

— О, спасибо тебе, Бланш! Но ведь мы же с тобой в Аду. Разве Сатана позволит?

— Даже здесь, в Аду, не всех переполняет зло, — напомнила ей Бланш. — Просто дело в том, что добра в нас меньше. Все хорошее, что во мне есть, связано с Пасианом, моей дочерью и твоим сыном. Я помогу тебе до него добраться, однако мне не позволено раскрывать тебе никаких секретов. Ты должна понять.

— Я понимаю.

На самом деле Ниоба ничего не понимала. Именно так и стала бы вести себя настоящая Бланш... Но какая дьяволица добровольно согласится помогать тому, кто намеревается победить ее господина? Она должна играть свою роль до определенного предела, не так ли?

Обеспокоенная, Ниоба продолжала шагать вперед в сопровождении Бланш. Если она имеет дело не с очередной хитростью Сатаны, тогда все так запутано, что в настоящий момент разобраться в происходящем невозможно.

Если только, неожиданно поняла Ниоба, Сатана не хочет, чтобы она добралась до сына. Или чтобы не сомневалась, что может это сделать. Естественно, он обеспечит ее всей возможной помощью... и направит по ложному пути.

«Так, кажется, я окончательно и бесповоротно застряла», — подумала Ниоба. Игра становилась все более сложной по мере того, как Сатана продвигался от загадок лабиринта к более мудреным психологическим задачам.

И вдруг Ниоба заметила, что появилось новое существо. Очередной демон — а ей так и не удалось избавиться от предыдущего!

На дороге стояла Бленда, жена Мага и мать Луны. Ниобе стало немного жутковато.

— Мама! — вскричала Бленда.

— Девочка моя! — воскликнула Бланш.

Они бросились друг к другу, обнялись, расплакались. Ниоба с удивлением за ними наблюдала. Эти две женщины не могли быть не кем иным, как дьяволицами — а они казались такими реальными! Ослепительная красота Бленды увяла, перед Ниобой стояла изможденная женщина, умершая от лейкемии в возрасте сорока семи лет. Магу удалось при помощи волшебства продлить жизнь жены, но он не мог ее вылечить. Значит, и она тоже отправилась на небеса, а вовсе не в Ад. В какой-то момент они с Ниобой были похожи, точно близнецы, душа Бленды не знала зла.

— Я рада, что у тебя все в порядке, Ниоба! — сказала Бленда.

Все в порядке? Ну, это вряд ли!.. Ниоба даже не стала пытаться сорвать с нее маску, просто обняла и обменялась несколькими вежливыми фразами.

— Итак, ты пришла поговорить с моим мужем, — промолвила Бленда.

— Со своим сыном, — согласилась Ниоба. — У него есть ответ на интересующий меня вопрос.

— Я помогу тебе его отыскать, — предложила Бленда. — Я не видела его с тех самых пор, как умерла.

Конечно, не видела! Бленда попала в Рай, а Маг — в Ад. Однако Ниоба решила подыграть дьяволице.

— Почему? Он здесь вот уже два года.

Губы Бленды задрожали.

— Мы не имеем права навещать друг друга. Это часть наказания.

Ниоба была вынуждена признать, что в словах женщины есть зерно здравого смысла. Итак, она оказалась в компании двух дьяволиц, готовых помочь ей отыскать сына. Все страньше и страньше!*

Ниоба снова двинулась в путь, а рядом с ней шагали служанки Сатаны. В запасе у нее оставалось пять нитей, и четыре неизвестные иллюзии ждали впереди.

— Как девочки? — спросила Бленда.

— Орб отправилась путешествовать, — ответила Ниоба. — Луна занялась политикой.

— Ах да, чтобы помешать замыслам Сатаны! — воскликнула Бленда. — А тебе нужен совет Мага.

Вскоре они увидели впереди трех самых настоящих демонов. Очевидно, Сатана решил не тратить последние иллюзии; ему пришлось послать их в истинном обличье. Демоны увидели женщин и поспешили к ним навстречу.

— Осторожно! — крикнула Бланш. — Я таких уже встречала! Они могут нас изнасиловать или съесть, если мы не будем держаться вместе!

— Или и то и другое, — добавила Бленда.

— Или и то и другое, — согласилась Бланш. — Мы должны держаться вместе, тогда они не посмеют нападать. Они самые настоящие трусы.

Ниоба молчала. Теперь она оказалась в компании пятидесяти демонов. И как же, интересно знать, выбираться из этого положения? И почему бы Сатане не послать сразу десятерых?

Демоны приблизились. Их украшали рога, копыта, хвосты и явно выделяющиеся мужские достоинства — очень характерная черта для существ подобного рода. Они оглядели женщин.

— Не скучаете? — спросил один.

— Убирайся, мерзкая тварь! — крикнула Бленда.

Демон задумался — видимо, пытался сообразить, что следует сделать, чтобы женщины оказались в их власти.

— А если мы вам поможем? — предложил он. — Хотите перебраться на другой берег?

* Цитата из книги Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

— Да, — ответила Ниоба; ей ведь действительно нужно было как-то оказаться на том берегу реки — тропинка, по которой она шла, кончалась немного впереди.

— Мы поможем. У нас есть лодка.

— И с какой стати вы станете нам помогать? — поинтересовалась Ниоба — по крайней мере с этими не нужно было притворяться.

Демон посмотрел на нее и облизнулся. Переступил с ноги на ногу. И промолчал.

Впрочем, в ответе действительно не было необходимости. Демоны помогут одной женщине перебраться на другой берег и, таким образом, разделят их. Затем три демона набросятся на одну или двоих женщин и сделают свое черное дело.

Возможно, два демона займутся дьяволицами — изнасилуют или съедят? Видимо, так оно и будет — по законам, управляющим этой частью лабиринта. А может быть, они нападут только на Ниобу, как только та расстанется со своими «подружками»?

Ответ прост. Все трое отправятся на другой берег вместе. Если бы женщины намеревались бросить Ниобу, они бы уже это сделали. Складывалось впечатление, что Бланш и Бленда останутся с ней — пока.

— Покажите лодку, — сказала Ниоба.

Демоны продемонстрировали маленькое каноэ, в которое могло поместиться не больше двух человек — иначе лодочонка пошла бы ко дну.

Ниоба посмотрела на своих спутниц. Те только развели руками. Было совершенно ясно, что нечего и думать сесть в лодку втроем.

Но в противном случае кто-то из них станет жертвой демонов. Ниоба могла бы поплыть на другой берег одна — и вдруг поняла, что не оставит женщин на милость похотливых демонов, даже несмотря на то, что в действительностии они самые настоящие дьяволицы. До сих пор они ее не предали и не сделали ей ничего плохого; Ниобе не хотелось становиться причиной их страданий. Да, это, конечно, Ад. Но она принесла сюда свои жизненные принципы и не собиралась от них отступать.

Возможно, в этом и заключалась суть нового испытания: убедиться в том, сможет ли она забыть о совести в ситуации, когда ей удобно о совести не вспоминать.

Этические стандарты, меняющиеся в зависимости от обстоятельств, ничего не стоят.

Сначала Ниоба решила перебраться на другой берег с одним демоном, чтобы счет остался равным. Затем подумала, что демон спокойно вернется назад после того, как Ниоба уйдет. Или сплавает за другим демоном, чтобы вдвоем пуститься за ней в погоню.

Нужно переправиться вместе с двумя женщинами — причем так, чтобы ни в какой момент демоны не превосходили их числом. Ниоба поняла, что это единственно правильное решение.

Она задумалась. И тут вспомнила серию логических задач, которыми они с Седриком развлекались в первое проведенное вместе лето. Седрик отличался блестящим умом, и, оглядываясь назад, Ниоба поняла, что ее любовь к нему родилась именно тогда, когда Седрик щелкал подобные задачки как орешки. А ведь он был еще совсем мальчишкой — правда, каким хорошенъким!

Ниоба почувствовала, что вот-вот расплачется, и заставила себя не думать о прошлом.

«В конце концов, — напомнила она себе, — ты в Аду».

Одной из таких загадок была забавная история о том, как три охотника хотели перебраться на другой берег реки с тремя дикарями, которым нельзя доверять. Охотникам пришлось воспользоваться лодкой, вмещавшей только двух пассажиров, причем ни разу дикари не превосходили их числом. Точно такая же ситуация, как та, с которой столкнулась Ниоба! Значит, ответ есть!

Только вот нужно его вспомнить.

Вся компания просто стояла и смотрела на нее — две женщины и три демона. Да, это, вне всякого сомнения, тест, одно из заданий лабиринта. Ниоба сумела разобраться в сложных проходах и иллюзиях, справиться с испытаниями, выпавшими на ее долю на заснеженном склоне, и пройти завод роботов. И вот теперь она вынуждена пустить в ход свое самое слабое оружие — интеллект. Ниоба никогда не отличалась выдающимися способностями, хотя ее всегда привлекали умные мужчины.

Если удастся разгадать загадку, она продолжит путь; в случае провала — начнет свою загробную жизнь в Аду с поистине адского переживания.

Догадывается ли Сатана, что она знает о существовании такой задачки? Может быть, он получает особое удо-

вольствие от того, что у самого финиша успех ее предприятия зависит от логической головоломки? Какие невыносимые страдания испытает Ниоба, понимая, что почти добилась своего, что до победы было рукой подать, но ей не удалось ее ухватить! Сатана даже послал демона в обличье Седрика, чтобы она вспомнила...

— Будь ты проклят, Сатана! — тихонько выругалась Ниоба.

Ей показалось, что она услышала в ответ хохот, хотя, вполне возможно, это был лишь плеск воды в реке.

Ниоба сосредоточилась на задаче. Как там развивались события? Сначала реку могут пересечь две женщины... Нет, тогда третья останется во власти трех демонов. Ну, тогда... одна женщина и один демон. А кто пригонит назад лодку? Придется это сделать женщине. Значит, здесь, на этом берегу окажется два демона и три женщины, а на дальнем — один демон. Затем в лодку сядут одна женщина и один демон. Когда они доберутся до другого берега, там будет два демона и одна женщина. Не годится.

Хорошо, предположим, сначала переправятся два демона? Один из них вернется с лодкой. Затем две женщины... нет, в этом случае на ближнем берегу два демона легко справятся с одной женщиной.

Как Ниоба ни старалась, она доходила до определенной точки в своих рассуждениях — и застrevала. Казалось, успешно справиться с поставленной задачей невозможно. Однако она знала, что ответ есть! Седрик ей его рассказал.

К загадке имеется ключ — нужно только посмотреть под определенным углом. Обычный человек, вроде нее, ни за что не обратит на него внимания. Как же его отыскать?

Она представила себе юное лицо Седрика, волнистые волосы падают на лоб. Он показал ей разгадку, такую простую и очевидную, что Ниоба невесело рассмеялась.

«Седрик! — подумала она, и ее сердце затопила волна любви. — Ты мне так нужен!»

Должно быть, ее любовь вернула столь дорогие воспоминания о его голосе, о том, как Седрик произнес это слово. Ключ к разгадке лежит в обратном путешествии лодки. Нечто удивительное, бессмысленное — пока не поймешь, в чем тут дело. Возвращение...

Ниоба поняла. Благодаря Седрику, деду Луны, она знала, как решить задачу и спасти Луну. Сатана придумал

очень хитроумный способ, чтобы посмеяться над ней; но она нашла выход и из западни.

— Вы двое, садитесь в лодку и отправляйтесь на другой берег, — приказала она демонам.

Они не стали спорить, забрались в каноэ и принялись грести лапами, не обращая внимания на весла, лежавшие на дне лодки. Кровожадные рыбы подплывали к ним, а когда какая-нибудь прицеплялась особенно сильно, демон просто вытаскивал ладонь из воды, подносил ее ко рту и пожирал свою добычу. Вскоре они оказались на противоположном берегу.

— А теперь один пусть останется на берегу, а другой пригонит сюда лодку! — крикнула Ниоба.

Демоны лишь молча пожали плечами; один остался стоять у воды, а другой, усевшись на носу и быстро загребая лапами, направил ее к Ниобе. Получалось у него не очень ловко, но в конце концов он достиг берега.

— Еще двое садитесь в лодку и плывите на тот берег.

Они послушно выполнили приказ. В результате все три демона оказались на противоположной стороне реки, в то время как три женщины на этой.

— Так, один из вас должен доставить лодку сюда! — крикнула Ниоба.

— Но если одна из нас окажется там... — озабоченно проговорила Бланш.

— Не волнуйся, — успокоила ее Ниоба.

Прибыл демон с лодкой. Двое на дальнем берегу присялись плотоядно облизываться, полагая, что следующий заход принесет им кое-что приятное.

— А сейчас наша очередь, — сказала Ниоба. — Пойдем, Бланш.

— Но я... — запротестовала Бленда.

— С тобой остается всего один демон, — заявила Ниоба. — Никаких проблем.

Они с Бланш взяли по веслу и пустились в путь. Снова появились стаи рыб, но не нашли ничего съедобного. Каноэ двигалось немного неуверенно, поскольку ни Ниоба, ни Бланш не имели никакого опыта в обращении с веслами, и временами Ниобе казалось, что, стараясь как можно быстрее оказаться на другом берегу, они просто перевернутся. В конце концов они добрались до цели своего путешествия. Рыбы сердито щелкали зубами.

Итак, на одном берегу оказалось две женщины и два демона, и одна женщина и один демон — на другом. Кто должен вернуться: демон или женщина?

— По одному, — сказала Ниоба. — Я и ты. — Она выбрала одного демона.

Демон пожал плечами и уселся рядом с ней. Он не имел ни малейшего понятия, что она задумала, однако не сомневался, что рано или поздно женщины попадут к ним в лапы.

Когда Ниоба переплыла реку вместе с демоном, ей было не по себе, она знала, что он в любой момент может перевернуть каноэ и лишить ее жизни. С другой стороны, она прекрасно понимала, что он этого не сделает. Демон нападет только тогда, когда возникнет численное преимущество. Она перехитрила Сатану, дав ему возможность отнять у нее две нити, в то время как ему нужно было получить три.

Они добрались до берега. Их стало четверо на этом и двое на том.

— Две женщины, — сказала Ниоба.

Бленда забралась в каноэ, и они отправились в путь, оставив у себя за спиной двоих демонов. Когда они присоединились к Бланш, женщин стало трое против одного демона.

— Ну вот, можешь перевезти своих приятелей, если хочешь, — заявила Ниоба. — А мы пойдем дальше. Спасибо за помощь.

Она двинулась вперед по тропинке, оставив позади демона, который принял озадаченно чесать рогатую голову. Он не мог понять, как это трем таким лакомым кусочкам удалось от них ускользнуть.

— Здорово ты решила задачу, — похвалила ее Бланш.

— Мне помогло приятное воспоминание, — загадочно ответила Ниоба.

Впрочем, она знала, что чудом не стала жертвой хитрости Сатаны. Осталось четыре иллюзии, а испытания становились все сложнее и сложнее.

Тропинка увела женщин от реки, и вскоре они оказались в огромном зале, похожем на собор.

В самом центре на возвышении сидел мужчина. Когда женщины вошли, он поднялся на ноги.

— Итак, вы наконец добрались! — воскликнул он.

Это был Маг!

Первой к нему побежала Бленда.

— Муж мой!

— Жена моя! — ответил он, они обнялись и поцеловались.

Теперь пришла очередь Ниобы подойти к нему. Однако она не забыла о четырех оставшихся иллюзиях. Вполне возможно, что она миновала их, когда перебралась на другой берег реки, а может быть, на табличке в зале, похожем на четверку, стояло неправильное число — но она сомневалась. Видимо, ей придется раскрыть их все до единой, только тогда она сможет одержать победу. Нельзя доверять тому, что она видит.

Хорошо, предположим, это действительно Маг и он готов дать ответ, который Ниоба ищет — а она пройдет мимо? И потерпит поражение. Вот Сатана посмеется! Он предложил ей решение на блюдечке, а Ниоба именно по этой причине отказалась его принять. Какая изысканная ирония!

Наступит день, когда Сатане придется за все заплатить!

Ниоба достала нить и бросила ее в Мага. Если он настоящий...

Нить коснулась Мага... и он превратился в демона с тремя лицами и шестью руками. Казалось, голова его держится на шарикоподшипниках, потому что она свободно вращалась, и на Ниобу смотрели три лица по очереди. Одно молодое, другое принадлежало человеку среднего возраста, а третье — старику, причем трудно было сказать, какое из них уродливее.

— Итак! — прошипело среднее.

— Ты во мне сомневаешься, бабенка! — заявило самое старое.

— Сейчас я тобой займусь! — выкрикнуло молодое, и демон шагнул к ней.

Бланш и Бленда взвизгнули. Ниоба полагала, что демоны убегут, поскольку они уже сыграли свою роль, но женщины заслонили ее собой.

— Ты ее не получишь! — воскликнула Бленда.

— Это касается меня, а не вас! — сказала Ниоба. — Не...

Трехликий демон вцепился в Бленду, воспользовавшись четырьмя из своих рук, чтобы ухватиться за ноги и руки, поднял ее повыше и принялся вертеть головой, стараясь получше рассмотреть.

— На тебя, уродина, и времени-то жалко! — объявили он и швырнули ее куда-то за свой трон.

Только сейчас Ниоба заметила, что трон стоит не в центре зала; так лишь казалось издалека. На самом деле он возвышался на краю пропасти. Бленда отчаянно закричала, падая в темноту, и вскоре исчезла.

И снова демон двинулся к Ниобе. На этот раз вмешалась Бланш.

— Ты можешь перебраться на другую сторону, Ниоба! — крикнула она. — Иллюзия скрывает площадку...

Демон схватил ее и сжал руки на горле, чтобы остановить поток слов. Тремя другими руками он сорвал с нее одежду и зарычал от отвращения.

— Мне не нравится проклятая плоть; я хочу настоящей. Твое место в Аду! — заявил он и отправил вслед за Блендой.

Ниобу потрясло сразу несколько вещей. Эти двое были дьяволицами — и пожертвовали собой ради нее. Мало того, выдали информацию, которая была ей нужна, чтобы победить Сатану. Бессмысленно, если только...

Если только Бланш и Бленда и в самом деле те, за кого себя выдавали. Тогда...

Нет! Они никоим образом не могли попасть в Ад. Однако им вовсе не обязательно быть дьяволицами. Может, это души, которым приказано изобразить знакомых Ниобе женщин; или, что вполне возможно, их заставили поверить, будто они этими женщинами являются. И они вели себя искренне, несмотря на то что не были настоящими — и заплатили за это такую ужасную цену.

Ужасную цену! Нет, они же проклятые души. Падение в пропасть не причинило им боль; они просто перестали существовать в данной ситуации. Ниоба снова осталась одна. И все же она сожалела о том, что ничего для них не сделала.

Тем временем трехликий демон приближался — и на сей раз некому было вмешаться и встать на ее защиту. Ниоба воспользовалась нитью, чтобы вывести его на чистую воду; если он сейчас ее убьет, получится, что она потеряла три. Необходимо отсюда выбраться. Однако пропасть слишком широка, короткой нити не хватит для того, чтобы попасть на другую сторону.

Если она отступит, то окажется между этим демоном и тремя, оставшимися у реки. Значит, нужно идти вперед.

Имеется площадка, скрытая иллюзией... Бланш сказала правду? Если эта проклятая душа является истинным подражанием благословенной, она не соглашалась. Бланш была одним из самых замечательных людей, которых Ниоба знала, хотя они мало общались. Сатана совершил ошибку, заставив проклятые души изображать благородные; естественно, они мечтали стать теми, кем притворялись, — так актер желает превратиться в героя, которого играет. Они прекрасно справились со своими ролями. И как могли приблизиться к несбыточному стремлению покинуть Ад и попасть в Рай.

Ниоба помчалась к пропасти, бросила перед собой нить и примирно в ядре от края увидела платформу. Ее скрывала иллюзия пропасти.

Ниоба перепрыгнула, а трехликий демон, последовавший за ней, попытался остановиться, но заскользил на гладком полу и свалился в щель между платформой и краем пропасти. Все три рта отчаянно взывали.

Ниоба перебралась на противоположную сторону, у нее осталось три нити, а у Сатаны — две иллюзии. Впервые за все время у Ниобы появилась надежда на победу.

Она заставила себя успокоиться и зашагала вперед, испытывая сожаление о двух душах, которые помогли ей пройти часть пути.

Вскоре она вышла еще в один большой зал и увидела около дюжины демонов вроде тех, что она оставила у реки, похожих друг на друга как две капли воды. Они выстроились около огромных весов.

И что все это значит? Демоны вели себя тихо, не делали никаких угрожающих жестов; казалось, они просто ждут. Видимо, Ниобе предстоит последнее испытание — только она не знает, в чем оно заключается.

И тут Ниоба кое-что вспомнила. Пасиан, ее второй муж, был очень похож на Седрика. Волшебная музыка и блестящий интеллект — они родились в одной семье, поэтому нет ничего удивительного в том, что у них много общего. Пейс тоже обожал разгадывать разные головоломки и всегда побеждал Ниобу. Ей пришла на ум первая, та, про которую Пасиан рассказал ей на берегу травяного моря, когда они пытались попасть в резиденцию Геи. Двенадцать монет, весы. Одиннадцать монет настоящие, одна — фальшивая, внешне ничем не отличается от остальных. Ее можно отыскать только по едва заметной разнице в весе.

Задача заключалась в том, чтобы найти фальшивую и определить, легче она или тяжелее других.

Легко; нужно взвесить все монеты парами. Если две уравновешиваются, значит, они настоящие; если же нет — значит, одна фальшивая. А затем их по очереди сравнивают с какой-нибудь из хороших — и все становится ясно.

Если не считать того, что взвешивать можно только три раза, группами — и никакие комбинации групповых взвешиваний не выделят с полной достоверностью одну фальшивую монету, и уж конечно, не позволят определить природу ее отличия.

Перед Ниобой стояло двенадцать совершенно одинаковых демонов — а у нее осталось только три нити. Может быть, в этом все дело?

Складывается впечатление, что у Сатаны в запасе три иллюзии. Он мог сделать так, что два демона будут похожи на ее сына — но не сделал. Ни один из демонов не был замаскирован.

И тут Ниоба поняла.

— Один из вас мой сын!

Все утвердительно кивнули.

— Который?

Демоны покачали головами, отказываясь говорить.

Почему Маг не вышел вперед, чтобы она убедилась в его истинности при помощи нити?

Ниоба задумалась и поняла — ее нити не только открывают обман, но еще и восстанавливают жизнь и помогают перелетать с места на место, так и иллюзии Сатаны не ограничены только органами чувств. Отец Лжи мог прибегнуть к иллюзии, изменив внешность Мага и спрятав его за личиной демона — и еще к одной, лишив его возможности назвать себя.

Более того, почему бы Сатане не устроить так: если Ниоба сумеет узнать Мага, он не скажет ей правды. И тогда она получит ложный ответ, воспользуется им, а Сатана одержит победу.

Значит, нужно его послушать — и сделать наоборот.

А если он даст истинный совет? Тогда она проиграет — еще один пример милой иронии Сатаны.

Придется выяснить заранее, правду ей скажет Маг или солжет. С этим справится волшебная нить — но останется ли в запасе хотя бы одна после того, как Ниоба найдет Мага?

В этой адской путанице ее сын играет роль фальшивой монеты, и то, что он ей поведает, будет либо правдой, либо ложью. Он может оказаться честным и, следовательно, немного легче демонов, или бесчестным — и тяжелее всех остальных, поскольку ложь — это грех, который угнетает душу.

У Ниобы осталось три нити — значит, каждая дает право на одно взвешивание. Ей следует отыскать сына среди абсолютно одинаковых демонов и определить его относительный вес.

На первый взгляд задача кажется невыполнимой. Однако четверть века назад Пасиан решил ее и показал Ниобе, как это делается. Естественно, она все забыла.

Ниоба знала, что тут ей придется хуже, чем возле реки. Она с трудом разобралась с перевозкой демонов на другой берег; и нечего надеяться, что удастся легко найти ответ к этой задаче! Преимущество в количестве нитей ничего не дает. Ее подвели память и весьма скромные способности к умозаключениям. Ниоба вдруг пожалела, что была самой красивой женщиной своего поколения; лучше бы она блистала интеллектом!

Неожиданно появился огненный шар, разросся и превратился в самого Сатану.

— Вот до чего дошло, потрепанная ты швабра! — воскликнул он.

Встретившись с ним в Пустоте в первый раз, Ниоба рассердилась гораздо меньше, когда он называл ее «милашка» и разными другими ласковыми именами. Однако она сдержалась и проговорила:

— Я смогу победить, Сатана.

— Неужели, старая курица? Хотелось бы поглядеть!

Он взмахнул рукой, и тут же возник огненный трон. Сатана устроился на нем поудобнее и принялся наблюдать за происходящим.

— А почему бы не пригласить весь мир на меня поглядеть? — раздраженно спросила Ниоба.

Сатана пожал плечами:

— Весь мир? Думаю, не стоит. А вот определенных заинтересованных лиц, пожалуй, можно и пригласить.

Он хлопнул в ладоши, и одна стена исчезла, а за ней оказалась часть амфитеатра, где сидели самые разные демоны и заблудшие души, включая тех, что изображали Сед-

рика и Пасиана, и дьяволицы, игравшие роли Бланш и Бленды. И пять воплощений.

Пять? Ах да, в данный момент Ниоба не является Судьбой; она всего лишь душа Ниобы, оказавшаяся на грани проклятия... или спасения. Клото и Атропос владели телом и по очереди брали над ним контроль — в зависимости от настроения.

— Ну давай, безмозглая тушица, продемонстрируй нам свое чудо! — язвительно проговорил Сатана. — Твои друзья посмотрят на твое падение!

Но Ниоба по-прежнему не поддавалась на его подзуживания. Позволив раздражению или гневу взять вверх, она проиграет. Ниоба сосредоточилась на решении задачи. Двенацать монет, три взвешивания... Как получить ответ?

Сначала Ниоба предположила, что можно разделить монеты на две равные кучки, а потом сравнить их вес. Таким способом удастся выделить одну группу из двух — но будет ли это означать, что в ней находится более легкая монета или в другой более тяжелая? Если бы только знать вес в начале! Тогда она взяла бы те шесть монет, что оказались легче, разделила бы их на кучки по три и взвесила две монеты из той, которая легче. Если одна монета окажется более легкой — значит, задача решена; если же чаши весов уравновесятся, то фальшивой окажется третья. Этот метод сработает и в случае, если фальшивая монета будет более тяжелой. Как все просто!

Однако, если не знаешь относительного веса монет, одного взвешивания недостаточно. Понадобится вторая нить, чтобы определить вес половиной одной из основных групп; если чаши уравновесятся, значит, фальшивая монета находится в другой группе, и Ниоба разберется с ее массой. После этого понадобятся два взвешивания, чтобы получить ответ — а всего их будет четыре. Не годится.

Отчаянно сражаясь с задачей, Ниоба вдруг вспомнила, что можно использовать систему, когда исключается нечетное число. Нужно на чаши весов положить по четыре монеты; если они уравновесятся, значит, фальшивая оказалась среди четырех оставшихся. Затем взвешиваются две и две — нет, не так. Если сравнить четыре из третьей группы с любыми четырьмя уже проверенными, удастся узнать, тяжелая фальшивая монета (демон) или легкая. Потом... нет, чтобы довести дело до конца, одной операции недостаточно.

И все же Ниоба была уверена, что находится на верном пути. Сравнить три монеты из интересующей нас группы с любыми тремя хорошими; если они уравновесятся, останется одна, и последнее взвешивание установит ее относительный вес. Если две группы не уравновесятся, следовательно, фальшивая монета более легкая. И тогда ее можно будет выявить еще одним взвешиванием.

Хорошо, предположим, в результате первого эксперимента — четыре и четыре — весы не уравновесятся? Тогда получится, что искомая монета находится среди восьми других. Слишком много для двух взвешиваний.

Ниоба отчаянно искала решение, а собравшиеся зрители молча наблюдали за ней и ждали. Она может победить по чистой случайности, если нужный ей демон окажется в нужной группе. Но Ниоба не сомневалась, что не стоит рассчитывать на случайность — по крайней мере не здесь, в Преисподней. Придется решить задачу за три взвешивания, не надеясь на удачное стеченье обстоятельств.

Ниоба так напряженно думала, что у нее начала болеть голова. Какую бы стратегию она ни выбрала, нельзя быть уверенной, что получишь точный ответ всего за три взвешивания. Что же делать?

На глаза Ниобы навернулись слезы, и от того, что Сатана их заметил и радостно фыркнул, совсем не стало легче. Он знал, что вот-вот одержит победу. Ниобу ждет унижение.

«О, Пейс! — подумала она. — Как же ты это сделал?»

И вдруг, словно в ответ на ее мольбу, пришло решение. Пейс — или кто-то еще — ответил. Ниоба вспомнила ключ к задаче.

— Обмен! — воскликнула она, подошла к весам и велела четырем близким демонам: — Вставайте на эту сторону. — Они подчинились, молча взобрались на большую чашу. — А вы, четверо, сюда! — Следующая четверка выполнила ее приказ.

Затем Ниоба привела весы в действие. Чаши не уравновесились, очень медленно левая начала опускаться. На ней оказалось немного больше зла. Естественно, Ниобе выпало решить самый сложный вариант задачи.

Теперь пришла очередь самого главного шага. Она ткнула пальцем в стоявшего в самом центре левой чаши демона, а потом в одного из тех, что находились справа.

— Поменяйтесь местами.

Демоны пожали плечами, явно рассматривая ее поведение как полнейшую чушь, но покорно выполнили указание.

Зрители зашептались, а Сатана нахмурился.

— А теперь вы, — Ниоба показала на демонов, оставшихся справа, — слезайте.

Они сошли с весов.

— Вы, трое. — Ниоба выбрала троих демонов из группы, которую еще не взвешивала. — На чашу.

Ниоба видела, что все воплощения качают головами, видимо, считая, что она окончательно лишилась рассудка. Бланш и Бленда печально опустили глаза. В нее никто не верил, но Ниоба надеялась, что нашла правильное решение.

В результате взвешивания левая чаша снова опустилась чуть ниже. Ниоба узнала многое из того, что ей было нужно. Если бы чаши уравновесились, это означало бы, что фальшивый демон находится среди тех троих, которых она заставила сойти, и что он легче, потому что они находились на более легкой чаше. Если бы чаша склонилась в другую сторону, Ниоба знала бы, что искомым демоном является один из двоих, поменявшихся местами; после этого она сравнила бы легкую «монету» и хорошую и выяснила то, что требовалось, поскольку, если бы демон остался легким, значит, фальшивый демон легче, а если бы чаши уравновесились, можно было бы сделать вывод, что другой является тяжелой фальшивкой. Сейчас она поняла, что Маг находится среди тех троих, которых она не меняла местами и не передвигала, и что он тяжелый.

— Ты и ты, — сказала она, показав на двоих демонов. — Давайте сравним ваш вес. Последняя нить.

Демоны выполнили приказ, чаши весов замерли ровно напротив друг друга.

Ниоба повернулась к третьему, оставшемуся демону:

— Здравствуй, Маг!

Удивленные воплощения принялись аплодировать. Бланш и Бленда радостно подняли головы. А Сатана нахмурился еще больше.

Однако Ниоба знала, что испытание не закончено. Она может задать сыну вопрос — но то, что он ей скажет, будет ложью. Она воспользовалась всеми своими нитями, чтобы добраться до этого момента, и не может заставить его сказать правду.

Придется выявить ее методом исключения. Только правда абсолютно последовательна; рано или поздно рисунок лжи проявится.

— Ты имеешь право всего на один вопрос, — объявил Сатана.

— Один вопрос! — взорвалась Ниоба. — Мы так не договаривались!

— Ты поставила на кон одну душу — задавай один вопрос.

Ниоба совсем не так поняла их соглашение, но тут же сообразила, что условия были не жесткими, и Сатана воспользовался промахом. Видимо, Марсу тоже не пришло в голову оговорить этот пункт. Отец Лжи нашел лазейку, и ей ничего не остается, как играть по его правилам.

Один вопрос! Если бы Ниоба была уверена, что получит правдивый ответ, она бы спросила: «Что я должна сделать, чтобы помешать замыслам Сатаны, направленным против Луны?» Но Маг может ответить все что угодно, а она не имеет права задать дополнительный вопрос. Следовательно, нужно отыскать такой, на который ложный ответ окажется конструктивным. Еще одно испытание — и какое сложное!

Сумеет ли она сформулировать свой вопрос таким образом, чтобы, сказав «да» или «нет» и солгав, Маг показал ей, что она должна делать? Только в том случае, если она уже знает ответ — а он ей неизвестен.

Неужели Сатана все-таки одержал победу? Ну, не совсем — ведь Ниобе удалось добраться до Мага и узнать его. Она прошла лабиринт при помощи своих нитей; но до тех пор пока не получит то, за чем пришла, и не выберется из Ада в целости и сохранности, ее душа находится в опасности. Так же, как и все человечество.

Ниоба вновь обвела взглядом зрителей. Демоны облизывались в предвкушении победы, проклятые души казались томными и печальными, Марс изо всех сил старался не показать, о чем он думает. Он проследил за тем, чтобы Сатана не обманул Ниобу, но теперь ничем не мог ей помочь. Инкарнации — воплощения основных факторов, управляющих судьбой человека, — смотрели на нее.

Танатос, отказавшийся взять душу Луны, потому что любил девушку. Возможно, эту причину можно было бы посчитать эгоистичной, но ему пришлось столкнуться с Сатаной лицом к лицу, и в конце концов он сохранил

жизнь Луне, чтобы она сыграла свою роль в спасении человечества. Одна, возможно, выйдет за Смерть...

Хроносу тоже пришлось сразиться с Сатаной во времена, которые еще должны для всех наступить. В эту минуту Ниоба порадовалась, что в своем прошлом не раз утешала его преемников; они все были достойными людьми и честно выполняли свою работу.

Гея множество раз помогала ей в самые трудные минуты. Дочь Ниобы, Орб, похоже, придет на смену нынешней Гее — если предсказание сбудется. И, конечно же, она сама должна разрушить злобные планы Сатаны, потому что он всегда наносит удар по наименее опытному воплощению. А другая возьмет в мужья Злу...

Вряд ли! Немыслимо! И тем не менее Ниоба сама в некотором смысле отдала Орб Сатане. Она сделала это только затем, чтобы удержать ее от занятий политикой, сыграв на ошибке, допущенной Сатаной, однако любая связь с ним опасна. Какую судьбу она уготовила собственной дочери? Впрочем, Орб — разумная талантливая женщина, хотя и немного вспыльчивая. И прекрасно знает, на что способен тот, кто пытался нанести им удар в Замке Горного Короля. Орб ни за что не доверится Злу!

Однако то пророчество постоянно и очень хитроумно исполняется, шаг за шагом. Ниоба надеялась, что в данном вопросе она поняла его неверно.

Танатос сумел противостоять Сатане, воспользовавшись властью над смертью. Хронос победит его, сдвигая временные границы. Каждое воплощение своим собственным методом сражается с Сатаной. А теперь Ниоба, в качестве Судьбы, обязана помешать ему манипулировать нитями жизни. Значит, нужно прибегнуть к возможностям одного из аспектов Судьбы.

И вдруг Ниоба поняла. Дело в ней — ведь Маг оставил записку ей. Таким образом, количество вариантов резко уменьшается. Решение задачи лежит не в той области, которой управляет Танатос, Хронос или какое-нибудь другое воплощение. Речь идет о Судьбе, о какой-то отдельной способности, присущей лишь ей.

Только вот какой? И ведь она не может спросить напрямую!

Так, если дело в Судьбе, значит, имеется в виду какой-то аспект. Их три. За тридцать восемь лет Ниоба прекрасно изучила обязанности Клото — никакого отношения к

нынешней ситуации. Ее преемница, Лиза, обнаружила и развила качество, о котором Ниоба даже и не подозревала, — умение менять внешность, превращаясь из одной красивой женщины в другую. Возможно, существуют и другие. Но ведь Клото прядет нити, а не манипулирует ими, когда они занимают свое место на Гобелене. Так что вряд ли речь идет о Клото.

Ниоба пробыла Лахесис совсем недолго. Не исключено, что существует что-то очень важное, о чем она не знает, но Ниоба в этом сомневалась.

Остается Атропос. О ее возможностях Ниобе было почти ничего неизвестно. Обязанности Атропос казались достаточно простыми — ей приходилось всего лишь обрезать отмеренные нити. Недостаточно для самостоятельной деятельности.

Получается, что Ниоба столкнулась с задачкой о трех монетах! Одну можно отложить в сторону — Клото. Остается две. Если бы Ниоба знала, какая из них наделена необходимым качеством, она могла бы сосредоточить все свое внимание только на ней и приобрести более надежный шанс выяснить, о чём же идет речь. Конечно, она вряд ли сумеет таким способом получить прямой ответ на свой вопрос, но попробовать все-таки стоит.

— Маг, вот о чём я хочу тебя спросить, — сказала она. — Способна ли Атропос помешать Сатане в том, что он сейчас задумал?

— Нет, — ответил демон.

По рядам проклятых душ прокатился вздох разочарования, а демоны принялись громко ликовать. Они решили, что Ниоба проиграла; поскольку не знали, что ответ содержит в себе ложное утверждение и что Ниоба об этом догадалась. Маг только что подтвердил ее предположение, дав ключ к победе.

Сатана поднялся со своего огненного трона.

— Итак, ты проиграла и теперь принадлежишь Мне, несчастная женщина!

— Не смей ко мне прикасаться, гнусная тварь! — выкрикнула Ниоба. — У меня кончились нити, но и у тебя больше не осталось иллюзий. Я прошла лабиринт.

— Однако не получила ответа, — заявил Сатана, направляясь к ней; теперь языки пламени окружали Ниобу, Сатану и всех двенадцать демонов.

— Я получила ответ! — возмутилась Ниоба. — Взвешивая твоих демонов, я поняла, что ты заколдовал моего сына таким образом, что он должен был солгать мне. Следовательно, дело в Атропос!

— Смешно! — ответил Сатана. Кольцо огня начало смыкаться, уничтожило демонов, которые исчезали поочереди в клубах дыма, словно их подожгли огромным факелом. — Все знают, что ты проиграла. — Сатана потянулся к ней, его руки тоже полыхали огнем. — Я стремился заполучить твою душу целых шестьдесят лет, и вот ты моя!

— Нет! — вскричала Ниоба. — Я требую справедливости! У меня есть ответ!

На ноги вскочил Марс.

— Сатана, ты слишком много себе позволяешь, — сказал он и положил руку на рукоять своего огромного алого меча.

Сатана нахмурился, потом остановился, а вместе с ним замерло и огненное кольцо. Рядом осталось стоять четыре демона, включая и того, который был Магом.

— Твоя очередь еще придет, Вояка! — пробормотал он, а затем, повернувшись к зрителям, объявил: — Пусть тогда общирапная курица даст нам ответ, если он у нее есть. Здесь и сейчас!

— Согласен, — ответил Марс, который так и остался на ногах. Рука его покосилась на рукоять меча.

Итак, Марс сделал все, чтобы обеспечивать соблюдение закона. Ниоба поступила мудро, выбрав его в качестве судьи.

Сатана обвел глазами присутствующих и лишь после этого уставился на Ниобу:

— Давай ответ, уродина! Ты блефуешь!

Однако Ниоба еще не нашла ответа; она знала только, что у нее имеется ключ.

— Всему свое время, рогатый.

— Сейчас... или придется расплачиваться! — объявил Сатана.

— А ты не забыл, что у нас нет лимита времени? — напомнила Ниоба. — Лабиринт считается пройденным, когда я получу ответ — или не получу. Я могу думать двадцать лет, если пожелаю. Верно, Марс?

Марс безжалостно улыбнулся:

— Верно, Лахесис. Время не отоваривалось.

— Какая благословенная лазейка! — проворчал Сатана. — Ладно, хорошо, я подожду... Я буду ждать, пока не замерзнет сам Ад. — Он махнул рукой и языки пламени снова ожили. — А это произойдет нескоро.

Ниоба знала, что огонь не причинит ей никакого вреда — по крайней мере до тех пор, пока игра не закончена. Хотя, возможно, доставит некоторые неудобства. Сатана пытается отвлечь ее.

Она постаралась сосредоточиться — значит, действитель но дело в Атропос. И речь идет об обрезании нитей. Но Атропос не может ничего сделать, пока Лахесис не отмерит нить. Если пешки Сатаны, действующие на Земле, могут бытьнейтрализованы Лахесис, почему тогда Маг исключил ее из своего ответа? Ему следовало сказать «да», чтобы направить ее внимание на Атропос, поскольку он был вынужден солгать. Получается, что Лахесис тут ни при чем.

Что произойдет, если Атропос обрежет неотмеренную нить? Ну, если она возьмет нить в начале — случится катастрофа; это они узнали на собственном печальном опыте. Впрочем, сейчас слишком поздно отрезать начальные части нитей жизни приспешников Сатаны, попавших в сенат, они уже заняли свое место на Гобелене. Другой конец... Если нить отмерена и закреплена на Гобелене, ее очень сложно обрезать раньше полагающегося времени. Однако, по всей видимости, возможно. Атропос никогда не станет это делать, потому что таким образом можно причинить Гобелену серьезный вред.

Что-то здесь не так! Когда Лахесис отмеряет нить, она определяет ее потенциал. Но не все живут таким образом, чтобы его реализовать. Иные не выдерживают и теряются. Смертные называют это самоубийством — когда человек сам решает положить конец своей нити. Обычно инстинкт самосохранения спасает человека, но когда он слабеет...

Вот, нашла. Ниоба повернулась к Сатане:

— Когда Атропос отрезает нить вне очереди, после того как она была вплетена в Гобелен, жизнь заканчивается, несмотря на длину, отмеренную Лахесис. Это называется самоубийством. Атропос кладет конец желанию данного индивидуума жить — уничтожает его инстинкт самосохранения. А без него средний человек очень быстро устает от однообразия и трудностей своего существования и решает отправиться в загробный мир. В особенности если он ве-

рит, что попадет в Рай — или ему обещано особое отношение в Аду.

— Я обращаюсь с самоубийцами не лучше, чем с остальными! — возмущенно воскликнул Сатана и пламя, окружавшее его, вспыхнуло ярче прежнего.

— Но ты ведь обещал определенные привилегии тем, кто согласится выполнить твои поручения на Земле, — сказала Ниоба. — Например, тем, кто должен занять места сенаторов, теперь наслаждающихся своей вновь приобретенной молодостью. Так вот, они могут прийти к тебе гораздо раньше, чем ты думаешь.

— Тогда я прикажу мучить их в два раза сильнее! — Сатана был в ярости. — Они нужны мне на Земле!

— В течение двадцати лет или около того, — согласилась Ниоба. — Но если Атропос обрежет их нити раньше времени и твои дружки лишатся желания жить дальше, вряд ли они захотят так долго ждать обещанной награды.

— А им и не полагается никакой награды! — Языки пламени почти поглотили Сатану.

— Тогда какой им смысл выполнять твои приказы? — нежнейшим голосом спросила Ниоба. — Тебе будет очень непросто собрать нужное количество голосов, если эти люди поймут, что ты их обманул.

— Ты блефуешь! — выкрикнул Сатана. — Ты не сможешь уничтожить свои собственные нити!

— Чтобы спасти человечество? — спросила она. — Скорее всего не смогу... но, полагаю, что практическую Атропос ничто не остановит.

— Уж во мне не сомневайся! — крикнула со своего места Атропос.

— А без этих голосов через двадцать лет окончательное решение останется за другими силами — и решит все голос моей внучки Луны!

Сатана молчал. Он замер в кольце пламени, сомкнувшемся вокруг них. Загорелся последний демон — тот, что был Магом. Когда демоническое обличье исчезло в клубах дыма, Ниоба увидела своего сына, который стоял и улыбался ей.

В следующее мгновение Ниоба утонула в огне, закрывшем от нее видение Ада. Однако жара она не почувствовала.

А потом в воздухе прояснилось, Ад исчез, и вместе с ним зрительный зал. Ниоба стояла в замке Марса, откуда

пустилась в диковинное путешествие по лабиринту. Она вернулась в свое физическое тело, ее душа была в целости и сохранности, в роли одного из аспектов Судьбы. А сам Марс улыбался ей совсем как Маг, там в Преисподней.

— Ты справилась! — крикнула Клото и мысленно ее поцеловала.

— Молодец, подружка! — похвалила Атропос.

Ниоба с облегчением рассмеялась:

— Клянусь собственной душой!

Она знала, что впереди ее ждет долгая работа в роли Лахесис, которая доставит ей множество удовольствий.

От автора

В первом романе о воплощениях, посвященном Танатосу, я изучал Смерть как предмет, в манере, которую нечасто встретишь в художественной литературе. Роман пользуется определенной популярностью с коммерческой точки зрения, да и любители моих произведений отнеслись к нему благосклонно. Однако я упоминал в послесловии к этой книге, что, когда я над ней работал, Смерть, казалось, проявляла ко мне особый интерес. Меня это несколько обеспокоило.

На следующий год я написал продолжение, где главным героем был Хронос, и занялся изучением аспектов Времени, на которые не обратили внимания другие писатели. И тогда у меня возникло бесконечное множество проблем, связанных со временем; мне даже пришлось вести отчаянную борьбу, чтобы закончить роман тогда, когда я намеревался. Я не верю в сверхъестественные силы — считаю их пустыми фантазиями, — однако испытал некоторый ужас, приступив к работе над следующей своей книгой, главной темой которой является Судьба.

Дело сделано, и я представляю вам отчет о том, как обращалась со мной Судьба, пока я работал. Я несколько расширил диапазон, потому что считаю — и надеюсь, что это видно в романе, — будто Судьба есть непрерывно развивающийся гобелен жизни, сотканный из спутанной пряжи действительности. И вот вам мое очередное предупреждение: развлекательная часть книги закончилась, и

авторские записки являются ее анализом. Если вам не интересны размышления неизвестных писателей, не тратьте силы — не читайте дальше; роман не пострадает, если вы этого не сделаете.

Как получилось, что я написал «Клубок»? Ну конечно, я шел самым обычным путем, представил издателю краткое описание идеи, тот заключил со мной контракт, и зимой 1983/84 годов я занялся первыми черновиками третьей книги «Био» для издательства «Эйвон» и третьего романа про воплощения для издательства «Дель Рей». Обычно распределяю свои дела в течение года так, чтобы не нужно было сидеть за машинкой в моем неотапливаемом кабинете зимой, я предпочитаю проводить время у теплой печки и с карандашом в руках делать первые наброски двух романов, а печатать их потом, весной. На самом деле это не ответ, поскольку вопрос носит ограниченный характер. Почему я, известный с 1963 года своими научно-фантастическими романами, взялся за фэнтези? Почему я вообще стал писателем?

Разрешите мне начать с самого начала, ибо истинная дорога, которая привела меня к Ниобе, оказалась настолько трудной, что многие мне и не поверят. Если мои заметки покажутся кому-нибудь слишком личными... Ну, такова моя натура.

Некоторые читатели утверждают, что в моей прозе есть нечто такое, чего не найдешь у других писателей, и хотя мне бы очень хотелось назвать это компетентностью или гениальностью, я не могу так поступить. Есть немало авторов, обладающих всеми названными качествами и добившихся меньшего успеха, чем я. Я считаю себя хорошим писателем, но не великим, и мой успех определяется в не меньшей степени усилиями издателя и его команды, чем моими собственными профессиональными достоинствами. И дело тут не в моей скромности, фальшивой или искренней; это наблюдения, основанные на желании знать истину, какой бы ни была ее природа.

У меня есть то, что другие называют одержимость правдой, которая проявляется в живом любопытстве, уважении к честности и упрямом стремлении к установлению фактов с последующим их разглашением. Такой подход принес мне множество неприятностей в прошлом, но сейчас я пожинаю плоды, потому что мне удалось прибли-

зиться к познанию истинной реальности — а это помогает. Конечно, полное понимание еще не достигнуто, не весь путь пройден; через парочку тысячелетий посмотрим, что у меня получится.

Я подозреваю, что именно личное отношение и отличает мою прозу. Я не довольствуюсь стандартными подходами к созданию сюжета, характеристикам своих героев и стилю, хотя это совсем неплохие правила; мне хочется, чтобы моя проза была живой. Когда я добиваюсь успеха, она начинает жить для меня — и, надеюсь, для моих читателей. Я ощущаю то, что испытывают мои персонажи, и могу в буквальном смысле заплакать, когда им больно. Я испытываю муки, когда заканчиваю роман; естественно, слова остаются, но я уже больше не с ними; роман перестает быть постоянным аспектом моей жизни, а становится лишь именем в списке достижений. Его нить отрезана, а я должен прядь и отмерять следующую. Но пока я внутри, моя вовлеченность остается полной.

Иногда мне снятся мои персонажи. Я люблю Ниобу, я люблю Седрика, я люблю Луну и Орб; они существуют в моей фантазии как живые люди. Глупо беспокоиться о воображаемых людях? Тогда оставьте меня с моей глупостью! В этом мире слишком много бесчувственности и одиночества; нет ничего постыдного в том, что кто-то тревожится о своих персонажах. Действительно, в некоторых аспектах я предпочитаю воображение реальности — и сейчас объясню почему. Однако такой подход приводит к обнажению нервов и вызывает кое у кого раздражение, в том числе и у некоторых писателей. Я оказался более склонным к самоанализу и самовыражению, чем большинство, и потому в авторском послесловии я говорю о личных вещах. Будьте ко мне снисходительны.

Я родился в Англии, Оксфорде, в семье квакеров. Мой отец работал в Комитете дружеских связей в Испании, наблюдал за реализацией программы помощи во время гражданской войны. Как я понимаю, дело касалось продуктов для голодающих детей, которым приходилось хуже всех. Генералы любят говорить о завоеванной территории и понижении военного потенциала врага, но страдают дети, живущие на этих территориях: их дома разрушаются, родители погибают, а еда исчезает. Вот истинный результат войны, когда генералы заканчивают свои игры и начинают

решать новые задачи. Я собираюсь поговорить на эту тему в следующем романе «Мечом Кровавым»; слишком часто кровь детей окрашивает его в красный цвет.

Война в Испании продолжалась с 1936 по 1939 год, предшествуя второй мировой; нацистский режим использовал ее как полигон для испытания новых видов оружия, а потом применил свой опыт так, что остальному миру просто не мог не обратить внимания. Многих людей война в Испании коснулась непосредственно, включая таких крупных писателей, как Эрнест Хемингуэй и Джордж Оруэлл... и меня.

Мой отец был арестован победившим правительством Франко; он исчез, как это часто случается в Латинской Америке, но ему посчастливилось передать записку. Она дошла до моей матери, и, имея на руках доказательства, она сумела заставить власти признать, что мой отец находится в заключении; сначала они, конечно же, это отрицали. Правда становится первой жертвой войны и ее отзвуком. Его согласились отпустить при условии, что он немедленно покинет страну. В этом случае диктатуре не пришлось бы признавать свою ошибку — диктатура никогда не делает ошибок — и удалось бы завладеть запасами продуктов, которые предназначались детям. Вряд ли до детей дошла существенная часть продуктов. Так мы попали в Америку. Вполне возможно, что, если бы отца несправедливо не арестовали, я бы до сих пор жил в Испании и писал там фантастику.

Тогда я не знал всех этих подробностей, хотя ощутил на собственной шкуре их влияние. Я не был в Испании во время войны; мы с сестрой оставались в Англии, о нас заботилась няня — британская девушка, нанятая специально для этой цели по обычаям, который практиковался в Англии еще до начала колонизации Америки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в моих самых ранних воспоминаниях фигурирует Нэнни, чье настоящее имя я так и не узнал.

Потом пришло время и нам с сестрой отправиться в Испанию. К моему огорчению, я узнал, что Нэнни, которую я считал своей матерью или ее эквивалентом, с нами не поедет. За нас теперь отвечали двое других людей, которые оказались нашими родителями. Они предвидели, что, расставшись с ними в столь раннем возрасте, я испытую

боль, и старались держаться как можно дальше; только вот почему-то им не пришло в голову, что я буду страдать, прощаясь со своей любимой Нэнни.

Я не хочу преувеличивать значение этого факта, но всю мою жизнь меня сопровождали воспоминания о том расставании. Так что есть некоторая связь между моим прошлым и разлукой Ниобы с сыном; события моей жизни проникают в творчество, хотя и совсем не в той форме, которую предполагают критики. Подозреваю, что с другими писателями происходит то же самое.

В Испании я постепенно привык в чужом языку и культуре; когда мне исполнилось пять лет, я начал говорить по-испански. У моей сестры было красивое кружевное испанское платье. Я просыпался по утрам и наблюдал за перемещением теней, которые отбрасывала на стену пальмовая ветвь с листьями; я получал колоссальное удовольствие, пытаясь догадаться, какую ветку дальше отведет ветер. Здесь я увидел свой первый мультфильм «Три поросенка». Мои воспоминания об Испании остались более четкими и многонаселенными, чем об Англии, хотя и не такими приятными.

Потом неожиданно мы уехали. О да, вот это было самое настоящее приключение: мы отправились в Португалию, в Лиссабон — я помню комнату в гостинице — и взошли на борт «Экскалибура». Насколько мне известно, это название не имело никакого отношения к моей любви к фантастике, но кто знает, возможно, то был знак. Герцог Виндзорский — бывший король Англии Эдвард VIII — отправлялся на том же корабле в Новый Свет, чтобы занять пост губернатора Багамских островов; я помню, как спускали его машину в Бермудах.

И снова мои воспоминания о том времени носят личный характер, а не исторический: у меня началась морская болезнь, и меня рвало через перила в океан — Атлантика и по сей день остается загрязненной. В море, 6 августа 1940 года, мне исполнилось шесть лет. У шеф-повара не было сахара — шла война, — поэтому мне сделали пирожное из оливок, с красивыми льдинками и свечами. Какой сюрприз нас ждал, когда мы его разрезали! Сегодня — ирония судьбы — когда я в состоянии позволить себе настоящее пирожное, я не могу его съесть из-за диабета. Мне кажется, мои дочери немного мне завидуют; они съели

множество пирожных, но никто никогда не утощал их пирожным из опилок. Мне подарили губную гармошку, на которой я часто играл; герцог любил музыку. С тех пор мне всегда нравилось, когда кто-нибудь играл на губной гармошке; это нашло отражение в моем сериале о «Знатоке».

Так я сменил свое место жительства во второй раз, хотя и не в последний. Наша семья постепенно распадалась на части, и в конце концов мои родители развелись. Любой садовник скажет вам, что подрезка корней не вредит растениям; я не могу с этим согласиться. Я не понимал проблемы, хотя теперь, когда я оглядываюсь назад, многое становится мне ясным. Я не чувствовал уверенности: и близкие мне люди, и места вокруг постоянно менялись. Днем все было в порядке, но темнота приносила кошмары. Я лежал в постели с открытыми глазами, и только слабый свет ночника защищал меня оточных чудовищ.

Если бы меня попросили назвать моего ближайшего знакомца в те годы, я ответил бы: Страх. Я испытывал его чаще, чем можно себе представить. Я начал мочиться в постель, и это продолжалось довольно долго, несмотря на попытки моих близких пристыдить, вылечить или наказать меня. Только когда мне исполнилось десять лет, все прошло. Я помню, как в первом классе, когда я учился в школе-интернате, старшие мальчики показали всем мою мокрую простыню. Впрочем, меня это не особенно задело; унижения не страшны, если ты все равно находишься в Аду.

Моя семья переехала еще раз, и еще; мне пришлось поменять пять школ, я три года учился в первом классе. Я научился драться, потому что другого выхода у меня не было; однако никак не мог освоить чтение, да и в математике не был силен. Наверное, поэтому я стал инструктором по математике в Армии Соединенных Штатов и преподавателем английского и профессиональным писателем в мирной жизни.

Так в муках проходило мое детство — в результате у меня начала трястись голова и руки, я принял считать все подряд. Подозреваю, что все тесты показывали неполноту моего интеллекта. Мой физический рост замедлился, а потом и вовсе прекратился; я стал самым малень-

ким в своем классе и среди мальчиков, и среди девочек. У меня почти ежедневно болел живот, а каждые несколько месяцев боли становились такими сильными, что я не мог подняться с постели. Только когда в возрасте сорока семи лет у меня вышел почечный камень, я испытал более сильную боль.

Находиться с другими людьми, которые издевались надо мной морально и физически, было ужасно. Хуже этого было лишь одиночество. Я воображал, что все происходящее со мной — бесконечный кошмарный сон, который когда-нибудь кончится, и я проснусь в Англии, счастливой стране. Но время шло, и ничего не менялось. Постепенно я смирился с тем, что останусь в Америке. Я сохранил интерес к Аду, как вы видите из данного романа. Когда я лежал мокрым и дрожал в постели в Новой Англии, с такими замерзшими ногами, что они казались горячими, я решил, что в Аду жарко — и больше не боялся туда попасть.

Хотя я о многом не сказал, надеюсь, я достаточно ясно дал понять, что мое детство было далеко не совершенным и что страна воображения обещала мне куда больше, чем реальность. Видимо, именно отсюда и берет начало моя любовь к писательству. Ведь воображаемые миры можно организовать так, чтобы они полностью отвечали моим нуждам!.. Пока я работал над этим романом, по радио часто передавали популярную песню, из которой я запомнил одну строку: «Моя мечта настоящая; а реальность вранье». О да!

Наконец я открыл для себя мир книг, постепенно перешел от полного отрицания к полному принятию печатного слова. Я вдруг проник в «Монастырь и очаг» Чарльза Рида, романа о средних веках, написанного в 1869 году, длиной приблизительно в триста тысяч слов. Прошло несколько месяцев, пока я добрался до конца, но каждая фраза была прочитана мной самым внимательным образом. Я жил в этом мире и был безутешен, когда книга кончилась. Позднее я начал читать фэнтези и научную фантастику, благодаря которым мог отправляться в самые разные миры. Я читал медленно — я и по сей день читаю очень медленно, — но глубоко погружался в иную действительность и забывал об окружающем мире. На печатных страницах мне открывалась новая вселенная, страшно раздражая окружающих, считавших меня извращенцем. Но я нуждался в иных

вселенных; в некотором смысле я обязан им тем, что сумел сохранить рассудок — книги помогали мне переносить тяготы реального мира. Мне не находилось места в реальной жизни; фантастика снабдила меня якорем, позволила удержаться на поверхности. Так что я не мог не стать тем, кем стал. Пирс Энтони — моя сила; это псевдоним, но с ним сопряжено гораздо больше реальности, чем с настоящим именем. Я всегда был и остаюсь ничтожеством в реальном мире, зато в фантастике я фигура, с которой приходится считаться.

Наверное, есть ирония в том, что мое земное существование постоянно улучшалось с того момента, как закончилась моя юность, и сейчас по любым стандартам его можно назвать хорошим. Я женат уже более четверти века, у меня две умные и здоровые дочери, приятный образ жизни. Конечно, многое является следствием моих успехов в литературе, но за свои фантастические усилия я получаю вполне реальные деньги.

Впрочем, даже постоянно улучшаясь, жизнь иногда преподносит сюрпризы. Я рассказал о причинах, побудивших меня к писательскому труду; кроме того, в этой области необходимы ум, творческие способности, упорство и удача. Однако больше всего мне помогла стать писателем обезьяня лапа.

«Обезьяня лапа» — знаменитый рассказ В. В. Якобса, в котором супружеской паре обещают — на обезьяней лапе — исполнение трех желаний, но каждое из них исполняется в таком виде, что все оказывается ужасным. Они попросили денег — и их сын был убит, а они получили компенсацию. Они пожелали, чтобы он стал живым — и он превратился в зомби. В результате они пожелали, чтобы сын снова умер, и остались ни с чем.

Ну, земной мир дал мне жену, но я хотел большего; я хотел стать удачливым писателем. Это было совершенно нереальное желание; только один из сотни новичков видит свои труды напечатанными. Однако в течение восьми лет я не оставлял попыток. На четвертом месяце первой беременности у моей жены был выкидыш, что привело не только к личному горю. Я лишился брони, поэтому, когда еще не закончился первый год нашей супружеской жизни, мне пришлось уйти в армию. Нашего второго ребенка мы потеряли на пятом месяце беременности, как раз в тот момент, когда я отказался подписаться на государствен-

ные облигации (насколько я помню, тогда платили 2,5% головых), из-за чего лишился должности инструктора и был переведен на прополку и аналогичные работы, а кроме того, мне отказали в повышении по службе. Примерно тогда же я стал американским гражданином; на заключительной церемонии в суде присутствовали сорок девять жен военных и я. Это событие даже показывали по телевидению в Оклахоме; не так уж часто можно увидеть рядового американской армии, получившего гражданство. А еще в журнал, редактором которого работал Деймон Найт, был принят мой первый научно-фантастический рассказ. Впрочем, журнал закрылся, я не получил денег, а рассказ так и не успели опубликовать.

Наш третий ребенок — уже когда я вернулся к гражданской жизни — родился на шестом месяце беременности, прожил один час и умер в день, когда я потерял выгодную работу в электронной компании, а врач сказал мне, что таинственное утомление, от которого я страдал, целиком и полностью вызвано моими собственными измышлениями. Всего один день в мае 1962 года — и большая часть реального мира оказалась для меня потерянной. Создавалось впечатление, что у нас никогда не будет собственных детей, моя способность зарабатывать деньги была поставлена под сомнение, мое здоровье тоже оставляло желать лучшего, потому что я знал, что проблема, с которой я столкнулся, не носит воображаемого характера. События происходили за десять лет до того, как у меня обнаружили диабет; в промежутке мне много раз говорили, что у меня не все в порядке с головой. Я не щучу — откровенно говоря, мне было совсем не до щуток в то время. Одна компания попыталась вдвое поднять мой страховой взнос; в свое время я сам продавал страховки, поэтому знаю, что так поступать совершенно неэтично, если не противозаконно.

Итак, мы потеряли троих детей, и каждая потеря ассоциировалась с драматическими и негативными событиями в нашей семейной жизни. Но после того дня в мае мы решили изменить образ жизни. Моя жена отправилась на работу, чтобы обеспечить мне возможность стать писателем — то есть посвящать этому все свое время. В том же году ко мне пришел первый успех: я продал два рассказа. Моя карьера писателя началась — но я бы лишился этого шанса, если бы один из троих наших детей остался в

живых. Обезьяня лапа. Я никогда бы не стал приносить в жертву детей и пошел бы на все, чтобы их спасти, однако их гибель позволила мне осуществить свои амбиции. Так я стал писателем. Вследствие дьявольских и часто злых махинаций Судьбы мое желание наконец смогло осуществиться. Подобные вещи также нашли отражение в этом романе.

Итак, я стал писателем. Но даже и тогда дьявольский маршрут таил в себе неожиданности. Я не мог обеспечить семью за счет гонораров, полученных за рассказы: расценки были слишком низкими, а редакторы — непостоянны-ми. Поэтому мне пришлось перейти на романы, а это было совсем не просто, потому что малая форма получалась у меня гораздо легче. Так шло до тех пор, пока я не продал пятый роман — «Макроскоп». На самом деле это был мой девятый роман, и его отвергли пять издателей, потому что книжные редакторы тоже склонны к непостоянству. С тех пор я полюбил романы и больше не писал рассказов; на сегодняшний день я опубликовал романов больше, чем рассказов — довольно редкий случай.

Затем у меня возникли проблемы на Парнасе: издатель получил деньги за дополнительные права на мои романы, но не сообщал об этом мне и не платил мою долю. Я написал частное письмо с протестом — и попал в черный список. Тогда я обратился в писательскую организацию — а они отправили мое письмо к издателю и посоветовали впредь действовать поосторожнее, чтобы не быть обвиненным в клевете.

Возникли и другие осложнения... В результате я нанял адвоката, получил большую часть своих денег, расстался с несколькими издателями и с отвращением вышел из писательской организации, которая явно потворствовала мошенничеству. Я имел все права на те деньги, а бесчестность коллег вызвала у меня возмущение. После этого мне пришлось пережить нелегкие времена; мои успехи сошли на нет, многие писатели, которые начинали одновременно со мной, постоянно печатались, у меня накопилось восемь неопубликованных романов, мое имя было вычеркнуто из всех списков претендентов на призы. Парнас оказался таким же жестоким к тем, кто отстаивает свои права, как армия США — а Сатана улыбался.

Но я потерял не всех издателей. Мне удалось выжить, хотя доходы от моего творчества были невелики. Жена про-

должала работать. Один писатель научил меня продавать романы, предлагая издателю план еще не написанного произведения; теперь, вместо того чтобы пытаться продать готовый роман, я писал то, что уже было продано. Изменение подхода сразу привело к тому, что мои доходы утроились. Между тем издательства переходили из одних рук в другие, кое-кто из тех, кто занес меня в черный список, попросту исчез. Открылись новые возможности. Не могу сказать, что система переменила ко мне свое отношение; Парнас, как и диктаторы, никогда не признает собственных ошибок. Главная причина заключалась в том, что я не сдавался, к тому же у меня появился агент, который оказывал существенную помощь. Издателю гораздо труднее занести в черный список агента, потому что он представляет нескольких писателей, часть из которых имеет большое влияние. Мое положение улучшилось.

Два моих редактора, которые занимались рассказами, перешли на романы: Лестер и Джуди-Линн дель Рей. Их по-прежнему интересовала моя работа. Однако возникла дополнительная проблема: я писал научную фантастику для издательства «Эйвон», которое всегда хорошо со мной обращалось, поэтому они имели право «первой ночи», иными словами, всякий новый роман я должен был сначала показать им.

Поэтому я решил перейти на жанр, которым раньше практически не занимался: фэнтези. Это был чисто тактический шаг, направленный на то, чтобы выйти на новый рынок. «Эйвон» благородно согласился, с условием, что, если дель Рею не понравится моя вещь, они получат право на публикацию. Но Лестер одобрил мою работу — так появилось «Заклинание для хамелеона». Роман имел ряд недостатков, как в общем плане, так и в непосредственном исполнении, однако Лестер оказался замечательным редактором, и общение с ним было для меня исключительно полезным. Такие случаи очень редки на Парнасе. Я внес исправления в роман, и он вышел в свет.

Моя удача не кончилась: Джуди-Линн оказалась администратором, который знает, что делает; подобные корифеи встречаются не часто. Она мастерски проводила рекламную кампанию, а от этого очень многое зависит. «Заклинание» разошлось как по волшебству. Роман получил приз имени Дерлете по разделу фэнтези в Англии — до них, видимо, не дошла моя дурная слава. У ведущей

американской газеты, которая занималась фантастикой, неожиданно случился приступ амнезии, и она забыла опубликовать списки лауреатов дерлотовской премии; как и следовало ожидать, «Заклинание» не получило ни одного американского приза. Однако роман прекрасно продавался, а серия «Ксанф», которую он начал, имеет немало поклонников.

Таким образом, я понял, что люблю фэнтези. Конечно, как читатель я был ее верным поклонником всегда; но как писателя этот жанр меня не привлекал. Теперь я обнаружил, что писать такие книжки легко и приятно, да и читателям нравится.

В те времена фэнтези была на подъеме, во многом благодаря стараниям дель Рея, и я очень вовремя оказался в нужном месте — прилив поднял меня на вершину, хотя я сам на это совсем не рассчитывал. Случай помог мне — или, если вам так больше нравится, Судьба. Ну а уж оказавшись наверху, я постарался использовать все выгоды своего положения. Так, в результате дьявольских козней и случайных совпадений, началась моя карьера в фэнтези.

Мои доходы еще раз утроились... и еще утроились. Успех превзошел все ожидания. Реальность оказалась более привлекательной, чем сулило воображение. За одной серией следовала другая. В результате и был написан этот роман — «Клубок». Я бы не стал выбирать такой путь, но он привел меня именно сюда. Тем, кто говорит, что хотел бы писать фэнтези так, как я, задам вопрос: в самом деле? Тогда идите и найдите свою собственную обезьяную лапу.

Реальность проникает в мои вымыслы, хочу я того или нет. Я мог бы привести множество примеров такого рода для данного романа, но боюсь, что эти подробности могут вас утомить, а потому расскажу только об одном случае.

Критики не сумели заметить в моих романах несколько повторяющихся тем — в частности, мои попытки свести воедино город (научная фантастика) и природу (фэнтези). Это объясняется личными причинами, о которых я расскажу как-нибудь в другой раз; в мою задачу входит не только желание развлечь, хотя я прекрасно понимаю, что чистота ивлекательность замысла играют важнейшую роль в беллетристике. Обычно я пишу более чем на одном уровне. Верхний уровень напоминает сознательную пси-

хическую деятельность и имеет дело с непосредственными проблемами; читатель может с удовольствием проглотить книгу, совершенно не напрягаясь. Нижний уровень связан с символами, чувствами и смыслом; здесь я выражаю свое отношение к миру для тех, кого оно интересует. Насколько мне известно, ни один критик никогда не уловил этот уровень моего творчества, но многие читатели его воспринимают — именно для них я и пишу.

Одна из главных тем связана с музыкой. Я верю, что человек отличается от животного прежде всего тем, что способен понимать искусство — а музыка один из его аспектов. Я верю в могущество музыки, как верю в могущество нашего мира. В критических местах моих произведений вы найдете музыку, и так повелось с самого первого моего романа — «Хтона», где речь идет о поисках испорченной песни и о попытках восстановить ее; в «Макроскопе» музыка является ключом к тайнам мира. Душа моего чувства лежит в песне. Я пытался назвать конкретную песню, которую я имел в виду, потому что хотел, чтобы читатель тоже услышал эту музыку и пережил аналогичные чувства. Вы видели это в «Коне бледном» в сцене гимна, намек на нее есть в «Песочных Часах», когда Орлин совершает самоубийство возле рояля. (Вы обратили внимание, что у Орлина волосы цвета меда, как у Ниобы? Неужели вы думаете, что это совпадение?) Вы увидите это в «Мече Кровавом», когда заика учится петь, и особенно в «Зеленой Матери», когда Гея поет вместе с Сатаной — и влюбляется в него.

И, конечно же, вы видите музыку здесь. Песня, с которой начинается «Клубок», не названа в тексте. Это «Хорошенький мальчик», у меня есть пластинка, где эту песню исполняет ирландская красавица Мэри О'Хара. В ней рассказывается история, которую я поведал вам в первых трех главах, о романтической любви между молодой женщиной и хорошеньким мальчиком; дело заканчивается трагически. Конечно, я ее немного приукрасил, но, если вам понравилась моя история, наверное, понравится и песня. Не знаю, можно ли сейчас найти эту пластинку. Она называется «Песни Ирландии», выпущена в Лондоне; я купил ее в Нью-Йорке в 1959 году.

«Пастушеская песнь» имеет свою собственную историю: «Стань жить со мной, любовью стань...» В курсе

Исаака Уолтона, датированном 1653 годом, представлены две песни, обе они использованы здесь. На самом деле первая из них рождена Кристофером Марло в шестнадцатом веке. Как стихи слова не представляют собой ничего особенного, но положенные на музыку производят совсем другое впечатление. Редко когда встретишь любовную песню с более трогательной мольбой — или таким быстрым ответом.

О другой песне можно рассказать историю посвежее. «Болотный вальс». Я интересуюсь природой, что заметно по моим книгам, даже больше, чем музыкой. Пару лет назад одна из учительниц моей дочери Пенни, которая выезжала с ней за город, зашла к нам в гости и увидела лошадь Пенни, также появлявшуюся в разных видах на страницах моих книг. Учительницу звали Джилл Дарбо. Этой зимой она прислала Пенни кассету «Песни водяного мира».

Оказалось, что Джилл Дарбо вместе с четырьмя мальчиками из летнего лагеря организовала группу, которую они назвали «Экотон*», и записала целый альбом песен, посвященных проблемам окружающей среды. Это смешанная группа; Джилл Дарбо белая, а Майк Карей, Майк Кинсли, Шон Мартинес и Эндрю Рок — чернокожие. (Я поддерживаю подобные вещи, как вы, несомненно, поняли из моего романа.) Однажды утром, когда я читал газету за завтраком, Пенни надела мне на голову наушники и включила магнитофон. На меня это произвело впечатление; они сочинили хорошие песни, непохожие на «Сорок лучших хитов», но очень приятные и призывающие беречь природу — а подобные идеи мне близки.

Поэтому я использовал одну из песен здесь, в «Клубке», воспользовавшись их любезным разрешением, а всякому, кто хотел бы получить оригинальную кассету, следует связаться с Джилл Дарбо. Мои упоминания о «Болотном вальсе» носят характер анахронизма, поскольку в 1915 году песня еще не была написана. Впрочем, Хронос мог ее услышать и отнести назад. Не будем забывать — это фантезии, нас не слишком беспокоят анахронизмы.

Между тем, пока я работал над романом, Судьба вмешивалась в мою жизнь множество раз. Всякое случалось — и серьезное, и мелочи, и приятное, и не очень. Я купил еще

* Пограничное сообщество (биол.).

одну кассету «Песен водяного мира» и послал ее в одну экологическую организацию, пожизненным членом которой являюсь, предложив осуществить национальную публикацию, чтобы с ней могли познакомиться и другие члены организации, которым нравится позитивный подход к проблемам окружающей среды. Мне так и не ответили — с тем же успехом я мог бы выбросить кассету в Пустоту. Зато через некоторое время прислали три разных анкеты с предложением сделать пожертвования. Поскольку теперь я знал, как они отвечают на письма, мне на ум пришло Золотое Правило, и я не стал отвечать.

Я купил несколько акустических устройств, предназначенные для отпугивания комаров и мух — их реклама постоянно попадается мне на глаза. Я не люблю причинять вред насекомым, если они меня не кусают, однако не испытываю особой любви к тараканам и блохам, докучающим моим собакам. Так вот, после этой покупки мне пришлось потратить немало времени на то, чтобы получить деньги обратно. Я был вынужден прибегнуть к помощи адвоката и послать толстое письмо в местное бюро по защите прав потребителей — устройства просто отказывались работать. Я даже обратился в газету: знает ли кто-нибудь того, у кого эти замечательные приборы работают? Пока не пришло ни одного отзыва.

Наша собака умерла от старости в тот самый день, когда я получил плакат «Дракона на пьедестале», который использовался на конвенции американских книготорговцев в Далласе — какое грустное совпадение. Теперь этот плакат украшает стену рядом с тем местом, где умерла собака. Этот пес не был моим любимцем, но смерть всегда оказывает на меня воздействие, которое окружающие не в силах понять. Когда-нибудь мне неизбежно придется столкнуться со смертью того, кто имеет для меня гораздо большее значение, чем старая собака, — уж не знаю, как я это переживу.

Я отправился на свою обычную трехмильную пробежку, а вернулся уже по другому адресу; почтовое ведомство поглотило наш научно-фантастический «Звездный путь» и выплюнуло «Пальмовую линию» — к счастью, мы сами назвали свою улицу. В марте 1984 года мы получили уведомление о перемене адреса, где нам советовали предупредить всех наших корреспондентов до конца декабря 1983 года. Очевидно, почтовое ведомство многого ждет от автора, который пишет фэнтези.

Я занялся второй редакцией «Клубка» и установил рекорд — шестьдесят пять тысяч слов за пять дней, несмотря на сильное похолодание, которое заставило меня утеплиться, как в Арктике, и испортить табулятор пишущей машинки. Похоже, осталось только два писателя в нашем жанре, которые все еще пользуются пишущими машинками: один из них — я, а второй — Харлан Эллисон. «Олимпии» больше не производятся, а моей уже исполнилось десять лет и десять миллионов слов, поэтому мне придется перепрыгнуть в компьютерный мир и заказать специальную клавиатуру, чтобы не переучиваться. Всем известно, что компьютер открыл для многих писателей новые горизонты, но я продолжаю писать карандашом и печатать на машинке; технология не может заменить воображение.

Так или иначе, после этих пяти дней мне пришлось потратить три дня, чтобы ответить на сорок с лишним писем. В следующем месяце, когда я пять дней работал над последней редакцией, произошло то же самое; за одни сутки нам доставили с почты сорок семь предметов — пачки с книгами и письма читателей, в том числе одно, в котором меня просили прочитать роман в восемьсот страниц и посоветовать, где его можно опубликовать. Еще там оказалось письмо от издателя с просьбой высказать мнение относительно последней редакции какого-то романа, другой издатель присыпал экземпляр романа, который рецензировал в декабре. Забавно увидеть собственное имя на обложке чужой книги; жаль только, что они не стали исправлять ошибки, на которые я им указал.

Я уже отмечал ранее, что, когда у меня было время читать все книги в нашем жанре, не хватало денег на их покупку; теперь, когда я в состоянии купить любую книгу, не хватает времени даже на то, чтобы просмотреть романы, которые мне прсылают бесплатно. Ирония судьбы!.. Напоминает проблему пирожных, с которой я столкнулся, будучи диабетиком.

Я трижды защемил какой-то нерв на спине во время зарядки, в результате пришлось сделать перерыв на десять дней, пока не прошел радикулит; теперь я решил существенно снизить нагрузки — это поворотный момент в моей жизни. Каждый год перед своим днем рождения я отмечаю уровень, которого мне удалось достигнуть. Когда мне исполнилось сорок девять, я побил все рекорды, но, когда наступило время круглой даты, мне не удалось побить ни

одного. Я прожил две трети своей жизни; во время написания романа течение поменяло свое направление.

Знаете, может получиться, что «Клубок» окажется пятидесятой моей книгой, которая выйдет из печати. Пока я его писал, мне несколько раз звонил мой агент, договариваясь о продаже комплекта из восьми моих старых книг; так что те поклонники, кто изводит меня вопросами о том, где можно достать мой произведения, появившиеся в печати в предыдущие годы, возможно, скоро получат ответ на свой вопрос.

Страдая радикулитом (вспышки боли в совершенно здоровой ноге; на самом деле защемлен позвонок, но тело думает, будто это нога), я просматривал свой комментарий к серии «Дорсай» Гордона Диксона, сделанный год назад, и наткнулся там на имя Эйлин. И в течение нескольких дней страдал от головной боли не менее жесткой, чем та, что вцепилась в мою ногу. В романе Диксона «Солдат, не спрашивай» мы видим, как погибает ни в чем не повинный молодой человек, призванный на войну, которой он не понимает и которая идет на чужой, далекой планете. Он приходит в себя после смертельного ранения ровно настолько, чтобы успеть произнести имя жены, Эйлин, словно надеется, что она придет и исцелит его от невыносимых страданий. Эта сцена потрясла меня; я глубоко сочувствую тем, кто не по собственной воле оказывается далеко от всего, что им дорого и хорошо знакомо, я сочувствую тем, кто с тоской мечтает о возврате того, что никогда не вернется.

Ну хорошо, продолжим. Купили мы видеомагнитофон, подарок моим дочерям, потому что у них гораздо больше, чем у меня, свободного времени, которое они проводят у телевизора. Теперь они смотрят порой такие вещи, которые совершенно не годятся для отцов девочек-подростков. Кроме того, мы приобрели радиотелефон, и мне больше не приходится бросаться из кабинета в дом лишь затем, чтобы услышать, как затихает последний звонок. Моя дочь Пенни наконец получила водительские права; вот так! Одна справилась, дело за второй. Другая моя дочь, Черил, заняла второе место во время устного представления реферата, посвященного сохранению почвы и воды. Подходящая тема, учитывая, что она не раз упоминается в данном романе; я потратил немало времени, помогая Черил, и уверен, что она получила бы первое место, если бы судьи не

оказались мелкими сексистами. Впрочем, вполне может быть, что я в этом вопросе не очень объективен.

В утреннем небе я заметил яркий треугольник из звезд и, покопавшись в книгах по астрономии, выяснил, что это Весы — одно из созвездий Зодиака. Да, примерно тогда же я писал эпизод со взвешиванием монет. Наконец-то мне удалось узнать, что чудесная загадочная мелодия, фрагменты которой я периодически слышал на протяжении нескольких лет, называется «Дочери-близнечи разных матерей». Что снова наводит на мысли о моем последнем романе, где две девочки, похожие, точно близняшки, являются дочерьми двух совершенно разных матерей. Я частенько ищу мелодии точно так же, как и истории; меня нередко преследуют возникающие и исчезающие ноты, заставляя тосковать и мечтать о встрече.

Кроме того, я продолжал искать Идеальную Ракетку для пинг-понга — и, мне кажется, нашел. Она сделана из графита, очень легкая и быстрая. Просто здорово! С этой ракеткой в руках я защищал честь фэнтези на своем первом съезде писателей-фантастов, «Некрономикон», в Тампа, в октябре 1983 года, когда увидели свет сразу три моих романа. Естественно, я взял с собой дочерей; они были в восторге и стали самыми настоящими любительницами этого жанра. На съезде присутствовала одна из моих поклонниц, писавшая мне, но, когда она представилась, я не сумел ее вспомнить. Страшно жаль, что у меня отвратительная память на имена!

Позвонил Букер, издатель «Лучшее 1976—1983 годов», в ответ на мою короткую записку: на одной части моих романов стояло имя Энтони, а на другой — Пирс; кроме того, они забыли упомянуть мой первый бестселлер «Великан, великан», зато назвали мое настоящее имя девять раз подряд. Я предложил им нанять корректора, поскольку их издание стоит сто долларов и является обзором литературы. Они были вежливы, извинились, но по поводу корректора разговаривать не пожелали. Еще со мной связался один мой поклонник из Колорадо и сообщил, что хочет посетить меня; он собирался отправиться в путешествие в группе, состоящей примерно из двадцати школьников, и просил моего совета по поводу того, где они могли бы остановиться, чтобы это получилось не очень дорого. Моя жена сделала несколько телефонных звонков и в конце

концов договорилась, что они смогут бесплатно разбить лагерь в местном парке. Мы с ней отправились переговорить с управляющим парка, сообщили ему, что у группы есть специальное разрешение... а они неожиданно передумали и поехали куда-то в другое место. Однако мой поклонник все-таки меня навестил, и мы отлично провели за разговором несколько часов. Позже он мне написал, что наша встреча была самым замечательным событием его жизни. Ну, должен сказать, что это чересчур великолепно с его стороны — в жизни я самый обычный человек, не достойный таких слов и похвал.

Моей жене удалось найти место, где продавали отличные закрытые книжные полки; теперь мы снимаем мои старые и совсем расшатанные и заменяем их новыми и красивыми. Наконец-то мои книги получат собственное место, которое они давно заслужили. Я храню один экземпляр каждой книги — в мягкой обложке, в переплете, изданной в Британии, Германии, Франции, Японии и так далее; в данный момент их насчитывается около ста пятидесяти томов, и это число постоянно растет.

Весной состоялись выборы, и мне пришлось стать свидетелем того, как самый лучший человек в данном поле деятельности, губернатор штата Флорида Рубен Эскую потерпел поражение в Нью-Гэмпшире. Снова политика оказалась в руках посредственности. Я слышал данные последнего социологического опроса: 96 процентов американцев верят в Бога, из них 90 процентов считают, что Ад и Рай действительно существуют (было бы полнейшим лицемерием думать, что есть один и нет другого); и только 4 процента полагают, что попадут в Ад. Так вот, кое для кого у меня есть интересные новости...

Такова моя жизнь, шаг за шагом. Вы видите, что, когда из нее уходит фантастика, в ней почти не остается ничего интересного. Если вы заснули во время последнего абзаца, я вас понимаю. Пришло время расстаться и с этим романом тоже, что я и делаю со смешанными чувствами. С одной стороны, я доволен, потому что считаю «Клубок» хорошей работой. Мне жаль, что чувства и переживания, которые были со мной, когда я писал роман, остались позади. Я немного беспокоюсь, потому что предвижу все перипетии издания и дальнейшей встречи «Клубка» с читателем. Я уже сейчас испытываю негодование по поводу того, что

станут писать критики о достоинствах и недостатках моего детища и как будут насмехаться над «Авторскими записками». Последний обзор показывает, что чем невежественнее обозреватель, тем более строго он судит представленное произведение; любой профессиональный писатель сказал бы вам то же самое и двадцать лет назад. По правде говоря, Александр Поп поведал нам об этом два с половиной века назад:

Кто знает, неумение писать
В чем больше — в сочиненье,
Или в стремленье поругать?

Впрочем, он сам ответил на свой вопрос:

Пусть учит тот, кто много го достиг,
И критикует тот,
Чей безупречен стих.

Я также немного волнуюсь по поводу потока писем, который вызовут мои «Записки», когда роман выйдет в мягкой обложке. Да, я получаю множество писем по поводу своих «Авторских записок»; иногда читатель не тратит силы на то, чтобы познакомиться с самим романом, его интересует только послесловие. Однажды я получил письмо от человека, который выудил мой роман из помойного ведра, прочел «Записки», написал мне восторженное письмо и (я подозреваю) после этого бросил книгу обратно в мусор. Но «Записки» ему по-настоящему понравились. Что ж, должен сказать, он не зря потратил деньги.

Честно говоря, я стараюсь отвечать на все письма, однако после того, как в прошлом году я написал семьсот два послания — да, у меня болезнь, я просто обожаю все подсчитывать, — на стене уже остаются следы от моего лба; похоже, как и в случае с зарядкой, течение скоро пойдет вспять. Должен заметить, что я не отделяюсь коротенькими записками; я пытаюсь писать вразумительные ответы тем, кто в один миг мечтает стать преуспевающим писателем — если бы я знал, как это сделать, то сэкономил бы целых восемь лет! Другие хотят, чтобы я ответил на длинный список вопросов, необходимых для их исследований, иные пытаются привести меня к истинной вере (я пришел к познанию Иисуса, когда он стал персонажем в «Таро», но не думаю, что это то, чего они хотят), а иногда мне приходится писать тем, кто замышляет самоубий-

ство. И это совсем не шутка; здесь я сталкиваюсь с очень серьезными проблемами. Я не чувствую себя достаточно компетентным, чтобы разговаривать с ними — и все же пытаюсь, потому что эти люди хотят услышать мое мнение, каким бы оно ни было. Я напоминаю себе, что гораздо лучше поддерживать отношения со своими читателями, чем оставаться в эмоциональном одиночестве.

Если Судьба есть сюжет жизни, то чувства должны составлять ее содержание. Быть известным, нужным, любимым — наверное, именно в этом заключается главная проблема нашего общества. Мы видим людей, обращающихся к алкоголю, наркотикам, азартным играм, к сексу — как разнополому, так и однополому, — насилию, культурам, к самоуничтожению, в то время как все это является лишь жалким суррогатом признания, взаимодействия, безопасности и любви, к которым они в действительности стремятся. Какая ужасная ирония, что иные из нас вынуждены искать в фэнтези некое подобие дружбы, которой мы лишены в реальном существовании, и мы не можем даже воскликнуть: «Эйлин!» Мы страдаем самыми разнообразными психозами в безнадежной попытке восполнить недостаток эмоциональной близости, которого сами не осознаем.

Когда я работал над «Клубком», женщина стала жертвой группового изнасилования в баре; после того как насильники были приговорены к тюремному заключению, женщины из этого района провели несколько демонстраций в их защиту. Секс без любви захлестнул все средства массовой информации. Дети в дошкольных учреждениях подвергаются сексуальному насилию со стороны обслуживающего персонала — и говорят, что это далеко не самое страшное. Козни Сатаны, несомненно.

Однако в мире есть еще и радость. Кое-кто находит утешение в религии, эти люди верят, что Господь любит их. Иные — в тесных семейных узах. Вырвавшись из Ада отрицания, я сам обретаю в семье свою долю Рая, хотя шрамы еще не до конца зажили. Я не люблю путешествовать, поскольку еще ребенком обнаружил, что никогда не могу вернуться назад. Я не люблю покидать свою семью, ибо помню, какой хрупкой может она оказаться. Кое-кто считает меня слишком заботливым отцом, но я дал себе клятву, что мои дети никогда не пройдут через так хорошо

известные мне муки; потеряв троих, я знаю, что жизнь не дает никаких гарантий.

Я отвергаю большинство приглашений на съезды, даже если меня зовут в качестве почетного гостя, вовсе не потому, что не люблю людей или боюсь выступать при большом стечении народа — боязнь публичных выступлений, как и писательский блок, я преодолел много лет назад; я всегда чувствую себя прекрасно среди своих поклонников — но больше всего мне нравится быть у себя дома. Надеюсь, прочитав «Записки», те, кто были разочарованы моими редкими появлениеми на публике, поймут, что у меня есть на то серьезные причины. Это один из способов, при помощи которого мне удалось смириться с собственным существованием. Надеюсь, мое творчество поможет другим найти мир в своей душе.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
С запутанным клубком, роман, перевод В. Гольдича и И. Оганесовой	9
От автора	361

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ
Собрание фантастических произведений
С ЗАПУТАННЫМ КЛУБКОМ

Составитель *Д. Смушкович*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *В. Баканов*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Н. Дундина, А. Хиришфелде*

Оператор компьютерной верстки *Н. Аносова*

Оформление и шмүтитулов: *Д. Затравкин*

ЛР № 065224 от 17.06.97.
Подписано в печать 27.Х.97 г. Формат 84×108¹/12.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10000 экз. Заказ № 1558.

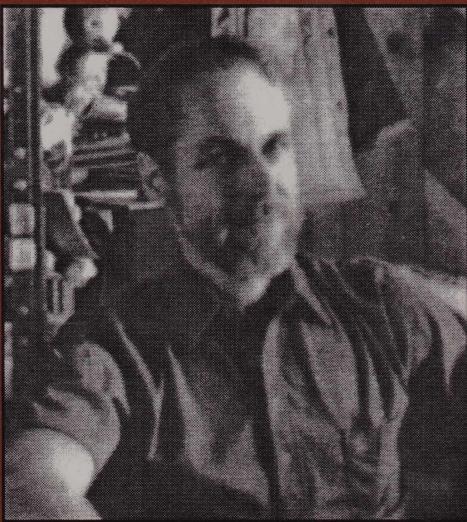
ООО издательство «Поллярис»
101000, Москва, Главпочтamt а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ

С ЗАПУТАННЫМ КЛУБКОМ

Ниобу ждала безоблачная и счастливая жизнь — но козни Сатаны сгубили ее любимого. И тогда она поклялась отомстить. Однако чтобы встать лицом к лицу с Князем Зла, ей придется занять место одной из ипостасей трехликой Судьбы, вечной прядильщицы, имеющей дело с запутанным клубком человеческих жизней...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

с запутанным клубком

МИРЫ ПИРСА ЭНТОНИ